

СССР ФЭНДЭР АКАДЕМИЯНЫ
БАШКОРТОСТАН ФИЛИАЛЫ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺАМ ЭЗЭБИЭТ ИНСТИТУТЫ

**БАШКОРТОСТАН
АРХЕОЛОГИЯНЫ
Һәм
ЭТНОГРАФИЯНЫ**

V

*Н. В. БИКБУЛАТОВ, Р. Ф. КУЗЕЕВ, Н. А. МАЖИТОВ
редакцияһында*

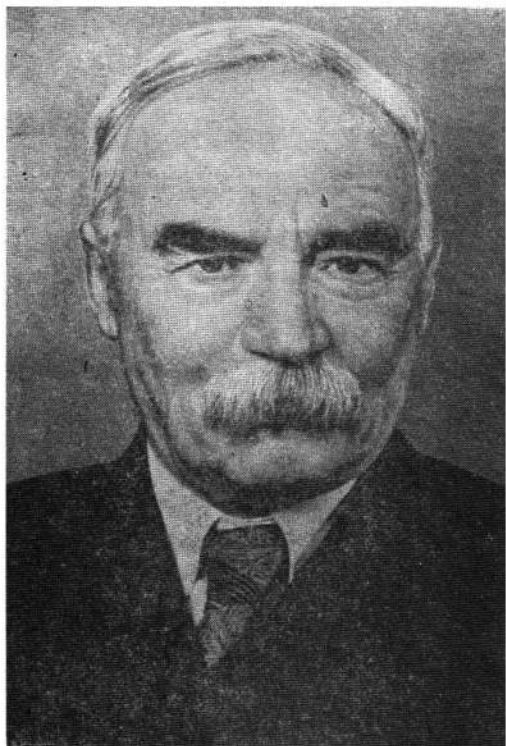
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АРХЕОЛОГИЯ
и
ЭТНОГРАФИЯ
БАШКИРИИ

V

Под редакцией
Н. В. БИКБУЛАТОВА, Р. Г. КУЗЕЕВА, Н. А. МАЖИТОВА

*Посвящается светлой памяти
Сергея Ивановича Руденко*

«АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ», V. Уфа, 1973

Пятый том серийного издания посвящен актуальным вопросам археологии и этнографии Башкирии. В нем публикуются работы сотрудников ИИЯЛ БФАН СССР, а также ученых Башкирского, Куйбышевского университетов, Москвы и Ленинграда.

Раздел «Этнография» содержит работы, в которых представлены результаты изучения истории хозяйства, материальной культуры башкирского и других народов Башкирии. Здесь же публикуются некоторые материалы комплексной экспедиции, организованной АН СССР в 1928 г. по изучению этнографии народов Башкирии.

Археологическая часть тома включает новые исследования по древней истории Южного Урала. В ней значительное место занимает обобщающий труд по этнической истории населения центральной Башкирии середины I тыс. до н. э. и рубежа нашей эры.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, научных работников, студентов исторических факультетов и на всех, интересующихся историей, культурой башкир и краеведением Южного Урала.

ЭТНОГРАФИЯ

Н. В. БИКБУЛАТОВ

РУДЕНКО И БАШКИРСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Ученый редкого таланта и дарований, Сергей Иванович Руденко органически соединял в себе весьма различные, казалось бы не всегда связанные между собой области знания — антропологию и этнографию, археологию и гидрологию — и в каждой из них достиг замечательных результатов. Большое место в его исключительно многогранной и чрезвычайно плодотворной деятельности занимает антропология и этнография башкир.

Культура и быт башкир, формы их хозяйственной деятельности издавна привлекали внимание русской интеллигенции. С одной стороны, оно было обусловлено интересами колониальной политики царизма, стремлением русифицировать аборигенное население колоний, приспосабливать нравы и обычаи, социальные институты «якородцев» к выгодам правящих кругов России. Но демократически настроенные ученые, писатели и публицисты стремились познать народ, его историю, культуру и обычаи, рассказать о нем российскому читателю. Многие из них на протяжении ряда лет жили среди башкир, изучали их язык, хозяйственные и бытовые навыки.

В XIX — начале XX в. были опубликованы десятки книг, научных и публицистических статей о башкирском народе, наиболее правдивые из которых принадлежат перу ученых и писателей-демократов. К числу таких ученых относится и С. И. Руденко.

Родился С. И. Руденко в 1885 г. в г. Харькове. Но детские и юношеские годы его прошли на Урале, уже в это время у него возник интерес к истории, быту и культуре башкир, не покидавший его на протяжении всей жизни. Немало способствовало этому, видимо, то обстоятельство, что отец работал в комиссии по размежеванию башкирских земель и молодому Руденко часто приходилось бывать в башкирских селениях, общаться с населением, наблюдать их жизнь, нравы и обычаи, слушать сказки и предания. В удостоверении, выданном позднее Пермским научно-промышленным музеем, говорится, что Руденко «будучи еще гимназистом, обстоятельно ознакомился с бытом башкир во время своих каникулярных поездок по башкирским волостям четырех уездов Пермской губернии, результатом чего явилась целая серия фотографий башкир и их обстановки, пожертвованных Пермскому музею, а в 1905 г. Руденко в этом же музее сделал подробное сообщение о башкирах Пермской губернии»¹.

Увлечение юношеских лет вскоре переходит в серьезную научную работу. В 1906 и 1907 гг. С. И. Руденко, теперь уже студент Петербургского университета, совершает две поездки в Башкирию с целью сбора коллекций для Этнографического отдела Русского музея². Подробное описание маршрутов его экспедиций и научная оценка собранного вещевого материала содержится в статье С. А. Авижанской и Р. Г. Кузеева³, опубликованной в одном из томов на-

¹ Цитируется по статье: С. А. Авижанская, Р. Г. Кузеев. Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР. — АЭБ, т. I. Уфа, 1962, стр. 344.

² Иные Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ).

³ С. А. Авижанская, Р. Г. Кузеев. Указ. соч.

стоящей серии. Поэтому здесь мы ограничимся лишь кратким изложением результатов его экспедиции.

Первая поездка состоялась в апреле—сентябре 1906 г. Маршрут С. И. Руденко пролегал по башкирским волостям Екатеринбургского, Шадринского и Осинского уездов Пермской губернии (по современным Аргайашскому, Кунашакскому и Каслинскому районам Челябинской области, Бардымскому и Куединскому — Пермской области). В Уфимской губернии обследованным были охвачены селения Шайтан-Кудейской, Гирей-Кипчакской (Стерлитамакский уезд), Кудейской (Златоустовский уезд) и Ирехтинской (Бирский уезд) башкирских дач⁴. Руденко посетил также деревни Катайской, Кубеляк-Телевской, Тамьян-Тангаурской башкирских дач Верхнеуральского уезда, Карагай-Кипчакской и Бурзянской башкирских дач Орского уезда Оренбургской губернии. В результате была собрана коллекция из 205 предметов (153 номера)⁵ — орудия охоты, рыбной ловли, пчеловодства, земледелия и скотоводства, оружие, одежда и украшения, утварь и предметы убранства дома, средства передвижения, модели жилищ, музыкальные инструменты, образцы декоративной резьбы по дереву и т. д.

В 1907 г. сбор материала проводился в Мякотинской (Екатеринбургский уезд), Урман-Кудейской (Уфимский уезд), Катайской (на р. Инзер) и Тамьян-Тангаурской (Верхнеуральский уезд), Бурзянской, Тамьянской и Усерганской (Орский уезд) башкирских дач. Коллекция⁶ этого года включает немногим более 100 номеров и состоит из предметов домашнего обихода и убранства домов, одежды и украшений, упряжи, снаряжения, средств передвижения, ручного ткачества, вышитых изделий. Поражает последовательность и методичность молодого исследователя в сборе материала. Он стремился охватить все области хозяйства, быта, материальной культуры и декоративного творчества народа, учесть различия отдельных этнографических групп. Чтобы приобрести редкий, но необходимый для характеристики традиционных форм культуры и быта народа предмет, ему приходилось преодолевать десятки, а иногда и сотни километров по труднодоступным местам Урала. Случалось, когда нужной вещи не оказывалось или ее по той или иной причине нельзя было приобрести, С. И. Руденко договаривался с жителями изготовить новый экземпляр по традиционному образцу и прислать в музей.

В результате в этнографическом отделе Русского музея появилась самая многочисленная в стране коллекция по башкирам, характеризующая различные стороны жизни этого народа. По словам самого С. И. Руденко, «в этих двух коллекциях довольно хорошо представлена вся Башкирия». Одно из важнейших достоинств его собраний этих лет — добротность научной документации: каждая вещь снабжена подробнейшим описанием и сведениями о времени и месте происхождения (изготовления, приобретения), о применении в хозяйственном и бытовом обиходе.

Одновременно изучалась жизнь и быт народа, структура большой родоплеменной организации, территории расселения и земельные отношения, записывались обычаи и обряды, произведения устнопоэтического творчества и мифологии, делались снимки⁷. Часть собранного фольклорного материала под названием «Сказки и предания башкир» С. И. Руденко публикует в 1908—1909 гг. в одном из парижских серийных изданий⁸. Сюда вошли сказки, генеалогические легенды некоторых родов, мифы.

В 1912 г. С. И. Руденко предпринимает новую поездку в Башкирию. В это время он являлся магистрантом географии и антропологии Петербургского университета. Одной из задач экспедиции был сбор вещного материала и пополнение ранее приобретенных коллекций по башкирам Этнографического отдела Русского музея. Во время этой продолжительной поездки С. И. Руденко впервые побывал в селениях Сарт-Калмакской, Каратабынской, Каратабыно-Барынтабынской башкирских земельных дач Челябинского уезда, в Куваканской и Тунгатарской волостях Троицкого уезда Оренбургской губернии. На юге Башкирии также впервые были обследованы Юрматынская (Стерлитамакский уезд), Кульминская и Слыминская (Белебеев-

⁴ При размежевании башкирских земель особыми комиссиями губерний деревни, имевшие общие земельные наделы, выделялись в отдельные земельные дачи. Обычно в одну земельную дачу входила деревня, связанные в прошлом принадлежностью к одному роду или племени. Нередко границы таких дач совпадали с границами административных волостей.

⁵ ГМЗ, coll. № 1002.

⁶ Там же, coll. №№ 1234, 1265.

⁷ Там же, coll. № 1022.

⁸ S. Roudenko. Traditions et contes Bachkirs.—«Revue de Traditions populaires». Paris, XXIII, № 2—3, 1908, XXIX, № 4—6, 1909.

ский уезд) башкирские дачи. Кроме того, исследователь повторно посетил многие деревни на востоке и юго-востоке Башкирского края — Челябинского, Верхнеуральского, Орского и Уфимского уездов. Приобретенная на этот раз коллекция более чем вдвое превосходила ранее собранную по количеству — 712 номеров⁹. Иногда под одним номером числилось несколько вещей. Всего в коллекции 773 предмета, относящихся к различным сторонам быта и хозяйственной деятельности башкир, но значительную ее часть (около половины) составляют образцы вышивки.

Из приведенного обзора не трудно заметить, что С. И. Руденко собирал материал главным образом в восточной Башкирии. Поэтому в его коллекциях весьма слабо представлены западные и особенно северо-западные этнографические группы башкир. Вне поля зрения исследователя оказались также родоплеменные объединения, расселенные в верховьях р. Уфы и по ее левому притоку Аю на северо-востоке. К сожалению, как уже отмечалось в литературе, в коллекциях С. И. Руденко мало сельскохозяйственных орудий, целых костюмных комплексов по отдельным этнографическим районам; нет и войлочной юрты — характерного для башкир типа переносного жилища. За три экспедиционных сезона С. И. Руденко, естественно, не мог охватить все группы башкир, расселенных на обширнейшей территории, равной по величине владениям крупных европейских государств. К тому же музей мог отпустить на приобретение коллекций весьма скромные суммы и многие дорогостоящие костюмные комплексы и другие вещи были просто недоступны. Нельзя забывать также трудности с транспортной доставкой экспонатов. Поэтому приходится удивляться не отдельным пробелам и упущениям, а тому, что несмотря на эти трудности С. И. Руденко удалось собрать достаточно полный и разнообразный вещевой материал по башкирам. Если мы сегодня в состоянии с полной наглядностью воссоздать по музейным фондам образ жизни башкир рубежа нашего века почти во всем многообразии материальной культуры и декоративно-художественного творчества, то в этом прежде всего заслуга С. И. Руденко.

Чтобы убедиться в справедливости такой оценки, можно прибегнуть к следующему сравнению. С конца прошлого века, не считая некоторых небольших собраний, приобретенных еще в XVIII в., этнографические коллекции по башкирам созданы в музеях Уфы, Оренбурга, Свердловска, Казани, Челябинска, Перми, Саратова и т. д. Имеется интересная и довольно многочисленная коллекция также за пределами страны — в Будапеште. Но ни одна из них не в состоянии в той или иной мере соперничать с коллекциями Государственного музея этнографии, основу и подавляющую часть которых составляют приобретения С. И. Руденко.

Другой задачей экспедиции 1912 г. было антропологическое изучение башкир. Видимо, этим надо объяснить некоторые повторные маршруты поездок. Антропометрические измерения проводились, правда, в очень небольших масштабах, и в 1907 г. Теперь же С. И. Руденко задумал обобщающее монографическое исследование по башкирам, которое бы содержало подробную этнологическую (т. е. антропологическую и этнографическую — по понятиям того времени) характеристику народа, и антропологические изыскания ученого приобретают систематический и массовый характер. В 1913 г. он вновь едет в Башкирию — проводит измерения в районах, которые не были охвачены исследованием в предшествующие годы. Одновременно С. И. Руденко ведет обработку и систематизацию этнографических материалов.

В 1915 г. задуманная монография была закончена. Первая ее часть, посвященная изучению физического типа башкир, в следующем году вышла из печати¹⁰.

Об антропологии башкир писали И. Г. Георги, В. М. Черемшанский, В. М. Флоринский и др. Во второй половине прошлого и в начале нашего века антропометрические исследования вели Н. М. Малнев, С. Сомье, П. С. Назаров, Д. П. Никольский, А. Н. Абрамов и др. По словам С. И. Руденко, изучению физического типа башкир было «посвящено едва ли не более работ, чем значительному большинству других населяющих Россию народностей»¹¹. Но ни один из этих исследователей не располагал достаточным материалом. Данные измерений относились или к одной небольшой группе населения, или охватывали случайно подобранных представителей (например, солдат) разных родоплеменных подразделений. Были различия и в приемах измерений и в обработке результатов. Естественно, что полученные данные не могли дать более или менее достоверного представления об антропологическом облике башкир. В ряде случаев результаты измерений, проведенных разными исследователями, а иногда одними и теми же,

⁹ ГМЭ, coll. № 2881.

¹⁰ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии. ч. I. Физический тип башкир. — Записки Русского географического общества, т. 43, вып. 1. Пгд, 1916.

¹¹ С. И. Руденко. Башкиры, ч. I, стр. 6.

оказались не сопоставимыми. «Поэтому вопрос о физическом типе башкир, казавшийся первоначально столь ясным, — отмечает С. И. Руденко, — с накоплением материалов все более затмевался»¹².

В 1907, 1912 и 1913 гг. С. И. Руденко и его товарищами (в 1912 г. — Б. Г. Крыжановским, 1913 г. — С. М. Петровым) было измерено 1847 башкир — взрослых мужчин. Кроме того, им была использована часть материалов (сопоставимая с измерениями С. И. Руденко) из опубликованных работ Н. М. Малнева, П. С. Назарова, Д. П. Никольского, А. Н. Абрамова. Бралась лишь измерения взрослых мужчин, произведенные по той же методике, которой руководствовался С. И. Руденко, и только тех башкир, родоплеменная принадлежность которых была известна. В итоге исследователь мог пользоваться результатами измерения почти 2300 человек. Для того времени это число было весьма внушительным, и автор с полным основанием мог писать, что «в его распоряжении оказался материал, какого до сих пор не было ни для одной из многочисленных народностей России»¹³.

Дело, однако, не только в количестве. Главное достоинство работы заключалось в том, что измерения охватили, и довольно-таки равномерно, почти все башкирские земельные дачи, которые во многих случаях повторяли былую родоплеменную структуру народа. Располагая таким материалом, С. И. Руденко смог составить общую антропологическую характеристику башкир и, обрабатывая измерения по отдельным группам, выделить локальные антропологические типы.

По антропологическим показателям С. И. Руденко разделил территорию, населенную башкирами, на три области: восточную, юго-западную и северо-западную. Для башкир первой области характерна наиболее интенсивная пигментация глаз и волос, несколько меньшие указатели длины ног относительно к туловищу, круглоголовость, большая относительная ширина носа и лица, несколько оттопыренные уши. Жители второй области, включающей центральные районы и юго-западную часть края, по своим антропологическим признакам мало отличаются от средних, полученных для всех башкир, и занимают срединное (или промежуточное) положение. Башкиры, живущие в третьей области, охватывающей почти всю северную половину территории расселения народа, характеризуются значительной примесью смешанно пигментированных, большей длиной ног, весьма умеренной короткоголовостью, сравнительно узким носом, более узким и удлиненным лицом и менее оттопыренными ушами. В пределах областей, в результате более дробной обработки результатов измерений, С. И. Руденко выделил мелкие территориальные группы — районы и подрайоны, порою различающиеся между собой не менее четко, чем области.

В момент выхода в свет книги С. И. Руденко еще не было научно разработанной расовой классификации народов Евразийского материка. Антропологическое изучение населения земного шара по существу делало лишь первые успехи. Поэтому выводы автора о происхождении башкир по антропологическим данным, о природе и генезисе тех или иных антропологических типов носили еще весьма общий и предварительный характер. С. И. Руденко ограничился тем, что указал на близость восточных башкир к казахам и киргизам, а особенности башкир выделенной им северо-западной области объяснил влиянием тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, в первую очередь — брачными связями с татарами, мишарями и тейтярями. Отсутствие краниологического материала из могильников Башкирии не позволило ему сопоставить результаты измерений с антропологическими особенностями древнего населения края. Нужны были, как не раз отмечал С. И. Руденко, новые антропометрические и краниологические исследования.

Почти одновременно с первой была закончена вторая часть монографии С. И. Руденко. Но в бурные годы революции и гражданской войны она не могла быть издана. Книга увидела свет лишь 9 лет спустя, в 1925 г.¹⁴. Она представляет собой этнографическую характеристику башкир XIX — начала XX в. с охватом всех форм хозяйственной деятельности, быта, материальной и духовной культуры.

В конце XVIII в. и особенно в XIX в. была опубликована обширная этнографическая литература о башкирах: статьи, монографии, путевые очерки, заметки. Достоверностью и разнообразием сведений отличаются среди них путевые записи И. И. Лепехина, П. С. Палласа, работ П. И. Рычкова и И. Г. Георги в XVIII в., труды П. С. Попова, В. М. Черемшанского, Д. П. Ни-

¹² С. И. Руденко. Башкиры, ч. I, стр. 6.

¹³ Там же, стр. 6.

¹⁴ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II. Быт башкир. — Записки Географического общества СССР, т. 43, вып. 2. Л., 1925.

кольского в XIX в. Во второй половине XIX — начале XX в. выделяется целый ряд ученых-просветителей и среди самих башкир, которые занимались сбором и публикацией произведений фольклора, изучением народных обычаев и обрядов. Но ни один автор не имел того обилия материалов о башкирах, которым располагал С. И. Руденко. В основу его монографии легли обширные личные наблюдения во время длительных поездок в Башкирию, охвативших в конечном счете почти все родоплеменные подразделения народа. В его распоряжении был богатый музейный материал, в основном собранный им и достаточно полно отражающий многообразие форм материальной культуры. Кроме того, С. И. Руденко с присущей ему последовательностью изучил и использовал в своей монографии весь имеющийся в то время литературный материал. Вот почему «Башкиры» явились наиболее полным сводом систематизированных научных знаний о башкирах, их физическом и этнокультурном облике.

Описывая занятия башкир — охоту, рыбную ловлю, скотоводство, разведение пчел, земледелие, домашние производства, а также пищу, средства передвижения, типы поселений и жилищ, одежду и украшения, семейный быт и общественные празднества, верования, фольклор и народное изобразительное искусство, С. И. Руденко стремится выявить элементы, общие для всех башкир и характерные только для отдельных групп, определить путем сопоставлений явления самобытные и заимствованные и наметить результаты взаимовлияний башкир с другими этническими общностями в древности и в последующие эпохи. Путем картографирования специфических особенностей быта и культуры автор выделяет на территории расселения башкир три этнографических области, которые в свою очередь расчленяются на районы и подрайоны. Весьма примечательно, что границы областей, выделенных по антропологическим и этнографическим признакам, в значительной степени совпали. Общая результаты своих исследований, С. И. Руденко приходит к выводу о решительном преобладании кочевнических тюркских элементов в культуре башкир, несмотря на многочисленные заимствования из лесного угро-финского мира. Сложившаяся задолго до него гипотеза тюркского происхождения башкир, которой с самого начала противостоила угро-мадьярская теория, в монографии С. И. Руденко обрела прочную научную аргументацию.

Во второй части монографии, так же как и в первой, в культурно-исторических сопоставлениях и выводах об этнокультурных связях народа автору пришлось ограничиться замечаниями и наблюдениями общего характера. И в данном случае мешала слабая изученность этнографии народов, исторически соприкасавшихся с башкирами. Сказалась также трудность всестороннего изучения одним человеком народа со сложной этнической историей, разнообразными хозяйственными навыками и культурно-бытовыми традициями. Вполне понятно, что не все стороны культуры и быта башкир, особенно семейного и общественного быта и духовной культуры, — что и было отмечено в то время в рецензии Н. И. Воробьева¹⁵ — получили в книге достаточно полное освещение. Но в целом и в этнографическом и в антропологическом отношении еще ни один народ нашей многонациональной страны не был исследован с такой основательностью. «Башкиры» С. И. Руденко (ч. II) долгое время оставались некоторым эталоном монографического описания отдельных народов.

Появление второй части «Башкир» совпало с оживлением интереса к этнографическим знаниям в стране, вызванным к жизни победой Октябрьской революции и осуществлением ленинской национальной политики Коммунистической партии. Десятки угнетенных народов России впервые в истории получили свою государственность и встали на путь экономического и культурного возрождения. Вместе с социально-политическими и культурно-бытовыми преобразованиями начинается внимательное изучение исторического прошлого народов, особенностей их языка, быта и культуры.

Такая же картина наблюдалась в Башкирии. Вскоре после создания Башкирской автономной республики организуется «Общество по изучению быта, истории и культуры башкир». В 1922 г. были опубликованы первые два выпуска «Трудов»¹⁶ общества, в которых содержатся обзорные очерки о башкирах и материалы по башкирской истории. В 1925 г. начал выходить периодический печатный орган общества «Башкорт аймағы». К этому времени оно было переименовано в «Общество по изучению Башкирии» и в соответствии с уставом должно было заниматься изучением природных ресурсов и экономики края, а также истории и этнографии всех

¹⁵ «Этнография», 1928, № 1, стр. 134—137.

¹⁶ «Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР», вып. 1. Стерлитамак, 1922 (на башк. яз.); вып. 2. Стерлитамак, 1922.

населяющих его народов. Было осуществлено три выпуска ежегодника общества — «Башкирского краеведческого сборника»¹⁷, в котором, как и в журнале «Башкорт аймагы», наряду со статьями по геологии, метеорологии, флоре и фауне края публиковались материалы по этнографии башкир и других народов республики — русских, чувашей, татар, мари, удмуртов.

Однако для более углубленного и развернутого изучения края не хватало кадров исследователей. И в 1927 г. по ходатайству партийных и советских органов республики организуется Башкирская экспедиция Академии наук СССР, руководителем которой стал С. И. Руденко.

Двадцатые годы — период интенсивнейшей научно-исследовательской, педагогической и организаторской деятельности в жизни С. И. Руденко. В эти годы он ведет большую работу в Этнографическом отделе Русского музея, в Географическом институте и Ленинградском университете, в различных комиссиях Академии наук — по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, по экспедиционным исследованиям. Под его руководством работают экспедиции Академии наук — Казахская, Горноалтайская и др. Несмотря на большую загруженность С. И. Руденко с присущей ему энергией и талантом берется за организацию новой Башкирской экспедиции для комплексного изучения края и его населения. Наряду с почвенными и геоботаническими, геологическими и гидрогеологическими, гидрологическими и метеорологическими, агрономическими и агротехническими изысканиями должны были проводиться также статистико-экономические, антропологические и медико-санитарные, историко-археологические и фольклорно-лингвистические исследования.

В 1928 г. отряды экспедиции выехали в районы Башкирской республики. В работе отрядов принимают участие ученые Москвы, Ленинграда, местные исследователи-краеведы. В их числе видный археолог А. В. Шмидт, Н. К. Дмитриев, впоследствии крупнейший тюрколог страны, автор первой научной грамматики башкирского языка и др. Для ряда участников работа в экспедиции явилась школой, открывшей им путь в науку.

Антропологическим и медико-санитарным отрядами были проведены в 1928 г. сравнительное антропометрическое обследование и исследование групп крови башкирского, мишарского, тейтарского, марийского и удмуртского населения Аргаяшского и Бирского кантонов¹⁸. Антропометрическими измерениями было охвачено 1511 человек.

Отрядом А. В. Шмидта был открыт и частично раскопан ряд памятников древности, в том числе Бахмутинский могильник и городище Кара-абыз, давшие позднее названия целым археологическим культурам Приуралья¹⁹. Фольклористы и лингвисты собирали образцы устно-поэтического творчества и материалы по диалектологии в восточных районах республики.

Животноводческо-полеводческий отряд под руководством А. С. Бежовича исследовал хозяйственные традиции башкир, русских, татар, чувашей, марийцев, украинцев, латышей, белорусов Уфимского, Бирского, Стерлитамакского и Тамьян-Катайского кантонов.

Экспедиция была рассчитана на пять лет. Однако уже в следующем 1929 г. она прекратила свое существование и предпринятые ею большие начинания не были доведены до конца. Предварительные результаты работ многих отрядов и подотрядов были опубликованы в приложениях к журналу «Хозяйство Башкирии» и ежегодных отчетах Академии наук по экспедиционным исследованиям. Значительная часть материалов осталась в ведомственных и семейных архивах.

Публикуемая в настоящем сборнике работа А. С. Бежовича «Этнические особенности земледелия у народов Башкирии» выполнена на основе материалов, собранных в составе Башкирской экспедиции.

В 30—40 годах С. И. Руденко ведет исследования по гидрологии, а с середины 40-х годов возобновляет археологические изыскания, которые увенчались выдающимися открытиями на побережье Берингова моря и на Алтае.

Не прекращая археологических исследований в Сибири, в начале 50-х годов С. И. Руденко перезадаст свою монографию «Башкиры». В 1952 г. он совершает новую экспедиционную поездку в Башкирию, цель которой — ознакомление с теми переменами в быту и культуре народа, которые произошли после Октябрьской революции. Изучается также новая историческая и

¹⁷ Выпуск I — в 1926 г.; 2 — в 1927 г.; 3 и 4 — в 1930 г.

¹⁸ М. С. Асфган, Т. Я. Кузьмина. Результаты исследования групп крови у народностей БАСССР. — «Хозяйство Башкирии», 1929, № 7, приложение; С. Ф. Баронов. Сравнительному изучению народностей БАСССР. — Там же, № 6, приложение.

¹⁹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. — «Хозяйство Башкирии», 1929, № 8—9.

филологическая литература о башкирах, сборники документов, материалы археологических раскопок, музейные коллекции, появившиеся после выхода первого издания монографии. Все это лишний раз рассказывает не только о широте, но и о постоянстве научных интересов исследователя, о его требовательности к себе.

Книга была издана Институтом истории языка и литературы Башкирского филиала АН СССР в 1955 г.³⁰ Основу ее составила вторая часть прежнего издания монографии, но она была дополнена главами «Природа Башкирии», «Вопросы этногенеза», «Общественные отношения, племенные и родовые подразделения», «Краткий исторический очерк».

Основные результаты антропологического изучения башкир, изложенные в первой части монографии, теперь в более развернутом и конкретизированном виде вошли в главу об этногенезе. Существенно были переработаны и дополнены материалом и выводами прежние главы монографии, особенно раздел о народном искусстве. Новым в книге явился специальный очерк о социалистических преобразованиях в жизни башкир. В целом книга стала богаче, цельнее, она полнее отражала достижения комплекса научных дисциплин, разрабатывающих проблемы этнической истории народов.

Впервые на базе широкого круга источников — археологических, документально-исторических, антропологических, этнографических и лингвистических — С. И. Руденко предпринял попытку создать научную схему происхождения башкирского народа и формирования его культуры. Хотя ряд звеньев этой схемы имеет характер лишь рабочей гипотезы, главные, принципиальные положения, выдвинутые С. И. Руденко, легли в основу последующих этногенетических построений. Таковы его положения о сложности этнического и антропологического состава башкир и их культуры, о решающей роли тюркского компонента в формировании этнокультурного облика и языка башкир. Важное значение имеют выделенные им в первом издании книги и уточненные впоследствии этнографические области и районы Башкирии, отражающие территориальные и родоплеменные различия в антропологическом составе, хозяйственных занятиях и культурно-бытовых традициях народа.

К вопросам истории и этнографии башкир С. И. Руденко возвращался и позднее. Его работа о типологии и генезисе кочевых форм скотоводства³¹, вышедшая в 1961 г., написана с широким использованием материалов башкирской этнографии.

Перед смертью ученый готовил к изданию на русском и башкирском языках записанные им в начале века и оставшиеся до сих пор недоступными для массового читателя (хотя и опубликованные еще тогда во Франции) произведения устнопоэтического творчества башкир. Записи эти публикуются в настоящем сборнике.

В советскую эпоху, особенно за последние два десятилетия, в Башкирии выросли кадры ученых. В Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР в 1959 г. создан сектор археологии и этнографии, ставший центром научных исследований в республике по этим направлениям. Исследования по башкирской этнографии и антропологии ведутся в Башкирском и Московском университетах, Музее этнографии народов СССР и других учреждениях. Появились в печати работы о родоплеменных организациях башкир в XVII—XVIII вв., о поселениях и памятниках архитектуры, декоративно-прикладном искусстве, о народной одежде и украшениях, общественном и семейном быте и т. д. Разрабатываются вопросы истории хозяйства башкир, осваивается новый тип историко-этнографических источников — народные генеалогические хроники (шежере). На более прочную базу поставлена разработка проблемы этногенеза башкир. Широко проводятся диалектологические и фольклорные изыскания. Все это дало возможность Отделению истории Академии наук СССР провести в мае 1969 г. специальную научную сессию по этногенезу башкирского народа.

Сегодняшние успехи башкироведения в значительной мере обусловлены многолетней и плодотворной исследовательской деятельностью С. И. Руденко. Он положил начало подлинно научной разработке проблемы этногенеза и этнической истории башкир, дал впервые наиболее полную и объективную характеристику физического типа, образа жизни, материальной и духовной культуры народа. того, что сделано им в области этнографического и антропологического изучения башкир, было бы более чем достаточно для одной жизни. Но башкиры были далеко не единственным объектом его научных изысканий. Широкою известность в стране и за ее преде-

³⁰ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.

³¹ С. И. Руденко. О формах кочевого скотоводства.— «Доклады по этнографии. Отдел этнографии Географического общества СССР», Л., 1961.

лами получили его исследования по эскимосской проблеме и особенно раскопки курганов скифского времени на Алтае. Уникальные по богатству и сохранности находки — древнейшие ковры, декоративные ткани, вооружение, одежда — открыли миру яркую и самобытную культуру скотоводческих племен Горного Алтая, живших в середине и во второй половине I тыс. до н. э. и позволили несколько иначе, чем раньше, взглянуть на социально-политическую и культурную историю восточных пределов нашей страны. Книги С. И. Руденко, написанные на материале этих раскопок, переведены на многие языки мира.

В последний период жизни ученый был занят в основном обобщением и публикацией результатов исследований по проблемам древнего Алтая, но до самого последнего дня не терял связи с Башкирией, был в курсе научной и культурной жизни республики. Впрочем связь эта существовала и в ином, более глубинном плане. Изучая изобразительное искусство, материальную культуру и погребальные обряды древних насельников Горного Алтая, равно как и культуру гуннов, С. И. Руденко находил в них немало черт, перекликающихся с художественными и бытовыми традициями киргизов, казахов, башкир.

С. И. РУДЕНКО

БАШКИРСКИЕ СКАЗКИ И ПОВЕРЬЯ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые сказки и предания башкир записаны мною в 1906 и 1907 гг. главным образом в горной Башкирии и отчасти — в северной. Помимо сказок назидательного характера, они представляют особый интерес, так как вскрывают доисламское мировоззрение этого народа.

Ислам начал проникать к башкирам в X—XI вв., когда арабские купцы и миссионеры, часто посещавшие Великую Булгарию, заходили в страну башкир. В XIV в. ислам уже значительно распространился среди башкир. Укреплению религиозных мусульманских идей особенно способствовал ход исторической жизни башкир и то положение, какое заняла Башкирия после падения Казанского царства, когда она являлась пристанищем беглецов, мечтавших о восстановлении независимого от Москвы мусульманского царства.

Ислам в значительной степени изгладил из памяти башкир их прежнее мировоззрение; вместе с арабской, а затем татарской грамотностью он привнес ряд новых представлений. Все же публикуемые здесь материалы свидетельствуют о наличии у башкир даже в начале XX в. пережитков их древних представлений и мировоззрения, характерных для народов, не приобретенных еще к мировым религиям и не имевших ни сложившихся культов, ни жреческого сословия.

Былые космогонические представления башкир нам недостаточно известны. Знаем только, что небесные светила, солнце и луну башкиры считали существами антропоморфными. В их сказках солнце (*коши*) фигурирует под видом красной водяной девы, а месяц (*ай*) в башкирских сказках, в противоположность солнцу, является существом мужского пола.

Звезды и планеты, по былому представлению башкир, висят в воздухе и прикреплены к небу толстыми железными цепями. Для отдельных звезд и планет у них имеются свои названия. В частности, Млечный Путь они называли *кош юлы*, птичьей дорогой, или *каз юлы* — гусиной дорогой, так как по их былым представлениям ею руководились птицы в своих сезонных перелетах.

Гром и молния происходили по вине верховного божества. Это оно посылало доброго духа наказать злого (*шайтан*): направляло и гоняло тучи, гремящие при столкновении. Оно преследовало и наказывало шайтана кнутом (*сыбырткы*) за то, что тот соблазнял людей и вредил им. На конце его кнута привязаны огневые камешки, которые, срываясь и поражая шайтана, производят молнии.

* Эта работа была подготовлена автором для публикации еще при жизни. Редколлегия выражает признательность сотруднику газеты «Совет Башкортостан» Т. Сагитову, которому С. И. Руденко в свое время вручил рукопись статьи, за представление работы для включения в настоящий сборник.

Оригинальными были представления башкир о смерчах и других воздушных явлениях, как о страшных чудовищах, подобных мифическим змеям. Змею (*ыллан*) вообще башкиры считали существом зловредным, опасным и вместе с тем необыкновенным.

Обыкновенная змея, по былым представлениям башкир, прожив до ста лет, превращалась в *аждаха* — огромная змея (дракон), которая жила в озерах, а иногда — в колодцах. Она пожирала подходящую к озеру на водопой скотину, особенно ягнят. Дожив до 500 и 1000 лет, *аждаха* превращалась в *юха*. *Юха* пожирала людей, особенно девушек, могла принимать образ человека.

Особенно много у башкир было рассказов о *парей* — духах-хозяевах ветров и о *дейей парей* — царе ветров, всесокрушающем вихре. *Парей* жили или в расщелинах скал, где держали на привязи ветры, или на площадках на вершинах гор, совершенно так же, как и сами башкиры. *Парей* имел жен, торжественно праздновал свадьбу, на которую нередко приглашали башкир-музыкантов. Зимой, во время свадьбы *парей*, всегда бывал буран.

Помимо светил и физических явлений природы башкиры в древности одухотворяли все земное. Они полагали, что каждое урочище имеет своего хозяина (*эйя*); отсюда хозяин горы (*тау эйяне*), хозяин пещеры (*тау кыуыи эйяне*), домовый (*йорт эйяне*) и т. п. Вера в этих хозяев-владык побуждала башкир почитать различные горы и пещеры как священные места и делать им приношения.

Помимо духов гор и пещер, верили башкиры еще в духов, живущих в лесах и воде. Лесные духи, лешие назывались *шурале* или *яркмытык*. Являлся леший людям обычно в человеческом виде, но только с одним глазом во лбу и на одной ноге. Так же как и люди, леший занимался охотой, имел жен и детей, его жена и дочери, как правило, отличались замечательной красотой.

Между другими сказаниями о сверхъестественных существах у башкир были еще рассказы про бесенят (*бисура*). Это маленькие желтые человечки в красных рубашках, живущие на полянках в глухих лесах.

Водяные (*һыу эйяне*), по повериям башкир, жили в воде, в озерах очень богато. Вреда людям не делали и они.

В каждом доме имелся свой хозяин (*йорт эйяне*), который жил чаще всего на печке. Зла людям он не делал, но любил шалить, кидался с печи камешками, ездил на лошадях в конюшнях, заплетал им гривы, любил по ночам после всех париться в бане. В этих рассказах о домовом башкиры приписывают ему те функции конюшненного, то банника.

Таким образом, духи, по представлению башкир, жили обществу и жизнь их во всем была подобна людской.

Среди сверхъестественных существ башкирами упоминалась еще *албасты*, которую они представляли в образе женщины с длинными грудями. По ночам она наваливалась на спящих, кладя им в рот свою грудь, и давила их.

Понятие о двойственности человеческой природы и самостоятельном существовании души (*йән*) и тела выражается вполне определенно в некоторых сказках. По убеждению башкир, как только человек засыпал, душа оставляла тело и свободно странствовала: все, что она видела и делала, башкир, проснувшись, хотя и называл сном, но глубоко верил в его реальность.

Спящих башкиры никогда не будили быстро, сразу; сначала спящего окликали по имени, потом произносили его имя громче и затем уже начинали будить энергично. Считалось, что сразу будить спящего нельзя, ибо душа его в настоящий момент может быть далеко, не успеет вернуться в тело пробужденного, и он может немедленно умереть.

Душа умершего нередко оставалась жить на земле среди людей, принимая своеобразный вид. Называлась она *убыр* или *маскай*. Превращение души в *убыр* могло происходить еще при жизни человека. Во всех *сихырсы* (колдунах) вместо души, которую они продали шайтану за свои познания, была *убыр*, о чем можно было узнать еще при их жизни, так как они ели иногда сырое мясо.

По одной версии, человека, у которого вместо души был *убыр*, можно было одолеть, только запуская руку под мышку, где у него была дыра, и вынув сердце. По другим версиям, дыра под мышкой имелась у *шурале*, *аждаха* и *шайтана*.

Сихырсы не имели непосредственного сношения с духами, но могли причинять вред людям и принести им пользу посредством наговоров, напусков по ветру, корневых растений. Башкиры опасались их, но в случае болезни обращались к ним за помощью и получали лечебные корни.

Встречались и так называемые бесогонители — *шайтан кыраза*.

I НАКАЗАННАЯ СКУПОСТЬ*

Было двое друзей; один из них не был богат, но очень гостеприимен.

Случалось, что он, зарезав овцу для своего друга, предлагал ему все, что имел.

Другой был очень богат, но к тому же очень скуп. Богатый часто бывал у бедного, но не приглашал к себе.

«Ладно,— подумал бедняк.— Я пойду к нему и без приглашения».

Он подошел к дому своего друга, посмотрел в окно и увидел: его друг сидит на скамейке и занят начинкой *казы* (конской колбасы), а на скамейке возле нее лежит голова быка. Его жена собирает в кучу и месит тесто для *халмы* (лапши), а сбоку от нее находится ошипанный *торна* (журавль).

Гость постучал в окошко, помахал свесей нагайкэй и вскрикнул: «Эй, хозяин у себя?»

Богач подскочил, положил колбасы под лавку, а голову бычка на печку, а его жена, прежде чем бросить журавля в кадку, села на тесто для лапши.

Затем хозяин открыл дверь, пригласил гостя войти и они стали беседовать.

Между тем он ничего не предложил гостю.

«Нет ли у тебя каких-нибудь повостей, мой друг? — спросил богач.— Не слышал ли ты чего-нибудь?»

«Да! — отвечал бедняк.— Я кое-что тебе расскажу. Когда я ехал к тебе, я увидел на дороге змею, очень большую и толстую, такую толстую, как колбасы под твоей скамейкой. Я слез со своей лошади и поднял камень, такой же большой, как голова быка, которая спрятана на печке, и я бросил его на змею, которая стала такой плоской, как тесто для лапши, на котором сидит твоя жена. И если я не прав, ты можешь меня ошипать, как того журавля, который спрятан в кадке».

Хозяин увидел, что его гость знает все и что ему ничего более не остается, как хорошо угостить друга.

Бедняк гостил у богача день или два.

Как-то хозяин захотел поесть немного масла. Но он не хотел давать его своему гостю. И как только гость лег спать, хозяин пошел в погреб, чтобы поискать масла.

Гость это заметил, взял нагайку и пошел за хозяином. Как только последний зашел в погреб, он схватил хозяина за ворот и принялся его бить. Хозяин закричал: «Это я, хозяин». «Я прошу у тебя прощения,— сказал гость.— Я думал, что это вор. Я не думал, что ты ночью воруюшь свое собственное масло».

Хозяин этого больше не делал и решил отомстить своему гостю.

Он пошел к своей жене и сказал ей: «Слушай, этой ночью я заколю его лошадь вилами и скажу ему, что его лошадь сама напоролась на вилы».

Гость слышал и вечером пошел напоить свою лошадь. Его лошадь была гнедой, с белым пятном на лбу. Гость замазал это пятно навозом, а на лбу лошади хозяина он сделал мелом белое пятно.

На следующее утро, как только гость проснулся, хозяин сказал ему: «Произошло несчастье, мой друг, твоя лошадь этой ночью наткнулась на вилы и издохла!»

«Хорошо,— ответил гость,— если белое пятно этой лошади замазано навозом, это моя лошадь, но если это пятно сделано мелом, то это не моя лошадь».

Хозяин пошел проверить и увидел, что убитая его собственная лошадь.

«Хорошо! До свидания, мой друг,— сказал гость,— время мне уже возвращаться домой. Я очень тебе благодарен за твое гостеприимство».

Так богатый был наказан за свою скупость и опозорен в глазах всех.

(Кыпчаки)

II ХИТРЫЙ СТАРИК

Старик башкир женился на молодой девушке, но вскоре молодая женщина полюбила молодого башкира. Старик это заметил и отправился к своей старой соседке и попросил посоветовать, как выйти из создавшегося положения.

* При всех сообщениях указывается название башкирского рода, в котором оно было записано.

«Прежде всего,— сказала старушка,— в нашем лесу есть поляна, на краю которой растет старая сосна с обширным дуплом. Это туда ходит твоя молодая жена советоваться с одним *сихырсы* (колдуном). Ты спрячься в дупле и поговори, как если бы ты был другим *сихырсы*. «Хорошо»,— сказал старик и решил отправиться туда.

Через два дня молодая женщина пришла к старой соседке и спросила ее, как бы случайно, не видела ли она ее курицу?

Затем они говорили о разных посторонних вещах, и старушка сказала ей: «Мне кажется, что тебе очень трудно жить со стариком, и я могу дать тебе совет, чтобы ты могла избавиться от него». Молодая женщина обрадовалась и спросила ее совета.

«Иди,— сказала старушка,— до большой поляны, которая находится посреди леса; там ты увидишь большую дуплистую сосну, в этом дупле находится один старик. Ты спроси его, что тебе делать».

Некоторое время спустя молодая женщина отпросилась у старика, оставив его, пойти со своими подругами собирать землянику. «Хорошо,— сказал старик,— если у тебя есть подруги, иди с ними».

Он же побежал в лес более коротким путем, забрался в дупло и стал ждать. Через некоторое время туда же пришла и молодая женщина и спросила у *сихырсы*, как ей избавиться от своего старика.

«Угощай,— сказал ей *сихырсы*,— твоего старика сколько сможешь, давай ему сливки, масло и тому подобное. От этого угощения он постепенно делается глухим и слепым».

Молодая женщина его поблагодарила, собрала землянику, продала ее торговцу, купила журавля и отправилась ухаживать за стариком и хорошо его угощать. Несмотря на это старик слабел и мало-помалу глух и слеп. Наконец, он более не отвечал на вопросы, как бы не слышал.

Когда молодая женщина убедилась, что ее старик сделался вполне глухим и ослеп, она пригласила молодого башкира придти к ней в избу.

Старик лежал на печи и вместе с ним его сын четырех лет.

Увидев друга своей жены, старик говорит своему сыну: «Я скоро умру, мой сын, дай мне мое ружье. Я научу тебя стрелять».

Он взял ружье и зарядил его и сказал сыну: «Ты понял, как оно заряжается»,— затем он надел пистон. «Мое дитя, теперь посмотрим»,— и застрелил друга своей жены. «Теперь, мой сын, ружье готово к выстрелу».

Молодая женщина испугалась и утащила своего друга в лес. Там она посадила его на улей. Той же ночью владылец этого улья пошел посмотреть, кто ворует его мед, и увидел человека, сидящего на улье. Он несколько раз окликнул его, но тот оставался безмолвным. Затем башкир вскинул свое ружье и выстрелил. Человек упал мертвым. Башкир испугался и оттащил мертвого к озеру, где положил его на плот.

В это же утро охотник подстерегал там уток. Он увидел плот с человеком, который направился к этим уткам. Охотник крикнул человеку, чтобы тот остановился и не приближался слишком близко к уткам.

Но плот приблизился к уткам—и они улетели. Охотник разгневался и выстрелил в человека.

И вот случилось так, что один и тот же человек был убит три раза, не овладев женой другого даже один раз.

(Усергане)

III

ДУШИ, ПОКИДАЮЩИЕ ТЕЛО, И ВАМПИР

Ты хорошо знаешь, что у всех людей есть душа — *ян*. В самом деле, когда человек засыпает, его душа отправляется странствовать. А когда человек спит, он хорошо знает, что делает его душа, потому что он видит сон.

Вот почему человека не следует будить внезапно: его душа может находиться очень далеко — и он умрет.

Только у некоторых людей имеется *ян* и *убыр*. И если кто-нибудь из таких людей ест сырое мясо, *убыр* причиняет ему боль. *Убыр* продолжает жить и после смерти своего хозяина и причиняет много зла его родне.

Убыр пьет также кровь людей.

Иногда его можно видеть прогуливающимся очень далеко от места, где спит его хозяин.

А когда же *убыр* заменяет душу?

Это бывает по большей части с *сихырсы* — они вообще не имеют души.

(Катайцы)

* *

Сихырсы не имеют души потому, что они продали душу черту (шайтан). *Сихырсы* могут насылать болезнь. Если ты чем-либо недоволен, тебе следует не иначе как пойти к *сихырсы*, заплатить ему, сколько можешь, и *сихырсы* найдет на твоего недруга болезнь, иногда столь опасную, что человек через три-четыре дня умирает.

Когда *сихырсы* умрет, его *убыр* продолжает жить и вредить.

Днем *убыр* принимает вид старика, а ночью превращается в летучую мышь.

(Катайцы)

* *

Убыр не имеет переда — его нельзя одолеть, иначе как вырвав его сердце.

Чтобы умерший не сделался *убыр*, ему следует воткнуть иглу в ногу. В противном случае обязательно надо вырыть его из могилы и воткнуть заостренный кол в его грудь.

(Каратабыно-барынтабынцы)

* *

Когда человек утонет, его душа покидает тело. Вероятно, она остается в воде. Но в течение некоторого времени далеко не уходит от утопленника. Поэтому, если начнут откачивать утопленника, он может ожить.

При этом следует положить утопленника у воды, натянуть нитку из его рта до воды, и по этой нитке душа вернется в его тело.

Вот почему наши сплавщики плотов, отправляясь на сплав, берут с собой шелковые нитки.

Какой же вид принимает душа, когда выходит из тела?

Вот этого я не могу сказать.

Я думаю — весьма различный. Один раз, когда утонул наш башкир-сплавщик леса, ее видел в виде утки, которая плавала поблизости на реке. А я, например, видел во время сна моего *бажа* (свояка), его душа вышла изо рта в виде мухи, попила немного молока и вернулась в тело тем же путем.

(Табынцы)

* *

Случается, что человек заснет и остается неподвижным в течение двух или трех дней. В это время душа его странствует по всему свету, и когда он проснется, может хорошо рассказать, что он видел на том свете.

(Шайтан-Кудейцы)

* *

Албасты — это женщина с грудями, настолько длинными, что она может перебросить их назад за свои плечи. В самом деле, это она сдавливает вам грудь ночью. И когда она вас таким образом душист, она кладет одну из ее грудей вам в рот.

(Табынцы)

IV

ЧЕРТ УБИТ

Один старик пошел на охоту в *урман* (лес). Там он встретил *шайтана* (черта), принявшего вид человека, так что с первого взгляда его никак нельзя было узнать.

«Пойдем со мной», — сказал ему шайтан, и они пошли вместе.

Тем временем наступила ночь. «Давай ляжем спать», — сказал шайтан. Они улеглись. Только башкир не спал. Вдруг он видит, что изо рта заснувшего шайтана выходит огонь.

Тогда башкир понял, с кем он имеет дело. Он встал, собрал кучу хвороста и покрыл ее своим чекменем, затем отошел в сторонку и стал наблюдать, что дальше произойдет.

Огонь, выходящий изо рта шайтана, поджиг чекмень.

Башкир взял свое ружье и выстрелил в шайтана. Шайтан поднялся и припустился бежать; башкир преследовал его вплоть до одной пещеры.

Башкир вошел в эту пещеру и встретил сидящих там двух женщин.

«Хозяин у себя?» — спросил старик. — «Да», — ответили женщины, — но он болен и его нельзя видеть». «Я могу его вылечить», — добавил старик, — отведите меня к нему». Его провели. Шайтан не узнал башкира. Старик посмотрел на шайтана и говорит ему: «Я тебя вылечу, но при одном условии, если ты отдашь мне молодую жену». Шайтан согласился. Башкир велел женщинам выйти, задушил шайтана и пскинул пещеру.

«Хозяин уснул», — сказал он старшей женщине, — проспит он долго и не следует его будить».

Сказав это, он взял молодую женщину и возвратился с ней в свою деревню, где она сделала его женой.

Он хорошо жил со своей молодой женой; только заметил, что она постоянно спрашивала, когда он отлучался, когда вернется обратно.

Однажды он неожиданно вернулся и видит, что его жена держит свои волосы в руках и рассматривает их.

Башкир сразу вспомнил, что молодая его жена просила никогда не трогать ее под мышкой. Они легли спать. Женщина-шайтан уснула, но старик не спал. Он посмотрел на левую подмышку жены и увидел дыру. В эту дыру он просунул руку и вырвал сердце молодой жены.

Вот почему их род* мы называем «Шайтан-Кудейский», происходящий от Кудея.

(Шайтан-Кудейцы)

* *

Ты знаешь, что сорока никогда не кричит ночью. Хорошо, если ты ночью услышишь, что кричит сорока, ты можешь быть уверен, что это кричит шайтан.

(Кара-Табьныцы)

* *

Имеются ли у шайтана дети?

Да, вполне вероятно, что они имеются. Говорят, что шайтан имеет обыкновение подменивать детей. Это случается, когда ребенок новорожденный или слабый. Шайтан таких детей берет у людей и на их место кладет своих.

(Кыпчак)

* *

Дети особенно часто подвергаются нападению шайтанов, которые их подменивают. Вот почему башкиры, когда кладут в колыбель маленьких детей, к колыбели привязывают мешочки с волосками детей, закатанными в шерсть.

(Кыпчак)

* *

Почему башкиры хранят в своих избах можжевелник? Когда подозревают, что в жилище забрался шайтан, его выкуривают оттуда дымом зажженного можжевелника.

(Бурзяне)

V

ХОЗЯИН ГОР

Каждая вещь имеет своего духа — хозяина (*айәһе*), и каждый дух называется тем предметом, в котором он обитает. Вот почему башкиры боятся обидеть духа, скажем, горы. Они не по-

* Вероятно, допущена ошибка в записи, иначе трудно понять, почему рассказчик сам шайтан-кудеец говорит о своем роде как о чужом. — *Ред.*

зволюют себе ругаться, говорить в местности, где обитает дух. Иногда они приносят ему жертвы: привязывают к деревьям лоскутки материи, монеты и другие вещи.

(Каратабыно-Барынтабынцы)

VI ДОВОМОЙ

Видел ли ты когда-нибудь шайтана?

Нет, я никогда не видел шайтана, но я однажды видел *йорт айаһе* (домового).

Однажды я мылся в бане. Сделалось уже поздно. Я вышел из бани и направился к своему дому, но когда подошел к избе, заметил, что забыл мой кувшин и вернулся в баню. Но едва я приоткрыл дверь, как увидел *йорт айаһе*, выбежавшего из бани. И я также побежал.

— Быть может это бы кто-нибудь из людей, кто вошел в баню после тебя?

— О нет, я вернулся так скоро, что никто не имел времени, чтобы войти в нее.

Я уверен, что это был *йорт айаһе*.

(Табынцы)

* *

Йорт айаһе живет повсюду. В моей старой избе он жил на печи и оттуда часто бросал камни. Но только *йорт айаһе* не настоящий шайтан, ибо он никогда не причиняет дурного. По большей части он стережет стада. Иногда он балует, ездит верхом на лошадях, заплетает им гривы.

(Табынцы)

* *

Йорт айаһе очень любит мыться в бане, только ночью. Поэтому мы не ходим в баню слишком поздно.

В прошлом году один старик долго оставался в бане, и когда мы пришли, он оказался мертвым.

(Барын-Табынцы)

* *

Йорт айаһе заплетает гривы лошадей и мне приходится их распутывать. Я этого не люблю, но ничего не могу поделать. Бранью можно разгневать *йорт айаһе*.

(Тамьян-Тангаурцы)

VII ЛЕШИЙ

Это было давно. Один старик отправился в наш лес и решил там переночевать. Во время сна он почувствовал, что кто-то дергает его за чекмень. От открыл глаза и видит, что это *ярмытык* (леший).

Не теряя времени, старик взял свой лук и выстрелил в *ярмытыка*, который схватил стрелу и просил выстрелить еще раз.

Но старик сообразил, что если он выстрелит из лука еще раз, *ярмытык* превратит первую стрелу в лук и умертвит его второй. Тогда старик, он был еще в то время молод, принял приглашение старика* к нему в гости. Прибыв, попросил одну из его дочерей в жены. Говорят, что эта женщина была очень красива. Он привел ее в свою деревню и жил с ней, как со своей женой. Она принесла ему детей, потомки которых живут еще и теперь в деревне Тапыт.

(Гайининцы)

* По-видимому, речь идет о *ярмытыке*.

* * *

Ярымтык любит кататься верхом на лошадях, которые пасутся в поле. Однажды башкир заметил, что *ярымтык* садится на его лошадь, которая была очень красива.

Затем башкир намазал смолою спину своей лошади и выпустил ее в поле. На следующее утро он услышал ржание своей бегущей лошади. Он вышел из избы и увидел *ярымтыка*, прилипшего к спине его лошади. Башкир его откленил. Зажег огонь и решил положить в него *ярымтыка*, чтобы сжечь его.

Ярымтык закричал: «Я никогда не трону кого бы то ни было из твоих». «Хорошо,— ответил башкир.— Я оставляю тебе жизнь, но сначала ты должен сказать мне, что произойдет в нашем поселке». *Ярымтык* ответил: «В настоящее время в вашем поселке два дома, вы можете построить еще четыре дома, чтобы их стало шесть, не стройте седьмого, он не сохранится». И в самом деле, мы никогда не имеем более шести домов в нашем поселке. Если и строили седьмой, он либо сгорал, либо его хозяин умирал. Их никогда не было более шести.

(Гайнинцы)

* * *

Шурале (леший) имеет один глаз на лбу и одну ногу. Если его не бояться, он не повредит. Я, например, видел его лежащим в лесу, превратившимся в ствол лиственницы. Я его не побоялся, и он исчез.

(Кубеляк-Телевцы)

* * *

Бисура (бесенята) бывают двух полов. Я их однажды видел. Он желтый, одет в красную рубашку. Мужчины похищают женщин и лежат с ними; женщины похищают мужчин. Кто найдется в связи с *бисурой* — богатее.

(Тамьян-Тангаурцы)

VIII

ВОДЯНОЙ

Старик-башкир имел двух сыновей. Однажды он отправил их далеко, поручив старшему продать кошку, а младшему лопату.

Старший пошел в дом лесника и предложил ему свою кошку. «Сколько же желаешь ты получить за твою кошку?» — спросил лесник. «Четыре рубля», — ответил сын старика. — Так как моя кошка может ловить мышей во всех четырех углах дома.

Между тем младший брат долго не мог найти покупателя своей лопате. Наконец, проходя лесом, он встретил *хуу айаһе* и сказал ему: «Купи у меня эту лопату». «Подожди немного», — ответил ему *хуу айаһе*. — Я должен посоветоваться со своим отцом». Его отец занимал прекрасное помещение под одним из камней в нашем озере.

Сказав это, *хуу айаһе* побежал к своему отцу, и младший сын стал ждать ответа.

Отец *хуу айаһе* посоветовал своему сыну предложить парню померяться с ним силой и, отложив лопату в сторону, посмотреть, что будет дальше. *Хуу айаһе* вернулся к парню и предложил ему померяться с ним силой. «Вместо того, чтобы померяться со мной, разрой немного хвою, что под твоей ногой: там лежит мой старший брат и с ним, если он захочет, лучше померяться силой», — ответил ему младший сын. Едва *хуу айаһе* разрыл хвою, поднялся из-под нее медведь и принялся терзать его.

«Послушай, подожди меня еще немного», — сказал *хуу айаһе* и побежал под камень в озеро к своему отцу. Ему он рассказал, что произошло и спросил его, что теперь следует делать. Отец *хуу айаһе* посоветовал ему померяться в беге с молодым человеком.

Хуу айаһе вернулся и сказал: «Давай померяемся в беге».

«Вместо того, чтобы меряться со мною, потревожь немного своей ногой хвою, там лежит мой младший брат. Если хочешь, лучше с ним померяйся», — ответил парень.

Хуу айаһе пошевелил ногой, из-под нее выскочил заяц и припустился бежать со всех ног.

«Послушай, подожди немного»,— вскричал ему *Һыу өйәһе*. Но заяц был уже далеко. *Һыу өйәһе* снова побежал к отцу и рассказал о случившемся, прося его совета.

Отец посоветовал ему бросить гирию в четыре пуда весом и дал ему лопатку с тем, чтобы с ее помощью можно было выше бросить гирию.

Һыу өйәһе принес гирию молодому человеку и сказал ему: «Тот, кто бросит эту гирию выше, получит лопатку». «Бросай первый ты,— сказал младший сын,— потому что если я первый кину, гирия упадет на небо и не вернется оттуда».

Һыу өйәһе не хотел потерять гирию и спросил парня, что он желает получить за лопатку. «Шапку, полную золота»,— ответил парень.

Һыу өйәһе побежал к своему отцу за золотом.

Парень тем временем вырыл большую яму, оставив на ней такой величины отверстие, чтобы его можно было закрыть шапкой, затем он положил свою шапку на это отверстие, предварительно проделав в шапке дыру.

Һыу өйәһе возвратился и принес золото, которое он начал сыпать в шапку. Но золото прошло сквозь дыру в шапке и в ней осталось всего несколько кусочков золота.

Һыу өйәһе пошел за золотом второй раз, в третий, много раз. Сколько — нельзя было узнать, пока золотом не наполнилась шапка парня.

Затем младший сын отправился на дорогу и просил проезжих доставить отцу его золото, но никто не хотел ему поверить.

Наконец, парень увидел старика с двумя порожними телегами и его попросил доставить свое золото. Старик согласился, положил золото на свои две телеги и доставил его отцу парня.

Тем временем отец сыновей, оставаясь у себя, был очень доволен своим старшим сыном, который продал кошку за четыре рубля и который так хорошо ответил на вопрос о стоимости кошки.

А когда прибыли две телеги, полные золотом, отец не мог верить своим глазам, и старший сын, смутившись, никак не мог понять, как его младший брат смог так хорошо продать свою лопату.

(Барын-Табьныц)

IX

ЗМЕИ

В деревне Кузем-Бяново жил старик, которого я знал лично. Старик этот мог разговаривать со змеями. Теперь он уже умер. Он отправлялся в наш лес, где водилось много змей, и разговаривал с ними. Некоторые из змей приходили на его голос и разговаривали с ним.

И никогда змеи его не кусали.

(Катайцы)

* *

Обыкновенных змей мы называем *йылан*. Но если она проживет сто лет, превращается в *аждаһа*, которая живет в озерах и пожирает мелкий скот, особенно ягнят. Я много раз сам видел *аждаһа*. Ты видел наше озеро Таткуль, почти заросшее камышом, но в нем немало рыбы, особенно окуней.

Когда по утрам в своем челне там ловил рыбу, я ее неоднократно видел. У нее голова с кошачью, даже, пожалуй, больше. Длинной она в несколько сажен. Когда плышет, на воде остается след в виде расходящихся волн.

Старики говорят, когда *аждаһа* проживет пятьсот или тысячу лет, она превращается в *юха*. *Юха* нападает на людей, особенно на девушек. Но, благодаря аллаху, *юха* по истечении некоторого времени забирается на небо.

Это обычно бывает летом в ясный солнечный день при тихой погоде. Вдруг внезапно на небе появляется облачко. Оно останавливается над озерком, где живет *юха*. Поднимается сильный ветер (вихрь) над озером, и из озера подымается столб воды, который, отрываясь от озера, поднимается все выше и выше и уносит с собой на небо *юха*.

(Катайцы)

Змею, если она попадается на дороге, можно убить только ударами *сыбырткы* (кнута) или *тамсы* (нагайками). Они обычно пропитаны конским потом, а он смертелен для змей.

(Табынцы)

X

КЛАД

Говорят, недалеко от нашей деревни находится клад. На вершине этой горы законана лодка, полная золота. Но кто ее увидит, теряет рассудок и не может вернуться в деревню, а тот, кто и вернется в деревню, больше не может отыскать место клада.

Другой клад находится в *сулук* (борть). В былые времена *урман* был очень обширен. И если кто случайно находил этот *сулук*, он блуждал в лесу и не мог найти дороги, ведущей в деревню. Когда же он возвращался в деревню, он не мог снова найти дорогу, ведущую к *сулук*.

(Кыпчаки)

XI

ГРОМ И МОЛНИЯ

Гром и молния происходят по воле аллаха, и люди должны их бояться. Гром производит шайтан. Вот почему во время грозы следует закрывать все двери и окна. Иначе шайтан, спасаясь в избе от молнии, может забраться в нее.

Иногда шайтан, спасаясь, оборачивается ребенком, плачет и просит впустить его в избу.

(Шайтан-Кудейцы)

* *

Молния происходит от ударов кнута, которые ангел наносит шайтану. На конце этого кнута привязаны камни, которые при ударе их высекают огонь, как от удара кресала о кремень при высекании огня. Дом, который загорелся от молнии, можно тушить только кислым молоком.

(Гайинцы)

XII

ХОЗЯИН ВЕТРОВ

Парей — хозяин ветров проводит большую часть времени в пещерах и в расщелинах скал. Это ветер, все разрушающий, сопровождающийся громом. Вьюга — это его свадьба.

(Тамьян-Тангаурцы)

* *

Это было очень давно. Я слышал это от моего деда, который умер уже давно.

В нашем поселке жил старый лесообъездчик. Все говорили о том, что он имеет дело с *парей* и служит ему как работник.

Он жил в свое удовольствие: было очевидно, что *парей* помогал ему во всех делах.

Лесообъездчик женился на девушке лет двенадцати или тринадцати. Зная, что ее муж был связан с *парей*, молодая женщина стала приставать к нему, чтобы он показал ей, как живет *парей*.

Наконец старик согласился, и они отправились.

Это было далеко от жилья. Когда в долине показались горы, старик взвалил свою жену на спину и приказал ей закрыть глаза.

Она их закрыла.

Через некоторое время, по указанию старика, она их открыла и увидела на вершине одной высокой горы обширную площадку.

Там стояло в ряд много кошей (войлочных кибиток) и множество жеребят стояло на привязи. Вокруг бродили стада всякого рода скота.

Рассмотрев все в подробностях, жена закрыла глаза и тем же способом возвратилась на землю. Некоторое время спустя старик умер.

Молодая женщина вышла замуж за молодого башкира.

Однажды она пошла со своей пожилой родственницей собирать луковичи сараны (*сарына*, *янтрас*). Вдруг поднялся сильный ветер, появился *парей*. Произошел страшный шум.

Парей набросился на башкирок, которые собирали сарану и поднял молодую женщину.

Пожилая женщина испугалась, возвратилась в свою деревню и рассказала своим родным, что произошло.

Тотчас же родственники и их соседи, во главе с муллою, отправились на розыски молодой женщины.

Они ее искали день, два дня, но ничего не нашли.

Наконец, очень далеко от своего жилья, на вершине одной высокой и неприступной скалы они увидели молодую женщину.

Они приблизились к скале и хотели взобраться на нее, но молодая женщина просила их не приближаться к ней и вернуться к себе, потому что ей там наверху очень хорошо. Но ее друзья не послушались. Они взобрались на скалу и вернули молодую женщину в ее деревню.

Я знал ее уже пожилой женщиной. И она еще рассказывала, что *парей* помогает ей: все ручные работы она выполняет очень быстро.

(Кыпчаки)

* * *

Это было давно. В нашей деревне жил старик, который умел очень хорошо играть на скрипке. И вот с ним произошел случай, о котором я хочу тебе рассказать.

Вечером, когда старик собрался уже ложиться спать, тройка, запряженная великолепными лошадьми, остановилась у его двора.

Башкир, богато одетый, вышел из саней, подошел к окошку избы, постучался и велел старику как можно скорей собираться и отправиться играть на свадьбе.

Старик скоро собрался, взял свою скрипку, подошел к саям, уселся в них, и тройка тронулась.

По простевин некоторого времени они остановились у богатого дома, окна которого были освещены.

Много приглашенных присутствовало на этой свадьбе.

Было уже поздно, около полуночи. Старик вошел в дом, богатство которого было удивительным.

Он сел и принялся играть на скрипке. Приглашенные веселились, пировали и танцевали. Только стал замечать старик, что хозяйка, как и приглашенные, подходя к какому-то сосуду, всякий раз опускали в него руку в какую-то жидкость и смачивали ею глаза. «А если и я,— подумал старик,— сделаю то же, что случится». Приблизившись к сосуду, он увидел желтую жидкость. Опустив свой большой палец в эту жидкость, он помазал ею только один глаз.

Затем он снова сел на свое место и посмотрел. Все было как прежде. Но когда он посмотрел только своим смоченным глазом, он увидел, что сидит он в скверном месте и вокруг него танцуют отвратительные уроды в лохмотьях.

Свадьба окончилась. Приглашенные ушли. Старик тоже отправился домой.

Тройка пустилась вскачь. Но когда старик посмотрел своим намоченным глазом, он убедился, что нет никакой тройки и что он сидит на ручке метлы, которая несет его на себе.

Прошло много времени.

Старик начал забывать эту свадьбу. Только однажды на ярмарке ему пришла мысль посмотреть одним своим смоченным глазом. Между людей и повозок он увидел прохаживающегося человека. Старик внимательно на него посмотрел и узнал того самого башкира, который приглашал его на свадьбу.

Он подошел к нему и стал с ним беседовать.

Но *парей* догадался, что у старика один глаз смазанный, и у него он вырвал этот глаз.

(Юрматынцы)

БОЛЕЗНИ И ИХ ЛЕЧЕНИЕ

Моя жена больна более шести лет. И когда я взял вторую жену, она меня очень ревновала. «Ты больше не желаешь меня», — говорила мне. И если я ложился с ней, она поворачивалась ко мне спиной и не хотела смотреть на меня.

Наконец она забеременела.

Ко времени ее родов я должен был уехать. В мое отсутствие она родила ребенка.

В то время, когда она была еще в постели, она захотела *асы бал* — медовую брагу, а так как ее не было в доме, моя вторая жена пошла поискать ее у соседей. *Асы бал* был очень холодный, и когда больная его попела, у нее заболело сердце.

И с тех пор она больна. Первые пять лет ее болезни я ложился с нею как со своей женой, но, наконец, и я почувствовал себя больным и хазрет запретил мне ложиться в постель вместе с нею.

Во время болезни моей жены случались совсем необыкновенные вещи. Вот, например, что она мне рассказывала.

«Ночью я одевалась в богатые одежды, и красивый башкир приезжал ко мне на прекрасной лошади и возлежал со мной». Это случалось каждые три или четыре ночи подряд. Но теперь этого больше почти никогда не происходит, и она от этого страдает.

Это, вероятно, шайтан, который ею овладевает.

Я много раз обращался к мулле, чтобы он читал молитвы, но ничто не помогало.

Надлежало прогнать этого шайтана. Я пошел за курээ. Он попросил у меня помощь трех лиц, и сам принялся изгонять шайтана. Он ударял повсюду огромным кнутом и прогнал шайтана далеко в лес. Возвратился он другой дорогой и сказал, что прогнал шайтана. Но он ошибся, и моя жена по-прежнему болела.

— Но что же с твоей женой?

— Она говорит, что чувствует движение в своем животе огромного, как два кулака, шара.

— Это не *бусер*?

— Нет, *бусер* небольшой, не больше пальца. Иногда этот шар не чувствуется, но иногда он причиняет боль, особенно в нижней части живота, и когда она хочет помочиться, она не может.

(Бурзяне)

* *

Если у кого-нибудь болит живот, спина или грудь, *симхысы* должна отправить его в баню, там попарить его венником.

(Гайнинцы)

* *

Если ты знаешь место, где подхватил болезнь, надо пойти с одной старушкой и положить там яйцо или что-либо другое съедобное.

Болезнь большую часть времени проводит в местах, где бросают всякие нечистоты.

Там болезнь возьмет свой выкуп, и уходит от нее другой дорогой, ни с кем не разговаривая.

(Шайтан-Кудейцы)

* *

Часто случается, что болит живот или грудь. В таком случае надо пойти к старушке и отправиться вместе с ней на место, где больной схватил болезнь, и поставить горшок с кашей, чтобы разжалобить болезнь и она бы оставила больного.

Никто не тронет этого горшка из страха подхватить болезнь.

(Гайнинцы)

Лихорадка (*тапма*) живет повсюду. Мой сосед, например, уверял меня, что видел ее в мешочной шапке.

(Гайнинцы)

* *

Лихорадка не может перебраться через воду; если ты хочешь освободиться от лихорадки, следует перейти реку вброд.

В тот день не надо ничего есть, а к вечеру следует сварить немного каши и пойти с ней на другой берег реки. Там надо поставить горшок с кашей на землю и открыть рот. Голодная лихорадка кинется к горшку и больной, как только это произойдет, побежит домой, переправляясь через реку вброд. Лихорадка, которая боится воды, не последует за ним.

Еще против лихорадки следует обкуриваться дымом от дерева, обожженного молнией.

(Каратабыно-Барынтабынцы)

* *

Часто случается, что ребенок трех или четырех лет, который не умеет еще хорошо бегать, прибегает домой весь в слезах, без какой бы то ни было, казалось бы, причины. Это происходит потому, что шайтан играет с ним и щекочет.

Мать тотчас снимает с ребенка рубашку и много раз обводит вокруг него, говоря: «Оставь его, не играй с ним».

Потом она несет эту рубашку на перекресток дорог и бросает там ее. И никто разумный не тронет эту рубаху.

(Гайнинцы)

* *

Если у тебя болит рука или нога, надо взять *пильморюк* (семена белены), затем положить их в кагую-нибудь посуду, а также прибавить к ним равное количество конопляных семян и кусочек лиственничной коры, непременно снятой с северной стороны старого дерева.

Затем следует все это вместе помешивать и варить. Когда оно смешается и прокипит, смесью этой надо понемногу обмазывать больное место, опухоль спадет и рана заживет.

(Катайцы)

* *

Корни *акхыпрак* (чемерицы) следует сварить и горячими тереть больное место, а некоторые из них, также совсем горячими, прикладывают к ранам или где имеется опухоль.

(Кубеляк-Телевцы)

* *

Хорошо к ранам и опухолям прикладывать подынь; при опухолях—намоченные в горячей воде ветки.

Иногда больным помогает настойка *Thymus serpyolyle*.

(Катайцы)

Если роды тяжелые, значит шайтан мешает разрешиться.

Чтобы их облегчить, возле роженицы стреляют из ружья. Это всегда помогает.

(Тамьян-Тангаурцы)

* *

Лет десять тому назад у нас произошел такой случай. Заболела скотина. Особенно коровы. Болезнь постигла и нашу деревню.

Однажды моя мать пошла мыться в бане. Когда она подошла к бане, она увидела на крыше сороку, которая там никогда не бывала.

Моя мать приблизилась к ней, и сорока не пошевелилась. Возможно, что это и есть болезнь, подумала мать, и она обратилась к сороке с предложением помыться в бане.

Затем она вернулась из бани в избу, согрела воду и приготовила веник.

С этим веником она вошла в баню, вырвала из него один пруттик и положила его поперек веника. Заметила место, куда положила веник и на нем пруттик и вышла.

На следующее утро она вернулась посмотреть, что произошло в бане, и видит, что вода разбрызгана и кто-то трогал веник.

И подумай, что же случилось? Болезнь миновала наш двор и ни одна из наших коров не околела.

Через три года эта же болезнь снова появилась в нашей местности. Моя мать рассказала соседкам, как она обошлась с болезнью.

Все женщины деревни проделали то же самое, и болезнь прошла, не потревожив и их стад. Только все они это проделали без молитвы. Молитва была бы бесполезна: она могла только испугать разгневанную болезнь.

(Катайцы)

XIV

ТАЛИСМАНЫ

На шею больных вешают *бету* (заклинания, молитвы, зашитые в кожу), когти и клыки медведя, чтобы болезнь, боясь медведя, покинула больного.

(Бала-Катайцы)

* *

Чтобы охранить от порчи, сглаза, в гриву и в хвост лошади влетают всякого рода лоскутки.

Порчу можно нанести и дереву, и оно затем засохнет. Вот почему и к деревьям и к ульям привязывают лоскутки материи.

Женщины против порчи носят *корт баш* (раковины Сургае тонста). Их нашивают на одежду детей, а также пучки гусяного пуха и другие вещи.

(Тамьянцы)

XV

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА

У нас имеется местность, где, как говорят старики, были погребены люди шестидесятиаршинного роста.

Ты ведь знаешь, что некогда были люди такого высокого роста. Наши не любили ходить в эту местность.

Это было не так давно. Один башкир, находясь вблизи этого места, помочился, а когда он вернулся в деревню, заболел.

Он болел около трех месяцев. Затем он позвал муллу и попросил его прочитать у этого места молитвы.

А вот еще один случай.

Старик пошел в это место, чтобы украдкой вырубить одно дерево. Он хотел принести его в деревню.

И как ты думаешь, что же произошло?

Он заболел и в течение трех лет ослеп.

Но кто же живет в этой местности? Я ничего не знаю. Это может быть *авица* (святой) или быт может кто-нибудь другой.

Наши старики говорят, что иногда вечером, а также и днем, когда наш муэдзин кричит на минарете, он слышит такой же крик муэдзина и там внизу.

Я же сам этот крик слышал.

— А теперь ты слышишь?

— Нет, и теперь там я более не слышу.

Никогда не следует говорить, что ты это слышал. Я лично сказал один раз моему другу и после этого я более ничего не слышу.

(Уранцы)

••

Среди нас был один святой башкир. Он уже умер, но при жизни побывал в Мекке. И он говорил, что как-то ночью посетил эту местность, поднялся на вершину одной сосны и произнес, как муэдзин, молитву.

Вообще эта местность любит молитвы.

Но те, кто ее посещают без молитвы или произносят ругательства, заболевают.

(Уранцы)

Р. Г. КУЗЕЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Введение. Анализ современного состояния источников по древней и средневековой истории Башкирии (местные письменные памятники, сообщения восточных и западных средневековых ученых и путешественников, археологические материалы) показывает, что без значительного расширения источниковедческой базы возможности дальнейших исследований по этногенезу башкир ограничены. За пределами упомянутых источников остаются многие события X—XVI вв., без выяснения которых невозможна разработка общей концепции этнической истории башкирского народа. Подчеркивая возрастающую роль археологии в исследовании этноисторических проблем эпохи средневековья, в то же время приходится иметь в виду затруднительность использования результатов археологических изысканий в связи с неустойчивостью критериев при выделении археологических культур в степном мире, а также с чрезвычайной относительностью (и поэтому с наблюдаемой в литературе многовариантностью) определений этнической принадлежности племен той или иной культуры в районе Волго-Урала в I тыс. н. э. Сдерживающим моментом в широкой интерпретации имеющегося исторического и археологического материала является позиция крайнего автохтонизма, занятая некоторыми исследователями в изучении этногенеза башкир.

Значительными возможностями расширения круга источников, привлекаемых в этногенетических исследованиях, располагает историческая этнография. Опираясь на постоянно совершенствуемые методы сравнительно-исторического анализа, широко применяя ретроспективные реконструкции, она может с большим эффектом увязывать достоверные этнографические материалы, обозримые для фиксации, с сообщениями средневековых хронистов, с данными археологии, архивными источниками и т. д. Специально надо подчеркнуть возрастающее значение историко-этнографических исследований по этногенезу кочевых, скотоводческих в прошлом народов, по средневековой истории которых объем архивных, письменных и археологических источников, как правило, невелик, а имеющийся материал зачастую не отражает сложных явлений их этнической и социальной истории.

Одна из основных задач исторической этнографии заключается, очевидно, в том, чтобы сделать полевым этнографический материал, относящийся к XIX—XX вв. и характеризующийся высокой достоверностью, с архивными, письменными и археологическими источниками предшествующих веков, скоррелировать их и на этой общей основе создать качественно обновленную источниковедческую базу для изучения этнических, хозяйственно-культурных и социальных проблем истории башкир и других кочевых в прошлом народов эпохи древности и средневековья.

Эффективность использования историко-этнографических источников и объективность исторического повествования в этногенетических исследованиях повышается: а) при существенном расширении территориально-этнических и хронологических рамок исследования (одним из ис-

ходных должно быть положение, согласно которому разработка общей схемы этнической истории башкирского народа возможна на базе исследования этнических процессов на всех этапах их развития, что создаст наиболее благоприятные предпосылки для строгого осуществления в процессе исследования принципа последовательного историзма, органически вытекающего из марксистско-ленинской концепции истории народов мира); б) при условии массовости исходного материала, предвзято систематизированного и картографированного с установлением в нем внутренних типологических, территориальных и хронологических связей; в) при широком использовании комплексного метода, который, однако, автором статьи трактуется не как совмещение в одном исследовании анализа разнородного материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов.

Настоящий очерк является историко-этнографическим и поэтому целиком написан с позиций сформулированных выше теоретико-методических положений.

Основной задачей очерка является разработка этнической истории башкир со второй половины I тыс. н. э. до формирования народности (XVI в.); конструирование общей схемы этногенеза башкир опирается на конкретное исследование исторического процесса сложения и формирования этнического состава народа. В соответствии со спецификой этнографических источников, из совокупности которых автором наибольшее значение придается материалам по этническому составу и истории расселения, главное внимание уделено изучению поздних этапов этногенеза башкир (XI—XVI вв.), являющихся определяющими в формировании этнических признаков башкирского народа.

Этнический (родоплеменной) состав башкир восстановлен на основе корреляции полевых, архивных и ряда других источников применительно к XVII—XIX столетиям; это обстоятельство, еще более расширив хронологические рамки исследования, позволило в общих чертах определить в заключении к очерку преимущественные тенденции этнического развития народа и после XVI в.

История и современное состояние изучения этногенеза башкирского народа. История изучения этногенеза башкир насчитывает более двух столетий, на протяжении которых создано немало гипотез и высказано множество мнений. Наиболее дискуссионным в проблеме этногенеза башкир является вопрос об угорской или тюркской основе башкирского этноса. В прямой связи с ним возникла так называемая проблема башкиро-мадьярского родства, или, как ее чаще именуют, «башкиро-мадьярская проблема». Историко-фактологическую основу появления угорско-мадьярской и тюркской гипотез происхождения башкир образуют противоречивые сообщения средневековых восточных и западных ученых и путешественников, которые дали повод многим исследователям, начиная с XVIII в., выступить с идеей башкиро-мадьярской этнической общности в эпоху древности. В наиболее отчетливой форме эта идея присутствует в работах И. Страленберга, И. Фишера, А. Г. Шлёцера, С. Клапрота, П. И. Шафарика, А. Кастрена¹. В виде законченной концепции идея башкиро-венгерского родства и угорско-мадьярская теория происхождения башкир изложена Д. А. Хвольсоном², основные выводы которого были в той или иной форме поддержаны рядом ученых конца XIX в., в частности — Г. К. Уйфальви, И. Н. Березиным, С. В. Ешевским, Б. Мункачи, Э. Реклю и др.³. В начале и середине XX в. концепция башкиро-мадьярского родства получила поддержку и дальнейшее развитие в публикациях ряда крупных ученых, а именно — Д. Месароша, Д. Немета, С. П. Толстова, С. А. Токарева, И. П. Шастинной, М. И. Артамонова, П. Хайду, Г. Дечи и др.⁴.

¹ J. Strahlenberg, Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730; И. Ф. Ишеров. Сибирская история. СПб., 1774; А. Г. Шлёцер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке (перевод Дм. Языкова), ч. 2. СПб., 1813; S. Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris, 1826; П. И. Шафарик и др. Славянские древности, т. 1, кн. 1 и 2. М., 1837; A. Castrens. Ethnologische Vorlesungen über die altäitischen Völker. St. Petersburg, 1857.

² Д. А. Хвольсон о. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омара ибн-Даста... СПб., 1869.

³ Г. Уйфальви и др. Башкиры, Мещеряки, Тентяры. — Известия Императорского Русского географического общества, т. 13, вып. 2, 1877; И. Березин и др. Булгар на Волге. — Ученые записки Казанского университета, № 111, 1852; С. В. Ешевский. Русская колонизация северо-восточного края. — «Вестник Европы», т. 1. СПб., 1866; В. Мункачи. A magyar félmezők történeti válmomái. — «Ethnographia», fasc. 1, 1894; Э. Реклю. Европейская Россия; земля и люди. — «Всеобщая география», т. 5, вып. 2. СПб., 1883.

⁴ Gy. Mérszáros. Magna Hungaria (A baskik — magyar kédes). Budapest, 1910; G. Németh. Magna Hungaria. Leipzig, 1929; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; С. А. Токарев. Этногра-

В конце XIX — начале XX в., когда начавшиеся антропологические и историко-лингвистические изыскания показали чрезвычайную сложность этнической истории башкир, оформилась концепция тюркского происхождения башкирского народа. Впервые в ясной форме она сформулирована в трудах В. В. Вельяминова-Зернова, М. В. Флоринского, В. А. Новикова, А. П. Богданова, В. Н. Виттского⁵. Дальнейшее развитие научной мысли шло в направлении, которое в конечном итоге, отдав преимущественно идею тюркского происхождения башкирского народа, допущало (в том или ином масштабе) участие в его этногенезе угорского или финно-угорского компонента. Это работы Д. Европеуса, Х. Вамбери, Н. М. Малнева, П. С. Назарова, С. Вайсенберга, С. Соммье, А. Н. Абрамова⁶. Наиболее значительными в этом ряду были исследования Н. А. Аристова, Д. Н. Соколова, С. Мирасова, С. И. Руденко⁷.

К середине XX в. в научной литературе отчетливо намечалась точка зрения, которая, признавая обоснованность существования указанных выше гипотез, в то же время считала саму проблему значительно более широкой. Новый этап активных исследований в области этнической проблемы так и падает на послевоенный период, который характеризуется значительными и постоянно возрастающими масштабами исследований многих сторон этнической истории башкир усилиями различных дисциплин — этнографии, археологии, антропологии, языкознания, фольклористики и др. Археологические исследования были сосредоточены преимущественно на изучении древней истории Башкирии. С крупными исследованиями этой области выступили А. В. Збруева, А. П. Смирнов, А. Х. Халиков, К. В. Сальников⁸. Археология Башкирии I тыс. н. э. наибольших успехов достигла главным образом в последнее десятилетие благодаря работам Р. Б. Ахмерова, В. Ф. Генинга, Н. А. Мажитова, С. М. Васюткина, М. Х. Садыковой, Г. И. Матвеевой и др.⁹.

Археологическими исследованиями показано, что территория Башкирии с древнейших времен до конца I тыс. н. э. была ареной постоянных контактов между разноязычными (иранскими, финно-угорскими, позднее — тюркскими) этническими группами. В то же время среди изученных археологических памятников I тыс. н. э. пока археологам не удалось выделить кон-

фия народов СССР. М., 1958; Н. П. Ш а с т и н а. Путешествие на восток Пляно Карпини и Гильома Рубрука. — «Путешествие в восточные страны Пляно Карпини и Рубрука». М., 1957; М. И. Артамонов. История хазар. М.—Л., 1962; П. Х а й д у. К этногенезу венгерского народа. — «Acta Linguistica», t. 11, fasc. 3—4. Budapest, 1953; Gy. D é c s y. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1965.

⁵ В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в. Источники для изучения тарханства, пожалованного башкирам русскими государями. — «Записки Российской Академии наук», кн. 2, 1864; М. В. Ф л о р и н с к и й. Башкирия и башкиры. — «Вестник Европы», кн. 12, 1874; В. А. Н о в и к о в. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879; А. П. Б о г д а н о в. Курганные приуральцы по раскопкам гг. Зографа и Нефёдова (черепя башкир и ногайских ханов). — «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. 35, ч. 1, вып. 3—4. М., 1880; В. Н. В и т т с к и й. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. т. 1. Казань, 1897.

⁶ Д. Е в р о п е у с. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. — «Журнал Министерства народного просвещения», июль, 1868; Н. V a s t b e r g. Das Türkvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen. Baschkiren. Leipzig, 1885; Н. М. М а л н е в. Антропологический очерк башкир. Казань, 1876; П. С. Н а з а р о в. К этнографии башкир. — «Этнографическое обозрение», № 1, 1890; S. W e i s s e n b e r g. Ein Beitrag zur Anthropologie der Türkvolker. Baschkiren und Meschtscherjak. — «Zeitschrift für Ethnologie», t. XXIV. Berlin, 1892; С. С о м м и е. О башкирах. Екатеринбург, 1891; А. Н. А б р а м о в. Башкиры (антропологический очерк). — «Русский антропологический журнал», кн. 27—28, № 3—4. М., 1907.

⁷ Н. А. А р и с т о в. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. — «Живая старина», вып. 3 и 4, 1894; е го ж е. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. СПб., 1897; Д. Н. С о к о л о в. Опыт разбора одной башкирской летописи. — Труды Оренбургской Ученой Архивной комиссии, вып. 4. Оренбург, 1898; е го ж е. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг). — Там ж е т. 13. Оренбург, 1904; С. М е р с о в. Башкорттар кемдөр, казган килгандөр. — «Башкорт аймагы», № 1, 2, 1925; е го ж е. Башкорттардын борынгы хәне, башкорт халкы. — «Башкорт аймагы», № 2, 1926; С. И. Р у д е н к о. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955.

⁸ А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в Анарьскую эпоху. — МИА, № 30, 1952; А. П. С м и р н о в. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, № 28, 1952; е го ж е. Железный век в Башкирии. — МИА, № 58, 1958; В. Ф. Г е н и н г. А. Х. Х а л и к о в. Ранние булгары на Волге. М.; 1964; А. Х. Х а л и к о в. Итоги формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. — «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья». Казань, 1971; К. В. С а л ь н и к о в. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

⁹ См.: «Археология и этнография Башкирии», т. 1—4. Уфа, 1962, 1964, 1968, 1970.

кретную культуру, носителей которой можно было бы считать непосредственными и прямыми предками башкир. Попытки связать те или иные культуры, например бахмутинскую¹⁰, или определенные культурные комплексы с археологических памятников Приуралья и Южного Прикамья с древними мадьярами также не дали положительных и достоверных результатов. Однако отметим, что на основе новых материалов в этом направлении недавно получены обнадеживающие данные¹¹.

Заметно повысилась роль краниологических исследований в изучении этнической истории башкир, главным образом, благодаря работам М. С. Акимовой, В. П. Алексеева, Т. А. Трофимовой¹². Сопоставление результатов палеоантропологических изысканий с материалами антропологических исследований современных башкир позволило в предварительном плане наметить основные веки истории формирования антропологического состава и антропологических типов башкирского народа¹³. Однако неравноценность краниологических данных по разным периодам и районам Башкирии, особенно отсутствие массового материала с поздних могильников, характеризующего население Башкирии в конце I — первой половине II тыс. н. э., ограничивает возможности исследователей в выявлении антропологических компонентов, вошедших в состав башкирской народности, и в определении их удельного веса в формировании физического типа той или иной группы башкир.

Поздние этапы этнической истории башкир успешно разрабатываются этнографами Башкирии. Наиболее значительными являются историко-этнографические исследования по декоративно-прикладному искусству¹⁴, народной одежде¹⁵, терминологии и системе родства башкир¹⁶. Широкие сравнительно-исторические и типологические сопоставления материала по этнографии башкир с аналогичными данными по народам Волго-Камья, Средней Азии, Казахстана и Алтая позволили этнографам показать длительный и чрезвычайно сложный процесс формирования башкирской культуры, выделить в ней пласты, которые оказались возможным связать с этническими компонентами, в разное время принявшими участие в становлении башкирского народа. Лишь трудности в хронологизации имеющегося материала являлись препятствием в создании законченной историко-этнографической концепции этногенеза башкир.

Исследования в области исторического языкознания развивались в основном в плане выяснения возможных башкиро-финно-угорских¹⁷ и, конкретно, башкиро-венгерских языковых связей¹⁸. Большинство исследователей на основе специальных изысканий пришло к отрицанию идеи башкиро-мадьярской языковой общности в эпоху древности. Особенно интересным является исследование Д. Немета о венгерских племенных названиях в башкирской этнонимии¹⁹. Привлечение новых материалов и их анализ в историко-лингвистическом аспекте позволили Д. Немету с современных позиций осветить древнюю историю венгерских племен, отказаться

¹⁰ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968.

¹¹ Е. А. Халикова. Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X вв. (по материалам погребального обряда могильников). — АЭБ, т. 4. Уфа, 1970; Е. П. Казакова. О башкиро-прусском компоненте в материальной культуре равнин Волжской Булгарии (на материале керамики). — Там же.

¹² М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; В. П. Алексеев. Краниологические материалы к этногенезу башкирского народа. — «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969; ег о же. Происхождение народов Восточной Европы (Краниологическое исследование). М., 1969; Т. А. Трофимова. Антропологические материалы из алакаского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. — КСИЭ, вып. 17, 1952.

¹³ М. С. Акимова. Этногенез башкир по данным антропологии. — АЭБ, т. 4.

¹⁴ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

¹⁵ С. Н. Шиялова. Народная одежда башкир. — АЭБ, т. 3. Уфа, 1968.

¹⁶ Н. В. Бикбулатов. Терминология и система родства башкир. — АЭБ, т. 2.

¹⁷ Дж. Кибекбаев. Башкорт диалектары һәм уларҙың тарихиенә ҡыҫҡаса иҫһ. — «Гилим язлар», III сығарылмыш. Филология серияһы, № 2. Өфө, 1958; Н. Х. Мажитова. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков. — «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4. Ижевск, 1967. С. Ф. Миржанова. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка. — «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969; Н. Х. Ишбулатов. Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками. — «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4. Ижевск, 1967.

¹⁸ M. Rásky et al. Gibt es im Vaschkirischen etwas Ungarisches? — «Acta orientalia», t. XII, fasc. 1—3. Budapest, 1960; B. A. Сербрейнкова. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963; L. Ligetl. A magyar ép mongol kori nevei (magyar, baskir, kiraly). — «Acta Linguistica», LX. Budapest, 1964; G. Clauson. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.

¹⁹ G. Németh. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. — «Acta Linguistica», t. 16 (1—2). Budapest, 1966.

от ранее отстаиваемой им теории башкиро-мадярского родства и сформулировать тезис, согласно которому башкирский и венгерский народы имели самостоятельные пути этнического становления с древнейших времен и вплоть до ухода венгров из Волго-Уральского региона на запад.

В мае 1969 г. в Уфе состоялась научная сессия Отделения истории и Башкирского филиала АН СССР по этногенезу башкир²⁰. Доклады и сообщения, прочитанные на сессии, показали сходство взглядов многих ученых по ряду принципиальных вопросов башкирского этногенеза. В частности, участники сессии согласились с тем, что в чрезвычайно сложных этногенетических процессах на территории Башкирии с древнейших времен участвовали этнические образования разного происхождения, как автохтонные, так и пришлые; что проблема этногенеза башкир, несмотря на важное значение выявления первоначальных компонентов этноса, не исчерпывается изучением ранних этапов и предполагает расширение хронологических рамок исследования по крайней мере до середины II тыс. н. э.; что основным содержанием этногенетических процессов на территории Башкирии во второй половине I тыс. н. э. было взаимодействие и смешение финно-угорских, сармато-аланских и тюркских племенных образований.

В то же время сессия отметила слабую изученность поздних археологических культур на территории Башкирии, особенно южных и юго-западных районов, недостаточно высокий уровень взаимопонимания дисциплин в исследовании проблемы этногенеза. Сессия помогла более четко, чем прежде, сформулировать ключевые вопросы этнической истории башкир, хотя многие из них пока остались нераскрытыми или дискуссионными (а в ряде случаев даже не обсужденными). К этим вопросам, в частности, относятся: этническое определение большинства археологических культур исторической Башкирии в I тыс. н. э.; время, направления и масштабы проникновения ранних тюрков в Волго-Уральский регион; роль финно-угров вообще и древних венгров в частности в раннем этногенезе башкир; этническая характеристика племенных групп, явившихся ранними компонентами в сложении древнебашкирского этноса; территория формирования древнебашкирского этноса (Древняя Башкирия); племенной состав башкир на разных этапах их этнической истории; происхождение родоплеменных образований, сыгравших ту или иную роль в сложении этнического состава башкир; характер взаимодействия местного и пришлого компонентов и удельный вес каждого из них в формировании башкирской народности; значение поздних миграций (например, кыпчакской) в этнической истории башкир; социально-экономические и политические условия, в которых протекал процесс консолидации башкирской народности.

Все эти вопросы рассматриваются в настоящем очерке в рамках основных задач, сформулированных в начале статьи, и в объеме, обусловленном источниками.

Источники. Поставленные задачи исследования по этнической истории башкир потребовали привлечения широкого круга источников.

В основу работы легли материалы этнографических экспедиций ИИЯЛ БФАН СССР 1953—1965 гг. Экспедиции, непременным участником (или научным руководителем) которых выступал автор очерка, кроме территории собственно Башкирской АССР охватывали все населенные башкирами районы в соседних областях и республиках РСФСР. Итоги этнографических исследований систематически публиковались в предыдущих томах серии «Археология и этнография Башкирии» и в других изданиях Башкирского филиала АН СССР. С 1959 г. среди башкир ежегодно работают фольклорные и диалектологические экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР. В процессе работы автором изучены все отчеты фольклорных и диалектологических экспедиций за 1959—1968 гг., что позволило существенно дополнить и обогатить материал, собранный им в этнографических экспедициях. Обширный материал собран и в результате изучения богатейшего фольклорного фонда научного архива БФАН СССР, хотя здесь имеются некоторые трудности в использовании этих источников в связи с незавершенностью интересного начатых фольклористами исследований в области исторических корней эпических и других произведений башкирского фольклора.

Собранный в итоге многолетних исследований материал по этническому составу башкир включает 46 племенных и 128 родовых этнических, более 1600 наименований деревень, около 2000 родовых подразделений, почти 3600 тамг и их названий²¹. В связи с обширностью материала в процессе работы над темой значительное внимание было уделено приемам обработки и систематизации

²⁰ Материалы сессии опубликованы в четвертом томе «Археологии и этнографии Башкирия».

²¹ Часть этого материала опубликована. См.: Р. Г. Кузеев в вк. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 40—56; его же. Родоплеменной состав башкир в XVIII в.— «Вопросы башкирской филологии». М., 1960, стр. 60—71.

защиты корпуса этнонимов и особенно их датировке. *Хронологические* пределы исследовательских возможностей на базе этнографического материала можно расширить, по мнению автора, с помощью ретроспективного метода анализа с привлечением архивных и других письменных источников, синхронных изучаемой эпохе. Большое значение в этом плане имеют башкирские шежере — письменные источники XVI—XIX вв. Несмотря на недостатки, связанные с легендарностью некоторых сообщаемых сведений, шежере могут, при условии тщательного их критического анализа на широком фоне других исторических данных, оказаться ценнейшими источниками по средневековой истории башкир, особенно по этнической истории башкирских племен. Сбор, накопление текстов башкирских шежере и их использование в исторических исследованиях были начаты еще в XVIII в. П. И. Рычковым²² и продолжены в XIX—XX вв. В. С. Юматовым, М. В. Лоссиевским, П. С. Назаровым, М. Рамзи, Х. Гата, М. С. Уметбаевым; С. Мирасовым²³. В 1960 г. была опубликована книга «Башкирские шежере»²⁴, которая обобщила всю собирательскую и исследовательскую работу предшествующего периода в этой области. В книге опубликованы и прокомментированы факсимиле, транскрипции и переводы на русский язык 25 шежере из известных 75. В настоящее время к публикации подготовлены новые тексты.

Документальной базой для восстановления родоплеменной номенклатуры и расселения башкир в XVII—XIX вв., наряду с полевыми материалами, послужили архивные документы, рассеянные по разным публикациям и хранилищам. Общие границы расселения башкир в XVII—XVIII вв. устанавливаются благодаря картам, составленным в 1699—1701 гг. С. У. Ремезовым, в 1736 г. — М. Пестряковым, в 1737 г. — неизвестным картографом²⁵, в 1752—1755 гг. — И. Красильниковым²⁶. В распоряжении автора была также карта расселения башкирских «родовых групп и земельных дач», составленная в 1916 г. С. И. Руденко²⁷, который в этих целях воспользовался материалами размежевания башкирских земель в конце XIX в. Детальная разработка этнического состава башкир в XVII—XVIII вв. потребовала использования многих сотен документов, опубликованных начиная с 1936 г. в многоименной серии «Материалов по истории Башкирской АССР», в «Истории Татарии в документах и материалах», а в дореволюционное время — в документальных сборниках, изданных В. В. Вельяминовым-Зерновым, А. И. Добросмысловым, В. А. Новиковым²⁸, в «Актах исторических», в «Дополнениях к Актам историческим» и в других многочисленных серийных и отдельных выпусках. Ценные сведения почерпнуты в Научном архиве БФАН СССР, в архиве Географического общества СССР, ЦГАДА, ЦГА БАССР. Наиболее яркими документами по родоплеменному составу башкир являются «Сведения о башкирских волостях, собранные в 1725—1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым», «Реестр и описание башкирских волостей, составленные около 1730 г. со слов камерира Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева», «Роспись разделения башкир Уфимского уезда по волостям или родам в 1735 г., составленная статским советником И. К. Кипилыловым», «Разделение башкирского народа по волостям и родам...» по П. И. Рычкову, 1762 г. и другие, опубликованные в разное время и в разных источниках. Дополняя друг друга, эти списки XVIII в., а также некоторые источники XVII в. по родоплеменному составу образуют

²² П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896.

²³ В. С. Юматов. Древние предания башкирцев Чувшинской волости. — «Оренбургские губернские ведомости», № 7, часть неофициальная, 1848; М. В. Лоссиевский. Из неведанных арабских и татарских хроник Оренбургского края. — Газ. «Оренбургский листок», 1881, № 6; его же. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. — «Справочная книжка Уфимской губернии», отд. V. Уфа, 1883; П. С. Назаров. Этнография башкир. — Этнографическое обозрение, № 1, 1890; М. Рамзи. Талфик-эль-ахбар-ва-Талкихал — асар диванлари Казан ва Болгар ва молекат-татар, т. 1. Оренбург, 1907; Х. Гата. Муфассал тарихи каими тюрки, т. 1. Уфа, 1909; М. Уметбаев. «Ядкар». Казан, 1897; С. Мирасов. Башкорт шежереһәре — «Башкорт аймағы», № 4, 1927; его же. Тәтәғәҗий шежереһәсе. — «Башкорт аймағы», № 2, 1927.

²⁴ Р. Г. Кузеев. Башкирские шежере. Уфа, 1960.

²⁵ С. У. Ремезов. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 60—70-х годах XVIII в. Приложение. М.—Л., 1956.

²⁶ И. Красильников. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «ландкартам» И. Красильникова и топографии П. И. Рычкова. СПб., 1880.

²⁷ С. И. Руденко. Указ. соч.

²⁸ В. В. Вельяминов-Зернов. Указ. соч.; А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России, тт. 1—2. Оренбург, 1900; В. А. Новиков. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

«С в о д», из которого можно извлечь сведения не только по племенному и родовому составу башкир, но и по их расселению, численности, административному устройству. В ряду этих же источников находятся обширные сведения о башкирах в известных сочинениях XVIII в. П. С. Палласа, И. И. Лепехина, И. Г. Георги.

Расширение территориально-этнических рамок исследования обусловило широкое использование сочинений средневековых восточных и западных ученых и путешественников. Восточные источники (среднеазиатско-хорасанская школа — Ибн Хордадбех, ал Балхи, Бируни, М. Кашгари, Абу-л-Гази; арабские и персидские писатели — Ибн Фадлан, Ибн Руста, ал Бекри, Масуди, Истахри, Гардизи, Идриси, Якут ал Хамави, Ибн ал Асир, Казвини, Абу-л-Фида, Джувейни, Ибн Батута, Рашид ал Дин, Ан-Нувейри, Аноним Искандера и др.) содержат сведения о башкирах в диапазоне IX—XVII вв., что позволяет в ряде случаев сомкнуть сообщения восточных источников с более поздними историко-этнографическими и архивными сведениями о башкирах. Сочинения арабо-персидских писателей привлечены преимущественно в публикациях на русском языке (Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави, В. Р. Розен, А. Куник, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, Ф. Вестберг, В. Г. Тизенгаузен, Н. И. Пантусов, А. П. Ковалевский, А. А. Ромаскевич, И. Умняков, А. Н. Кононов и др.) или на так называемом языке «тюрки» (Ш. Марджани, М. Рамзи, Р. Фахретдинов и др.). При этом автор стремился целиком учесть особенности средневековой восточной литературы, требующие критического отношения к сообщаемым им сведениям (см. работы И. Ю. Крачковского, А. П. Ковалевского, Б. Н. Заходера). Из западных источников наибольшее значение придано сочинениям Константина Багрянородного, Венгерского Анонима, Юлиана, Плано Карпини, Гильома де Рубрука, хотя использованы и более ранние (в частности, византийские) источники.

В процессе разработки общей концепции этнической истории башкирского народа широко привлечены в качестве источников м а т е р и а л ы по этнографии, археологии и общей истории тюркских и финно-угорских народов, опубликованные в научной литературе XIX—XX вв. В XIX — начале XX в. это классические исследования В. В. Бартольда, Н. А. Аристова, Г. Е. Грум-Гржимайло и др. В советское время это ценнейшие работы С. П. Толстова, С. А. Токарева, Т. А. Жданко, Л. П. Потапова, С. А. Абрамзона, Г. П. Васильевой, Б. О. Долгих, Б. Х. Кармышевой, Я. Р. Винякова, Л. Н. Гумилева, А. Х. Халикова, Г. А. Хисамутдинова, В. Ф. Генинга, В. А. Оборина, П. В. Денисова, Г. А. Сеева и многих других. В последние годы заметно возросло число научных публикаций по этническому составу и этнической истории тюркских и финно-угорских народов в республиках Средней Азии и Поволжья. Материалы и выводы этих работ, а также новейшие исследования в области тюркской филологии и общей истории упомянутых народов по возможности учтены в очерке.

Структура родоплеменной организации башкир. Общая характеристика башкирской родоплеменной этнонимии. Выбор наиболее целесообразных путей систематизации и картографирования материала по этническому составу потребовал предварительного анализа структуры башкирской родоплеменной организации. При этом автор исходил из того, что родоплеменная структура кочевников, в том числе башкир, фиксируемая источниками XVII—XIX вв., исторически сложилась на поздних (военно-демократических) этапах истории первобытно-общинного строя, а именно на стадиях возникновения кочевого скотоводства и патриархального рода. Уже в эпоху формирования патриархальный род кочевников базировался не только на связях, вытекающих из представлений о кровном родстве, а являлся ячейкой, имеющей совершенно определенные социально-классовые функции, характерные для общества переходного типа. Развернутое изучение родоплеменных организаций башкир в условиях XVII—XIX вв. позволяет отметить следующие общие моменты:

1. Структура родоплеменной организации башкир, в основе которой лежал принцип родства, обладала в то же время специфическими особенностями многоступенчатости, подвижности звеньев (особенно низших) и способностью родоплеменных организаций и их подразделений к сегментации.

2. Определение границ родоплеменных образований невозможно на основе башкирской терминологии, обозначающей родоплеменные организации, или традиций экзогамных брачных отношений, которые также обнаруживают свойства подвижности и нестабильности. Границы различных форм родоплеменных организаций башкир в новое время определяются на основе совокупности признаков, среди которых ведущее значение автором придается роли и функциям того или иного образования в системах землевладения и землепользования, а также в общественной жизни.

3. Реальное значение в башкирской родоплеменной системе имели три звена: племя, род, родовое подразделение. Однако употребление указанной терминологии условно. Она отражает действительную структуру родоплеменной организации башкир, учитывая сохранившиеся социальные функции за этими образованиями, но не имеет в виду того социально-экономического содержания, которое мы привыкли в строгом смысле этих слов подразумевать под этой терминологией.

4. Подвижность структуры родоплеменной организации башкир в сочетании с многочисленными обстоятельствами исторического и политического порядка (внедрение в состав племени «на правах» родовой организации групп населения иной этнической среды или, напротив, уход башкир с последующей их ассимиляцией в составе соседних народов; уладок или даже исчезновение в силу ряда причин родовой, а иногда и племенной организации и, наоборот, возвышение до положения «рода» родового подразделения и т. д.) убедительно объясняют возможность и вероятность постоянных изменений как в родоплеменном составе башкир, так и в их родовой этнонимии. Реализация этих возможностей и составляет одну из важных и интересных сторон этнических процессов, позволяющих исследователю как бы изнутри самого общества наблюдать за постепенной метаморфозой этнического облика народа.

Характеристика каждого звена родоплеменной структуры башкир показывает заметные различия в принципах организации различных племен, родов или родовых подразделений. Указанные различия касаются соотношения генетических и территориальных признаков, лежащих в основе этих образований, длительности их существования, степени устойчивости этнонимов и др. Например, можно зафиксировать присутствие в XVII—XVIII вв. в составе башкир п л е м е н : а) сложившихся в соответствии с естественным (имманентным) развитием племенной генеалогической структуры; родовые организации в этих случаях образуются в результате сегментации племен (бурзян, усерган и др.); б) возникших в результате группировки вокруг мощного племенного образования родовых организаций, не родственных основным родам, но связанных с ними рядом исторических или политических факторов (кыпчак, катый, ай и др.); в) представляющих союзов самостоятельных по этническому происхождению родов, отколовшихся от разных племенных или этнических образований и объединившихся в условиях Башкирии в силу тех или иных исторических обстоятельств (таныл, табын); г) не имеющих внутреннего родового членения, но представляющих по происхождению самостоятельные этнические образования и сохранивших собственную организационную структуру (сальют, сыряян и др.). Схожими чертами обладают родовые организации.

Описание башкирской этнонимии с учетом выявленных особенностей родоплеменной структуры позволяет выявить в ней ряд общих черт:

1. Племенные этнонимы отражают этническую историю башкир, уходящую корнями далеко в глубь веков. Хронологический диапазон конкретных этнических явлений определяется в каждом отдельном случае в зависимости от имеющихся источников.

2. Родовая этнонимия более сложное явление; в ней отложились этнические процессы разных времен и эпох, в том числе и самых поздних. Многие родовые этнонимы восходят, как и племенные, к древней и средневековой эпохам башкирской истории, по крайней мере, к I— началу II тыс. н. э.; но часть родовой этнонимии возникла в ходе этнических процессов на территории Башкирии в XIII—XVI вв., а в некоторых случаях и позднее.

3. Этнонимы родовых подразделений отражают этнические и социально-политические процессы в хронологическом отношении еще более обширной эпохи. В связи с тем, что процесс выделения родовых подразделений шел постоянно и реальное функционирование этих социальных организаций измеряется в среднем 1,5—2 столетиями, большинство этнонимов родовых подразделений надо отнести к новообразованиям (XVII—XIX вв.). В то же время нельзя упускать из виду и устойчивую преемственность в наследовании одним из родовых подразделений этнонима и тамги первичной организации. Это означает, что часть этнонимов родовых подразделений древнего происхождения.

Сформулированные положения о степени устойчивости различных звеньев родоплеменной этнонимии башкир могут быть распространены с некоторыми коррективками на аналогичные организации других кочевых или полукочевых в прошлом народов: казахов, киргизов, каракалпак, туркмен и др. Устойчивость традиционной родоплеменной этнонимии у этих народов падает от высших звеньев родоплеменной структуры к низшим; соотношение древних этнонимов и вновь образовавшихся меняется в пользу последних на низших ступенях родоплеменной системы.

Этнографические группы башкир в XVII—XIX вв. Особности историко-географического положения Башкирии на стыке различных природных и этнокультурных зон обусловили специфику в направлениях этнического развития различных частей башкирского народа. Это нашло соответствующее отражение в родоплеменном составе и в этнической истории различных этнографических групп башкир. Отмеченная особенность побудила автора рассмотреть этническую историю башкирских племен по этнографическим группам.

Этнографические группы характеризуются как этнические общности * таксономически более низкого порядка, чем народности. В большинстве случаев понятие «этнографическая группа» подразумевает часть народа, обладающую в пределах общей этнической характеристики известными культурным и языковым своеобразием, хотя, конечно, этим термином правомерно обозначать (особенно в эпоху средневековья) и самостоятельные этнические образования, имевшие тенденцию развиваться в народность или, напротив, слиться с другой, более устойчивой этнической общностью. В целом этнографической группе должны быть присущи компактное расселение на единой территории, своеобразие в культуре и быте (отражающее специфику хозяйственной жизни и этнической истории), местные особенности в языке. При высоком уровне языковой консолидации народности основным различающим показателем этнографической группы является специфика хозяйственно-культурного комплекса.

Как и любой другой тип этнической общности, этнографическая группа — категория историческая. В зависимости от истоков и условий формирования этнографические группы в составе современных этнических общностей подразделяются на два вида. К первому относятся такие группы, в основе которых лежат родоплеменные образования (или раннесредневековые этнографические группы), полная ассимиляция и этническая интеграция которых в пределах народности и ее территории в силу тех или иных исторических причин. В этих случаях в культуре такой этнографической группы ясно просматриваются древние черты, которые условно можно назвать «генетическими» (например, юго-восточная этнографическая группа башкир). Ко второму виду относятся этнографические группы, которые в современном виде сложились сравнительно недавно. Это обычно часть уже сформировавшегося народа, этнокультурный облик которой в определенных исторических условиях и, как правило, под воздействием внешней этнической среды претерпела заметную трансформацию, в той или иной степени отклонившись от общего направления культурного развития народности. В культуре таких этнографических групп домини-

* Теоретические вопросы, касающиеся дефиниций этнических общностей и их типологии, освещены в ряде статей этнографов, опубликованных в связи с известной дискуссией о нации в журналах «Вопросы истории», «Советская этнография» и др. (см. статьи 1964—1970 гг. С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова, Ю. В. Бромлей, В. И. Козлова, Л. П. Лашука и др.). В процессе конкретного исследования автор исходил из следующих общих положений:

1. Этнические общности всех типов являются категориями историческими, которые формируются на базе общности ряда постоянно развивающихся признаков (главные из них — язык, территория, культура, хозяйственно-экономическая жизнь), значение и выразительность которых на различных стадиях социально-экономического развития общества неодинаковы. Если на ранних этапах истории этнических общностей ведущие консолидирующие функции принадлежали языковым, культурным и территориальным связям, то со вступлением общества в эпоху классового развития возрастающее значение приобретает экономические связи, которые дополняются обычно связями политическими. При всем этом этническая общность характеризуется не как организация, обладающая лишь той или иной суммой признаков, а как «целостная система», осознающая эту свою целостность» (Ю. В. Бромлей. Этнос и этносоциальный организм. — «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.», М., 1970, с. 34), т. е. с ясно определявшимся чувством этнического самосознания.

2. Основными типами этнических общностей, исторически последовательно сменявшими друг друга, являются племена, народности, нации (буржуазные и социалистические), возникновение, существование и развитие которых тесно связано с уровнем и характером социально-экономического и политического состояния общества. В этом смысле этнические общности всех порядков являются этносоциальными (или социально-этническими) организациями, обладающими, кроме собственно этнической, социальными (социально-экономическими, политическими, территориальными...) характеристиками.

3. Реальная типология этнических общностей, особенно в эпоху формирования раннеклассовых обществ в мире кочевников, выглядела сложнее. Общественные отношения кочевников, характеризующиеся сложным сочетанием патриархально-родового уклада с развивающимися или господствующими феодальными отношениями, несмотря на признаки социально-экономического строя переходного типа, существовали на протяжении многих столетий и составляли в их истории целую эпоху. В соответствии с этим в среде ранних турецких кочевников формируются и в течение длительного времени проявляют устойчивость переходные (от племен к народностям) состояния этнических общностей, которым свойственны различные комбинации родоплеменных и территориальных связей. В качестве пережитка родоплеменные деления сохранялись даже у омоничально сформировавшихся народов (казахов, киргизов, туркмен, башкир и др.) в полове время.

нируют поздние наслоения, которые можно условно назвать «приобретенными» (северо-западная этнографическая группа башкир).

Изучение этнографических групп имеет большую ценность для исследования этнической истории народа как на ранних, так и на поздних ее этапах. Хозяйственно-культурная и языковая характеристика этнографических групп, анализ соотношения «генетических» и «приобретенных» признаков, выяснение на этой основе времени их формирования и т. д. открывают обнадеживающие перспективы в исследовании этногенеза народа. Тщательный анализ этнического состава этнографических групп и последовательное изучение их истории с момента становления до современного состояния дают возможность установить роль и удельный вес различных этнических компонентов в происхождении и формировании народа, в данном случае башкирского.

Ниже приведены выводы, полученные в результате изучения этнографических групп башкир²⁰:

1. На основе развернутого анализа территории распространения хозяйственно-культурных комплексов выделены четыре историко-этнографических района Башкирии, границы которых в XVII—XIX вв. изменялись в соответствии с направлениями хозяйственно-культурного и этнического развития. Результаты анализа согласуются с данными новейших исследований в области башкирской диалектологии.

2. В составе башкир четко фиксируются следующие этнографические группы, расселение которых в основном совпадает с границами историко-этнографических районов Башкирии:

- а) Юго-восточная;
- б) Северо-восточная, подразделяющаяся на подгруппы: северную (айско-юрюзанская), уральскую и горную. По ряду признаков, а также в связи с обособленностью территории, горные башкиры могут быть выделены и в самостоятельную этнографическую группу;
- в) Юго-западная с подгруппами демской и южной (оренбургские, саратовские и куйбышевские башкиры);
- г) Северо-западная с подгруппами: северной, нижнебельской и икской.

В историко-этнографической литературе упомянутые раннесредневековые этнические общности обозначаются по-разному («большие племена», «группа племя», «племенная общность», «улуская общность», «племенной союз», «древняя народность», «этнос», «этнографическая группа»), что, с одной стороны, свидетельствует о стремлении исследователей зафиксировать различные этапы развития этнической общности и ее консолидации в народность, с другой — показывает недостаточную разработанность типологии этнических образований, предшествовавших народностям.

4. История любого типа этнической общности проходит стадии формирования, стабилизации и более или менее длительного существования и, наконец, конечного развития, которое может заключаться либо в полном исчезновении общности (в результате, например, ассимиляции в составе других образований), либо в дальнейшей консолидации в следующей, более высшей тип общности. Длительность этих стадий измеряется столетиями, и этнические общности (в частности, народности) на разных полюсах своего развития могут существенно различаться как по этнической, так и социальной характеристике. В литературе, например, упоминаются народности «рабовладельческие», «феодалные» (или просто «древние»), «буржуазные», «социалистические». Однако степень социально-этнической консолидации народностей может различаться и в пределах одной, скажем феодальной, формации, тем более в тех странах, которые не знали рабства как способа производства. В литературе, однако, не существует терминология (кроме описательной) для обозначения народностей на различных этапах их формирования.

5. В процессе исследования этнической истории башкир, к которым целиком относятся указанные выше особенности, преимущественно применяются следующие термины, отражающие различное этноязыковое и социально-политическое состояние этноса:

«группа племен» или «племенная объединение» — с момента появления (по письменным источникам) этнонима *башкирт* до активного смешения башкирских племен с родоплеменными образованиями нетюркского происхождения на территории современной Башкирии (VII—X вв.);

«древнебашкирский этнос» — в период существования многоплеменного образования под общим названием (*башкирт*), внутри которого шел процесс этнической интеграции в направлении тюркизации всего объединения и формирования некоторых этнических признаков, характерных для современной башкирской народности (XI—XIII вв.);

«формирующаяся народность» — в эпоху, когда ярко и отчетливо проявились сложение и вызревание хорошо известных нам типичных этнических признаков башкирской народности, а также — социально-экономические процессы внутренней консолидации (XIII—XVI вв.);

«народность» — когда отмеченное выше развитие дополнилось территориально-политической консолидацией башкир (XVI—XVII вв.).

Несмотря на условность или описательность некоторых терминов, применение их оказывается целесообразным для характеристики различных стадий становления башкирского народа.

²⁰ Специально см.: Р. Г. К у з е в. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования. — АЭБ, т. 3.

3. Этнографические группы формировались постепенно и сложились в современных очертаниях сравнительно поздно, в XVII—XIX вв. Их этнический облик в разной степени и разных соотношениях отражает как древние (племенные) черты, так и поздние, сложившиеся в результате территориального взаимодействия различных групп башкирского и небашкирского населения.

4. Сила воздействия различных факторов (хозяйственных, политических, демографических, этнических, культурных...) на формирование этнографических групп в разные эпохи менялась. Если после XVI в. наиболее сильным было воздействие оседло-земледельческого хозяйства и мощной волны переселенцев, то в более раннее время в сложении региональных особенностей культуры и языка решающее значение имела родоплеменная принадлежность составных частей складывающихся этнографических групп.

Юго-восточные башкиры³⁰. 1. В юго-восточную этнографическую группу башкир входят племена * *юрматы* (гальтим, татигас, кармыш, юрматы, ногай, мишар), *бурзян* (мунаш, ногай-бурзян, ямаш, янсары, байулы), *усерган* (сураш, айбу, буре, бишей, шишей), *тангаур*, *тамьян* (мулют, куюн, мясгут), *кыпчак* (суун, бушман, санкем, гэрэй, карагай, кара-кыпчак, сарыш, туркмен или ногай-кыпчак, сары, джете-уру). Общая численность юго-восточных башкир в конце XVIII в. составляла около 150 тыс. человек.

2. Родоплеменной состав и история расселения юго-восточных башкир отражают различные этапы их этнической истории.

Племя юрматы принадлежит к раннему (по определению автора очерка — к болгаро-угорскому) этническому слою башкирского этноса, образовавшемуся на базе смешения тюркского и угорского (древнемадыярского) населения на территории формирующейся Волжской Булгарии и сопредельных областей. Вывод подтверждается расселением племени в XIII—XIV вв. в восточном Закамье в ближайшем соседстве с волжскими булгарами, тождественностью племенного названия юрматы с древневенгерским этнонимом *Gyermat*, этническим родством юрматынцев с болгарским родом *юрми* или *ерми*, пребыванием рода юрми в составе приазовских и дунайских болгар, болгарской оронимией (Тура-Тау, Курман-Тау) и гидронимией (Жем, Уран) на новой южноуральской территории юрматынцев, параллелями в материальной и духовной культуре башкир, волжских болгар, татар и чувашей и, наконец, происхождением этнонима *юрматы* из того же тюркского языка с чувашским отпечатком, из которого происходят остальные наши (т. е. венгерские. — Р. К.) заимствования из древнетюркского языка³¹.

Племена усерган и тангаур (раннесредневековые 'баджгарды'), племя бурзян (раннесредневековые 'бурджаны'), сыгравшие в этнических процессах Приуралья консолидирующую роль, имели (так же как и племя тамьян) центральноазиатское — тюркское (усерган, бурзян) или монгольское (тангаур, тамьян) — происхождение. История этих *древнебашкирских* племен развивалась в иранской, угорской и, особенно, в тюрко-печенеческой этнической среде Приуралья, позже — в этнополитической орбите приазовских болгар³². В момент миграции из Приуралья в Восточную Европу 'баджгарды' и 'бурджаны' в этническом отношении принадлежали к печенежскому миру, но их более древние этноисторические связи с ушедшими ранее на запад булгарами, судя по сообщениям восточных источников и некоторым историко-этнографическим данным, не были окончательно утрачены.

Кыпчакские роды восходят к тюркским, частично — к монгольским племенам Центральной Азии и Алтая, прошедшим этап этнической интеграции в Дешт-и-Кипчаке.

3. Миграция племен юрматы, усерган, тангаур, бурзян с Северного Кавказа и Нижнего Поволжья имела место в IX в. Баджгардо-бурджанская группа племен, так же как и юрматынцы, переселилась в Приуралье или в составе болгарского потока, или вслед за ним.

³⁰ Здесь и ниже представлены лишь итоговые данные проведенных исследований по этническому составу и истории расселения башкир. Подробно см.: Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикулатов, С. Н. Шитов а. Зауральские башкиры (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.). — АЭБ, т. 1, стр. 171—210; Р. Г. Кузеев. Родоплеменной состав башкир в XVIII в.; Т. М. Гаринов, Р. Г. Кузеев. Следы алтайской этнонимии в родоплеменной номенклатуре башкир. — «Проблема общности алтайских языков». Л., 1969; Р. Г. Кузеев. Этническая история башкир с конца I тысячелетия н. э. до XIX века (историко-этнографический анализ). — «Научная сессия по этногенезу башкир». Уфа, 1969.

³¹ В скобках даны названия родов.

³² G. Némethy. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren, p. 19.

³³ Специально об этом см.: Р. Г. Кузеев. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. — АЭБ, т. 3; его же. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью. — Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год. Уфа, 1966.

4. Центром первоначального расселения племен юрматы, усерган, тангаур, бурзян, тамьян была Бугульминская возвышенность от района водораздела рек (восточные районы современной ТАССР и северо-восточные — Куйбышевской области) до левобережья р. Белой. Племя юрматы занимало территорию по рекам Степной Зай и Шешма в юго-восточном соседстве волжских булгар; усерганы, бурзяне, тангауры, тамьянцы кочевали на территории между юрматинцами на западе и р. Белой — на востоке.

5. Начало собственно кыпчакской миграции в Башкирию относится к XI—XII вв., но наиболее массовым их проникновение было в XIII—XIV вв. Кыпчаки первоначально заселили всю территорию западной Башкирии к югу от нижнего течения р. Белой. Смешавшись с местными и ранее пришедшими племенами, кыпчаки сыграли значительную роль на завершающих стадиях формирования этнического облика юго-восточных башкир.

6. XIII—XV вв. являются периодом наиболее крупных передвижений башкирских племен с Приуралья на Южный Урал и в Зауралье. Здесь юго-восточные племена ассимилировали тюркских кочевников, приток которых из юго-восточных районов страны не прекращался со второй половины I тыс. н. э. Этнические связи Южного Урала и Приуралья, имевшие глубокие исторические традиции, развиваются и в последующие века, способствуя стабилизации степной культуры и традиционных форм хозяйства юго-восточных башкир.

7. Этническая основа юго-восточной этнографической группы башкир сложилась на базе синтеза местного (финно-угорского), булгаро-угорского (племя юрматы) и древнебашкирского (племена усерган, бурзян, тангаур) компонентов, при ведущей роли последнего. Существенную роль в этническом развитии юго-восточных башкир сыграли также кыпчаки, которые, однако, и сами восприняли немало черт, характерных для древних башкир. Разговорный язык юго-восточных башкир составляет ик-сакмарский говор южного диалекта башкирского языка.

Северо-восточные башкиры. 1. Северо-восточные башкиры распадаются на три родоплеменных объединения — айлинское, катаяское и табынское. А й л и н с к о е объединение включало племена: ай (ай, тырнаклы, каратаулы, туркмен, сарт-айле), *мурзалар, дуван, кошсо, кудей* (шайтан, кыр, урман, туркмен, буялкей), *сызгы, упей*; к а т а й с к о е: *катай* (низер-катай, кузгун, идель-катай, кара-катай с дочерними родами улу, бала, ялан), *салют, сынрян, бикатин, калмак*; т а б ы н с к о е: *табын* (кара-табын, барын, телая, кубаяк, кесе, юрман, кальсер, дуван, сарт), *кувакан* (елан, сагит, тау, сатка, кыркулье, тюбеляс), *сызгы, бишул, бадрак, кумрук*. Общая численность северо-восточных башкир к концу XVIII в. составляла около 80—85 тыс. человек.

2. Родоплеменной состав северо-восточных башкир включает компоненты — тюркские, монгольские, финно-угорские, отражающие различные этапы этнической истории башкирского народа на протяжении более чем одного тысячелетия.

3. С ранними этапами этнической истории башкир, которые характеризуются взаимодействием и смешением тюркских и финно-угорских (преимущественно — угорских) племен, связаны родоплеменные образования *кесе, кальсер, юрман-табын; урман, шайтан, булжак-кудей, бишул, сызгы, упей, сынрян, терсяк, бикатин*. Тюрко-финно-угорское (или древнебашкирско-угорское) взаимодействие и смешение имели место на разных территориях и в разное время.

Истоки этнической истории табынских родов *кесе, кальсер, юрман* (юрман) — восходят к древнетюркскому миру Центральной Азии и Алтая. В составе общего миграционного потока кочевников они в середине I тыс. н. э. переселились на запад, где в лесостепной полосе Западной Сибири и казахстанских степей смешались с угорскими племенами. Уже тогда эти или аналогичные этнонимы могли принадлежать племенам, говорившим как на тюркских, так и на угорских языках (ср. *кочагир — кичигир* у приволжских угров; *кесе* — у средневековых венгров; *кесе, кичи* — у башкир, туркмен, узбеков).

Племена *кудей* и *бишул* — тюркские по происхождению — находились в составе или в этническом окружении древнебашкирских (баджгардо-бурджанских) племен до их миграции в Башкирию. Расселившись в VIII—IX вв. в юго-западном Приуралье, кудейцы, в меньшей степени — бишулцы смешались с остатками древнемаярского населения, а позднее — с другими местными финно-угорскими и пришлыми тюркскими племенами, что отложилось как на внутриплеменной этнонимии кудейцев и бишулцев, так и на особенностях их исторического фольклора и некоторых черт культуры.

Племена *сызгы, упей, сынрян, терсяк, бикатин* являются пришельцами в северо-восточную Башкирию из юго-западного Приуралья — основного района формирования древнебашкирского этноса. По происхождению эти племена местные, финно-угорские (сызгы, упей) или, ве-

роятно, потомки тюркизированных еще в Западной Сибири угров (сырян, терсяк, бикатин). В юго-западном Приуралье все эти племена были вовлечены в конце I тыс. н. э. в процесс формирования древнебашкирского этноса и в первых веках II тыс. н. э. передвинулись в общем потоке движения катаякских или айлинских племен в северную и северо-восточную Башкирию, где они вновь пережили этап этнического смешения с местным населением.

4. К сравнительно раннему тюркскому этническому слою северо-восточных башкир принадлежит племя *ай (айле)* и связанные с ним или входящие в его состав родовые группы *тырмакыл, каратаулы, сарт*. Имея центральноазиатские корни происхождения, айлинцы, а также мурузарцы формировались в основном в печенежско-огузской среде присырдарьинских степей. После ухода основной части баджгардов и бурджан из Приаралья на запад айлинцы — некогда родственные им образования — подпадают под преимущественное влияние этнического мира огузо-кыпчакских племен.

В древней истории айлинцев определенную роль сыграло их взаимодействие с уграми на пограничной зоне степей и лесостепей Приаралья и Западной Сибири. Имеются основания предполагать, что 'баджгарды' представляли во второй половине I тыс. н. э. тюркское племенное объединение, инкорпорировавшее в свой состав группы верхнеобских или западносибирских тюркизированных угров. Айлинцы одно из тех образований, которые принесли на Урал в X—XII вв. второе название башкир — истяк или иштяк — связанное с древним этапом башкиро-угурского смешения.

5. *Катай и салют* — племена монголо-тюркского происхождения, вышедшие из этнической среды средневековых киданей, найманов и салджиутов. Этническая история катаяцев и салютов развивалась параллельно, по крайней мере с начала II тыс. н. э., и тесно связана с политическим возвышением и падением кара-китайской и найманской конфедераций.

6. Собственно табынцы (род *кара-табын*) и входящие в табынское объединение образования (роды *теляу, кубалык-табын*; племена *кувакан, сырыве*) имеют древнетюркское происхождение. Ранняя этническая история предков табынских башкир развивалась в рамках тюркских племенных конфедераций Алтая. Табынцы сильно смешались с монгольскими родоплеменными группами, в частности с киданями и их тюркизированными потомками — кара-китаями. Этническая история табынских родов накануне их движения на запад, в Поволжье, развивалась в дулатоусуньской и кыпчакской среде.

Племя табын в Дешт-и-Кипчаке в XII в. явилось основой одного из значительных этнополитических образований, которое объединяло различные по происхождению, но преимущественно тюркские и монгольские (*барын, дуван*) племена и роды.

7. В этническом формировании северо-восточных племен существенную роль сыграли кыпчаки, влияние которых прослеживается начиная с XI—XII вв., но наиболее сильным было в XIII—XIV вв. К этому позднему этапу кыпчакизации относится миграция в северо-восточную Башкирию ряда кыпчакских и кыпчакизированных родоплеменных образований: рода *туркмен-кудей*, племен *коисо, дуван*, родоплеменных групп *таз, таулы* и др.

8. Заселение северо-восточной Башкирии шло как с востока, из Зауралья (айлинцы — в X—XII вв.), так, и особенно, с запада, через Приуралье (катаяцы, табынцы — в XIII—XIV вв.). Миграционная волна с запада разделилась на два потока: катаякские башкиры направились через северо-западную, табынцы — через центральную Башкирию. В XIV в. на северо-востоке Башкирии образовались контуры трех родоплеменных групп: на севере — катаякской, на территории Уфимского плато — айлинской, в южном соседстве от них — табынской. Позже, в XVI—XVIII вв., башкиры всех трех родоплеменных объединений заселили степное Зауралье, где образовался этнографический район на базе смешения катаяцев, айлинцев и табынцев с местными и вновь пришлыми группами населения (калмаки, сибирские татары, казахи, уральские и зауральские угры).

9. Вместе с айлинцами табынцы и катаяцы составили основу северо-восточной этнографической группы башкир, разговорный язык которой совпадает с восточным диалектом башкирского языка.

В этническом формировании северо-восточных башкир существенное значение имело сравнительно длительное пребывание большинства племен и родов, прежде всего табынских и катаякских, в юго-западном Приуралье. Именно там произошли смешение, этнокультурное сближение различных племен и интеграция основных этнических показателей катаяцев, табынцев и древнебашкирских племен. Отсюда этнические признаки формируются башкирского народа

были перенесены на новые территории северо-восточных районов современной Башкирии.

Юго-западные башкиры. 1. Юго-западные башкиры подразделялись на две подгруппы — д е м с к о ю и ю ж н ю ю. Основу демской подгруппы составляло племя *мин* (иль-куль-мин, куль-иль-мин, кырк-уйле-мин, суби, уршак, миркит, кубоу, мин, сарылы-мин). Численность минцев в XVII в. составляла около 15 тыс. человек. Южная подгруппа представляла собой конгломерат башкирских родоплеменных образований, переселившихся в XVI—XVIII вв. на юг со всей Башкирии, с заметным преобладанием, однако, юго-восточных племен.

2. Племя *мин* (минг, мингат) — древнетюркского происхождения. В процессе расселения и исторического развития оно сильно смешалось с тюркскими и монгольскими (миркит) группами. Особенно важен этап кыпчакизации, в который минцы вступили, когда достигли области Черного Иртыша и более западных земель. Распространенность среди минцев кыпчакской тамги показывает значительные масштабы и глубину кыпчакского проникновения в среду минцев. Существенно способствовало развитию минских родов в направлении кыпчакизации и их смешение в начале XIII в. с кыпчакизированными кочевниками, рассыпавшимися по степи после разгрома монголами найманов, кара-китаев, миркитов и других племен.

3. В XIII—XIV вв. минцы составили одно из образований Золотой Орды, которое локализовалось по мере распада золотоордынского государства в пределах Белой Орды. Минцы участвовали в междоусобной борьбе в Мавераннахре накануне взятия Тимура. Миграция некоторых минских родов с Мавераннахра на Урал связана с укреплением власти Тимура и начавшейся враждой с Тохтамышем. Оставшиеся на Сыр-Дарье минцы влились в основном в состав узбекского народа.

4. В Приуралье минские роды расселились в западной Башкирии, в соседстве или на одной территории с катаяцами. Это был период, когда шел процесс активной миграции башкирских племен на север и восток Башкирии, в горы. Минцы были захвачены этим движением и передвинулись в район слияния рек Уфы и Демы с Белой. В XV—XVI вв. минские роды заняли весь бассейн р. Демы, ассимилировав в своем составе оставшиеся здесь группы ногайцев.

Разговорный язык юго-западных башкир совпадает с демским (или демско-караидельским) говором южного диалекта башкирского языка.

Северо-западные башкиры. 1. Северо-западная этнографическая группа, подразделяющаяся на и к с к у ю и северную подгруппы, по этническому составу наиболее сложная. В и к с к у ю группу входят племена: *буляр* (мышыга, кадыр), *байлар* (сураш, салагуш, калмаш), *юрми*, *иркитэ*; в н и ж н ю ю — *еней* (бугазы, тугыз, комбар), *гэрэ* (урман-гэрэ, иль-гэрэ), *киргиз* (тэнкэй, кадыкай), *елан* (эске-елан, идель-елан, кыр-елан), *ельдяк* (кыр-ельдяк, бурэ-ельдяк, уфа-ельдяк), *канлы* (идель-канлы, юрактау, актау, сындаш), *дуваней* (йылкысы), *кариши* (кадрый, карга, сатлыган), *таз*, *уаныш*; в с е в е р н ю ю — *уран*, *гайна* или *тархан* (тул-гайна, тур-гайна, бисер-гайна, мул-гайна), *балыксы*, *ун* (ун, су-ун, байкы, кыр-ун), *таньт* (су-таньт, кара-таньт, кайпан, казанчи). Общая численность северо-западных башкир в XVIII в. составляла около 100 тыс. человек.

2. В расселении северо-западных башкир в XVII—XIX вв. отмечаются следующие особенности:

и к с к и е б а ш к и р ы заселяли долину Ика от истоков до устья, однако занимали более значительные территории по левобережью реки до районов верхних рек Степной Зай, Шешма и др.; нижнебельские башкиры локализовались в начале периода в долине р. Белой по обоям ее берегам, хотя наиболее плотным было расселение по левобережью;

с е в е р н ы е б а ш к и р ы занимали в XVII в. более широкую область; в XVI—XVII вв. образовалась тенденция движения северных и, в меньшей степени, нижнебельских башкир на восток в результате сокращения земельных площадей, а также некоторых причин политического характера.

3. Западная Башкирия, в частности территория к югу от р. Белой — основной и наиболее древний район этнических процессов, приведших к сложению башкирской народности. В этническом составе северо-западных башкир отложились следы участия в формировании башкирского народа в этой зоне различных племен и народов начиная с I тыс. н. э.

4. Крайнему компоненту башкирского этноса относятся племена *юрми*, *еней*, *гайна* (*тархан*), *буляр*, собственно таньтские роды, происхождение которых связано с волжско-булгарской и угорской (мадьярской) средой эпохи активных булгаро-угорских этнических контактов (VIII—IX вв.).

5. В состав древнебашкирского ('баджгардо-бурджанского') этнического компонента (VIII—IX вв.), сыгравшего определяющую роль в формировании башкирского этноса, входили племена *байлар, ун*, возможно род *кайпан*, а также мелкие образования (*сураш, истяк* и др.).

6. В северо-западной Башкирии наиболее четко просматривается крупная роль на завершающих этапах башкирского этногенеза (XIII—XV вв.) собственно кыпчакской миграции (*канлы, гэрэ, елан, киргиз, каршин, ельдяк*, возможно *казанчи*), а также миграционных потоков кыпчакизированных племен тюрко-монгольского происхождения катаякской и табынской групп (*балыксы, дуван, таз, уран, ирэкты*).

7. До конца XII в. основным районом расселения северо-западных башкир остается юго-западное Приуралье, к югу от р. Белой. Массовое продвижение башкирских племен на север начинается с конца XII в. и продолжается до XVI в., когда башкиры достигают течений рек Тула, Сытва, Бисертъ, верховьев Чусовой.

8. В этническом формировании северо-западных башкир существенную роль сыграло местное, а позднее и пришлое финно-угорское население (племя *уваныш*, подразделения *ар, сирмеш, нукшы* и др.), которое, однако, сохранило мало самостоятельных родоплеменных образований, ассимилировавшись в составе тюркских (башкирских) племен.

9. С XVI в., в результате нарастающего колонизационного потока с Поволжья, постепенно меняется как этнографический состав населения северо-западной Башкирии, так и направленные этнические процессы в значительной части этого района. Численное преобладание в составе переселенцев татар дает толчок этническому и языковому развитию башкир в сторону татаризации.

10. В сложении этнической основы северо-западной этнографической группы башкир ведущую роль сыграли кыпчакские родоплеменные образования, ассимилировавшие булгаро-угорское, древнебашкирское и местное население. Позднейшая миграция татарского населения с Поволжья стабилизировала и углубила культурно-языковую обособленность северо-западных башкир.

Происхождение башкир и формирование башкирской народности (вторая половина I тыс. н. э.— XVI в.)

Этнические процессы в Приуралье во второй половине I тыс. н. э. Сложение древнебашкирского этноса. Наиболее трудной и наименее разработанной темой в этногенетической проблематике по башкирам является этнический состав населения Башкирии и его динамика на протяжении I тыс. н. э. Окончательное решение этой темы—задача будущего, причем картина должна будет проясниться главным образом на основе достижений археологии и совершенствования методов этнической интерпретации археологических источников. Изложенные ниже итоговые заключения являются предварительными и опираются на достигнутые сегодня успехи археологов. В ходе работы использована большая археологическая литература, в частности, исследования А. П. Смирнова, К. В. Сальникова, А. Х. Халикова, Р. Б. Ахмерова, В. Ф. Генинга, Н. А. Мажитова и других, однако надо подчеркнуть, что автор не во всем следовал выводам упомянутых исследователей, имея в виду отмеченное выше отсутствие единства взглядов между самими археологами. В итоге анализа результатов археологических изысканий с привлечением выводов палеоантропологии сформулированы следующие выводы.

1. Территория Башкирии в силу особенностей ее географического положения с древнейших времен входила в зону контакта оседлых охотничье-земледельческих и кочевых скотоводческих племен. В эпоху раннего железа степные и лесостепные районы южной Башкирии занимали ираноязычные сарматские племена — продолжатели культуры савроматов. Среднее и нижнее течение р. Белой занимали племена пьяноборской и кара-абысской культур, сформировавшиеся на базе ананьинской культуры, носители которой в этническом отношении принадлежали к восточнофинской ветви финно-угорской языковой группы. В северо-восточных районах Башкирии встречаются редкие памятники каменогорской культуры; каменогорцев К. В. Сальников считал уграми, испытывавшими влияние зауральских сарматов. Нарисованная картина этнокультурного состава населения Башкирии сохраняется примерно до III в. н. э. Характерными ее чертами были: соседство и взаимодействие двух больших этнических зон—сарматской и финской; нависшаяpronикновение из Зауралья угорского населения.

2. В III—IX вв. этнический состав населения Башкирии становится чрезвычайно сложным. Здесь обитали племена, принадлежавшие к персской и волжской ветвям финноязычного этнического мира (бахмутинская, мазунинская, именьковско-романовская культуры; именьдешевский культурный комплекс), ираноязычные сармато-аланские племена (турбаслинская культура), к которым позднее присоединились племена угорского (или угро-самодийского) происхождения (кушнаренокская, кара-якуповская культуры). В составе некоторых групп пришлого населения (например, кушнаренокцев), начиная примерно с VI в., могли быть тюркизированные угры.

3. Рассматриваемый период, особенно вторая его половина, характеризуется активным взаимодействием и смешением финноязычных племен лесной зоны с продвигавшимися к северу сармато-аланскими кочевниками, а позднее с племенами угорской миграции, в составе которых присутствовал и тюркский компонент.

Значительным достижением археологии является установление угорской миграции в Приуралье, которая имела место с III в. н. э. и с новой силой возобновилась с V—VII веков. Угорские племена установили тесные контакты как с оседлым охотничье-земледельческим и земледельческо-скотоводческим населением лесной зоны (бахмутинцы, мазунинцы, именьдешевцы), так и с кочевниками лесостепного района (турбаслинцы). Археологические материалы подтверждают непрерывность начавшегося значительно раньше сармато-аланского проникновения в Приуралье, пренебрежительно в районах южной и западной Башкирии. Сармато-аланские племена, неся в новую для них среду степные традиции и кочевническую культуру, сами смешивались с местным и пришлым финно-угорским населением.

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о времени и масштабах проникновения ранних тюрков в Приуралье. Историко-критический анализ существующих гипотез, возникших на почве археологии, и их сопоставление с данными исторического языкознания, вопреки активному разрабатываемому в последние годы тезису о ранней тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья²⁸, приводят автора к заключению лишь о вероятности проникновения в V—VII вв. тюркских или тюркизированных групп в Приуралье и на Среднюю Волгу как с востока (из Зауралья, Западной Сибири и Приаралья), так и, особенно, с юга (из районов Прикаспия и северокавказских степей). Однако установление масштабов тюркского проникновения и роли раннетюркского компонента в сложении этнического облика населения Волго-Камья вряд ли возможно до нового накопления материалов. Имеющийся же материал пока, на наш взгляд, не позволяет говорить о сколько-нибудь существенной роли тюркского компонента в эту эпоху.

Значение проникновения ранних тюрков или тюркизированных племен в Волго-Уральский район в V—VII вв. заключается, по мнению автора, не в том, что уже в этот период здесь формируется тюркоязычная племенная основа башкир и татар, что невозможно пока доказать в этноязыковом аспекте, а в сложении в эту эпоху и постепенном расширении двух основных каналов тюркского проникновения на Среднюю Волгу и в Приуралье: южного — с Нижней Волги, из северокавказских и приазовских степей и восточного (юго-восточного) — из Приаралья, степей Казахстана и сибирского Зауралья. Активная миграция с VIII в. тюркских племен по этим уже издавна знакомым путям в Волго-Уральскую область во многом предопределила как общие черты, так и особенности в этногенезе башкир и татар. При том, если обратиться к тенденциям, существовавшим на протяжении многих столетий и преемственно унаследованным тюркскими племенами середины и второй половины I тыс. н. э., приходится признать, что в этноисторической судьбе тюрков Поволжья и Приуралья, по крайней мере до рубежа I и II тыс. н. э., более существенную роль играли южные связи.

Основным направлением этнического влияния гуннов и тюрков, которое сказалось позже, но для этногенеза башкир в конечном итоге явилось весьма существенным, были консолидация собственно тюрков в Средней Азии и на территории современного Казахстана, а также тюркизация и внедрение тюркской кочевнической культуры среди племен, расселившихся на главных путях их движения в Приаралье, прикаспийских степях и на Северном Кавказе. В этом свете представляются чрезвычайно важными относящиеся к концу I тыс. н. э. аналогии, установленные А. Х. Халиковым в памятниках Волго-Уральского региона и южных, предкавказских и прикас-

²⁸ Н. А. Мажитов. Новые материалы о ранней истории башкир. — АЭБ, т. 2; его же. Башкортостан археологияны. Өфө, 1968; его же. Происхождение башкир (историко-археологический анализ). — АЭБ, т. 4; А. Х. Халиков. Итоги формирования тюркоязычных народов Поволжья в Приуралье.

пийских степей⁸⁴. Однако тюркские и тюркизированные племена — наследники гунов, древних тюрков и ассимилированное ими население в Приуралье и на Северном Кавказе — значительными группами двинулись на запад и север лишь в VII—VIII вв., уже после распада Западно-тюркского каганата, когда на огромной территории их бывшей империи установился нестабильный период борьбы, междоусобиц, вызвавший известный по письменным и археологическим источникам отлив части населения с этих земель.

4. Археологические данные VIII—IX вв., которые показывают, что этническая карта Приуралья в этот период остается пестрой, хотя археологами отмечается заметный процесс интеграции различных культур. Основными моментами в этнической картине в Волго-Уральском регионе указанного периода являются: а) миграция в VIII в. из Приазовья на Среднюю Волгу болгарских племен; б) фиксируемый в настоящее время рядом археологов многоплеменной состав болгарского потока; в) эпизодическое проникновение болгарских или праболгарских племен в VIII—IX вв. на территорию Приуралья вплоть до течения р. Белой (Стерлитамакский могильник); г) продолжение в западной и северо-западной Башкирии некоторых этнокультурных традиций предшествующего периода, хотя одновременно отмечается начиная с VII—VIII вв. исчезновение или существенное уменьшение числа памятников бахмутинской, мазунинской, турбаслинской, кушнарниковской культур; д) появление преимущественно на территории восточной и южной Башкирии в VIII—X вв. курганных могильников, принадлежащих тюркоязычным кочевникам, еще тесно связанным с лесными финно-угорскими полукочевниками.

5. Основная тенденция этнического развития на территории от Волги до Урала предопределяется приходом тюркоязычного болгарского населения. С миграцией на Волгу болгарские племена вступают в активное взаимодействие с местным населением, при этом этнические процессы характеризуются преобладанием болгарского влияния, которое в восточном направлении проникает в районы Приуралья. В то же время не исключается продвижение в Поволжье и участие в формировании болгарского населения VIII—IX вв. приуральских племен, появившихся к западу от Урала в середине I тыс. н. э.

6. Одним из главных моментов нового этапа этнической истории в Поволжье было болгаро-мадярское взаимодействие в хронологическом диапазоне с конца VII до начала IX в.

На фоне разработанной в общих чертах истории угорского продвижения к западу от Урала в III—VI вв. имеется, по мнению автора, возможность приступить к решению вопроса о вероятной территории древних мадяр и основной зоне болгаро-мадярского взаимодействия. Историко-критический обзор литературы и источников приводит к выводу, что лингвистические, историко-этнографические данные и сообщения средневековых авторов не расходятся в определенных территории «Великой Венгрии». Древние венгры жили на левобережье Волги, в долинах рек Б. Черемшан, Кундурча, Сок, Кинель, в непосредственном соседстве с волжскими булгарами. На востоке их территория достигала района водораздела рек на Бугульминской возвышенности, т. е., как издавна свойственно кочевникам, мадяры занимали течения малых рек от устья до вершин.

В этнической среде болгаро-угорских племен и в обстановке их активного взаимодействия сформировался один из ранних компонентов древнебашкирского этноса. К этому компоненту, который называем болгаро-мадярским, восходят следующие родоплеменные образования: племена — *юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, буляр, таньл*; роды в составе западных табынцев — *кесе, кальсер, юрман (юрман)*, племена юрматы — *мишар-юрматы*; родовые подразделения в составе разных племен — *наман, юлман, имес*. Семь названий — юрматы, еней, гайна-тархан, кесе, юламан, мишар, нагман — имеют аналоги в древневенгерской этнонимии, однако первые пять названий «тюркского происхождения и имеют болгарские признаки»⁸⁵. С дунайскими булгарами и волжскими булгарами связано происхождение башкирских племенных названий *юрми (ерми)*⁸⁶ и *буляр*. К болгарской же эпохе восходят этнонимические параллели башкир и чувашей (*тархан, имес — емес*).

Исследование истории расселения перечисленных родоплеменных образований показало, что все они мигрировали на территорию современной Башкирии из района водораздела рек Бу-

⁸⁴ А. Х. Х а л и к о в. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. — АЭБ т. 4.

⁸⁵ G. N e t h. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren, p. 17.

⁸⁶ А. К у ш и н к о. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именику». — Записки Российской Академии наук, т. 32, кн. 2. СПб., 1878.

гульминской возвышенности, т. е. из наиболее вероятной зоны булгаро-мадьярских контактов.

Привлечение к анализу данных по материальной культуре³⁷ и обобщение историко-этнографических обзоров, представленных выше, позволяют сформулировать положения а) о значительной роли населения Булгарской орды в этнической истории всех тюркских народов Поволжья, в частности, в формировании одного из ранних компонентов башкирского этноса; б) о присутствии в булгаро-мадьярском компоненте башкирского этноса определенной доли угорского элемента; в) о невозможности ограничивать тюрко-угорское взаимодействие контактами волжских булгар и мадьяр (имея длительную предшествующую историю, выходящую далеко за пределы Волго-Уральской области, это взаимодействие и здесь захватывало лесостепные и степные районы Приуралья, где в последних веках I тыс. н. э., по археологическим данным, обитали племена с угорскими этнокультурными признаками).

* * *

В конце VIII — первых десятилетиях IX в. в Волго-Уральской области появляются древнебашкирские племена. В широком историческом плане их миграция на север была продолжением булгарского движения. В составе новой волны кочевников были племена *усераи* (*муйтен*), *бурзян*, *тангаур*, *байлар*, *тамын*, *бишул*, *ун*, *кудей*, роды *сураш*, *ягалбай* и, возможно, северные племена *сырля*, *урай*.

Этническая история древнебашкирских племен до миграции в Башкирию, суммируемая на основе историко-этнографических материалов и нарративных восточных источников, представляется следующим образом.

1. В IV—VIII вв. Приуралье — один из важнейших регионов этногенетической активности, где на основе взаимодействия местных племен с восточными кочевниками формируются племенные конфедерации, сыгравшие крупную роль в этногенезе многих народов Средней Азии и Восточной Европы. В этом непрерывном и сложном процессе с позиции исследуемой темы выделяются три этапа:

IV—V вв. — формирование в результате этнического воздействия племен гунского союза на массагетское население юго-восточного Приуралья племенной конфедерации эфталитов (белых гунов). В эту же эпоху часть племен гунского союза, в том числе и великие болгары, расселяются к западу от Волги, в степях Северного Кавказа и Приазовья.

VI—VII вв. — этническая консолидация тюркских родоплеменных образований под эгидой Тюркского каганата. В этническом отношении новые образования также явились результатом дальнейшего взаимодействия массагето-аланских племен и эфталитов с тюркскими и тюрко-монгольскими кочевниками. К этому же времени относится активизация тюрко-угорских контактов и инкорпорация в тюркскую среду на широком лесостепном пространстве к северу от Приуралья угорских племен.

VII—VIII вв. — период образования в Приуралье и присырдарьинских степях локальных политических и этнических объединений степных племен. Процесс этот был вызван гибелью Западнотюркского каганата, общим упадком древних центров цивилизации Средней Азии, связанным с разрушительным последствием арабского нашествия и с усиливающейся экспансией кочевников из районов Семиречья, верховий Иртыша и Алтая.

2. В Приуральском регионе наиболее крупными этнополитическими объединениями степняков в ту эпоху становились печенеги и огузы, хотя расцвет их могущества относится к несколько позднему периоду. В то же время это был период сложения ряда других родоплеменных объединений, которые впоследствии растворились в составе печенегов, огузов и других средневековых народов. К числу таких образований относились 'баджгарды' (или 'баджгурды' — по Масуди) и 'бурджане' — племена, родственные печенегам и входившие в этническую среду предков печенежских племен еще в период их расселения двумя столетиями раньше в Восточном и Центральном Казахстане, в долине р. Или и в верховьях Иртыша, где древние башкиры были зафиксированы источниками.

3. В VII—VIII вв. территория расселения древних башкир определилась в северном Приуралье. Кочевья 'баджгардов' и 'бурджан' достигали временами Аму-Дарьи, причем бурджан-

³⁷ С. А. Авижанская, Н. В. Бихбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч.; А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951.

ские — преимущественно низовьев реки в районе современной Хивы; баджгардские группы какое-то время кочевали в восточном соседстве с бурджанами, в направлении Сыр-Дарьи и Нурагских гор и, вероятно, южнее, так как местность под названием «Башкуртские горы» была известна в верховьях Аму-Дарьи где-то в районе Термеза, а местность «Башкурт» — на центральном Памире.

4. По имеющимся материалам определить конкретную дату основного этапа передвижения 'баджгардов' и 'бурджан' к западу от р. Урал, в Прикаспий и северокавказские степи невозможно. Судя по упоминаниям этих племен в Европе в диапазоне VII—IX вв., можно предполагать, что предки башкир, будучи частью древнетюркского (печенежского) этнического мира, имели давние контакты с великими болгарскими Северного Кавказа, этнически также связанными с гуннами и ушедшими в северокавказские степи с более ранней волной кочевников. Следовательно, процесс движения древних башкир на запад мог быть перманентным, пока в VIII в. центр расселения основной части племен не переместился в Прикаспий и северокавказские степи.

5. Башкиро-бурджанское продвижение на запад совпадает с эпохой сложных этнических и политических процессов на юге, главным содержанием которых было начавшееся возвышение Хазарии и распад Великой Болгарии. 'Баджгарды' и 'бурджане' были вовлечены во многие события той эпохи, выступая обычно в качестве союзников более сильных политических образований. Захватившие волную общих передвижений, часть 'бурджан' и 'баджгардов' уходит на запад, где они в IX—X вв. упоминаются средневековыми источниками в Причерноморье.

6. По мере нарастания печенежского движения на Нижнюю Волгу усиливается движение кочевников и на север, в Приуралье. Кочевья печенегов в Волго-Яицком междуречье достигают Самарской излучины Волги. В эту эпоху (конец VIII — начало IX в.) оставшиеся в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе 'баджгарды' и 'бурджане' уходят вслед за великими болгарями, часть которых они еще застали на Северном Кавказе, в Волго-Приуральские земли. С этого момента этногенез башкир вступает в новый этап развития, который целиком проходит на современной территории их расселения или в смежных областях.

* *

Относительно происхождения древнебашкирской группы племен на основе имеющихся источников поддаются аргументации следующие положения: а) Древние башкиры — преимущественно тюркские племена центральноазиатского происхождения. Это доказывается не только этнонимическими параллелями башкир и других тюркских народов (алтайцы, киргизы, казахи, узбеки, каракалпаки и др.), но и обширными историко-этнографическими материалами, затрагивающими древнейшие пласты материальной и духовной культуры башкирского народа, а также его исторического фольклора; б) В составе древних башкир присутствует и монгольский компонент (тангаур, тамьян), который является конкретным доказательством к высказанной ранее в исторической науке гипотезе о раннем проникновении монгольских групп в приуральские степи и их участия в этногенетических процессах в этом регионе; в) Древнебашкирские племена, будучи, как и вся печенежская масса, продолжателями того тюркского этногенетического процесса, начало которого восходит к гуннской эпохе, в этнокультурном облике несут значительные признаки длительного пребывания в Приуралье и смежных областях, где они испытали воздействие, с одной стороны, сармато-аланского, с другой — угорского населения; г) Древнебашкирские племена, которые мигрировали к западу от Приуралья в авангардных потоках печенежской волны, входили в этнический круг хазарских печенегов, языковая характеристика которых должна опираться на сообщение М. Кашгари о близости языков «булгар, сувар и печенегов»⁸⁸. В то же время, вслед за некоторыми лингвистами, автор считает, что VI—VII вв. были тем хронологическим рубежом, когда в Приуралье, в меньшей степени, на Северном Кавказе на западнохунские языковые традиции накладываются и постепенно трансформируют их восточнотюркские языковые комплексы.

Древнебашкирские племена двигались на север по традиционным путям, проложенным кочевниками: в обширные пространства Бугульминской возвышенности они вливались через своеобразные ворота между р. Урал и верховьями рек Самары, Б. и М. Урана, Демь. Придавая

⁸⁸ Ма х м у д К о ш а р и й. Туркий сүзләр девони (Девону луготит Турк), I т. Ташкент, 1960, стр. 66.

важное значение в плане решения этногенетических задач установлению первоначального расселения древнебашкирских племен, автор очерка исследовал эту тему с учётом всей совокупности имеющихся источников⁹⁹. Он приходит к заключению, что а) основным районом первоначального расселения древнебашкирских племен были не горно-лесные районы Южного Урала, как предполагалось ранее, а территория Бугульминской возвышенности с левобережья Белой на востоке и до верховьев левых притоков Волги — на западе с прилегающими к юга степями. Существенное значение в том, что именно эта территория стала центром Древней Башкирии, кроме этноисторических причин, имели природно-географические особенности возвышенности, благоприятные для кочевников лесостепей; б) территория Древней Башкирии и «Великой Венгрии» (Magna Hungaria) не совпадали. Башкирские кочевники вторглись в восточную часть мадьярских владений, но нет никаких данных, которые позволили бы распространить земли «страны аль Башгирд» (Ибн Фадлан) непосредственно до берегов Волги. На востоке Древняя Башкирия простиралась значительно дальше «Великой Венгрии».

* * *

На территории Древней Башкирии в IX—X вв. протекает наиболее динамичный этап процесса формирования древнебашкирской этнической общности. В этом процессе следует акцентировать внимание на нескольких общих моментах:

1. Миграция древнебашкирских племен в Волго-Уральскую область, их взаимодействие и смешение на территории Древней Башкирии с булгаро-мадьярским этнокомпонентом и местными племенами неоднородного сармато-финно-угорского, угорского или тюрко-угорского состава явились у л о в ы м моментом в формировании древнебашкирского этноса.

2. Древнебашкирская общность формировалась в этническом отношении как м н о г о с с т а в н о е н м н о г о п л е м е н н о е образование, при ведущем этноязыковом влиянии на формирующийся этнос древнебашкирских племен центральноазиатского и приаральского происхождения.

3. В X в. формирование древнебашкирского этноса еще не завершилось, но уже на рубеже IX—X вв. сложилось племенное объединение, послужившее основой для дальнейшего становления башкирского народа и обусловившее в Древней Башкирии новое направление развития культуры, характерное для тюркских кочевников той эпохи.

4. Древние венгры и башкиры были различными по происхождению этническими образованиями и, следовательно, теория «башкиро-мадьярского» родства в историко-этнографических материалах подтверждения не находит. В системе доказательств, кроме анализа племенного состава и этнической истории булгаро-мадьярской группы племен, особое значение автор придает заключению о нетождественности территорий Древней Башкирии и «Великой Венгрии», так как именно эта формула была главной предпосылкой теории «башкиро-мадьярского» родства.

5. В то же время историко-этнографические материалы в полном соответствии с выводами сравнительно-исторического языкознания подтверждают существование в прошлом башкиро-угорских (в том числе башкиро-мадьярских) контактов, которые, однако, имели место в разное время и на различных территориях.

Этническая история башкир в XI — начале XIII в. В XI — начале XIII в. этническое развитие в Приуралье продолжается в направлении, которое определялось в IX—X вв. Основным содержанием протекающих процессов было дальнейшее взаимодействие древнебашкирских, булгаро-мадьярских и местных (финно-угорских, сармато-аланских) племен, при преобладающей роли древнебашкирского компонента. Нарастающее воздействие древнебашкирских племен стимулировалось также активизацией проникновения тюркоязычных кочевников в Башкирию из южных и юго-восточных степей.

Центром консолидации башкирского этноса в XI—XII вв. оставалась территория Древней Башкирии на Бугульминской возвышенности. Новые пришлые группы как в Приуралье, так и в Зауралье, постепенно, по мере расширения зоны активных этнических процессов в Волго-Уральской области вовлекались в башкирский этногенез.

Характеризуя этнический облик пришлых кочевников той эпохи, надо иметь в виду существенные изменения в этногенетических процессах в IX—XI вв. в самом Приуралье, степях Ка-

⁹⁹ Специально об этом см.: Р. Г. Кузеев. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. — АЭБ, т. 4.

захстана и на южных просторах Восточной Европы. Печенеги постепенно утратили архаичную этноязыковую характеристику, смешавшись в огузской среде, на которую, в свою очередь, наслаивался мощный кыпчакский пласт. В целом XI — начало XIII в. следует рассматривать как период, на протяжении которого этнические процессы в Башкирии начинают развиваться и углубляться в направлении кыпчакизации и древнебашкирского этноса.

В движении тюркских кочевников в Башкирию в XI — начале XIII в. образовалось два потока: один из них был частью приаральско-уральских перекочевков и захватил современное башкирское Зауралье, в основном район водораздела рек Яик, Уй, Миасс, Ай, Юрюзань; второй — являлся продолжением движения древнебашкирских племен с юга, с Нижней Волги и северокавказских степей и был направлен на территорию Древней Башкирии.

К зауральской волне миграции той эпохи принадлежала айлинская родоплеменная группа: ай, каратаулы, таулы, тырнаклы, сарт, мурзалар, кумлы, кызылбаши и др. Айлинская этнонимия имеет наибольшее количество параллелей в родоплеменных названиях туркмен и узбеков. Это находит объяснение в огузском происхождении некоторых айлинских родов или, что твердо подтверждается источниками, в формировании всей группы в VIII—X вв. в огузской этносреде на Сыр-Дарье.

Археологическими исследованиями последних лет в северо-восточной Башкирии и в Зауралье, в том числе в районах расселения айлинцев, обнаружена серия памятников IX—XI вв. (Мрдымовский, Каранаевский, Старо-Халиловский и другие курганы), в которых, наряду с преобладанием тюркских кочевнических черт, просматриваются некоторые угорские признаки⁴⁰. Имеются основания эти памятники увязывать с миграцией айлинской родоплеменной группы, в составе которой угорский компонент к этому времени был, вероятно, еще не полностью ассимилирован.

Таким образом, в начале II тыс. н. э. на базе взаимодействия пришлых и местных племен, при преобладающей роли вновь мигрировавшего этнического компонента, начинается процесс становления и консолидации тюркоязычного населения восточной, зауральской территории Башкирии. Кочевники Зауралья вступают в контакты с родственными племенами Древней Башкирии. Тем самым было положено начало образованию территории «Большой Башкирии»; тюркские кочевники в XI—XII вв. расселяются сравнительно равномерно на сплошной территории, огибая Южный Урал с востока, юга и запада. Однако центром древнебашкирского расселения еще по-прежнему остается юго-западное Приуралье. Процессы сложения территории современной Башкирии и консолидации расселявшихся на ней племен завершились позднее и были связаны с крупными передвижениями племен в эпоху монгольского нашествия.

Вторая волна кочевнической миграции, активный период которой падает на вторую половину XII — начало XIII в., шла с юга и в этническом отношении была кыпчакской. Зона распространения кыпчаков в XII в. на севере Волго-Яицкого междуречья остается не очень ясной; по-видимому, они заняли в основном территории разгромленных ими печенегов и гузов, границы кочевий которых в предшествующую эпоху достигали на Волге широты Жигулевских гор. В то же время преувеличивать масштабы кыпчакского влияния на башкир (и, соответственно, болгар) в домонгольскую эпоху нет веских оснований. По определению М. Кашгари, башкирский язык был «близок к языку кыпчаков, но не тождественен ему. Хотя после смерти М. Кашгари, в XII — начале XIII в., этническое воздействие кыпчаков на башкир должно было нарастать, процесс их кыпчакизации, судя по нашей датировке кыпчакской этнонимии, не завершился. В домонгольское время кыпчаки, занятые борьбой в богатых причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север, что отмечалось и восточными авторами той эпохи.

Развитие и углубление этнических связей с миром тюркских кочевников сочетались с дальнейшим процессом консолидации племен в самой Башкирии.

Расширение политического влияния Волжской Булгарии в эту эпоху сопровождается переселением части населения из района водораздела рек Бугульминской возвышенности, а именно племен болгаро-мадьярской группы, на восток в западную и южную Башкирию. Это ускоряет их смешение с древнебашкирскими племенами, с которыми они нередко выступают теперь в рамках единых родоплеменных образований.

⁴⁰ В. А. Могильников. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. — АЭБ, т. 4.

Другой линией внутреннего этнического развития, которая протекала не менее интенсивно, было взаимодействие башкир с местными и ранее пришлыми племенами на западе современной Башкирии, по всему течению р. Белой от ее поворота в районе г. Мелеуза на север. К эпохе XI — начала XIII в. относится инкорпорация в башкирскую среду и завершение этноязыковой ассимиляции финно-угро-сарматских племен турбасинской, кара-якуповской, кушнарниковской культур. Племена *сызгы, угей, терсяк* и другие влились в качестве самостоятельных образований или небольшими группами в состав башкир, восприняв их язык, многие черты культуры и хозяйства и, в свою очередь, заметно повлияв на физический тип и ряд культурных признаков формирующегося этноса.

Смещение до начала XIII в. древних башкир с финскими населенками бельской долины оставило заметный отпечаток не только на северных башкирах, но и на юго-восточной группе башкирских племен, обитавших тогда в этих районах. Об этом свидетельствует присутствие волжско-камских аналогий в материальной культуре башкир разных областей, особенно юго-восточных. В этой же связи находится вывод М. С. Акимовой о том, что южные башкиры (усергане), которые относятся к наиболее монголоидной группе, по ряду признаков (цвет глаз и волос, показатели измерений лица, эпикантус) занимают промежуточное положение между казаками, с одной стороны, и татарами, удмуртами, марийцами — с другой ⁴¹. Древнебашкирские племена расселились на Южном Урале после активного периода смешения с аборигенами в западной Башкирии. Это находит подтверждение в наблюдениях языковедов в области башкиро-финских языковых связей, которые бесспорно относятся к башкирскому языку в целом. Языки народов Поволжья — чувашский, татарский, башкирский, — по заключениям Н. А. Баскакова, — испытали на себе значительное влияние финского субстрата ⁴².

В целом этнические процессы в Башкирии в домонгольское время характеризуются взаимопроникновением и консолидацией трех основных компонентов предшествующей эпохи — древнебашкирского, болгаро-мадьярского и финно-угорского (смешанного с сармато-аланским) — при нарастающем потоке кыпчакских и кыпчакизированных кочевников с юга, которые, проникая во все части древнебашкирского этноса, влияли на дальнейшее его формирование и выявление этнокультурных признаков.

Этническая история башкир в XIII—XVI вв. Формирование башкирской народности. Этническую историю башкирского народа в XIII—XIV вв. можно квалифицировать как кыпчакскую этногенез. Кыпчакская миграция в Башкирию в XIII—XIV вв., по этническому составу сама по себе чрезвычайно сложная, была наиболее мощной из всех тюркских миграций в Волго-Уральский район. Разрушительное монгольское нашествие привело в движение массы кочевников, и это движение, то затухая, то вновь активизируясь, продолжалось по крайней мере 2—3 столетия. В этническом составе кыпчакской миграции в Башкирию в XIII—XIV вв. отчетливо выделяется несколько родоплеменных групп: кыпчакская группа (время миграции XIII — начало XIV в.), которая наряду с собственно кыпчакскими (*кыпчак, кара-кыпчак, илан, сары, сарыш, бушман, кошко, ельдяк, имак* и др.) включала кыпчакско-канлиинские (*канлы*), огузские (*туркмен*) и тюркизированные монгольские (*гэргэй, гэргэ*) образования; катаякская группа (время миграции — середина XIII в.), являющаяся сложным и давним синтезом тюркских и монгольских компонентов (*катай, найман, балга, маскара, салют, борз, балыксы*); табынская группа (*табын-уйшин, сундук, дуван, кувакан, сырзы, телля, барыч, байрак, таз*), состоящая из восточнотюркского этнического компонента, смешавшегося с монгольским. Этническая история табынских образований протекала во взаимодействии с усунями, кара-китаями и с племенами Дешт-и-Кипчака. Вместе с катаяками табынцы являются наиболее яркими носителями в составе башкир центральноазиатских черт культуры (время миграции XIII — начало XIV в.); минская группа (время миграции XIV в.). Будучи в основе тюркской (*мин, кырк*), она включала монгольский компонент (*миркит*) и, возможно, древние образования эпохи тюрко-угро-самодийских контактов на Северном Алтае (*куль*). Средневековая этническая история минских родов связана с кочевыми племенами Сыр-Дарья, Двуречья и Дешт-и-Кипчака.

Этническая история кыпчакской, катаякской, табынской и минской групп, а также этнонимические параллели показывают, что все эти племена являются участниками грандиозного по

⁴¹ М. С. Акимова. Антропология древнего населения Приуралья, стр. 97.

⁴² Н. А. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М., 1964, стр. 2.

масштабам процесса этногенеза тюркских народов, который почти одно тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Кыпчакский этап по существу был заключительным аккордом этого процесса, приведшим в конечном итоге (с углублением социально-экономического развития и коренными изменениями в XV—XVI вв. политической ситуации в Дешт-и-Кыпчаке) к завершению формирования ряда народностей. Наибольшее число этнонимических параллелей башкир с родоплеменными названиями узбеков, каракалпаков, казахов показывает общность позднеродоплеменного этнического суперстрата этих народов, который в литературе нередко именуется «ногайским». В этнонимии перечисленных народов обнаружено более ста родоплеменных названий, имеющих соответствия у башкир.

Основным районом кыпчакской миграции в XIII—XIV вв. остается юго-западная и южная Башкирия. Здесь, на просторах юго-запада Башкирии и левобережья Белой, на базе взаимодействия и синтеза древнебашкирского этноса и кыпчакских групп происходит в XIII—XIV вв. формирование и вызревание тех этнокультурных признаков, которые характеризуют башкир и сегодня. Это было сложное сочетание активно взаимодействующих культур, в котором племена кыпчакского этапа миграции определили многие черты, объединяющие современных башкир с тюркскими народами Средней Азии, Казахстана и Алтая, а предшествующий древнебашкирский этнос — ту специфику, которая отличает башкир в ряду тех же народов и сближает их с Волго-Камским этническим миром. По мере дальнейшего расселения башкирских групп, смешавшихся в новые родоплеменные комбинации, по территории Башкирии формирующиеся этнические признаки становились общенародными.

Совокупность этнических, социально-экономических и политических причин обусловили в XIII—XIV вв. активное движение башкирских племен и расширение территории Древней Башкирии. Образуются три главных потока движения. На север и северо-восток устремляется основной состав катаяйской родоплеменной группы, а также территориально связанные с ним в низовьях Белой гайна-тарханцы, таныпцы, балыкчины, миңцы и др. Они расселились по Быстрому Таныпу, левобережью Камы, достигли р. Тюя, северной излучины р. Уфы и ее притока Бисерги, верховьев Чусовой. Минские роды заняли низовья р. Уфы, чтобы оттуда вновь постепенно продвигаться в лесостепные районы юга. Табынская родоплеменная группа отодвинулась на северные отроги Южного Урала, заняв центральную Башкирию и прилегающие с востока горные районы и степи Зауралья. Кыпчакские племена направляются на Южный Урал или остаются в западной Башкирии, расширяя кочевья в лесные районы правобережья Белой. Впрочем в низовьях Белой и в долинах ее южных притоков, а также в бассейне р. Ик остаются многочисленные группы табынцев, катаяйцев, бурзян, усерган и др.

Таким образом, к концу XIV в. территория Башкирии принимает очертания, близкие к современным. Расселение племен на этих землях сопровождалось активизацией взаимодействия и смешения башкир с местным и пришлым (в том числе тюркским) населением, распадом традиционных объединений, возникновением новых родоплеменных сочетаний, что вело к ломке племенной и региональной замкнутости, к углублению процесса нивелировки этнокультурных признаков, к вызреванию сознания принадлежности к единому этносу и, в конечном итоге, к формированию народности.

Башкирский язык, по классификации Н. А. Баскакова, составляет (вместе с татарским) булгаро-кыпчакскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков. Завершение формирования башкирского и татарского языков относится к так называемой новотюркской эпохе, начало которой датируется примерно к XV в. Башкирский язык «своими фонетическими чертами в области консонантизма связан также и с далекой восточной ветвью тюркских языков, т. е. с такими языками, как язык древних тюрков, как язык якутский, хакасский, связи с которыми у башкир были в весьма древнее время»⁴³. Отмеченные черты консонантизма свойственны языку катаяйских и табынских башкир, происхождение которых связано с Центральной Азией и Алтаем, а миграция в Башкирию — с кыпчакским периодом в этногенезе башкирского народа.

Мощное кыпчакское наслоение на башкирский этнос в XIII—XIV вв. изменило языковое развитие в направлении к формам, характерным для современного башкирского языка. Это развитие началось в домоногольскую эпоху, но резкие различия в масштабах домоногольской и более поздней кыпчакской миграции говорят о решающей фазе кыпчакизации башкирского языка в послемоногольскую эпоху.

⁴³ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 163.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что в XIII—XV вв. имела место перестройка башкирского языка, возникшего на древнетюркской основе, развивавшегося в печенежской среде и испытавшего воздействие булгарского, на кыпчакской языковой основе.

В целом исследование кыпчакского этапа этнической истории башкир подводит к заключению, что решающий момент завершающего этапа этногенеза башкир падает на XIII — начало XV в., когда в процессе распада Золотоордынского государства бурно развиваются процессы межплеменного взаимодействия, скрещения, этнокультурной консолидации новых образований. Эти события выталкивают из южных степей в Приуралье уже сильно интегрированные племена кыпчакского этнического мира, который послужил этнографической базой формирования и ряда других тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. Смешение и взаимодействие племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом и расселение смешанных групп в пределах территории нынешней Башкирии привели к формированию этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа. Наряду с кыпчакским наслоением этническую специфику башкир предопределили более древние этапы в их этнической истории, главным содержанием которых было смешение и консолидация древнебашкирских племен с булгаро-магьярскими, а также с финно-угорскими и сармато-аланскими родоплеменными образованиями.

* *

Этнические процессы в Башкирии в XV — первой половине XVI в. в значительной степени предопределялись событиями политического характера, главным в ряду которых был окончательный распад Золотой Орды и образование в зоне расселения башкир Ногайского, Казанского и Сибирского ханств⁴⁴. Главным политическим фактором для Башкирии этого периода было ногайское господство. В жестокое время ногайского господства наблюдается (в XV в.) дальнейший отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья, т. е. с территории «Древней Башкирии» на Южный Урал и в Пермскую Сибирь. Отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья и активное проникновение его на северные земли были продолжением миграционных процессов, получивших размах еще в предшествующее время. В XIII—XV вв. Древняя Башкирия практически перестает существовать, постепенно трансформируясь в новую страну, гораздо более обширную, однако чрезвычайно разнородную по природно-географическим условиям и расчлененную в политическом отношении.

Основные направления этнических процессов в XV — первой половине XVI в. находились в тесной связи с расширением территории башкирского расселения на севере и ногайским господством на юге. Длительное соседство или пребывание башкир и ногайцев на одной и той же обширной территории по всему югу и востоку современной Башкирии, близость языка, взаимодействие на базе родственной кочевой культуры обуславливали достаточно высокую активность этнических контактов ногайцев с башкирами.

Масштабы ногайско-башкирского этнического смешения наиболее значительными стали в середине XVI в., когда историческая судьба ногайцев круто изменилась. Ослабленные многими десятилетиями междоусобицы и непрерывной борьбы, пережившие с большим уроном небывалые голод и чуму, поразившие в конце 1540-х годов все Поволжье, ногайские правители были не в состоянии удержать власть перед лицом развертывающейся активности восточной политики Русского государства и подъема освободительной борьбы башкир против ногайского господства. Ногайские родоплеменные группы, кочевавшие в Башкирии, после падения в 1552 г. Казани покинули прежние места кочевок и, улекая за собой часть башкир, переселились в низовья Волги и на Северный Кавказ. Но ушли не все ногайцы, так же как и вернулась большая часть перекочевавших на юг башкир. Оставшиеся в Башкирии ногайские группы явились одним из компонентов башкирской народности на самых поздних стадиях башкирского этногенеза.

На севере Башкирии, от бассейна Быстрого Таныпа до Пермских земель на Тулве, Сылве, Бисерти, верховьев Чусовой этнические процессы в рассматриваемую эпоху развивались в направлении ассимиляции местного населения. В западной части очерченного района, по р. Каме

⁴⁴ Специально об истории Башкирии и башкир этого периода см.: Р. Г. Кузеев и Б. Х. Юлдашбаев. 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа, 1957.

и ее притокам, обитали предки удмуртов и коми, восточнее — угры, преимущественно, видимо, мансийское (вогульское) население. По источникам XVI—XVII вв. отчетливо прослеживаются этнические контакты и смешение башкир с уграми. Как исторические, так и этнографические материалы показывают, что в этническом взаимодействии с финно-угорским населением северные башкиры имели преимущественное языковое и культурное влияние. Однако процесс языковой и, особенно, культурной ассимиляции местных племен был довольно длительным и следы принадлежности части предков северных башкир к неюрковскому этнокультурному миру обнаруживаются исследователями до настоящего времени. Смешение с финно-уграми имело, по наблюдениям антрополога Б. И. Вишневого⁴⁸, заметные последствия для дальнейшего формирования физического типа северных башкир, в котором обнаруживаются черты, сближающие их, с одной стороны, с финнами Поволжья и Прикамья, с другой — с западносибирскими народами уральского антропологического типа.

В целом этнические процессы в XV — первой половине XVI в., оставив заметный след в этнической характеристике башкирского народа и углубив региональные различия между этнографическими группами башкир, основные контуры которых к этому времени сложились, уже не могли изменить определившиеся в предшествующую эпоху пути консолидации башкирских племен в единую народность.

Остается кратко охарактеризовать социально-экономические и политические линии развития Башкирии в XIII—XVI вв., в условиях которых завершилось формирование башкирской народности.

В этногенетических исследованиях история хозяйства народа должна рассматриваться в тесной связи с процессами консолидации этноса. Именно в таком аспекте подвергнута изучению автором в специальной работе история хозяйства башкир в X—XIX веках⁴⁹.

Вплоть до присоединения Башкирии к Русскому государству скотоводство оставалось основой хозяйства башкир. Однако формы ведения скотоводческого хозяйства в XIII—XVI вв. у башкир постепенно менялись, во-первых, под воздействием новых природно-географических условий в лесных и горно-лесных районах севера и востока Башкирии; во-вторых — в связи с нарушением в эпоху монгольского господства привычных зимних кочевых маршрутов башкирских кочевников в южные степи; в-третьих — в результате смешения и культурного обмена, особенно на новых землях, с местными племенами, которые имели собственные, преимущественно охотничье-лесные хозяйственные традиции. Кочевое хозяйство, как основа башкирской экономики, сохранялось и в эту эпоху, тем более, что завоеватели в XIII в. также были кочевниками, но под влиянием перечисленных факторов в соотношении различных занятий (скотоводство, лесная охота, бортничество) и в способах ведения хозяйства происходят изменения. Главным результатом хозяйственного развития в XIII—XVI вв. было значительное сокращение дальности и продолжительности кочевек, или в целом постепенный переход башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте. Это означало стабилизацию границ родоплеменных территорий, формирование в результате длительной хозяйственной практики на одной и той же земле чувства привязанности к родине и тесной взаимосвязи с окружающими родственными племенами. Переход башкир от кочевого хозяйства к полукочевничеству был одной из важных предпосылок завершения формирования башкирской народности. В более широких масштабах евразийских степей *нарастающие темпы этнической консолидации ряда тюркских народов в X—XV вв. были неизбежно связаны с сокращением масштабов дальних миграций и перекочевек, относительной стабилизацией территории, на которой концентрировалась хозяйственная практика данного этноса.*

Эволюция кочевого скотоводства в полукочевое была тесно взаимосвязана с повышением удельного веса в хозяйстве башкир лесной охоты и бортничества. К XV—XVI вв. хозяйство башкир становится сложным сочетанием различных форм кочевого скотоводства азиатского происхождения, а также охоты и бортничества, приемы и способы которых были восприняты у племен

⁴⁸ Б. И. Вишневский. Следы угров на западном Урале. — Ученые записки Пермского государственного университета, т. 12, вып. 1. «Труды Камской археологической экспедиции», вып. 3. Пермь, 1960.

⁴⁹ Р.-Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию). — АЭБ, т. 3.

Волго-Камья или явились следствием этнического смешения племен (и, соответственно, хозяйственного синтеза), принадлежавших к различным хозяйственно-культурным областям.

Исследуя специфику социального-экономического развития башкирского общества, в качестве предпосылки к такому рассмотрению необходимо обратить внимание на два момента. *Первый* из них — многокомпонентность этнического состава башкир и различия в уровнях социального развития племен, принявших участие в башкирском этногенезе. Кочевнико-скотоводы, сыгравшие в конечном итоге ведущую роль в сложении социально-политической структуры башкирского общества, принадлежали к степному миру, в котором начальные процессы классовобразования фиксируются примерно с середины I тыс. н. э. Местные лесные охотничьи племена или мотыжные земледельцы лесостепей, явившиеся существенным компонентом в составе башкир, к началу II тыс. н. э. не вышли из стадий патриархально-родового строя, хотя и с заметными признаками протекающей у них имущественной дифференциации. Отмеченные обстоятельства — одна из причин (установленных по документальным источникам применительно к XVI—XVIII вв.) различий в системе землепользования и в уровне социально-экономического развития отдельных групп башкирского общества. *Второй* момент — влияние на башкир внешних исторических обстоятельств, а именно политическая зависимость Башкирии от Золотой Орды и возникших на ее развалинах ханства. Непосредственным результатом господства завоевателей было включение башкирских племен в систему феодальной эксплуатации, характерную для указанных образований. Из этого факта следует, что башкир в XIII—XVI вв. в социально-экономическом аспекте было бы неверно рассматривать как целиком обособленное общество; многие институты социальной жизни башкирских племен утвердились в рамках степного феодального строя средневековых ханств, возникших здесь с начала монгольского завоевания.

Соответственно, общественный строй башкир в XIII — первой половине XVI в. правильно характеризовать как явление сложное (многоукладное) и находящееся в состоянии постоянного развития. Формирующаяся сословно-иерархическая феодальная собственность на землю сочеталась с реальным значением древней башкирской общины, развивающейся в направлении к обычной сельской общине. В недрах башкирской общины сохранялись, однако, архаичные ячейки, унаследованные от патриархально-родового строя. Реальное значение общинного владения землей, родоплеменная форма этого владения и т. д., несмотря на отчетливые проявления процессов классовобразования, не дают основания утверждать, что сложение феодальных отношений в самом башкирском обществе в XV—XVI вв. завершилось. Основу башкирского общества составляли свободные общинники, которые эксплуатировались и ставились в различные формы зависимости феодальным сословием завоевателей и феодализирующейся башкирской родоплеменной аристократией (бин, тарханы, батыры). Имущественная и социальная дифференциация в башкирском обществе протекала в рамках сохраняющейся родоплеменной системы, которая окончательно распалась лишь в последующую эпоху.

В целом башкирское общество XIII — начала XVI в. характеризуется как многоукладное, развивающееся по пути феодализации, отягощенное реальными атрибутами патриархально-общинных отношений, но находящееся в рамках жесткой феодальной системы эксплуатации завоевателей, установленной еще в золотоордынскую эпоху и традиционно существовавшей вплоть до середины XVI в.

Процесс классовобразования и возвышение феодализирующейся башкирской аристократии, а также господство завоевателей явились той социально-политической базой, которая стимулировала возникновение и развитие центральных тенденций в недрах башкирского общества. Этнической базой политической консолидации явились постепенное нивелирование хозяйственно-культурной характеристики башкирских племен, особенно четко проявившееся, как показано, в кыпчакскую эпоху. В XIII—XV вв. на территории Башкирии появляется ряд племенных союзов, имевших характер всенно-политических объединений. Во главе этих объединений стояли ханы.

Однако в XIII — первой половине XVI в. всенно-политические союзы башкирских племен появлялись и исчезали в условиях золотоордынского и ногайского господства, когда любые проявления политической самостоятельности башкир жестоко подавлялись. Поэтому ни один из племенных союзов не смог стать центром объединения всех или хотя бы большинства башкирских племен. Но факт образования даже непрочных, неустойчивых объединений надо рассматривать как выражение развивающегося процесса консолидации башкир, что, в свою очередь, отражало сложение новых, территориально-политических связей, охвативших все башкирские племена, переживавшие процесс социально-этнической интеграции.

В конце XV — первой половине XVI в. этнические, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для сложения башкир в народность, сложились. Завершающие стадии этого процесса развивались в условиях ожесточенной борьбы башкир против господства ногайских и казанских ханов, а также начавших проявлять активность в север-восточном башкирском Зауралье сибирских владетелей. Усиление борьбы против завоевателей, с одной стороны, было результатом более тесного социально-этнического сплочения башкирских племен, с другой — оно содействовало дальнейшему росту и укреплению этнического самосознания башкир, сознания принадлежности к единому народу. Башкирские племена объединяло теперь общее стремление к освобождению от господства ханств, стремление, слотьющееся на время различные социальные слои башкирского общества. Отчетливо определившиеся тенденции к политическому объединению башкирских племен в условиях той эпохи не могли быть реализованными на базе только их собственных усилий. Однако сравнительно широкие масштабы борьбы башкир против ногайского и казанского господства ярко показывают их стремление к единству действий, особенно в крупных, исторического значения, решениях. Кульминационным моментом этого процесса было одновременно (1555 — 1557 гг.) и добровольное присоединение большинства башкирских племен к Русскому государству, что положило конец политическому раздробленности башкир и позволило им объединиться в пределах единого государства.

* * *

Заключение. Исследование в сравнительно-историческом аспекте этнического состава башкир, происхождения и истории расселения башкирских племен, а также анализ полученных результатов в свете современных достижений истории, археологии, языкознания и антропологии позволяют определить в диапазоне рассмотренного нами периода следующие этапы в историческом процессе формирования башкирской народности.

1. Первый этап, с середины I тыс. н. э. до рубежа VIII—IX вв., характеризуется выделением из раннебашкирских племен и формированием на основе их взаимодействия и смешения основных компонентов древнебашкирского этноса:

а) На территории Приуралья в печенежской этнической среде складывается группа древнебашкирских племен. Этнографическая база этих племен была чрезвычайно сложной. Этническую основу группы составляли древнетюркские и, в меньшей степени, тюркизированные древнемонгольские родоплеменные образования, предшествующая этническая история которых развивалась в преимущественно тюркской среде Центральной Азии и Алтая в эпоху кульминационного этапа тюркской миграции на запад (*усереан, бурзян, байлар, сураш, тангаур, ягалбай, тамьян, ун, бишуа, кудей*). Дальнейшая история этих племен протекала в тесном контакте и при этническом смешении с тюркскими, сако-массаретскими, сармато-аланскими и угорскими племенами Приуралья и присырдарьинских степей. Общее направление кочевнической миграции той эпохи обуславливает движение древнебашкирских племен в прикаспийские степи и в Приазовье, где они оказались в сфере этноисторической деятельности болгарских племен, с которыми у древних башкир прослеживаются генетические связи с более ранних времен.

б) В центральном районе Бугудьминской возвышенности в VIII — начале IX в. формируется булгаро-мадьярская племенная группа, которая представляет собой сложный синтез булгарских племен (собственно булгарских или других тюркских групп, находившихся под этнокультурным и политическим влиянием волжских булгар) с угорскими (преимущественно с древнемадьярскими) племенами при доминирующей роли древнетюркского (булгарского) компонента (*юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, кесе, буляр, мишар, нагман, юламан, имес, юрман, кальсер*). В сложении булгаро-мадьярского компонента древнебашкирского этноса приняли участие тюркизированные угры, мигрировавшие в Волго-Уральский регион из Приуральской области или Западной Сибири и, возможно, самодийские группы, еще в древности (около середины I тыс. н. э.) смешавшиеся с тюрками.

в) Приуралье и долина среднего течения р. Белой издавна были районом расселения и зной активного взаимодействия местных финно-угорских племен с пришлыми родоплеменными группами сармато-аланского происхождения (*сызгы, утей, терсяк, уваньши* и др.).

2. Миграция древнебашкирских племен в Приуралье и их взаимодействие в IX—X вв. с булгаро-мадьярскими и испытывавшими сармато-аланское воздействие финно-угорскими племенами были узловым периодом в становлении древнебашкирского этноса. Культурно-языковая ассимиляция булгаро-мадьярских и местных финно-угорских родоплеменных образований в

древнебашкирской этнической среде завершилась позднее. Однако этнические процессы в конце I тыс. н. э., в которых ведущую роль сыграли пришлые древнебашкирские племена, имели результатом сложение башкирской племенной общности, послужившей основой для дальнейшего становления народа. Процессы этнической интеграции характеризующей эпохи обусловили новое, древнебашкирское направление формирования языка и культуры населения Приуралья, т. е. территории Древней Башкирии.

3. XI — начало XII! в.— этап дальнейшей консолидации упомянутых выше компонентов древнебашкирско-го этноса при сохранении ведущей культурно-языковой роли пришлых башкирских кочевников. Степная культура и тюркский язык формирующейся общности развивались за счет притока новых групп тюркоязычных кочевников (*ай, тыркаклы, каратаулы, тау, сарт, музалаар, кумы, истяк* и др.) из восточных районов страны. На культуру и, особенно, антропологический тип башкирского этноса в эпоху его становления значительное воздействие оказали смешение и этническая интеграция с булгаро-мадьярскими и финно-угорскими племенами Приуралья и бельской долины.

Территория Древней Башкирии в эту эпоху расширяется в результате расселения древнебашкирских племен в направлении Южного Урала и лесных районов нижнего течения р. Белой.

4. В XII—XIV вв. имеет место мощный приток в Башкирию кыпчакских и кыпчакизированных племен (кыпчакская группа — *кыпчак, канлы, гэрэ, сары, кошо, туркмен, бушман, джетеуру, байулы, кармыш, киреиз, елад, казанчи*; китайская группа — *катай, найман, балае, маскара, салют, борз, балыксы*; табынская группа — *табын, уйшин, сундук, дуван, кувакан, сырзы, теляу, барын, бадрак, таз*; манская группа — *мин, кырк-уйле, куль, суби, миркит*). Кыпчакская миграция окончательно предопределяет культурное и языковое развитие древнебашкирского этноса в направлении к формам, характерным для современного этнического облика башкирского народа.

В XIII—XIV вв. территория Башкирии существенным образом расширяется к востоку и северу и принимает очертания, близкие к современным.

5. В XV — первой половине XVI в. этнические процессы предшествующей эпохи углубляются и признаки, определившиеся кыпчакским этапом этнокультурного развития, постепенно стабилизируются. Смещение башкир с ногайцами на юге и финно-уграми на севере хотя и оказало определенное влияние на формирование особенностей этнографических групп формирующейся народности, но не изменило общего направления процесса этнической консолидации башкирской народности. В XVI в. башкирские племена расселяются на всей территории, которую они занимали вплоть до XIX в. (кроме районов челябинского Зауралья). В конце XV — первой половине XVI в. этнические, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир в народность, сошлись. Обострение башкирно-ногайской борьбы, добровольное присоединение большинства башкирских племен во второй половине XVI в. к России и объединение башкирского этноса в составе единого государства знаменовали собой завершение этнической консолидации башкирского народа.

* *

Этническое развитие башкирского народа в последующую эпоху было также чрезвычайно сложным и заслуживает специального изучения⁴⁷. В XVII—XIX вв., в условиях дальнейшей консолидации башкирского народа, развивались этнические процессы, которые имели существенные последствия как для окончательного формирования некоторых этнографических групп башкир, так и для сложения современной этнографической карты Башкирии:

1. Южные и, особенно, восточные башкиры длительное время сохраняли традиционные этнические контакты с тюркскими народами Казахстана и Средней Азии: с казахами, каракалпаками и, в меньшей степени, с туркменами. В XVII в. сюда проникают отдельные группы калмыков, которые растворились в составе башкир, оставив память о себе в названиях мелких родовых групп, а также в этнониме одного из зауральских родов (*сарт-калмак*). В целом проникновение в башкирскую среду небольших групп казахов, каракалпаков, туркмен, калмыков, которое, постепенно ослабляясь, к середине XIX в. вовсе прекратилось, хотя и не вызвало существенных изменений в этническом облике восточных и южных башкир, но питало и поддерживало степные, тюркские истоки их культуры.

⁴⁷ См., например, Р. Г. Кузнецов. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XIX вв. — АЭБ, т. 3.

2. В этнической истории западной и северо-западной Башкирии крупную роль сыграло взаимодействие башкир и татар. Наиболее активный период татаро-башкирского взаимодействия, как это следует из демографических данных, падает на XVIII—XIX вв. Основными результатами этого процесса были проникновение в среду северных и западных башкир и ассимиляция в их составе многочисленной группы татар, сложение северо-западной этнографической группы башкир и тептярской этнографической группы татар, очень близкой к западным башкирам по языку и культуре. В итоге массовых крестьянских переселений (свободной и правительственной колонизации) изменилась этнографическая карта Башкирии, особенно северной и северо-западной Башкирии. В целом в XVII—XIX вв. развитие северо-западных башкир отклоняется от основного направления развития башкирского этноса, что невозможно не принимать во внимание при рассмотрении вопросов дальнейшей консолидации башкир в этнические общности более высокого порядка.

А. С. БЕЖКОВИЧ

**ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У НАРОДОВ БАШКИРИИ
(XIX — начало XX в.)**

Предлагаемая вниманию читателя работа выполнена в основном на материале, собранном автором более сорока лет назад, в 1929 и 1930 гг., в составе Башкирской экспедиции Академии наук СССР¹.

Животноводческо-полеводческий отряд этой экспедиции в составе автора этих строк и переводчика М. Н. Мамлеева — студента географического факультета Ленинградского университета, в 1929 г. ставил своей задачей изучение этнографических особенностей земледелия и животноводства у народов Башкирии. Помимо историко-познавательных целей имелись в виду также задачи практического характера — выработка рекомендаций для организации сельскохозяйственного производства с учетом местных природно-климатических условий и опыта населения.

Были обследованы четыре волости Уфимского кантона — Иглинская, Петровская, Архангельская, Улу-Телякская — и западная часть Усмангалинской волости Тамьян-Катайского кантона. Отряд посетил 27 населенных пунктов, в которых живут представители девяти национальностей: русские, башкиры, татары, чувашы, марийцы, белорусы, украинцы, латыши, эстонцы. Каждая нация обычно была представлена отдельными деревнями, однако, довольно часто встречались смешанные поселения — русско-украинские, латышско-белорусские, украинско-белорусские, татарско-башкирские и т. д.

В одних местах отряд осуществлял сбор материалов маршрутно-экспедиционным методом, а в других, главным образом в волостных центрах, — стационарным — кроме полевых наблюдений и беседы с жителями, изучались статистические и другие документы текущего учета и отчетности. В соответствии с программой экспедиции отряд изучал формы землепользования, бытующие или существовавшие в обследованном районе, направление и типы хозяйства, системы полеводства, виды местных сельскохозяйственных растений, земледельческую технику. Исследовались трудовые процессы, связанные с пахотой, посевом, полкой и охраной культурных растений от сорняков, уборкой, молотью и вянием хлеба, а также изучались народные приметы о погоде и видах на урожай, земледельческие культы. По животноводству был собран материал, характеризующий виды и породы домашних животных, улучшение их породности путем метизации, условия содержания скота, кормление и уход за животными, выращивание молодняка. По овцеводству изучалось качество, цвет и количество шерсти, получаемой с одной овцы в год. Выяснялся вопрос обеспечения животноводства кормами — естественными лугами и пастбищами, а также площадью посевных трав и корнеплодов.

В 1930 г. отряд исследовал вопросы организации труда в колхозах Башкирии. Было обследовано 40 колхозов и коммун в Бирском, Белебеевском, Стерлитамакском и Уфимских кантонах.

¹ Подробнее о Башкирской экспедиции АН СССР см. статью «Руденко и башкирская этнография» в настоящем сборнике.

Кроме основной задачи, продолжался сбор материалов, правда в меньшей мере, чем в 1929 г., по этническим особенностям земледелия и животноводства в крае.

В настоящей статье изложены результаты этнографического изучения техники земледелия у народов Башкирии. Как уже говорилось выше, статья основывается почти исключительно на материалах экспедиции 1929 г. и частично 1930 г. и ни в коей мере не претендует на исчерпывающий охват темы в целом. Это тем более важно подчеркнуть, что в зависимости от местных природных, социально-экономических условий, опыта и этнокультурных традиций хозяйственные навыки населения отдельных частей Башкирии различались довольно сильно.

Экспедиция застала деревню в переломный момент ее истории. Как известно, 1929—1930 гг. являются рубежом не только в истории земледелия или сельского хозяйства вообще, но и в исторических судьбах крестьянства в СССР. 1929 г. — последний год старого крестьянского уклада жизни, построенного на частной собственности. Напротив, 1930 г. — год массового колхозного строительства в деревне. Начиная с этого года в деревне резко меняются земельные отношения, организация труда в сельском хозяйстве; постепенно, но довольно быстро внедряется новая сельскохозяйственная техника — трактор и другие орудия труда и машины; все средства производства обобществляются, а деревня вступает на путь социалистического производства.

Уходит в прошлое крестьянский быт, и самое слово «крестьянин» заменяется словом «колхозник», а сельскохозяйственная техника, бытовавшая до коллективизации, становится пережитком. Теперь давно уже не пахут сабанами, сохами, не сеют из полы, лукошка, ведра и мешка; для получения урожая не прибегают к религиозным обрядам, всевозможным суевериям и культам, а добываются высоких урожаев с помощью применения новейших достижений агротехники, использования современных машин и орудий.

Но крестьянская сельскохозяйственная техника, как и многие другие стороны хозяйственной деятельности, культуры и быта народов, и сегодня представляет большой научно-познавательный интерес. Она составляет важнейший элемент того культурного наследия прошлого, на базе которого развилась современная индустрия и высокотехнологизированное сельское хозяйство. Для этнографии она дает ценный материал, помогающий раскрыть многие, оставшиеся до сих пор не ясными вопросы этнической истории народов, их происхождения, взаимных контактов и культурно-исторического сотрудничества. Немало явлений их современной жизни становятся понятными только в свете прошлого.

Экспедиция 1929—1930 гг. успела зафиксировать в истории земледелия в Башкирии многое из того, что исчезло, казалось бы, бесследно. Благодаря этому мы можем воссоздать в значительной мере картину хозяйственной жизни того времени у разных народностей, населявших центральную Башкирию, попытаться выяснить ее особенности у каждого из народов, выявить истоки этих особенностей.

Земледелие на Южном Урале имеет давнюю историю. Археология дает богатый материал о хозяйственных занятиях древнего населения края, в том числе и о земледелии, уже начиная с эпохи бронзы. В последующие эпохи, наряду со скотоводством, ремеслами, развивалось и совершенствовалось также и земледелие. Но это было земледелие народов, живших на территории Башкирии задолго до поселения в этих местах башкир.

В крае существовало в период наших экспедиций четыре системы полеводства: а) переложная, или залежная, встречалась только у башкир в Архангельской и Улу-Телякской волостях; б) трехпольная, наиболее распространенная, была свойственна татарам, чувашам, мари, русским, башкирам (Иглинская волость); в) четырехпольная — применялась у украинцев и отчасти белорусов; г) многопольная — была типична для латышских и небольшой части белорусских хозяйств. Среди белорусов и украинцев наблюдалась довольно сильная тенденция замены четырехполья многопольем, а среди башкирских хозяйств — стремление перейти от залежной к трехпольной; у татар, чувашей и мари не было критического отношения к существовавшей у них трехполке.

Не были одинаковыми и размеры посевной площади в хозяйствах. Большие всех сеяли латыши и белорусы, несколько меньше — русские и украинцы. Посевы чувашей и маришцев были ниже средних цифр по обследованной территории, а татары и башкиры сеяли еще меньше. Здесь, несомненно, помимо всего прочего, имело значение направление хозяйства и удельный вес в нем земледелия. В частности, в башкирских хозяйствах очень явно выступали скотоводческие традиции.

Из всех народов, живущих в настоящее время в Башкирии, башкиры позже всех начали заниматься земледелием и этим, видимо, объясняется полное отсутствие чисто национальных самобытных особенностей техники земледелия у башкир. Почти весь сельскохозяйственный инвентарь заимствован башкирами у русских и татар. С. И. Руденко по этому поводу писал: «Принимая во внимание то обстоятельство, что земледелие сравнительно недавнее занятие башкир, что с давних времен они приходили в близкое соприкосновение с искони земледельческим населением Прикамья, трудно ожидать встретить в этом их занятия что-либо самобытное. Принявшись за земледелие по необходимости и занимаясь теперь им повсеместно, за исключением горной области южного Урала, башкиры переняли от своих северо-западных соседей финнов и великорусов готовые формы и орудия этого хозяйства»².

В этих выводах может быть спорным только утверждение, что башкиры переняли от финнов что-либо из земледельческой культуры. Очевидно, первым народом, у которого башкиры учились земледелию, были татары и затем — русские. Не случайно то обстоятельство, что у башкир наиболее распространенным пахотным орудием был «плуг, который часто башкиры, как и татары, называют «сабан»³. Татары, очевидно, первый земледельческий народ, с которым у башкир завязались тесные экономические и культурные взаимоотношения, и этому, надо считать, в прошлом способствовали культурная и историческая общность и родственная близость языков.

Вторым народом, оказавшим влияние на развитие земледелия у башкир, был русский народ. Там же Руденко пишет: «Косуля теперь употребляется редко... обыкновенная соха с одним или двумя сошниками изредка встречается в разных местах башкирского края и употребляется главным образом для вспашки под пар первый раз для озимого, а также для обработки огородов»⁴. Об этом же говорят и наши наблюдения; ниже они приведены в нашей схеме вариантов замены одних пахотных орудий другими у разных народов. Влияние русской земледельческой техники усилилось и особенно возросло в колхозном земледелии.

1. ОБРАБОТКА ПОЧВЫ И СЕВ

1. Пахотные орудия

Техника земледелия в исследованном крае была чрезвычайно разнообразна. Здесь встречались как наиболее примитивные орудия кустарного изготовления, так и более сложные — заводского производства. Разнообразие земледельческой техники вытекало из тех культурных и этнических особенностей, которые существовали здесь раньше. Каждая народность, переселяясь в новый край, привозила с собой привычные орудия труда, которые, будучи хорошо приспособленными к работе на прежней родине, часто оказывались непригодными в новых условиях и заменялись другими, более подходящими. Прежде всего такая участь постигала пахотные орудия. Иногда более совершенные с технической точки зрения орудия, например заводские плуги, уступали место менее совершенным, но хорошо приспособленным к местным почвенным условиям орудиям кустарного изготовления. Такой случай произошел с латышами, украинцами и отчасти белорусами, которые пахали у себя на родине заводскими плугами; переселяясь в Башкирию, они взяли их с собою, но в первый же год убедились в их непригодности в лесной зоне на «чишобах»⁵ и временно заменили косулями — орудиями местной крестьянской работы.

Большое этническое разнообразие земледельческой техники, существовавшее в конце прошлого столетия, вскоре под влиянием почвенно-ботанических и социально-экономических условий начало подвергаться отбору и унификации.

Процесс подбора лучших, более приспособленных к местным условиям, пахотных орудий и замена ими старых за период между крестьянской реформой и коллективизацией деревни происходил в следующем порядке:

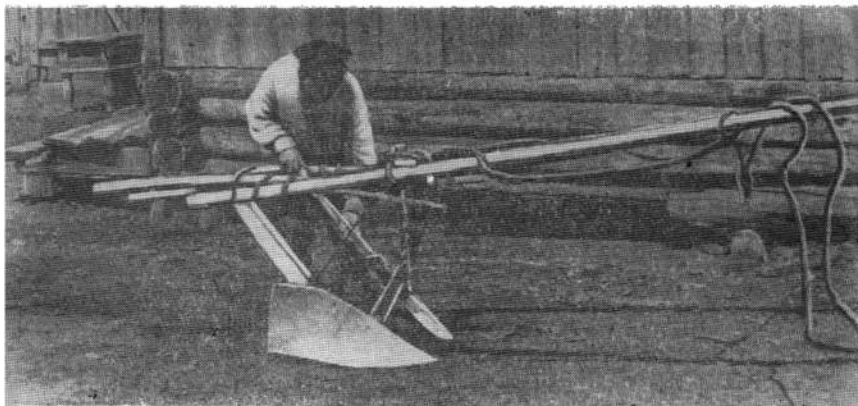
У русских. П е р в ы й в а р и а н т: а) соха «двойчатка» (с двумя сошниками) с деревянным отвалом и с пером на левом лемехе; б) соха «одинарка» с одним большим лемехом и деревянным отвалом; в) соха с перекладной полицей; г) косуля; д) заводские плуги и буккера.

² С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Л., 1925, стр. 70.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Там же.

⁵ «Чишоба» — место, расчищенное из-под леса и предназначенное для пашни.

Р и с. 1. Русский крестьянин готовит косулю к выезду в поле. Село Иглино, Уфимский кантон БАССР, 1929 г.

В т о р о й в а р и а н т: а) соха «двойчатка» с деревянным отвалом и пером на левом лемехе; б) соха «одинарка» с деревянным отвалом и с пером на лемехе; в) соха с перекладной полицей; г) татарский сабан; д) косуля; е) заводские плуги и буккера.

Т р е т ь и м в а р и а н т: а) соха с перекладной полицей; б) татарский сабан; в) кунгурка; г) косуля; д) заводские плуги и буккера.

Ч е т в е р т ы й в а р и а н т: а) соха с перекладной полицей; б) соха «лемех» с деревянным отвалом; в) татарский сабан; г) косуля; д) плуги заводские.

П я т ы й в а р и а н т: а) соха «двойчатка» (без отвала) с пером; б) соха «одинарка»; в) кунгурка; г) косуля; д) плуги одноконные и пароконные.

Ш е с т о й в а р и а н т: а) соха «двузубая чертуха» (с одним лемехом); б) сабан татарский; в) косуля; г) плуги одноконные и пароконные.

У б а ш к и р. П е р в ы й в а р и а н т: а) татарский сабан; б) косуля; в) заводские плуги одноконные и пароконные.

В т о р о й в а р и а н т: а) сабан татарский; б) соха «чертуха»; в) косуля; г) плуги одноконные и пароконные.

У т а т а р. а) Сабан; б) соха с одним сошником и соха с перекладной полицей; в) кунгурка; г) косуля; д) плуги одноконные и пароконные.

У ч у а ш е й. П е р в ы й в а р и а н т: а) соха с перекладной полицей; б) кунгурка; в) чивилька; г) косуля; д) заводские плуги.

В т о р о й в а р и а н т: а) соха с перекладной полицей; б) сабан татарский; в) кунгурка; г) косуля; д) плуги одноконные и пароконные.

У м а р и. а) Соха с перекладной полицей; б) косуля; в) плуги одноконные и пароконные.

У к р а и н ц е в. П е р в ы й в а р и а н т: а) украинский плуг кустарного изготовления (так называемый «ковальский»); б) косуля; в) плуг заводского изготовления.

В т о р о й в а р и а н т: а) плуг заводского изготовления; б) косуля; в) плуги и буккера заводского изготовления.

У б е л о р у с о в. а) Белорусская соха полесского типа; б) косуля; в) заводские плуги и буккера.

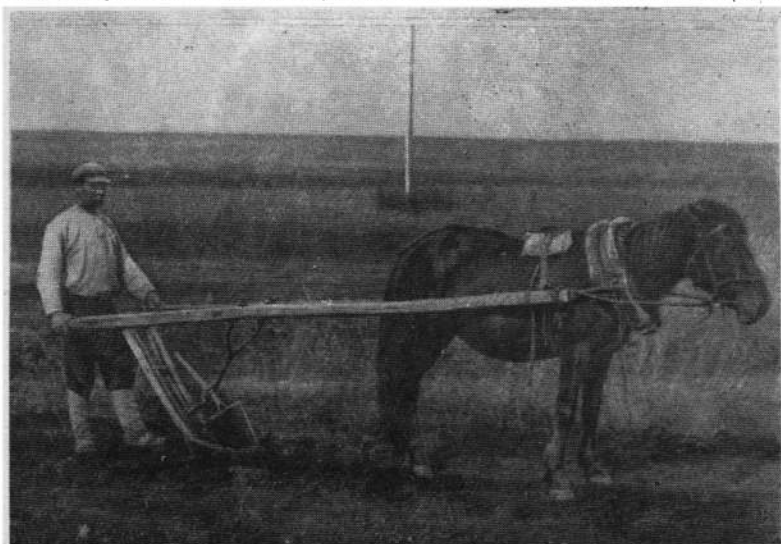
У л а т ы ш е й. П е р в ы й в а р и а н т: а) латышская соха; б) косуля; в) заводской плуг.

В т о р о й в а р и а н т: а) шведский плуг заводского изготовления; б) косуля; в) плуг заводского изготовления.

Э с т о н ц ы. П е р в ы й в а р и а н т: а) соха эстонская коловая; б) косуля; в) плуг заводского изготовления.

Р и с. 2. Башкир пашет залежь железным плугом. Аул Казаяк-Кутушево, Уфимский кантон БАССР, 1929 г.

Р и с. 3. Татарин пашет сохой. Стерлитамакский кантон БАССР, 1929 г.

Р и с. 4. Марнец-черемис пашет сабаном. Уфимская губерния, 1869 г.

Второй вариант: а) соха эстонская коловая; б) плуги и буккера заводского изготовления.

Приведенная схема вариантов образовалась у нас в результате изучения замены одних орудий другими в селах, колониях, поселках и деревнях указанных народов.

Со времени отмены крепостного права у девяти народов края нашли применение изготовленные самими крестьянами с помощью местных кузнецов 13 названий пахотных орудий (не считая заводских плугов и буккеров): 1) соха «двойчатка», бытовавшая в середине XIX в.; 2) соха «одинарка односторонка»; 3) соха «чертуха», «черкуша», 4) соха «лемех»; 5) соха белорусская; 6) соха латышская; 7) соха эстонская коловая; 8) соха с перекладной полицей; 9) кунгурка; 10) чивилька; 11) косуля; 12) сабан татарский; 13) украинский плуг.

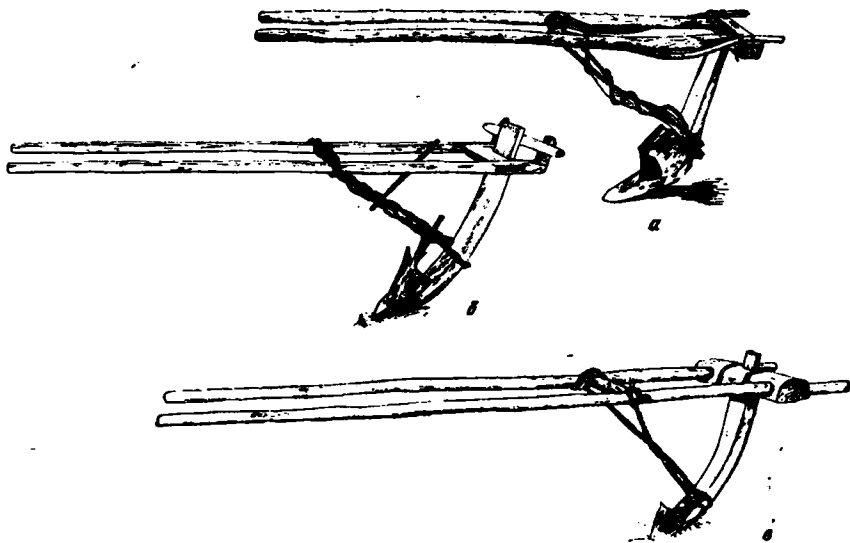
Все эти названия орудий основаны на их конструктивных особенностях, имеющих те или иные различия, иногда очень значительные; все же их можно объединить в три основных типа: а) сошные орудия, б) сошно-плужные, в) плужные. Не имея возможности подробно остановиться в этой работе на описании конструктивных особенностей всех тринадцати названий пахотных орудий, кратко охарактеризуем их по типовым признакам.

Тем более, что довольно детальное описание сох почти всех типов с чертежами содержится в специальной работе Д. К. Зеленина о русской сохе⁶, малороссийского плуга и рала, а также татарского сабана — у Фирстова⁷, украинский плуг и рало, бытовавшие на Кубани, были подробно рассмотрены в наших прежних публикациях⁷. В этих работах читатель найдет кроме описания конструкций, чертежей и рисунков целый ряд других исторических и технических

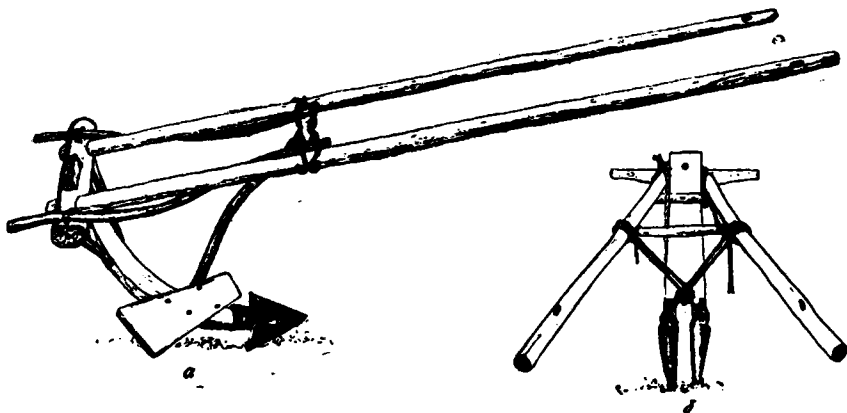
⁶ Д. К. Зеленин. Русская соха. Изд. Вятск. губери. статистич. комитета, 1907.

⁷ Фирстов. Земледельческие орудия восточной полосы России. Казань, 1854.

⁷ А. С. Бежкович. Эволюция рильничного начиния на Кубани. Рало. Науковий Збірник. Леинградского Товаришества Дослідники в Українськи Письменства мови, I. Київ, 1928, стр. 93—103; Тот же Збірник, III, 1930, Кубанський плуг, стр. 85—112.

Р и с. 5. а) Соха «одинарка» с одним сошником. Уфимский кантон БАССР, 1929 г., татары. Рисунок с фотографии. б) Соха с перекидной полицей с лычковыми подволия. Село Охлебяино, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., русские. Рисунок с фотографии. в) Соха «лемех». Уфимский кантон БАССР, 1929 г., башкиры. Рисунок с фотографии.

Р и с. 6. а) Соха «одинарка». Село Федоровское, 1929 г., украинцы-переселенцы из Полесья. б) Соха «коловая» эстонская. Колония Бакалдинская, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., эстонцы. Рисунок с фотографии.

данных, относящихся к этим орудиям. Кроме того, некоторое представление о косуле и некоторых видах сох дадут фотографии, помещаемые в настоящей работе.

Для всех сошных орудий характерно совершенно одинаковое устройство оглоблей (только длина их бывает разная), колоды и прикреплении к ней рассохи-подвога; довольно большое сходство имеет также форма сошников (исключая латышскую, эстонскую и белорусскую сохи). Возда, проведенная орудиями сошного типа, имеет желобообразную форму. Эти орудия по существу рожют почву, а не пашут. Различаются же сошные орудия между собой количеством сошников (бывает один или два), наличием или отсутствием «пера», «полицы» и отвала и, наконец, размерами сошников. К этому типу относятся соха «двойчатка», соха «одинарка», соха «чертуха», соха «лемех», белорусская соха, латышская, эстонская коловая, соха с перекладной полицей и кунгурка.

Сошно-плужный тип орудий характерен своей гибридной конструкцией. Такие их части, как оглобли, колода, рассоха, подвог, подмоги и распорки, а также ручки для управления совершенно одинаковы с аналогичными деталями орудий сошного типа. Пашущие части — отрез и отвал — по расположению, форме и своим функциям идентичны соответствующим частям плуга, вследствие чего борозда, проведенная сошно-плужными орудиями, почти ничем не отличается от борозды, сделанной плугом. К этому типу мы относим косую и чивильку. Косуля как типичное орудие сошно-плужного типа не рвет, а пашет почву, подрезая ее лемехом снизу, и передает пласт почвы на отвал, который, переворачивая его растительным покровом вниз, сваливает в предыдущую борозду.

Орудия плужного типа, резко отличаясь от сох и наличием асимметричного лемеха, отреза и отвала, сближаются с сошно-плужными орудиями. В целом эта группа, к которой мы относим украинский плуг и татарский сабан, по своему габитусу и конструкции, а также по функциям частей представляет вполне законченный и обособленный от вышеупомянутых тип пахотных орудий. Отличительными чертами его являются градиль, передок, чепиги, а также размер и массивность лемеха, отреза и отвала. В орудия этого типа обычно впрягались от 4 до 6—8 лошадей или волов, тогда как в орудия сошного и сошно-плужного типа впрягали одну лошадь и редко две. Заводские плуги были одноконные и пароконные.

Конструктивное совершенство, а следовательно и качество пахоты этих орудий легко прослеживается. Наиболее примитивными были сошные, более совершенными сошно-плужные — косули и чивильки и вполне совершенными — плуги.

Из приведенного выше порядка замены одних орудий другими легко убедиться, что первоначально у русских, чувашей, мари, белорусов и у некоторой части латышей (вариант первый) существовали только орудия сошного типа; у татар, башкир, украинцев и у латышей (второй вариант) — плужного типа. В силу чисто хозяйственных соображений как первые, так и вторые были вытеснены сошно-плужным типом — косулей. Замена сох косулей началась прежде всего в русских хозяйствах в 60—70 годах XIX в. Вскоре этот процесс перешел в чувашские, марийские и несколько позже в татарские, башкирские, белорусские, украинские и латышские хозяйства. Косуля и в 1929 г. во многих хозяйствах лесной зоны Башкирии конкурировала с заводскими плугами и буккерами. Только все латышские хозяйства и довольно большой процент белорусских и украинских хозяйств заменили косулю заводскими плугами. Наиболее прочно держалась косуля в татарских, чувашских, марийских и башкирских хозяйствах, в 70—80% которых до коллективизации пахали этим орудием и лишь в 30—20% хозяйств имели плуги заводского изготовления. Правда, и в некоторых русских населенных пунктах (с. Охлебинино и др.) косуля являлась основным орудием обработки почвы, ею пахали почти в 80% хозяйств, а во многих местах (с. Русский Юрмаш, Зилим и пр.) косуля была уже вытеснена на 90—100% заводскими плугами.

Причина такой привязанности населения к косуле, этому все же примитивному орудью, однако не в крестьянской косности и стоимости косули. Крестьяне, как мы видели выше, обычно охотно заменяли свои старинные орудия более совершенными. Татары и башкиры лесной зоны легко отказались от сабана в пользу косули, так же поступили латыши, белорусы и украинцы. Русские за 80—90 лет успели переменить 5—6 видов пахотных орудий. Поговорка «пашут дедовскими сохами» является скорее городской выдумкой, чем крестьянской действительностью.

Стоимость косули была равна цене заводского плуга. За одну только работу кузнецы брали в среднем 20 руб., а материал — железо на лемех, отрез, отвал, подвог и упорины; дерево на оглобли, колоду и рассоху — давал сам закаачик, что в среднем составляло 10—15 руб. Таким

образом, общая стоимость косули равнялась 30—35 руб. (по ценам 1929 г.), а за эти деньги можно было купить довольно хороший железный плуг.

Внявняя рабочие качества косули, мы неизменно слышали одни и те же мотивы у русских, чувашей, мари, татар, башкир, украинцев, белорусов и латышей — косуля незаменима при распашке так называемой «чишобы». Плуг для вспашки девственной почвы между частыми пнями, оставшимися от срубленных деревьев, совершенно непригоден. Латыши, привезшие с собой пароконный шведский плуг, вынуждены были отказаться от него и перейти к незнакомой им косуле, которая, по их словам, лучше плуга и шире делает борозду, притом пахали одной лошадей. Кроме того, косулей легче и проще регулировать глубину вспашки, чем плугом. Пахарь, в нужную минуту надавливая на косулю, получал более глубокую борозду, а при желании пахать мельче, слегка приподнимал ее. Недостатком косули крестьяне считали то обстоятельство, что она «тяжела на руки пахаря». Пахарь все время работы не выпускал ее из рук, как говорили, «носит на руках». Но как известно, крепетьяне мало считались с затратой ручного труда, и поэтому такой недостаток не умалял ее значения. Следовательно, до тех пор, пока хозяйства исследованного района должны были распашивать хоть небольшие площади «чишобы» и пока заводская техника не сконструировала вполне пригодного для этой цели орудия, косуля могла конкурировать с плугом.

Примечательную картину рисуют статистические данные о количестве различных типов пахотных и разрыхляющих орудий в Башкирии на 1924 г. Сох, косуль и сабанов в то время в республике было 155,3 тыс.; плугов — 127,0 тыс.; борон с железными зубьями — 260,1 тыс. и деревянных — 82,2 тыс.⁸

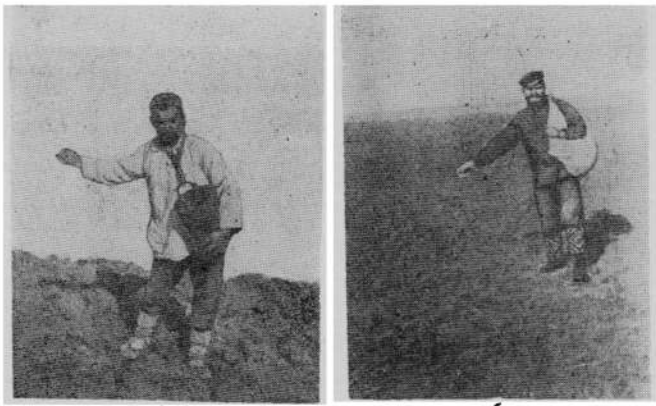
Пахали здесь только на лошадях, воли не использовались. В косулю обычно впрягали одну лошадь, в большие плуги и буккера — пару. Плугами и косулями пахали в «свалку» и «развалку», а буккерами чаще в «развалку» и значительно реже в «свалку». Из года в год эти способы чередовали: вспахав первый год в «развалку», на следующий пахали в «свалку» и таким путем устраняли образование глубоких разрезных борозд, в первом случае, и большой складки — во втором. Глубина вспашки колебалась от 6 до 12 см. Под яровые пахали один раз, а под озимь два или три раза; первая вспашка — приготовление пара, вторая — перепашка его, третья — запахивание посевов.

2. Способы сева

Сеяли обычно вручную, только небольшое количество хозяйств — кулацкие — сеяло рядовыми, сошниковыми и дисковыми сеялками. Большинство имеющихся в то время сеялок приходилось на латышские хуторские хозяйства, и совсем их не было у башкирского, татарского, чувашского и мари́йского населения. Латыши же 70—80% своих полей засевали машинами. Крестьяне понимали преимущество машинной техники, которая обеспечивала равномерное распределение семян на площадь и в глубину, экономию зерна (от 20 до 30 кг на гектар) и быстроту посева, но промышленность еще не могла дать крестьянам эти машины в достаточном количестве и стоимость их была очень высокая. Это явилось серьезным препятствием в распространении машинного способа сева. Сеялка была настолько дорога, что была доступной только кулацким хозяйствам. Рядовые середняцкие хозяйства не имели возможности купить эту машину и вынуждены были сеять по традиции вручную. Большой помехой в распространении нового способа были бедность и нищета крестьян, распыленность мелких хозяйств.

В ручной технике сева есть свои, чисто этнические особенности. Наиболее распространенным приспособлением для ручного сева была белорусская «коробка», сплетенная из ржаной соломы и лыка; у русских, украинцев, латышей и мари она известна под названием «сеги́ва» и «свалка», а у татар и башкир аналогичный короб называли «тубал». Довольно широко был распространен так называемый «кузов», сделанный из язового или липового луба в форме ведра. «Кузов» — это русское приспособление для ручного сева, но до коллективизации он часто встречался также у башкир, чувашей и татар. Реже сеяли из деревянной долбленной «пудовки»; иногда приспособляли для ношения семян и обыкновенное ведро. Украинцы сеяли также из мешка, а латыши — из передника и полога; для этого концы полога связывали, насыпали в него семена и несли его почти так же, как украинцы носят мешок. Следует еще отметить посев из полога рубахи, полы халата, который раньше существовал у башкир.

⁸ ЦСУ. Труды Отдела текущей сельхозстатистики, т. 24, вып. 1: М., 1926, стр. 42.

Р и с. 7. а) Башкир сеет из ведра. БАССР, 1929 г.; б) украинец сеет из мешка. БАССР, 1929 г.

Из всех народных приспособлений белорусская корюка оказалась, видимо, наиболее пригодной. Постепенно распространяясь, она и вытесняла «кузов», «пудовку», ведро, мешок, передник и посев из полы халата.

В самой технике посева — разбрасывании семян — тоже имелись заметные этнические различия. Русские, украинцы, белорусы, чуваш, мари и латыши сеяли в два сева: бросив семена вперед и несколько вправо, сеятель делал широкий шаг вперед и снова, взяв в горсть семена, бросал их вперед и несколько влево. Татары и многие башкиры тоже сеяли в два сева, но не с одним, как в предыдущем случае, а с тремя бросками в каждом севе. Сеятель, взяв горсть семян, рассеивал их вперед и влево, затем делал шаг, брал еще горсть семян и снова рассеивал в том же направлении, делал следующий шаг, брал горсть семян и выбрасывал руку с большей силой, рассеивая семена. После трех бросков влево сеятель в таком же порядке делал три броска вправо и затем снова три влево и так чередовал разбрасывание семян все время сева.

Само собой разумеется, что частота сева и равномерное расположение семян на пахоте при ручной технике посева относительны и находились в зависимости от индивидуальных способностей сеятеля. У одного сеятеля посев был более или менее равномерный, у другого то слишком густой, то слишком редкий, или «плешивый». Частота сева регулировалась двумя приемами: чтобы сделать посев реже, сеятель брал меньше зерна в горсть и, наоборот, для более густого посева он брал более полную горсть семян. В иных случаях, когда предполагался редкий посев, сеятель выбрасывал руку с большой силой и держал ее немного выше обыкновенного, вследствие чего горсть семян занимала большую площадь, а следовательно, размещалась на ней реже. Напротив, чтобы сеять гуще, сеятель опускал руку ниже, вследствие чего расстояние между рукою и почвою по линии падения семян уменьшалось, а вместе с этим уменьшалась и засеянная площадь, в результате чего семена ложились гуще. Умение пользоваться приемами сева приобреталось только путем продолжительной практики.

Картофель сажали под плуг или под косулю: бросали в борозду по одному клубню через 30—40 см и затем припахивали. Посадку проводили через борозду, чтобы получилось между-рядье в 45—50 см.

Подбору и подготовке семян к посеву в местных крестьянских хозяйствах не уделялось достаточного внимания. Большинство населения (около 60—70%) засеивало свои поля неотобранными, неочищенными и непотравленными семенами. Башкиры обычно совершенно не заботились о качестве семян, латыши, напротив, почти все в той или иной степени уделяли внимание этому вопросу: одни из них только очищали семена; другие — очищали и протравливали; а третьи — подбирали лучшие семена, лучших сортов, очищали их и протравливали. Для уско-

рения всхожести семян проса некоторые хозяйства накануне посева (на ночь) мочили их теплой водой.

В крестьянской практике предпосевная намочка таких семян, как просо, кукуруза и особенно бахчевые культуры (огурцы, арбузы, дыни) — не единичные случаи. На Кубани большинство населения высевало бахчевые культуры, предварительно продержав семена около суток в теплой воде, иногда с примесью почвы. Все крестьяне, применявшие предпосевную намочку семян, утверждали, что это не только ускоряет, но и дает более дружные всходы. Однако этот способ требовал от крестьян большой осторожности. По их словам, ни в коем случае нельзя было высевать намоченные семена в сухую почву, в таких условиях они, не дав всходов, преют.

3. Бороны и другие средства заделки семян

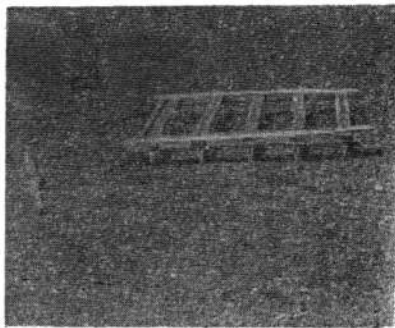
Заделка семян производилась на 95—97% крестьянскими боронами (русско-украинской и латышской) и только на 3—5% — заводскими; из последних были распространены бороны «зиг-заг», редко встречались пружинные и еще реже — дисковые. Больше имелось заводских борон в латышских и белорусских хозяйствах. У русских, чувашей, мари и татар они являлись редкостью, а у башкир совсем не встречались.

Процесс замены крестьянских борон заводскими шел медленнее, чем плугов. Объясняется это, вероятно, тем, что между крестьянскими и заводскими боронами нет такой большой разницы в конструкции и функциях рабочих частей, как, скажем, между фабричным плугом и сохой.

Функции крестьянской бороны как почвообрабатывающего орудия заключались в том, что она вследствие тяжести своего корпуса и заостренности зубьев вонзалась в почву и погружалась в нее. При волочении бороны по пахоте она зубьями как бы расчесывала почву, разрушая глыбы и комья, выравнивала ниву, очищала ее от растений. Вместе с тем борона выполняла другую важную работу — смешивала высевные семена с почвой, зарывая их в рыхлую землю, создавала этим благоприятные условия для прорастания. Такие же функции у бороны «зиг-заг», только выполнялись они благодаря некоторым преимуществам несколько лучше. Но борона «зиг-заг» для среднего крестьянского бюджета была довольно дорогим орудием. К тому же для удобства и большей производительности такие бороны часто использовали в спаренном виде, что требовало запряжки двух лошадей.

Обычно бороновали в один и два следа: в один след, когда посев проведен на пару и затем его припахивали косулей или плугом (в этом случае бороновали уже не для заделки семян, а с целью выравнивания пашни и размельчения комьев) в два, реже в три следа — если посев проведен по только что вспаханной ниве. Крестьяне считали, что этим достигалась нормальная заделка семян в почву, разрыхление комьев и выравнивание нивы. Однако не редки были случаи, когда в результате такой заделки и особенно после мелкой вспашки и оседания почвы часть семян оказывалась на поверхности и собиралась птицами.

Глубина заделки семян, как при бороновании в один след, так и в два была разная. При специально проведенной нами проверке заделки семян крестьянской боронкой в с. Русский Юрмаш оказалось, что при посеве их на почву с глубиной вспашки до 10 см и бороновании в два следа около 80% всеванных семян находились в верхнем горизонте вспаханной почвы, который условно был взят глубиной до 5 см, а в нижнем горизонте, лежащем на глубине от 5 до 10 см — только 20% семян. Там же была проведена проверка припаханного косулей посева; припахивали глубиной на 7 см и бороновали в один след, причем в первом горизонте глубиной до 3,5 см было обнаружено 32% семян, а во втором, лежащем на глубине от 3,5 до 7 см — 68%.

Р и с. 8. Борона деревянная с железными зубьями. Село Иглино, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., русские.

Рис. 9. Каток для прикатывания посевов. Колония Балтийская, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., латыши.

Эти данные можно сопоставить с учетом того обстоятельства, что условия для заделки семян были не одинаковы. Глубина вспашки в первом случае — 10 см, а во втором — 7 см, следовательно, горизонты вспаханной почвы были разными. Но все же весьма показательно, что при первом способе заделки главная масса семян находилась на глубине до 5 см, а при втором, напротив, большинство семян лежало на глубине от 3,5 до 7 см. Какое влияние оказывает глубина заделки семян ржи на урожайность, мы, к сожалению, по условиям экспедиционной работы, проследить не могли.

Как ни проста и дешева крестьянская борона, но и ею были обеспечены далеко не все хозяйства. В целом ряде населенных пунктов (Акбердино, Жилино, Федоровское, Охлебинино, Турбаслы, Архангельское, Узулларово, Мряево, Старо-Кубово и т. д.) только около половины хозяйств были обеспечены этими орудиями. Хозяйства, не имевшие своей бороны, безвозмездно брали ее у соседей или родственников на время работ. Борона в среднем крестьянском хозяйстве являлась таким орудием, которое бывает в работе в течение всего сельскохозяйственного года не более 4—6 дней. Если хозяйство пашет в течение 7—8 дней, то боронует эту пахоту в 2—3 дня. Однако встречались такие населенные пункты (колония Дубровская, Ауструмская, Балтийская, Симбирская, с. Загорское, Евгеньевское и пр.), где почти все хозяйства имели бороны.

Для заделки семян проса и льна, кроме крестьянской бороны, употребляли ветки или пучки хвороста. Пробороновав пахоту, сеяли и затем заделывали семена ветками. Для этого ветки привязывали к передку телеги или подкладывали под борону, а иногда привязывали их к бороне и волокли, заглаживая ниву и засыпая почвой семена. Этот способ применялся во всех хозяйствах.

Некоторые латышские, белорусские и украинские хозяйства укатывали посевы, употребляя специальные деревянные катки кустарной работы. Существовало два типа катков: а) округленное бревно, длиной около 2 м и диаметром 35—40 см, к которому прилажен станок и дышло или оглобли для запряжки лошадей, б) бревно около 1,5 м с диаметром 40 см с 12—14 резными вы-

Р и с. 10. Крестьянин с плугом и бороной выезжает в поле. Село Надеждино-Черемисское, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., марицы.

емками на нем, внешне напоминающими нарезы винта. Делали такие катки из вязового, дубового, липового или любого другого дерева.

Первый тип катка был распространен не только в Башкирии, но и в других районах России, в частности, на юге Украины, на Северном Кавказе, в Казахстане, Прибалтике. Второй тип мы встретили впервые в Башкирии, где, впрочем, он также являлся редкостью и появился, по словам крестьян, только после революции.

Из конструктивных особенностей катков вытекают их рабочие функции. Первый тип катка — с гладкой поверхностью, укатывая посев, выравнивал ниву и уплотнял почву. Второй же, имея винтообразную или точнее дискообразную форму поверхности, в процессе работы, вдавливаясь в почву своими гребнями, разминал глыбы и вообще твердые пласты пахоты. Поэтому естественно, что такое орудие применялось не для укатывания посевов, а для подготовки пахоты к посеву: когда борова не в состоянии была справиться с твердыми пластами почвы. Укатывание гладкими катками проводилось в одних случаях сразу после посева, еще до всходов, а в других — после всходов. Это агротехническое мероприятие крестьяне объясняли желанием разрушить комья почвы, уплотнить ее, выровнять ниву и тем самым создать лучшие условия для произрастания посевов. Мокрую почву не укатывали.

Позднее этот агротехнический прием нашел довольно широкое применение в колхозной практике и получил надлежащее научное обоснование. Но тогда крестьяне Башкирии и других мест нашей страны, применявшие укатывание полей, конечно, не знали, в какой мере это повышает урожайность, а просто основывались на опыте.

Одним из новых в то время способов ухода за посевами было боронование озимых весной, которое мы встречали только в некоторых латышских хозяйствах. Бороновали в тех случаях, когда после сильного весеннего дождя и последовавшего вскоре за ним суховея на ниве образо-

вывалась корка, мешавшая свободному развитию растений. Бороновали обычно посев до наступления кущения. Это мероприятие получило применение у местных крестьян после того, когда они узнали об этом из популярной сельскохозяйственной литературы.

* * *

Этнические особенности в земледельческой технике народов Башкирии сложились давно и у некоторых народов продолжали существовать до коллективизации. Они сохраняются до тех пор, пока орудия остаются народными, то есть изготавливаются самими крестьянами с помощью сельских кузнецов. По мере проникновения в натуральное хозяйство капиталистических отношений этнические особенности в сельскохозяйственной технике постепенно утрачиваются; появляются плуги заводских марок — Генна, Сакка, Аксай и др. Заводские плуги одних и тех же марок могут быть одновременно у разных народов и, наоборот, у одного народа встречаются плуги нескольких марок. Правда, и здесь имеются различия, но не в форме или конструкции орудий, а в степени их распространения в той или иной этнической среде.

Процесс замены крестьянских пахотных орудий — сохи, косули, сабана, плуга — заводскими плугами и буккерами проходил в разных этнических группах неодинаково. Все латышские, большинство белорусских и украинских хозяйств заменили соху, косулю и плуг кустарной работы заводскими плугами и буккерами, тогда как башкиры, татары, чуваш и мари продолжали пахать сабаном, сохой, а русские, в большинстве своем, — косулей и сохами. Машинная техника сева привилась только в латышских хозяйствах и вытеснила там ручной сев на 70—80%. Остальные же народы продолжали сеять вручную. Заволакивание семян проводилось крестьянскими боровами. Только незначительное число латышских хозяйств имели бороны «зиг-заг» и пружинные. Укатывание посевов производилось только незначительным числом латышских и белорусских хозяйств. Такая разница замены крестьянской почвообрабатывающей техники заводской объясняется не только этнической традицией, но и экономическими условиями.

В последнее время этнографы, изучающие крестьянское земледелие, уделяют большое внимание географическому влиянию на конструкцию пахотных орудий. Географическое влияние, комплекс которого очень сложный, по-разному сказывается на земледелии. Для нормального произрастания тех или иных культурных растений в первую очередь необходимо определенное количество осадков и соответствующая температура. На конструкцию же пахотных орудий эти факторы не оказывают непосредственного влияния. Орудия приспособляются к почве и растительности. Поэтому из всех географических факторов исследователю, изучающему технику земледелия, приходится считаться с почвенно-ботаническим. Земледельцы действительно приспособляют свои орудия к местным почвенно-ботаническим условиям. Но этот фактор не следует переоценивать, как это делают некоторые этнографы⁹.

Такие приспособленные орудия, в том случае, если они не были заимствованы от соседнего народа, все же имеют свой ярко выраженные этнические особенности, нередко преобладающие над географическими. В одних и тех же почвенно-ботанических условиях центральной Башкирии народы, находящиеся на разных культурно-технических уровнях развития, создавали разные орудия, не в одинаковой степени приспособленные к этим условиям. Даже один и тот же народ, живший в одних и тех же условиях, на протяжении столетия совершенствует пахотные орудия и заменяет старинные новыми, более приспособленными. Таким образом, любое пахотное орудие во время его изобретения не является вполне приспособленным к местным условиям.

II. ВЫРАЩИВАНИЕ И СБОР УРОЖАЯ

1. Применение удобрений

Из многочисленных видов удобрений — минеральных и органических — в крестьянских хозяйствах Башкирии в то время применялся навоз, изредка — зола. Но и навоз применялся у разных народов края не в одинаковом количестве. По мере использования этого удобрения мы делим хозяйства на пять групп: а) латышские и почти все белорусские хозяйства использовали

⁹ Г. Г. Громов. География пахотных орудий русских крестьян в XIX веке. — «Доклады по этнографии», вып. 5. Л., Изд. Географического общества, 1967.

навоз со своего скотного двора полностью на 100%; б) украинские хозяйства — на 70—80%; в) русские, чувашские и марийские — на 40—50%; г) татарские — на 20—30%; д) башкирские хозяйства навоза не применяли, его вывозили со двора и сваливали в овраги.

После коллективизации этнические особенности в использовании удобрений утратили былое значение; в колхозах теперь широко применяются различные виды не только органических, но и минеральных удобрений.

2. Прополочные работы

Пропалывали от сорняков только яровые культуры: овес, просо, лен, коноплю, корнеплоды и картофель. Все посевы за исключением корнеплодов и картофеля пололи обычно руками; сорняки — осот, молочай, куколь, полынь, лебеду, березку и щелкун — вырывали с корнями. Картофель окучивали по междурядьям сохой типа «чертухи». Таким способом опахивали картофель почти во всех хозяйствах края. Лишь некоторые латышские и белорусские крестьяне применяли для этой цели специальные пропашники заводского изготовления. Некоторые хозяйства после опахивания сохой или пропашником оправляли стебли картофеля и удаляли оставшиеся сорняки руками или мотыгой. Пропалывание руками яровых и окучивание (пропахивание) картофеля как способы борьбы с сорняками имели в исследованном крае повсеместное распространение.

Уход за корнеплодами — свеклой, морковью и турнепсом — и охрана их от сорняков проводилась другими средствами. Междурядья этих культур в большинстве латышских хозяйств пропалывали ручными окучниками «планет», а в белорусских хозяйствах чаще удаляли сорняки мотыгами-сапками. У белорусов-кулаков имелись для этой цели окучники «планет» или более примитивные орудия собственного производства, изготовленные по типу заводских окучников. В украинских хозяйствах пололи обычно мотыгами — сапками, а в русских — чаще голыми руками и реже мотыгами.

«Сапка» или «сапа» — ручное орудие для пропалывания, которое было завезено в Башкирию белорусами и украинцами и постепенно распространилось в латышских, русских, чувашских, марийских, татарских и башкирских хозяйствах. «Сапа» встречалась в Башкирии двух типов: в форме полудиска и в форме квадрата. Кроме Южного Урала и Приуралья «сапа» распространена на Украине, в Белоруссии, Центральной черноземной области, на Северном Кавказе, местами в Нижне- и Средневолжских областях, у украинцев в Казахстане¹⁰ и Киргизии. Там, где главным орудием пропалывания являлись конные окучники — «полники», «стругачки» и ручные окучники — «сапа» (ее называли также «тыпка», «цапка») неизбежно служила дополнением к этим орудиям: ею пропалывали сорняки, растущие у самых корней культурных растений; окучником они обычно не уничтожались. Процесс работы «сапой» ничем не отличается от описанного нами у украинцев-переселенцев Семипалатинской губернии¹¹. Пололи по мере надобности: яровые пололи только один раз, а корнеплоды и клубнеплоды опахивали и окучивали от одного до двух раз.

3. Охрана посевов

Посевы в лесной зоне для охраны огораживали. На хуторах обычно почти все поля были огорожены и особенно тщательно городили выгоны, на которых скот потом мог ходить без пастуха. Но в поселках, селах и деревнях отгораживали населенный пункт от выгона, а иногда и сенокос от посевов. Таким образом, изолировали не пашню от выгона, а напротив — выгон, сенокос и саму деревню как места общего пользования от пашни. Изгороди встречались только двух типов: жерди и плетень. Наиболее распространена изгородь жердями; ею городили русские, белорусы, латыши, украинцы, мари и чуваше, а в некоторых местах и башкиры. Плетень как изгородь здесь типичен для татар и менее — для башкир. Изгородь жердями хорошо известна во всей лесной полосе Советского Союза, тогда как плетень в качестве полевой изгороди встречается только в Татарской АССР и на Кавказе у кабардинцев, адыгейцев, черкесов и других народов.

¹⁰ А. С. Б е ж к о в и ч. Земледелие украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губ. — «Украинцы-переселенцы». Материалы Комиссии Экспедиционных Исследований АН СССР» Л. ,1930, стр. 50.

¹¹ Там же.

а

б

Р и с. 11. а) Пропалывание картофеля. Колония Балтийская, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., латыши. б) Ручная прополка свеклы сапаями. Колония Балтийская, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., белорусы.

Вопрос охраны посевов от погрыза скотом изгородью в Башкирии имеет свою историю. Он возник еще в то время, когда в этой стране встретились две антагонистические культуры — оседлая — земледельческая и кочевая — скотоводческая. Носители их совершенно по-разному смотрели на использование степи: кочевники, скот которых вольно ходил по степи, считали для себя стеснительным и непонятным требование земледельцев — пасти скот, не пускать его в посевы. Они считали более правильной свою точку зрения, по которой земледелец, вторгшийся в степь со своими посевами, должен сам их охранять и огораживать. В «Доношении начальника Оренбургской комиссии Урусова в Сенат о размежевании башкирских земель, взятых под строение крепостей, с землями их прежних владельцев», в документе, датированном 13 марта 1740 г., говорится, что «башкиры требовали, чтобы жители крепостей свои хлеба и сено городили»¹². По свидетельству того же документа, Урусов «жителям крепостей велел..., чтобы они посеянные свои хлеба, санные стоги и прочее, что к бережению надлежит, городили и башкирцам ни малейших обид... не чинили»¹³. Победили интересы кочевников — земледельцы должны были городить свои посевы.

В местных условиях посевы страдали не только от погрыза домашними животными, но и от диких птиц, в частности, воробьев, которые особенно падали на посевы проса и, набрасываясь целыми стаями на неохороняемые поля, уничтожали их. Само собой разумеется, что они не только поедали проса, сколько своими налетами обмолачивали и просыпали его на землю.

Страдали от птиц главным образом те поля проса, которые небольшими островками были разбросаны по лесным полянам, изобилующим птицами. Охраняли посевы от них довольно простыми и нехитрыми пугалами. В одних случаях вколачивали в землю несколько шестов и по ним протягивали через все поле тонкую лыковую веревку, к которой затем привязывали всевозможные тряпки из старой рваной одежды, жесь и т. п. Все это придавало необычный вид полю, а

¹² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3. М.—Л., 1949, стр. 501.

¹³ Там же, стр. 502.

пестрота тряпок и позвякивание жести во время ветра пугали птиц. В других случаях по всему полю натякали большое количество высоких шестов (около 2—3 м), к верхним концам которых привязывали целые пучки длинных лыковых лент; ветер развеивал их, распространял по полю своеобразный шелест, отпугивающий птиц. Такими способами охраняли свои посевы главным образом башкиры.

Охрана полей от пернатых хищников чаще всего наблюдалась в примитивном земледелии, где обычно посевы по площади настолько незначительны, что даже небольшая стая птиц была в состоянии причинить заметный урон. Несколько иными средствами, но тоже охраняли, по нашим наблюдениям, свои посевы киргизы. Об охране посевов казахами упоминает Ю. Шмидт в своих «Очерках киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела»¹⁴. Бродовский отмечает ее у узбеков в Самаркандском районе¹⁵. П. И. Кушнер писал, что у киргизов «посевы сильно страдают от птиц и особенно посевы проса. Чучела, как видно, мало пугают пернатых ворюшек. Киргизы предпочитают отпугивать птиц криком; и к моменту созревания, когда целые тучи птиц носятся над посевами, все киргизы от мала до велика выходят на поле. С восходом солнца над полями несется жуткий крик людей, охраняющих свои посевы»¹⁶.

Оседлое население Средней Азии тоже охраняло свои посевы от птиц. Способы охраны здесь были иные. Так, в окрестностях Самарканда, кроме пугал, мало впрочем помогавших, строили из глины башни, с которых караульщики пугали птиц бубнами и бросали в птиц комки глины. Этот способ хорошо иллюстрирован художником А. Е. Дмитриевым-Кавказским. На одном из рисунков текинцев-прачниц охраняет посевы. Он находится в такой же башне, сделанной из глины, откуда он наблюдает поле, и звуками бубна, бросанием комков глины и мелких камней отпугивает пернатых хищников¹⁷.

Жатва

Жали хлеб в крае преимущественно серпами. Если говорить о башкирах, серп (урак) у них был чуть ли не единственным орудием жатвы.

С. И. Руденко писал: «Уборка всех хлебов у башкир производится серпом — урак, только овес косят косой — салгы, да и то не всякий и не везде. Косят хлеб только в неурожайные годы, когда он редок»¹⁸. Башкирский серп ничем не отличается от русского, так как башкиры покупают серпы фабричной работы, как и русские. Косы употребляются те же, что и для кошения травы и тоже почти все фабричные. Только к ним приспособливают грабельки с 3—5 зубьями, которые прикрепляются к пятке косы. От каждого зубца этих грабелек протягивается тонкая бечевка и укрепляется у ручки косовища. Приспособляются эти грабельки для того, чтобы скошенный хлеб, падая на них, не мог переваливаться и ровно ложился в покос. В этом башкирском приспособлении нетрудно узнать украинские грабки¹⁹.

Подавляющее большинство татар, чувашей, мари и русских также жали хлеб серпами. И только незначительная часть их убирала жнейками.

В значительно меньшем количестве украинских и белорусских хозяйств пользовались серпом, в большинстве хлеб убирала жнейками. Латыши свой старинный способ уборки хлеба — маленькой латышской косой и такими же граблями — уже заменили жнейками-самоскидками. Наряду с этими двумя способами уборки хлебов существовало еще и кошение косой, которое применялось только для уборки гречи, да и то в хозяйствах, где не было жнеек. Следует упомянуть и о четвертом способе уборки — выдергивании хлеба с корнями. Так убирала в 1929 г. овес в татарских аулах Кармалы и Турбаслы и др. Разумеется, к такому примитивному способу уборки хлеба прибегали лишь в том случае, когда растения настолько низкорослы, что уборка серпом или косой почти невозможна. Коноплю и лен рвут только руками.

Наиболее обеспечена уборочными машинами была Архангельская волость: 6,5% хозяйств имели жнейки, а менее обеспеченной — Петровская, где только 0,5% хозяйств имели эти машины. Более земледельческая Петровская волость оказалась хуже обеспечена жнейками, чем ското-

¹⁴ «Записки Зап.-Сибирск. отд. Географическ. об-ва», 1894, т. 17, вып. 2, стр. 126.

¹⁵ «Русский Туркестан», вып. 2, 1872, стр. 242.

¹⁶ П. И. Кушнер. Горная Киргизия. М., 1929, стр. 24.

¹⁷ «Ю Средней Азии». Записки А. Е. Дмитриева-Кавказского с 199 рисунками. СПб., 1894, стр. 88.

¹⁸ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1955, стр. 117—118.

¹⁹ А. С. Беклов и ч. Земледелие украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии. — «Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии», вып. 16. Л., 1930, стр. 55, рис. 8.

Р и с. 12. Крестьянин с женой жнет рожь. Дер. Сайраново, Белебеевский кантон БАССР, 1930 г., татары.

Р и с. 13. Уборка ржи латышской косой с грабелями. Колония Балтайская, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., латыши.

Р и с. 14. Уборка льна. Село Надеждино-Черемисское, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., марийцы.

Р и с. 15. Уборка ржи жнейкой. Село Парамоновское, Бирский кантон БАССР, 1930 г., русские.

Р и с. 16. Уборка ржи жнейкой-лобогрейкой. Дер. Қандры, Белебейский кантон БАССР, 1930 г., татары.

Р и с. 17. Женщины-татарки вяжут снопы. Хлеб скошен жнейкой. Дер. Сайраново, Белебейский кантон БАССР, 1930 г.

водческая Архангельская. В данном случае взяли верх этнические особенности хозяйства. В Архангельской волости латыши составляли 11,6% всего населения, а в Петровской их было только 0,5%; латышские хозяйства в крае, как мы видели, вообще являлись наиболее механизированными: например, в Архангельской волости в их руках было сосредоточено 85% жнеек и только 15% находилось у белорусов, украинцев и русских. Такая же картина наблюдалась и в других волостях.

Каковы же причины незначительного применения жатвенных машин у прочего населения исследованного нами края? По нашему мнению, их две. Первая чисто экономическая, классовая: для огромного большинства хозяйств жатка, вследствие ее дороговизны, была совершенно недоступна. Подтверждает эту мысль пример латышей, у которых был наиболее высокий удельный вес кулацких хозяйств (58,8%) и наиболее высокая степень обеспеченности машинами. Вторая — бытовая: был целый ряд хозяйств (русских, украинских), которые без особого труда могли бы затратить необходимую сумму на покупку жнейки, но глубоко въевшаяся в хозяйственный быт традиция жать хлеб серпом удерживала их от перехода к такому техническому новшеству, как жнейка.

В 1910 г. во всей Уфимской губернии было сельскохозяйственной переписью учтено 688 жнеек²⁰. В национальном отношении они были распределены весьма неравномерно.

5. Хранение хлеба на поле

Русские и белорусы сжатый руками или жнейкой хлеб вязали в снопы и складывали их в «бабки», «сулоны», «поставушки» и «ляшки». Под всеми этими названиями надо понимать один и тот же тип кладки, состоящий в том, то ставят сноп вертикально, к нему прислоняют под небольшим углом еще восемь снопов, а затем последним, десятым, обращенным колосьями вниз,

²⁰ «Сельскохозяйственные машины и орудия Европейской и Азиатской России в 1910 г.». СПб., 1913, стр. 119; «Историко-этнографический атлас. Русские. М.—Л., 1968, стр. 73.

покрывают бабку, «делают шляпку». Этот чисто северно-и среднерусский способ складывания снопов на поле заимствован здесь частично украинцами и белорусами. Под другими наименованиями мы его встречаем у латышей — «студи» и «губас»; у башкир — «марья-баш»; у чувашей — «майря-пусь»; у мари — «шагальтым», у татар — «марья-баш». Чувашское, башкирское и татарское название в вольном переводе на русский язык означают — «голова русской женщины» (марья — «русская женщина» и пусь, баш — «голова»). Как видно, не только способ кладки, но и названия его были новы для быта этих народов. Латыши же и мари перенесли свои старые народные названия на русский способ кладки.

Повсеместное распространение русского способа кладки снопов объясняется простотой и большой приспособленностью к местным хозяйственным и климатическим условиям. Дело в том, что здесь у созревшего хлеба, особенно овса, солома обычно недостаточно сухая и нуждается в такой кладке, которая обеспечила бы скорое высыхание и в то же время предохранило от промокания в случае дождей. Описанная нами кладка «бабками» отвечает этим требованиям; конусообразная форма ее и хорошее покрытие удовлетворительно защищают от дождя, а небольшое основание кладки и не плотно стоящие снопы дают полную возможность проникать ветру сквозь всю «бабку» и таким образом сушить их.

Значительно реже встречалась кладка «крестами». Из четырех снопов, обращенных концами друг к другу, закладывают крест; на первую четверку снопов кладут вторую, а на вторую — третью, затем покрывают их в одних местах двумя, в других — тремя снопами. Таким образом, в «кресте» лежит 14—15 снопов, а в «бабке», как мы видели, их только 10. Кладка «крестами» на территории Союза была распространена главным образом на Украине, частично в Белоруссии, на Дону, в Воронежской области, в Поволжье, на Северном Кавказе и во многих районах Казахстана. У украинцев этот способ кладки имеет свои недостатки: снопы, сложенные один на другой, настолько уплотняются, что слабо проникает ветер, и в то же время покрытие их не спасает от дождя; «кресты» почти всегда промокают. Были нередки случаи, когда после сильного дождя, насквозь промочившего снопы в «крестах», и следующих затем двух-трех безветренных и теплых дней рожь начинала прорастать. Этот способ кладки называют также «копою» или «полукопою» (по числу снопов), и больше всего он был распространен у украинцев.

Башкиры, татары и мари, а иногда чувашки и русские снопы пшеницы и проса клали порою в «стоянки». Клали точно так же, как лен: ставили четыре снопа, а затем сверху плашмя покрывали их одним, двумя или тремя снопами. Порою, составив круг из 6—7 снопов, оставляли их непокрытыми.

Рассмотренные способы кладки применялись преимущественно для сырого хлеба. Сухую жатву обычно клали в «кресты» и «копы» больших размеров: у русских и белорусов — по 50 снопов, у украинцев — 60. Башкиры и татары такую кладку называли «кырлык», но у них она была несколько меньших размеров — 40 снопов. Все эти способы складывания снопов совершенно одинаковы и в общих чертах повторяют кладку уже упомянутых нами «крестов». Только для основания такого «креста» кладут сначала четыре снопа в форме квадрата и с таким расчетом, чтобы колосья их лежали на «гузьях» и не касались бы земли; на это основание затем кладут «крест» не из четырех снопов, как в предыдущем случае, а из восьми, т. е. каждая сторона такого креста состоит из двух снопов. На первый восьмиснопный крест накладывают такой же второй,

Р и с. 18. Складывание снопов в «бабки» (суслоня, поставушка, ляпки). Уфимский кантон БАССР, 1929 г., русские.

Р и с. 19. Кладка снопов в кресты. Хутор Романовский, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., украинцы.

на второй — третий и так до пяти, а на пятый, прикрывая его, кладут последний четырехснопный крест и затем по середине эту кладь кроют одним или двумя снопами. Такой способ кладки лучше предохраняет снопы от дождя, но, разумеется, затрудняет продувание ветром.

Последний тип складывания и хранения снопов в поле — это «копна», «копешка» и «шкирт» у русских; «сумеле» — у башкир, «чумеле» — у татар, «товаткал» — у чувашей. В «копешки» клали от 70 до 80 снопов, в «товаткал» — от 100 при семирядной кладке и до 112 или 124 при восьми- и девятирядной; в «чумеле» было 100 снопов. Во всех случаях рассчитывали так, чтобы снопов было не более как на одну телегу. Различалось несколько вариантов способа кладки снопов.

1. Закладывается небольшое основание из четырех снопов в форме квадрата. На него кладут снопы с таким расчетом, чтобы, образуя круг, они «гузырями» были обращены наружу, а колосьями в центр. На первый круг кладут второй и так до шести рядов; колосья снопов в середине скрещиваются, и вследствие этого в центре «копешки» образуется куполообразное возвышение. Чем выше «копешка», тем больше возвышение, а к самой вершине оно уже образует покат крыши; последний круг «копешки» покрывают одним или двумя снопами, обращенными колосьями вниз, как в «бабках». Такой способ кладки применяется у русских, когда они кладут снопы в «копны» и «копешки», у татар — в «чумеле», у башкир — «сумеле».

2. Делается такое же квадратное основание. На каждую сторону квадрата кладут по три снопа колосьями в середину, в результате получается правильный четырехугольник снопов, обращенных колосьями к центру. На первый ряд кладется второй, затем третий и так до 7 рядов; восьмой ряд уже кладут в два снопа, а десятый в один, вследствие чего образуется куполообразная верхушка, которую покрывают одним или двумя снопами, как в предыдущем случае. Этот способ кладки применялся чувашами и в том случае, когда они клали снопы в «товаткал».

3. Кладут два снопа, обращенные колосьями один к другому. Затем перпендикулярно к ним с обеих сторон накладывают на них в один ряд снопы, чтобы колосья их перекрывались и лежали на первых двух. В таком порядке кладут 6—7 рядов; к последнему ряду середина этой клады настолько поднимается против краев, что образует поверхность, напоминающую двухскатную крышу. Вершину покрывают снопами, раздвоенными на две равные половины и насаженными колосьями вниз. Такую форму клады с гребнем, называемую «шкирт», мы встретили в с. Охлебинино у русских.

Описанные нами три последних способа кладки, как и «кресты» больших размеров, применялись только в тех случаях, когда жатва была сухая и хлеб, по расчету хозяина, должен был оставаться в поле надолго. В таком случае колосья снопов будут вполне защищены от дождя. Кро-

ме того, такая кладка спасает снопы от порчи их скотом, так как колосья, приманка животных, в этом случае обращены вовнутрь.

Из всех приведенных нами способов складывания и хранения снопов на поле самое широкое распространение имели «бабки» и реже всего встречались «копны», «копешки», «чумеле», «товаткал» и «шкирт». «Сжатый хлеб связывается в снопы и складывается в суслоны, а потом в большие клады на гумне», — писал С. И. Руденко, имея в виду всю Башкирию²¹.

Надобно еще сказать, что не всю жатву вязали в снопы. Гречику сплошь и рядом прямо из покосов складывали в небольшие кучки, а просо, например, жали на «горсть» и оставляли его на поле, чтобы оно сохло, а как только высохнет, горсти собирали на телегу и везли на гумно.

Мы остановились так подробно на характеристике существовавших в крае способов кладки и хранения хлеба в поле потому, что этот вопрос до сих пор вообще не был освещен ни в сельскохозяйственной, ни в экономической, ни в этнографической литературе о башкирах. Между тем, как это было видно из предыдущего изложения, способы кладки и хранения хлеба в поле отличаются большим разнообразием. Объясняется это прежде всего тем, что для каждого из народов вопрос этот имел огромное хозяйственное значение. Было весьма важно не только поднять урожайность, но и собрать хлеб с минимальными потерями и хорошего качества. Одни народы решили эту задачу применительно к местным условиям вполне удовлетворительно, другие более или менее удовлетворительно; хозяйственно общаясь друг с другом, они заимствовали то, что более совершенно, и отбрасывали менее пригодное. Так сложилось то разнообразие кладки и хранения снопов в поле, которое мы нашли в 1929 и 1930 гг. В этом одно из ярких свидетельств взаимного хозяйственно-культурного сотрудничества народов нашей страны.

6. Доставка снопов на гумно и хранение их

Доставка снопов к месту молотбы на гумно в крестьянских хозяйствах проводилась на обыкновенной одноколенной крестьянской телеге без специального приспособления, только украинцы пользовались специально оборудованными арбами с высокими драбинами. Но еще не так давно, лет 50—60 тому назад, здесь в некоторых местах снопы доставляли с поля на гумно и на саянах.

На гумне снопы клали у одних народов (латыши, белорусы и украинцы) в закрытые помещения—саран или клуни, у других же (башкиры, татары; чувашы, мари и отчасти русские) хранили снопы под открытым небом, складывая в «клады» (русские, мари, чувашы), в стоги (украинцы), «кебен», «зурат» (татары, башкиры). Правда, изредка саран для хранения снопов встречались также у мари, чувашей, татар и башкир, но в их хозяйствах эти постройки встречаются реже и по времени возникновения более поздние; значительно чаще мы их находили у русских.

Способы хранения снопов под открытым небом по форме и технике кладки можно подразделить на два типа: к первому относятся стога, «клады» и «кебен»; ко второму — скирды, а у башкир и татар — «зурат». В первом случае на том месте, где предполагается «кладь» или «кебен», в целях предохранения нижних снопов от гниения подстилали солому, клали ветви или жерди. На этой подстилке закладывали крестом четыре снопа колосьями в середину; заполнив снопами пространство между концами креста, получали круг, который потом расширяли до необходимых

Рис. 20 Татарка укладывает снопы в чумеле.
Дер. Кандры, Белебейский кантон БАССР,
1930 г.

²¹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 118.

Р и с. 21. Перевозка снопов с поля. Аул Кызыл-Ярово, Тамьян-Катайский кантон БАССР, 1929 г., башкиры.

пределов, последовательно накладывая кольцеобразные ряды снопов. Снопы каждого следующего от центра ряда ложились колосьями на «гузыри» снопов впереди лежащего ряда. Первый слой снопов, служивший фундаментом, называли «соенок», обычно он вмещал 100 снопов. Последующие слои называются «верстой»*. Версты, наслаиваясь одна на другую, образуют цилиндрическую форму клады. Количество их в «кладях» колеблется от 15 до 18. На последнюю «версту» клали «пелену» — ряд снопов, несколько выступающих «гузырями» за стенку «кладки» и образующих карниз, с которого «кладь» постепенно затягивали, сужали до куполообразной формы, служившей крышей; на самой верхушке клали снопы колосьями вниз, распутив его веером. Чтобы верхний слой не срывал ветер, его прикалывали колышками — «спичками». Накладывая одну «версту» на другую, все время следили, чтобы «пуповина» (середина) клады была выше краев. Такая «кладь» вмещала в средней от 15 до 20 возов, или 1,5—2 тыс. снопов ржи.

Следующий, менее распространенный тип кладки и хранения снопов на гумне — «зурат», или скирда, имеет четырехугольную форму и в основном этим отличается от предыдущего. Различия в технике кладки незначительные.

Правильно сложенный в «кладях» и «зурат» хлеб мог без особого риска порчи простоять целую зиму. По словам крестьян, раньше хлеб в этих «кладях» стоял необмолоченным по два-три года и не портился.

Огневая сушка хлеба в овинах («ауны» по-татарски и башкирски) и ригах (латыши и эстонцы), так широко применявшаяся в лесной зоне России, а иногда встречавшаяся и в лесостепных районах, здесь, в Башкирии, как говорили крестьяне, уже выходила из практики и наблюдалась во время наших работ довольно редко. Крестьяне это объяснили тем, что уменьшилось количество хлеба и его теперь успевают перемолотить до наступления зимы. В этом, несомненно, есть доля истины, впрочем, относящаяся только к небольшому кругу хозяйств. Главной же причиной было, очевидно, распространение молотилок, с помощью которых хозяйства, лучше обеспеченные хлебом, перемалывали его в августе и, самое позднее, сентябре. Естественно, обходились в этом случае без огневой сушки.

Иногда поздно сжатый и не успевший высохнуть в поле овес перевозили на гумно и сушили его там на воздухе, в «шишах». «Шиши», устроенные в закрытом помещении, имели ямы для костра, а установленные под открытым небом не имели их.

* В обоих случаях приведены русские названия.

Р и с. 22. Перевозка снопов с поля на гумно. Село Талалаевка, Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г., украинцы.

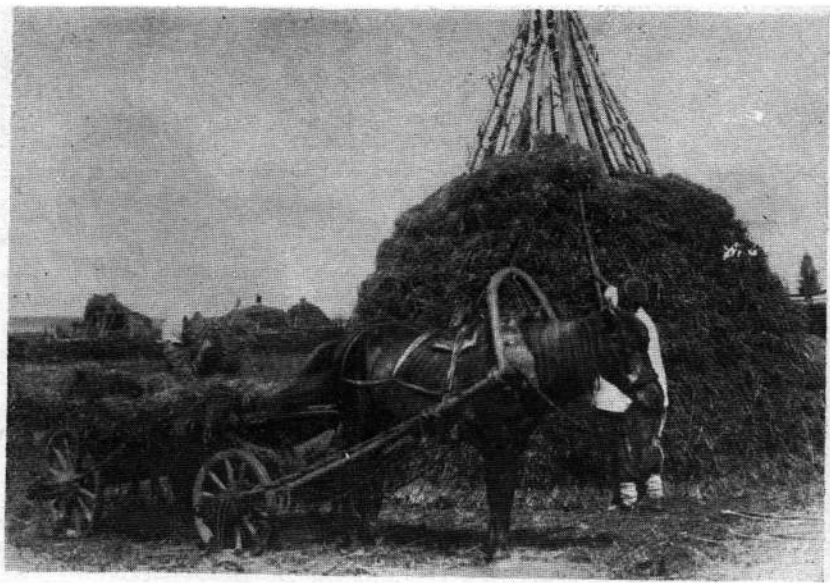
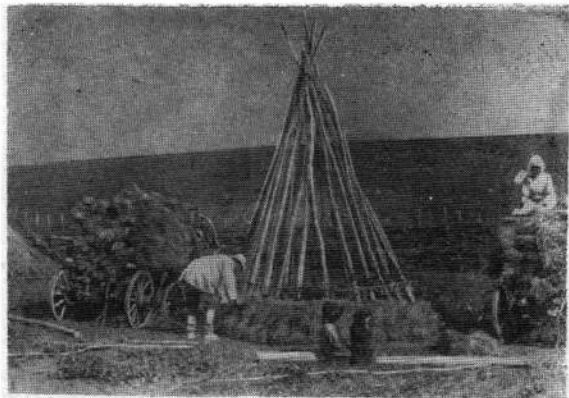
У С. И. Руденко о сушке хлеба в Башкирии сказано: «Овинов для сушки хлеба у башкир вообще нет, и только очень редко встречаются так называемые «шиши» или татарские овины. Это круглая яма, выложенная камнем или обмазанная глиной и обожженная. Вокруг ямы устанавливаются колья в виде конуса, высотой до трех метров, и связываются сверху. Конус этот обкладывается снопами, кольями внутрь, а в яме разводится слабый огонь»²². Климатические условия Башкирской АССР настолько разнообразны, что о повсеместном распространении сушки хлеба в овинах или «шишах» не может быть и речи. В южной степной части республики довольно сухой степной климат, и хлеба здесь высушались еще на корню. Совсем другое дело в северной и тем более в горной части, где климат более влажный и хлеба созревают позже, особенно овес; без сушки их не всегда можно было молотить. Имели значение, разумеется, и размеры посевов, и традиции.

7. Способы молотбы

В обследованных районах Башкирии молотили хлеб главным образом цепями; молотилок было крайне недостаточно. На четыре волости — Архангельскую, Иглинскую, Петровскую и Улу-Телякскую — насчитывалось всего 946 молотилок, в среднем по одной машине на 25 хозяйств. Значительную часть имеющихся молотилок составляли двуконные, с невысокой производительностью. Большинство хозяйств обмолачивало свой хлеб вручную, цепями.

Лучше всех были обеспечены молотилками латышские крестьяне: по Архангельской волости в их руках находилось 6 % всех молотильных машин, а сами латыши составляли только 11,6 % населения. Примерно такое же соотношение наблюдалось и в Иглинской волости. Латыш-

²² С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 118.

Р и с. 23. Укладка снопов овса на гумне в шиши: Аул Кумарлы, Уфимский кантон БАССР, 1929 г., башкиры.

ские хозяйства, за ничтожным исключением, обмолачивали свой хлеб молотилками; рожь цепами они молотили только в том случае, когда солома им была нужна для крыши. Молотили цепами или же своими деревянными катками — рулис — также лен и гречиху, так как молотилка сильно дробит зерна этих культур. Этим же катком молотили и клевер.

Rullis — это старинное приспособление для молотбы (каток) завезенное сюда латышами со своей родины. По конструкции этот каток настолько прост, что его делали обычно сами крестьяне. Это тяжелое круглое бревно, на оси с рамой, которое катали с помощью лошади по расстеленным на току колосьям. Прибитые к нему продольные планки (брусья), образуя зубчатую поверхность катка, увеличивают силу давления на колосья.

Деревянные катки были раньше также у украинцев, но к рассматриваемому времени они были заменены каменными.

Молотили катком на току — круглой и ровной площадке; запрягали одну или две лошади и, став на середину тока и держась за веревку, гоняли их по кругу.

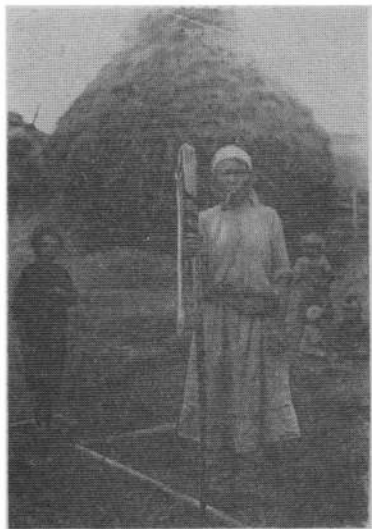
Большинство белорусских и украинских хозяйств обмолачивали яровые, кроме гречихи и льна, также молотилками, а рожь — преимущественно цепами.

Реже встречалась молотилка в русских, чувашских, марийских, татарских и особенно башкирских хозяйствах; в них преобладала молотбы цепом. Молотбы ногами животных, описанная у башкир в конце XVIII в. И. Г. Георги²³, в середине прошлого столетия В. М. Черемшанским²⁴ и в первой четверти текущего столетия С. И. Руденко²⁵, ко времени наших экспедиций уже не практиковалась.

Правда, последний автор отмечает, что молотбы цепом была характерна только для западной и отчасти северной и центральной части страны, населенной башкирами. За Уралом и на юге

цепов или совсем нет или встречаются они изредка только у бедняков²⁶. В книге С. И. Руденко помещил рисунок и описание цепа, бывшего у башкир-гайнинцев под названием «шп».

Во время наших поездок в исследуемом крае уже больше не встречалась молотбы животными. По словам башкирских и татарских крестьян, этот способ молотбы был заброшен ими лет 50—60 назад и окончательно заменен цепом. Замена молотбы ногами животным молотбы цепом является противоречием тому чуть ли не общему правилу, которое имело место в целом ряде южных областей и республик СССР. На юге

Р и с. 24. Чувашка с цепом. Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г.

Р и с. 25. Деревянный каток. Уфимский кантон БАССР, 1929 г., эстонцы. Рисунок с фотографии.

²³ «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», ч. 2. СПб., 1799, стр. 100.

²⁴ «Описание Оренбургской губернии». Уфа, 1859, стр. 318.

²⁵ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 118.

²⁶ Там же, стр. 119.

Р и с. 26. Молотьба деревянным катком. Село Талалаевка, Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г., украинцы.

Украины молотьба ногами животных, постепенно усложняясь за счет применения телег, нагруженных камнями, бревнами или мешками с зерном, деревянных и каменных катков, вытеснила молотьбу цепями. Точно такое же явление произошло, по нашим наблюдениям, у русских и украинцев на Кубани, на Дону, в Казахстане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане и других сельскохозяйственных районах юга Советского Союза. За пределами нашей страны этот способ молотьбы применяется на Балканах, в Турции, Иране, Афганистане.

Молотьба животными, и особенно с применением катков, более совершенна, чем молотьба цепом: во-первых, она освобождает земледельца от тяжелой работы вручную, во-вторых, она значительно производительнее. Если же, несмотря на эти преимущества, башкиры и татары все же заменили ее молотьбой цепом, то это случилось не только благодаря влиянию русских, но и вследствие климатических условий — этот способ молотьбы требует более или менее сухой жатвы, а в местных условиях, без специальной сушки, это не всегда достижимо.

Молотьба хлеба ногами животных могла появиться лишь у скотоводческих народов, впервые вводивших у себя земледелие, у которых сама форма хозяйства наталкивала на использование домашних животных, а климатические условия лишь стимулировали это. Ареал распространения такого способа молотьбы подтверждает наше предположение. Видимо, не случайно молотьба животными широко была распространена в степях, у бывших кочевников, начинавших заниматься земледелием, и у их соседей — оседлых народов, имеющих давнюю культурно-экономическую связь с кочевниками. Однако следует иметь в виду, что без достаточно сухого климата, даже в условиях скотоводческой культуры, впервые вводящей у себя земледелие, эта техника молотьбы широкого распространения не получила бы. Следовательно, тот факт, что молотьба животными встречается не только у скотоводов или у тех, кто вел скотоводческое хозяйство несколько столетий назад, но и у народов заведомо земледельческих, как например украинцы, русские, черкесы, грузины, таджики, иранцы и другие, объясняется хозяйственными и климатическими условиями, с одной стороны, культурно-экономическим влиянием кочевников — с

другой. Известно, что украинцы, русские, черкесы давно общались с народами, ведшими скотоводческое или скотоводческо-земледельческое хозяйство в степях Поволжья, Дона, Кубани, Украины.

Техника молотбы цепом несложная, но работа довольно трудная и утомительная. Она имела некоторые этнические особенности.

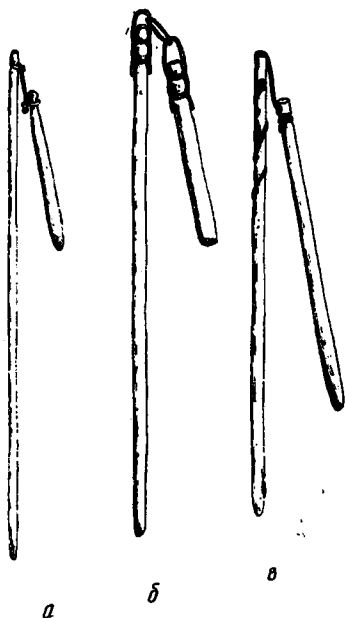
Цеп в изученных районах встречался трех типов: русский, русско-белорусский, украинский (фигура а). Последний тип отличается от первых двух способом прикрепления била к черену — цепильну и большими размерами била. Первые же два различаются между собой, как это видно из рисунков, лишь способом скрепления била с цепильном.

Русский и русско-белорусский типы цепа были широко распространены, они встречались также у башкир, татар, чувашей, мари и латышей, а украинский тип мы наблюдали только в украинских хозяйствах. По своему устройству первые два типа в сравнении с украинским довольно просты; этим, очевидно, и объясняется их широкое распространение. В связи с конструктивными особенностями цепов у крестьян, пользовавшихся тем или иным типом, вырабатывались соответственные навыки. Так, украинцы говорили, что они не умеют молотить как русским, так и белорусским цепом. Русские, белорусы, равно как татары, башкиры, чуваше, мари и латыши, утверждали, что украинский цеп не удобен для работы и они не могут им пользоваться.

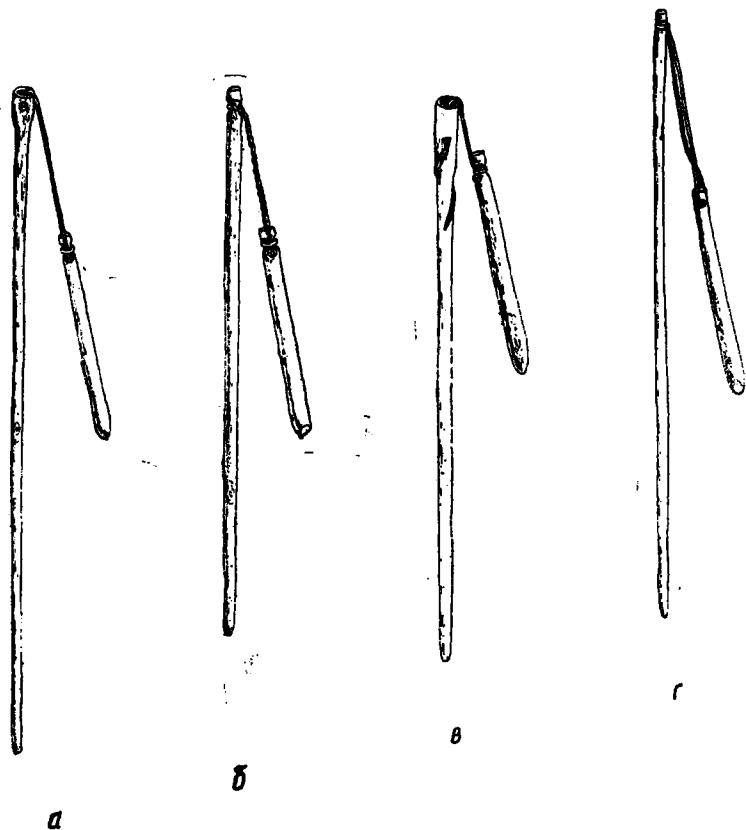
Место для молотбы — ток или гумно у русских и белорусов, «йстем» или «анкарты» у чувашей, «тук» у башкир и «тік» у украинцев, «едем» у мари, «ындыр» у татар — готовили следующим образом: если под открытым небом, то расчищали место диаметром 8—10 м, сметали сор, поливали слегка водой, утаптывали и приступали к молотбе. Башкиры же расчищенное место поливали водой и на ночь посыпали золой, а утром сметали ее и, не утаптывая, начинали молотить.

Снопы для молотбы настилали, не развязывая, клали их в два ряда («веревки») кольцами в середину тока, это называлось «посадам». У русских, чувашей, мари, а также татар и башкир молотили пять — шесть человек сразу. Если в своей семье не хватало людей, то договаривались с соседями и поочередно молотили друг другу. Все участники, один за другим, ударяли цепом по одному и тому же снопу до тех пор, пока не обмолят его верхнюю часть, затем передвигаются к другому, к третьему и т. д. Справившись с одной «веревкой», молотили другую. Бывало, слушая со стороны равномерные и сильные удары 5—6 цепов по снопу, невольно заражаешься ритмом этой работы. Промолоченные один раз снопы переворачивали на другую сторону и снова молотили. После двух раз обмола, если молотили в «солому», снопы распускали — перерезали «пояски», «перевесла» и в таком виде молотили третий и последний раз. Если же молотили в «коколот», то в последний раз переворачивали снопы на ребро и, перемолотив их, удаляли с гумна, предварительно хорошенько вытрусив. Кончив один «посад», настилали другой. Пять—шесть человек в нормальный рабочий день вымолачивали в среднем 600 снопов. Вечером убирали ток граблями, «содвигали» зерно на середину тока, затем лопатой сбрасывали его в ворох, а остатки подметали.

Украинцы, белорусы и отчасти латыши не соблюдали нормы в 5—6 молотников, они молотили в один — два — три цепа или больше, в зависимости от количества рабочих рук в семье. Молотили оба пола.

Р и с. 27. Типы цепов: а) русский, б) русско-белорусский, в) украинский. 1/10 натуральной величины.

Р и с. 28. Цепи башкирские (сыбагас, сабагашь, тевет): а, е) дер. Тереклы Архангельской волости БАССР, б) дер. Узуларово Архангельской волости БАССР, в) дер. Кармалы Архангельской волости БАССР. 1/10 натуральной величины.

Местом молотбы обычно являлось гумно, располагавшееся за селом или на заднем плане усадьбы, но гречиху и просо чаще молотили в поле.

8. Веяние

Веяли почти во всех хозяйствах веялками. Старый способ веяния лопатой на ветру сохранился у башкир и татар да изредка встречался у русских, чувашей, мари.

В украинских хозяйствах кое-где, как исключительная редкость, сохранился старинный способ очистки зерна для посева или размола через большое кожаное решето, так называемый

Р и с. 29. Молотьба ржи цепями. Дер. Исмаилово, Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г., татары.

Р и с. 30. Клуна и стог необмолоченной пшеницы. Село Софиполь, Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г., украинцы.

Р и с. 31. Клуня для хранения снопов. Село Богомоловка, Белебеевский кантон, 1930 г., украинцы.

Р и с. 32. Крестьяне веют зерно лопатой. Дер. Усли, Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г., татары.

Р и с. 33. «Грохот»—сито для очистки зерна. Село Богомоловка, Белебейский кантон БАССР, 1930 г., украинцы.

«грохот». Он имел повсеместное распространение на юге России в XIX в. и сопутствовал веянию зерна лопатой на ветру. Дело в том, что веяние лопатой не давало достаточной чистоты, в зерне оставались мелкие комья земли, камешки и семена сорняков, а также более крупные по размерам, но равные с зерном по весу обломки стеблей сорняков, солома и другие примеси. Все это при веянии падало вместе с зерном и отделить его можно было лишь при помощи «грохота».

Веяние лопатой нами было описано в статье об украинцах Семипалатинской губернии²⁷. Не останавливаясь поэтому в подробностях, здесь мы отметим лишь существование в земледельческой практике двух способов веяния лопатой, различавшихся как размерами лопат, так и способом веяния. В одном случае веяли на ветру большой лопатой, в другом же — маленькой лопатой «веялкой» и не на ветру, а в закрытом помещении.

В первом случае зерно подбрасывают вверх лопатой, во втором — перебрасывают вперед, и оно, в силу своей тяжести, падает дальше мякны, которая не может преодолеть сопротивление воздуха и опускается ближе к веятелю.

Веялками местные хозяйства были обеспечены несколько лучше, чем молотилками, в среднем на 5,3 хозяйств приходилась одна веялка. Правда, по отдельным народностям, а иногда и населенным пунктам, эта цифра колебалась довольно сильно. У латышей, лучше обеспеченных инвентарем, приходилось на одну веялку 1,2 хозяйства, у белорусов и украинцев — 3,1, у русских — 6, у татар, чувашей и мари — 8,1, у башкир — 18,7, а в некоторых населенных пунктах — 30 хозяйств на одну веялку. Хозяйства, не имевшие у себя веялок, за определенную плату брали их на время работ у других крестьян.

Р и с. 34. Крестьянин веет на ветру из таза. Село Талалаевка, Стерлитамакский кантон БАССР, 1930 г., украинцы.

* *

Как видно, уровень развития земледелия, его удельный вес, способы ведения, сельскохозяйственная техника у различных народов Башкирии были неодинаковыми. Наблюдаемая ныне пестрота этнического состава населения края сложилась сравнительно недавно. Одни народы поселились раньше, другие позже, но все они пришли с уже сложившимися хозяйственными навыками и культурно-бытовыми традициями, которые менялись в зависимости от местных исторических условий, но менялись медленно.

²⁷ «Украинцы-переселенцы Семипалатинской губернии», стр. 73—74.

С. Н. ШИТОВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР БАСЕЙНА ЮРЮЗАНИ И СРЕДНЕГО АЯ

Территория, охватывающая бассейн Юрюзани и среднего Ая, расположена на границе трех этнокультурных районов: северо-восточного (айского), центрального (инзерского) и зауральского¹. Исторически башкиры этих мест тяготеют к айскому бассейну. Много общего с северными айлинцами у них и в культуре: в типах поселений и жилище, в одежде, декоративно-прикладном искусстве и т. д. Вместе с тем в наиболее консервативных и потому глубоко традиционных областях материальной культуры (украшениях, способах приготовления кушаний) обнаруживается родство с более южными горными районами и челябинским Зауральем. Если близость этих областей сохранилась до наших дней, несмотря на существующий уже несколько веков барьер в виде широкой полосы горно-заводских поселков и русских деревень, то надо думать, что прежде она была неизмеримо более сильной.

В географическом отношении исследуемая территория лежит при переходе Уфимского плато в Уральские горы. Гористая лесная местность наложила отпечаток на хозяйство, быт и культуру башкирского населения. Основными отраслями до революции здесь были пастушеское скотоводство, земледелие и лесные промыслы. Подсобную роль играли охота, рыболовство и бортничество (а затем — пчеловодство). Лес служил единственным материалом при возведении жилищ и хозяйственных построек. В быту была широко распространена деревянная, берестяная и лыковая утварь местного производства. Сочетание скотоводства с земледелием и другими отраслями определило состав продуктов питания, в котором, кроме молока и мяса, использовались растительная пища, мед, а с начала XX в. — овощи.

На развитие культуры местных башкир оказало влияние близкое соседство горно-заводских поселков Катав-Ивановска, Усть-Катава, Бердяуша, Сатки и близлежащих русских деревень.

Настоящая статья включает материал этнографических экспедиций 1963 и 1968 годов, охвативших исследованием башкирское население Салаватского, Кигинского, южной части Караидельского и юго-восточной Белокатайского районов БАССР*.

¹ Культурно-этнографические (локальные) комплексы и соответствующая им территория охарактеризованы в работах: С. Н. Ш и т о в а. Башкирские костюмные комплексы XIX — начала XX вв. и районы их распространения. — «Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 г. (тезисы докладов)». Уфа, 1966, стр. 80—84; Р. Г. К у з е в а. Историко-этнографические районы Башкирии и этнографические группы башкир. — «Итоговая научная сессия Института истории, языка и литературы БФАН СССР за 1967 год (Краткое изложение докладов и сообщений)». Уфа, 1968, стр. 58—67. В последней работе названные этнографические группы выделяются как подгруппы в составе одного северо-восточного комплекса.

* В течение этих лет обследованы деревни Ташаул, Мечетливо, Карагулово, Миндышево, Терменево Салаватского р-на, дер. Ибраево, Асылгужино, Абзаево Кигинского р-на, деревни Сабынулово, Новоянсайтово, пос. Юрюзань Караидельского р-на, дер. Хайбатово Белокатайского р-на БАССР, дер. Петрушкино Кусянского р-на Челябинской области. В сборе материала принимали участие в 1963 г. Р. В. Шафикова, в 1968 г. — Р. Г. Гаделгареева.

Р и с. 1. Переправа через р. Ая около дер. Асылгужино Кигинского района БАССР.

Основное внимание уделяется традиционным формам культуры. В статье описывается жилище, одежда, пища и утварь конца XIX—первых десятилетий XX в., прослеживается судьба традиционного в наши дни. Работа является первой попыткой систематизации материала по северо-востоку Башкирии для Башкирского историко-этнографического атласа.

Поселения и жилище

В настоящее время северо-восток Башкирии — густо населенная территория с пестрым этническим составом. С башкирскими деревнями тесно соседствуют русские, татарские, мишарские села. В Салаватском и Кигинском районах на площади 3868 кв. км находится около 130 населенных пунктов, из них 66 башкирских². Башкирские деревни расположены по берегам Юрюзани и Ая и их притоков своеобразными кустами, внутри которых выделяются центры — крупные деревни с населением до полутысячи и более человек. Таковы деревни Мечетлино, Аркаулово, Лагерево, Калмакулово, Терменево, Алькино — в Салаватском, Асылгужино, Ибраево, Абзаево — в Кигинском, Есаулово — в Белокатайском районах. Окружающие их более мелкие по размерам деревни в ряде случаев являются выселками из так называемых «центров» или, заселенные припущенниками, в прошлом тесно связаны с местными жителями сложными земельными отношениями. Прошлая родственная и экономическая зависимость групп деревень отразилась и в административном делении: многие из перечисленных выше крупных сел были волостными центрами, а в советское время стали центрами сельсоветов, главными усадьбами колхозов и лес-

² «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление». Уфа, 1969, стр. 219, 269.

Р и с. 2. Дер. Асылгужино Кигинского района БАССР.

хозов. Вокруг них сосредоточилась не только экономическая, но и культурная жизнь микро-района.

Принято считать, что возникновение деревень у башкир связано с переходом к оседлости. Вопрос этот до конца не изучен и в некоторой степени спорный. Бесспорно, однако, что конкретная история современных башкирских населенных пунктов северо-востока далеко не всегда начинается именно с того периода, когда отдельные башкирские роды или группы семей перешли от кочевого или полукочевого скотоводства к оседлому земледелию. Нам известно, что на изучаемой территории скотоводство довольно рано утратило ведущее значение в хозяйстве. Старожилы, даже со слов отцов и дедов, не помнят* о выездах на летовки. В экономическом очерке А. Калачева, изучавшего состояние башкирских хозяйств Уфимской губернии в 1898 г. путем выборочного обследования населенных пунктов, отмечается, что население всех посещенных им деревень Златоустовского уезда** совершенно забыло о кочевке³. Статистические документы, относящиеся к этому периоду, подтверждают, что в Златоустовском уезде Уфимской губернии к концу XIX в. не сохранилось ни одной летовки⁴.

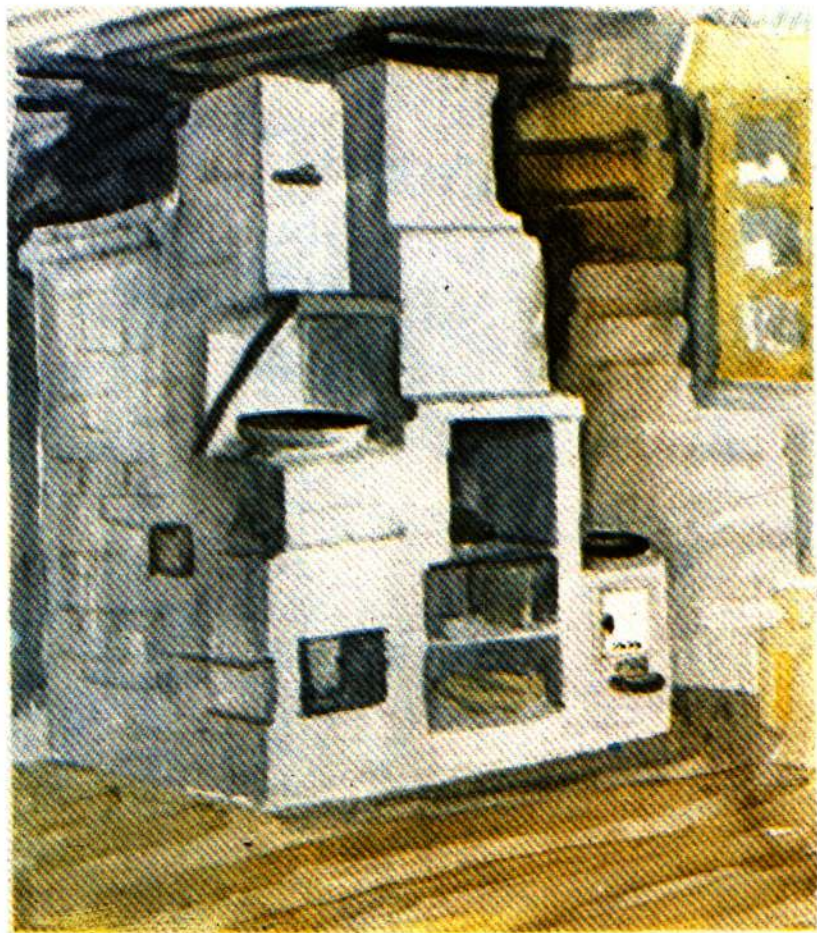
Башкирские аулы на северо-востоке зафиксированы несколько столетий назад. П. Паллас, следуя от Симской слободы до р. Юрюзани и затем вниз по течению, называет Бикбулат-аул, Шайтан-аул, Каратавл, Муссят-аул. И. Лепехин примерно в том же районе встретил деревни Аркаул, Ахуново и Буляк⁵. Некоторые из перечисленных деревень сейчас не найти на карте. Обращает внимание, что И. Лепехин и П. Паллас, преодолев большое расстояние по течению р. Юрюзани, называют сравнительно мало башкирских деревень. Можно предположить, что в то время число населенных пунктов в предгорной части северо-востока было намного меньше, чем теперь. К тому же в XVIII в. большинство деревень состояло всего из 1—2 родственных групп; вследствие малочисленности такое поселение можно было сравнительно легко перенести на новое место.

* За исключением дер. Хайбатово Белокатайского р-на БАССР, где сохранилось воспоминание, что в прошлом веке некоторые башкирские семьи, преимущественно зжиточные, откочевывали на лето в горы.
 ** Территория современных Салаватского и Кигинского районов до революции входила в состав Златоустовского уезда Уфимской губернии.

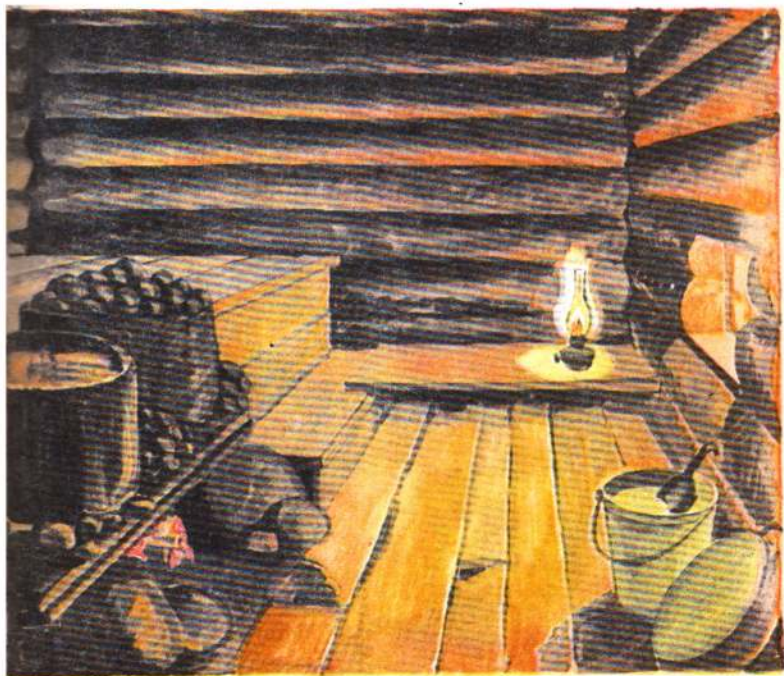
³ А. К а л а ч е в. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии. — «Живая старина», кн. 3. СПб., 1899, стр. 318.

⁴ «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1, ч. 2. Уфа. 1959, стр. 179.

⁵ П. С. П а л л а с. Путешествие по разным провинциям Российской империи, кн. 1, ч. 2. СПб., 1786, стр. 57, 64, 69; И. Л е п е х и н. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российской империи, ч. 3. — «Полное собрание путешествий по России», т. 4. СПб., 1822, стр. 277—286.

Современная комбинированная печь. Дер. Терменево Савватского района БАССР.
Художница И. Ф. Кибальник

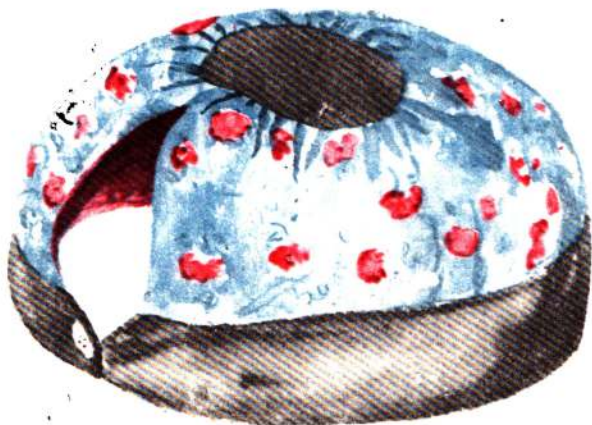
Баня по-черному Дер. Терменево Салаватского района БАССР.

Художница Н. Ф. Кибальник

Тканое праздничное платье, украшено браным узором и вышивкой (тамбур, строчевой шов), выполнено 50 лет назад. Дер. Терменево Салаватского района БАССР.

Художница Н. Ф. Кибальник

Головной убор башкирок (*мангайса*). Дер. Ташаул Салаватского района БАССР.

По свидетельству информаторов, история большинства современных мелких (до 100 дворов) деревень редко насчитывает более полутора-двух столетий. Пути образования их, как упоминалось выше, были различны. До сих пор в ряде деревень сохранились воспоминание о делении улья на «концы» по числу расселившихся в них родовых групп или аймаков. Аймаки не всегда являлись родственными подразделениями, образовавшимися при разрастании рода или распаде племени. Многие из них имеют сложную судьбу. Согласно дошедшей до нас изустной истории, лет 100 назад деревня Асылгузино состояла из 2 родоплеменных групп, одна из которых (*Ишелбайзар*) связывала происхождение с аргаяшскими башкирами, живущими в деревнях Табыл, Алышеево, а другая (*тугиндылар*) — с учалинскими. Позже к ним поделился аймак *казаттар* (по преданию — переселенцы из Казахстана), члены которого жили здесь до революции на правах пришельцев-припущенников. Многие деревни в предгорных районах образовались в конце XVIII — начале XIX в., когда в процессе колонизации края русскими и татарами башкиры были отселены с удобных для земледелия территорий в леса и горы. Это переселение усилилось после разгрома повстанцев-башкир в ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг. Напуганные карательными мерами башкиры переселялись в глухие, хотя и не совсем удобные для жилья места. Так основался ряд деревень на обрывистых малодоступных берегах Ая по сегодняшней границе Башкирии с Челябинской областью.

В целом процесс образования населенных пунктов был завершен к середине XIX в. Ликвидация кантонного управления и введение административного деления по уездам и волостям закрепили сложившуюся к этому времени демографическую карту. Это нововведение сопровождалось точным учетом башкирских аулов и хозяйств в них для установления суммы взимаемых податей. Завершающим моментом в организации башкирских поселений явилась перестройка аулов по единому уличному плану, начавшаяся в конце 30-х годов и закончившаяся на северо-востоке через одно-два десятилетия.

Дальнейшее развитие башкирских деревень отчасти связано с естественным приростом населения. Но в последней четверти XIX в. увеличение населенных пунктов в большей мере явилось отражением интенсификации хозяйственной жизни в крае, оживления торговли после постройки Самаро-Златоустовской железной дороги. Деревни Терменево, Аркаулово и другие стали центрами ярмарок, базаров, местом сосредоточения кустарей-ремесленников, торговцев. Это привело к притоку в них населения из соседних деревень, к их разрастанию.

Нужно однако отметить, что в целом для башкир этого района характерна относительно равномерная населенность деревень. В отличие от соседних русских и татар у них не приняты малые населенные пункты с числом дворов менее 25. В то же время у башкир редки деревни, насчитывающие более 200 хозяйств. Основная масса поселений состоит из 50—100 дворов, и лишь некоторые из перечисленных выше старинных «центров» имеют в настоящем до 150 и больше хозяйств. Таковы деревни Ахуново (население 657 чел., более 160 дворов), Мечетлино (756 чел., более 180 дворов), Лагереево (826 чел., более 200 дворов), Терменево (1053 чел., около 260 дворов), Аркаулово (1092 чел., около 270 дворов) Салаватского района, дер. Алагузово Кингисского района (730 чел., около 180 дворов) и другие⁴.

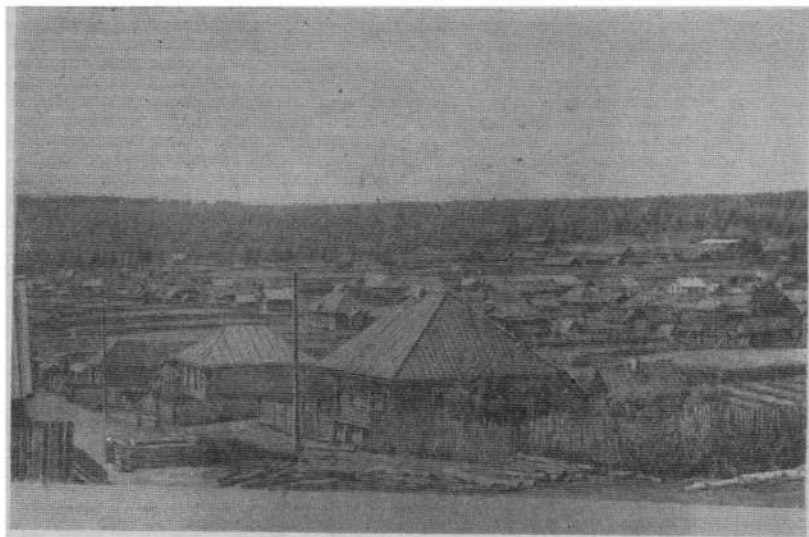
Подмеченная закономерность относительно однородности башкирских деревень в еще большей степени была характерна для прошлого века. По одной из ранних поуездных переписей, в Златоустовском уезде Уфимской губернии в начале 70-х годов размеры селений колебался в пределах 25—100 дворов⁵. Эти границы, впрочем, были не столь четкими, как в настоящее время и, как видим, растягивались в сторону малых деревень. Разница в прошлой и настоящей демографической характеристике в какой-то мере объясняется привлечением в 1873 г. данных не только по башкирским, но и по другим национальным пунктам, среди которых было много хуторов и малонаселенных деревень*. Без сомнения, в ней отразился и рост селений на протяжении последних десятилетий в связи с укреплением колхозного строя и укрупнением коллективных хозяйств.

Со второй половины XIX в. и до наших дней башкирские деревни отличает строгая уличная планировка. Ровные ряды домов располагаются обычно вдоль реки по одному из берегов. Особенно типичны предгорных северо-восточных деревень является расселение несколькими параллельными улицами. Они обычно соединяются одной-двумя поперечными короткими улицами с вы-

⁴ «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление». 1969, стр. 77, 203, 219, 269.

⁵ «Памятная книжка Уфимской губернии». Уфа, 1873, стр. 103—104.

* Из 163 деревень Златоустовского уезда 108 были башкирскими, остальные русскими, татарскими и пр.

Р и с. 3. Дер. Асылгузино Кигинского района БАССР.

ходящими на них фасадами домов. В этом видны зачатки квартальной планировки, по всей вероятности появившейся в башкирских деревнях под влиянием соседних русских сел и рабочих заводских поселков.

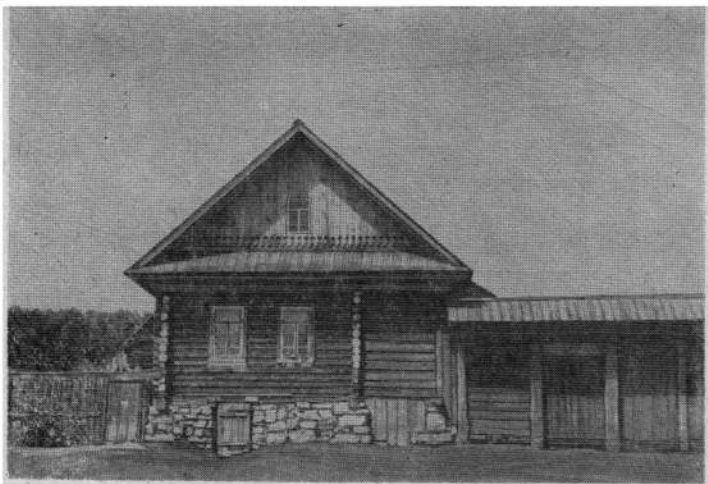
На одной из улиц, как правило, вдоль проезжего тракта, находятся магазины, главные административные здания. Ближе к центру деревни расположены клуб и школа. Большинство сел, хотя и значительно обновленных в последний период, развивается без архитектурного плана. Основание новых улиц и кварталов, расположение культурных и хозяйственных центров во многих случаях осуществляется по-старому, без учета достижений в практике планировки сельских населенных пунктов. Новое проявляется лишь в форме и архитектуре колхозных жилищ, тесно сосуществая здесь с традициями прошлого.

Кочевые формы жилища на описываемой территории исчезли с прекращением выездов на летовки. У И. Лепихина можно найти краткое описание горной кочевки в междуречье Юрюзани и ее левого притока Катава, которое дает некоторое представление о временных постройках интересующей нас территории. Кроме покрытых войлоком решетчатых юрт «...езде расставлены были берестяные шалаши, в которых башкирцы¹ от воздушных перемен искали себе защиты»². По-видимому, крытые лубом и берестой шалаши были в этих местах наиболее распространенным летним жилищем, поскольку «беспреданный под горами туман и частые дожди обыкновенные их (башкир) войлочные юрты [делали] недолговременными»³. Имея столь скудные сведения, трудно судить о конструктивных особенностях кочевых жилищ. Исходя из культурных связей местных башкир, с одной стороны, с более северными степными районами, с другой — с челябинским Зауральем⁴, можно допустить, что здесь существовали кибитки как тюркского, так и монгольского типов. Не ясен вопрос и о берестяных шалашах. Были ли это «конические хижины, похожие на

¹ И. Лепехин. Указ. соч., стр. 286.

² Там же.

³ Культурная общность этих районов более ярко прослеживается в народной одежде и пище, о чем речь будет ниже.

Р и с. 4. Новый дом. Дер. Асылгузино Қығынского района БАССР.

остяцкие чумы», встреченные несколько южнее путешественником С. Сомье¹⁰, или устраивались они в форме цилиндра с конической крышей, как у башкир в верховье р. Белой¹¹ — мы не знаем. Поскольку И. Лепехин не остановился на их конструктивном устройстве, можно думать, что оно показалось путешественнику слишком обычным; скорее всего, на встреченной летовке находились простейшие конические шалаши из поставленных по кругу жердей, соединенных вершинами. Однако генетическая преемственность конического и цилиндрического шалашей, широкое распространение того и другого у многих народов Западной Сибири и Алтая¹², а также сходство географических условий в верховьях Белой, Катава и Юрюзани, сравнительная близость этих районов дают основание предположить, что каркасная форма жилища, состоящая из вертикальных жердей, могла существовать здесь и в иной, более усложненной форме.

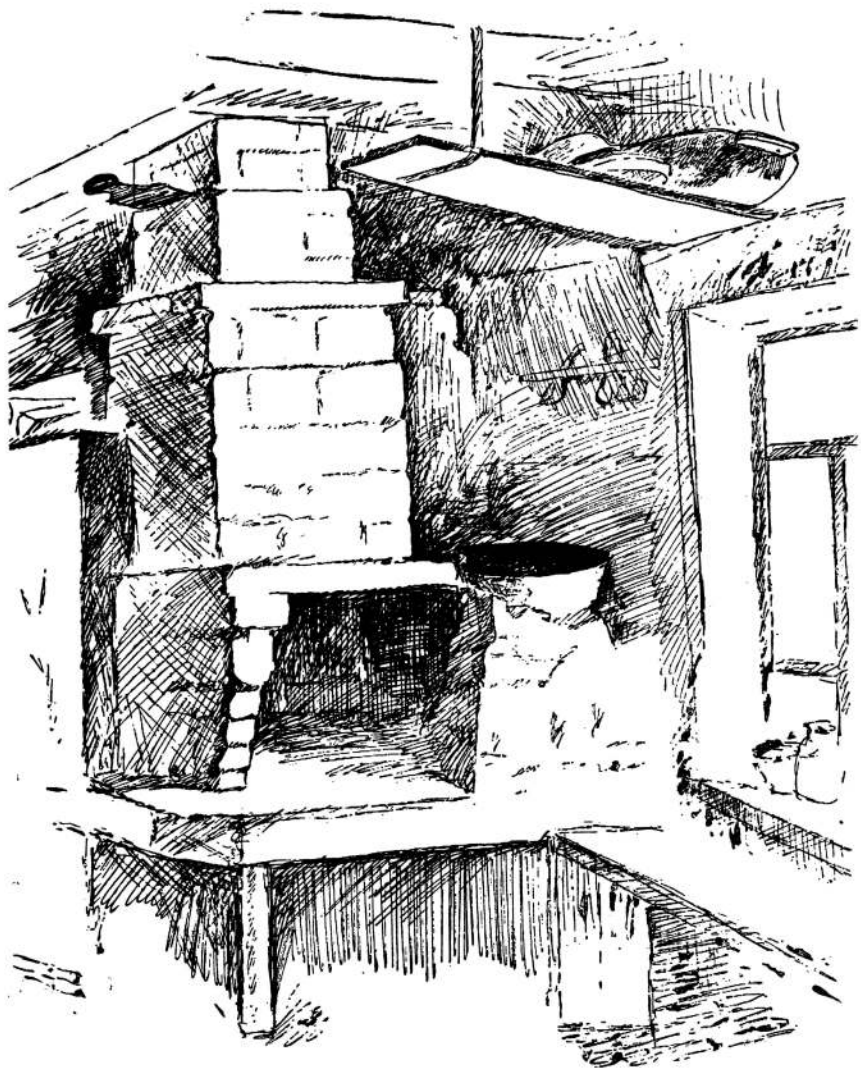
Так же труден вопрос о постоянном жилище башкир в прошлом. Его форма может быть восстановлена на основании сложного анализа немногих, весьма разнообразных источников, относящихся в одних случаях к предгорной полосе, в других — ко всему северо-востоку Башкирии. Одной из особенностей башкирских постоянных поселений или зимовок этих мест, даже на их раннем этапе, было преимущественное использование дерева и лесных материалов — коры, полубины, дранницы и пр. Рубленые прямоугольные избы с двускатной крышей явились наиболее ранним типом аульного жилища башкир на Юрюзани и в среднем течении Ая. Со временем увеличились их размеры, усложнилась планировка, стал разнообразнее материал покрытия, но первоначальная форма сохранилась на многие века.

Рубка «в чашку» с выемкой на нижнем бревне до сих пор является чуть ли не единственным способом сооружения сельских домов. Щели между бревнами забивают мхом. Из-за обилия осадков и влажности почвы основание дома делают из толстых сосновых бревен, а весь сруб ставят

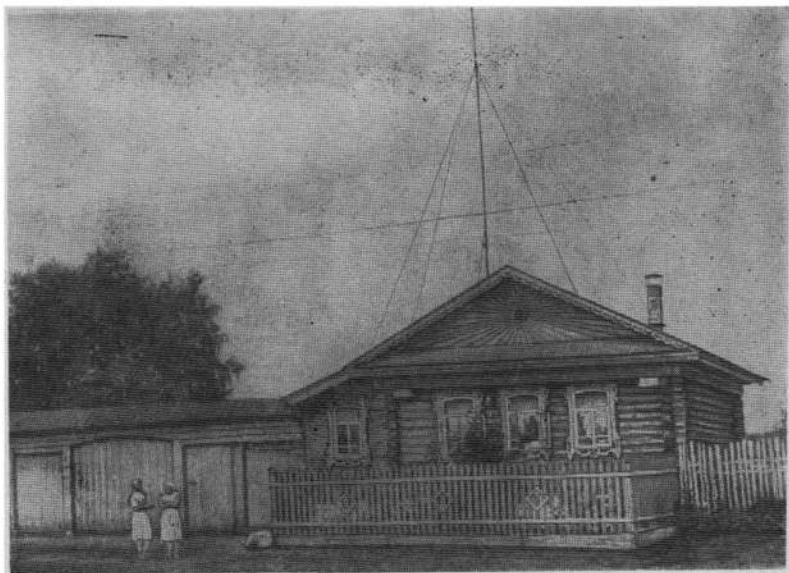
¹⁰ С. Сомье. О башкирах. Перевод О. Олениной. — «Записки Уральского общества любителей естествознания», т. 13, 1891—1892, стр. 30.

¹¹ С. И. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Быт башкир. Л., 1925, стр. 170.

¹² «Историко-этнографический атлас Сибири». М.—Л., 1961, стр. 131 и далее.

Р и с. 5. Печь с простейшей системой дымоходов. Дер. Ташаул Салаватского района БАССР.
Рис. художницы И. Ф. Кибальник.

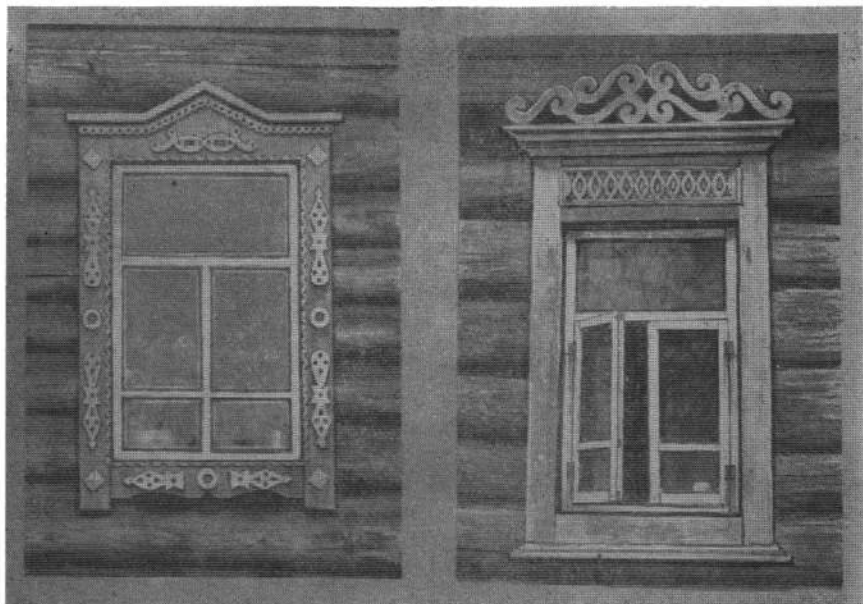
Р и с. 6. Современный башкирский дом. Хозяин плотник Исрафалов С. Дер. Терменево Салаватского района БАССР.

на массивные каменные тумбы. Пол поднимают на 3 или 4 венца сруба. Однако из-за сырости пространство под полом редко благоустривают и используют частично: обычно ограничиваются лишь небольшой ямой для хранения картофеля, молочных продуктов; иногда под домом в зимний период содержат ульи с пчелами. Вход в погреб (*баз*) бывает из комнат через люк в полу.

Двускатная крыша, по словам старожил, является старинной формой покрытия на башкирских домах. Иногда ее устраивали на самцах, используя по примеру русских поперечные слезы с крюками, так называемые «курицы». В то же время башкирам была известна и простейшая стропильная конструкция: на верхнем венце бревен сооружали каркас, близкий остову пространственного среди башкир двускатного шалаша. Крыли его таким образом, что скаты нависали над домом, прикрывая верхнюю часть стен. Фронтоны домов при этом редко заделывали; насквозь просматривающаяся с фасада крыша-шалаш — одна из особенностей изб предгорных башкир, отличающая этот район от северных и сближающая его с башкирскими деревнями горного Урала. В деревнях, расположенных вблизи больших русских сел и заводских слобод, со второй половины XIX в. распространились стропильные четырехскатные крыши. В последние годы в большинстве деревень такие крыши встречаются наряду с двускатными. Лишь на юге Салаватского района до сих пор прочно держится традиция двускатных крыш.

Дома покрывали щепой или корой. Малосостоятельные башкиры, хотя и редко, применяли для крыши солому. Тесовая кровля до начала нашего века была редкостью. В настоящее время кора и солома используются лишь для хозяйственных строений. Дома кроют тесом и новыми строительными материалами — шифером, железом.

Четырехстенная изба с пристроенными под отдельной плоской крышей была здесь, как и в большинстве районов Башкирии, исходной формой сельского жилища. Именно такой тип домов определял облик башкирских деревень горно-лесной полосы северо-востока вплоть до нача-

Р и с. 7. Современные резные наличники, раскрашенные масляной краской в 2 цвета: а) дер. Асылгузино Кигинского района БАССР; б) наличник с традиционным рогеобразным узором. Дер. Абзаево Кигинского района БАССР.

ла нашего века. До сих пор сохранились единичные постройки 20—30-х годов, по форме близкие распространенным в XIX в. Отдельные конструктивные особенности прошлого прослеживаются также в устройстве амбаров, бань и других хозяйственных сооружений.

Вместе с тем во второй половине XIX в. в башкирских аулах можно было встретить и пятистенные избы. В некоторых состоятельных домах их делили на несколько комнат дощатыми перегородками. Другой усложненной формой жилища были две избы, соединенные сенями. Как те, так и другие дома явились естественным развитием первоначальной четырехстенной избы. Иногда ставили обычную избу с прирубом и лишь некоторое время спустя, собрав средства, достраивали вторую часть дома с выходом в те же сени. Развитие башкирского жилища происходило под непосредственным влиянием со стороны русского и татарского населения, сопровождалось перениманием опыта и некоторых традиций соседей. Это тем более закономерно, что мастерами-строителями часто выступали плотники из татарских и русских деревень.

Дом в виде двух жилых помещений, соединенных сенями (*жаршы өй*), в горно-лесной зоне не получил широкого распространения. Среди домов, построенных в последние 15 лет, как и всюду на северо-востоке Башкирии, преобладает пятистенная изба. Однако и в ней произошли существенные изменения. Еще четверть века назад первое от входа помещение пятистенка служило сенями; теперь все чаще оно приспособляется под жилье. При этом сбоку от дома у входа устраиваются холодные сени, которые часто разрастаются в крытую застекленную веранду, занимающую всю боковую стену дома. Иногда веранда подводится под общую с домом кровлю, и тогда крыша приобретает непривычную асимметричную форму, поскольку один из скатов оказывается больше другого. Дома с застекленными верандами являются характерными не только

Р и с. 8. Баня. Дер. Миндышево Салаватского района БАССР.

для башкирских, но и для русских, мишарских и других современных деревень по Юрюзани и Аю. Они встречаются в Салаватском и Кигинском, а также в более северных районах Башкирии и на соседней территории Челябинской области. Однако в отличие от русских у башкир большая часть веранды, выходящая на улицу, отгорожена под кладовку (*кэзэнкэ*, *кэжинкэ*); часто там устраивается помост (*һиккэ*) для отдыха в летнее время.

Первая от входа комната пятнстенка отапливается комбинированной (с котлом и плитой) печью и называется обычно кухней (*кухна*, *аш өйө*, *кашыяк як*). Вторая, выходящая окнами на улицу, считается «чистой» комнатой, гостиной (*тур як*, *тур булма*), где не только принимают гостей, но и протекает основная жизнь семьи. Часто для обогрева этой половины дома устанавливают прямоугольную или круглую кирпичную с железным «кожухом» голландку.

Деление дома на две части принято не только в пятнстенке. Несколько десятилетий назад хозяйственную часть отгораживали с помощью тканого или ситцевого занавеса (*шаршау*). Теперь в однокомнатной избе сооружают дощатую перегородку от печи к фасадной стене, отделяя хозяйственный угол. Здесь бывают подвешены к стене полка (*кашыяк татта*) или шкафчик (*так-талык*) с посудой, перекладинка для ложек (*кашылдырык*); иногда устраиваются небольшие нарты (*кашыяк һиккэ*) или скамеечки около печи (*мейес буйы*), на которые помещают ведра с водой, квашню с тестом. В этом углу ставят самовар и готовят пищу.

Судя по воспоминаниям глубоких стариков, дома башкир в середине прошлого века отапливались своеобразными глинобитными каминами (*сувал*) с прямым дымоходом-трубой из обмазанных, поставленных полукругом жердей или прутьев. Затем на смену сувалам пришли глинобитные печи (*һукма мейес*) с прямым выводом для дыма перед топкой. Остатки такой примитивной печи мы обнаружили в одной из изб в дер. Ташаул Салаватского района. В устройстве печь имела много общего с сувалом. Но в отличие от последнего она использовалась не только для обогрева жилища, но и для выпечки хлеба. Рядом с хлебной печью (*һэй мейесе*, *оло мейес*)

Р и с. 9. Обычная планировка усадьбы. Дер. Асылгузино Кигинского района БАССР.

устанавливали очаг (*усаг*) с вмезанным в него чугуном котлом (*казан*) для приготовления пищи. Первоначально очаг имел самостоятельный дымоход, но затем его стали монтировать в печь таким образом, что дым из-под котла мог выходить в одну общую трубу. Развитие печи шло по линии ее усовершенствования: усложнения системы дымоходов, устройства заслонок (*юшка*) и плиты с конфорками, органичного соединения отдельных частей в целостную систему.

Домашнюю печь используют для приготовления пищи круглый год. В редких случаях имеет несложный открытый летний очаг во дворе, однако для выпечки хлеба он бывает непригоден.

До революции большая печь и нары (*шике*) составляли главные элементы башкирского интерьера. Однако уже в то время в некоторых семьях, особенно связанных с заводскими или пристанционными поселками, стала появляться мебель: столы, стулья (*букан*), скамьи (*диуан*), кровати. Иногда их делали, подражая русским, искусные башкирские самоучки-столяры. По настоящему фабричная мебель вошла в башкирский быт лишь с 30-х годов нашего века.

В настоящее время сильно изменилась башкирская печь, сократились ее размеры. Появились обогревательные печи-голландки. В редких домах встретишь дощатый настил-нары. Стала привычной разнообразная городская мебель. Но в башкирском интерьере сохраняются еще много традиционных черт. Обычное явление — короткие цветные занавески (*кашага*), опоясывающие у потолка печь и стены дома, перекладина (*ырауза*, *урза*) для вывешивания одежды. Во многих домах сохранились старинные предметы декоративного ткачества, вышивки; часто они умело используются в украшении дома. Красочные половики (*сепрэк балаф*), шерстяные дорожки (*изан геламе*) украшают жилище. На стульях, лавках, диванах лежат сшитые из разноцветных клинышков стеганные подстилки (*утыргыс ябыу*), шерстяные тканые коврики (*келам*). Вдоль передней стены или в одном из углов прибиты тонкого рисунка тканые или вышитые полотенца (*суптәп һуғылған тастымал*, *сөлгө*). На кровати под ярким ситцевым пологом (*карауат шаршауы*, *сымылдырыск*) можно увидеть украшенные многоцветным тамбуром подушки (*ястыск*). Встречаются и старинные пестротканые скатерти с шерстяным или шелковым крупным браным узором. С исчезновением этих предметов, изготовленных 40—50 лет назад, не только сглаживается национальная специфика башкирского жилища, но и теряется яркая индивидуальность многих домов.

Внешнее декоративное оформление дома ограничивается чаще всего резными наличниками. Архитектурная резьба по границе с Челябинской областью была, как видно, принята и в XIX в.

В то время орнаментальные мотивы в пределах населенного пункта были сравнительно однотипными. Даже на домах, построенных в 20—30 годы, узоры поразительно однообразны. Одним из старинных, распространенных в прошлом мотивов является врезной солярный орнамент на верхней доске наличника. Выполнялись также прозрачные узоры в виде знака интеграла в различных по сложности комбинациях. Новый период в развитии архитектурной резьбы начался в этом районе, как и повсюду в Башкирии, с середины 50-х годов вместе с оживлением сельского строительства. Распространилась ставшая характерной на всем севере Башкирии манера раскраски наличников в два или три цвета. Преобладающим стал способ накладных узоров, покрашенных более яркой краской, чем фон. Некоторые народные мастера-строители заимствовали у окружающих народов и способ украшения фронтонов, переработав виденное в соответствии с народными традициями и собственной фантазией. Заделка фронтонов короткими досками-планками веерообразно, в виде многояркой елочки или солнечного диска с лучами, устройством слухового окна с резными наличниками придает современным домам нарядный, праздничный вид. В настоящее время дома в башкирских деревнях строят местные мастера, нередко прошедшие специальное обучение на строительных курсах или в училищах.

Исследователи XIX — начала XX в. указывали на малочисленность у башкир хозяйственных построек¹³. В отличие от других районов в башкирских аулах по Юрюзани и среднему Аю уже много десятилетий назад сложился завершенный тип усадеб, на формирование которого большое влияние оказали окрестные русские села. Как и у соседних русских, у башкир заметно стремление к трехсторонней застройке двора. Но в отличие от русских башкирские хозяйственные постройки редко примыкают непосредственно к дому. Обычно напротив дома, по другую сторону ворот, ставят клеть или амбар (*келәт*), за ними следует отдельное помещение для птицы или молодняка (*аласак, мал өйө*); здесь же может находиться баня (*мыса*). Чаще, однако, баню выносят за пределы хозяйственной части усадеб, в огород. Заднюю стенку двора, перед огородом, занимают скотными помещениями (*азбар, абзар, арбаз, һарай*), где под общей крышей находится коровник, овчарня, конюшня и пр. Иногда между домом и сараями отгораживают летний загон для овец (*ялан арбаз*) или устраивают навес (*лапач*) для хозяйственных работ и хранения дров. Характерны для этого района землянки для зимнего содержания мелкого скота и птицы (*ер арбаз*), вход в которые бывает из сарая. За хозяйственным двором простирается огород (*бакса*), засаженный картофелем. В последнее время все чаще дом ставят, отступя от бокового края земельного участка на 3—4 метра, так что за ним остается полоса для сада и овощных грядок (*йәшелсә баксаһы*). Здесь же устанавливают ульи.

Приусадебные постройки рубят обычно из бревен. Как и избы, они прямоугольной формы с двускатной тесовой или коревой крышей; лишь саран часто кроют соломой, многие из них имеют просторный сеновал. Некоторые клетки сохранили старинную самцовую конструкцию крыш.

Одной из особенностей деревень описываемого района, в большей мере на границе с Челябинской областью, является вытянутость усадеб вглубь и отсюда — частое расположение домов на улице. Внешняя сторона двора в таких случаях бывает настолько узкой, что издали кажется, будто бы вся улица состоит из сплошного ряда крыш. Этим башкирские деревни юга Салаватского и Кигинского районов обнаруживают сходство с заводскими уральскими поселками.

Таким образом, в жилище башкир предгорной части северо-востока республики наблюдается много общего с постройками и усадьбами русского уральского населения. По-видимому, аулы башкир изучаемой территории развивались под влиянием горно-заводских поселков, основным населением которых были русские крестьяне.

Одежда

Основным материалом при изготовлении одежды в бассейне рек Юрюзани и Ая в начале нашего века были покупные ткани: ситец, сатин, атлас, кашемир, в наиболее состоятельных семьях — среднеазиатские шелка, бархат. В широком распространении фабричных материалов значительную роль, по-видимому, сыграла близость железной дороги. Анализ грузооборота Уфимской губернии предреволюционного периода показывает, что особенно большой привоз мануфактурных товаров отмечался на станции Златоуст, Куса, Сатка, Сулея¹⁴. Надо думать,

¹³ Д. П. Никольский. Башкирия. Этнографическое санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899, стр. 35; «Екатеринбургская неделя», 1882, № 15 («О башкирах Красноуфимского уезда») и др.

¹⁴ «Грузооборот в Уфимской губернии». Материалы к торговому договору с Германией. Уфа, 1915, стр. 128—131 (табл. 20).

Р и с. 10. Пожилая женщина в платье традиционного покроя и камзоле. Костюм современный. Дер. Миңдышево Салаватского района БАССР.

Р и с. 11. Традиционный костюм башкирской килеи. Дер. Насибаш Салаватского района БАССР.

что немалая часть этих товаров распространялась в близлежащих башкирских деревнях. В подтверждение можно привести то обстоятельство, что в Златоустовском уезде были 481 мануфактурный магазин и 631 мануфактурно-бакалейная лавка¹⁸. Натальное белье (рубахи, штаны), в ряде случаев—праздничные платья старались шить из тканей домашнего производства.

Как и повсюду на севере Башкирии, в рассматриваемом районе распространенным был покррой платьев с закрытым воротом, широким рукавом с ластовицей (*кештэк*), широким присборенным у талии подолом (*бермале кулмак*) и оборкой выше пояса (*өркө итэк*). Грудка старинных платьев украшалась полукруглыми нашивками из лент и позумента (*иңеу*). К 20-м годам нашего века платья описанного покроя носили лишь пожилые женщины. Под них, как правило, надевали цветные нагрудные повязки (*түшелдерек*). Молодые башкирки нагрудный разрез на платье прикрывали планкой, грудку и подол украшали несколькими узкими оборками (*балатэк, ышлагур*).

Поверх платья носили безрукавный камзол. Шили его из темной хлопчатобумажной ткани или бархата. Праздничные камзолы украшали позументом и двумя-тремя монетами на спине у талии. Поверх камзола молодые женщины в домашних условиях надевали фартуки с небольшой грудкой (*ялкыс, алъягыс*).

¹⁸ «Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год». Уфа, 1915.

Повседневной одеждой мужчин в начале нашего века были рубахи со стоячим воротником и нагрудной планкой, штаны и камзол. Вместе с тонкими штанами с прямоугольной средней вставкой (*ыштан*) многие мужчины носили *салбар* с ромбовидной серединой. В середине XIX в. их еще шили из сукна, но позже для них стали употреблять покупные шерстяные или плотные хлопчатобумажные ткани. Наряду с безрукавными мужчинами носили камзол с рукавом до локтя (*жшде камзул*).

Горные и предгорные деревни северо-востока Башкирии до сих пор хранят богатые традиции узорного ткачества и вышивки. Нарядные пестрядинные ткани домашнего производства и браный холст использовали в прошлом не только для скатертей, полотенец, салфеток, но и для одежды. В зависимости от назначения изготовлялась ткань определенной фактуры, с разными по размеру и взаиморасположению узорами-розетками. До нас дошли украшенные квадратами и ромбами браного орнамента праздничные платья, свадебные рубахи и штаны мужчин (*суптарзы кулмэк, суптарзы ыштан*).

В одной из семей дер. Терменево Салаватского района БАССР сохранилось старинное праздничное платье начала нашего века. Оно выполнено в целом в традиционном духе, хотя для того времени и несколько модернизировано. В нем соединились различные виды узорного творчества (вышивка, браное и пестрядинное ткачество), разные орнаментальные мотивы (растительный и геометрический). И вместе с тем оно целостно и по-своему высокохудожественно. Из домашней красной ткани в узкую полосу сделана верхняя часть платья. Рукава украшены браным орнаментом в виде разноцветных зигзагообразных полос. Манжеты рукавов вышиты цветной перевитью. Подол платья из густокрасного сатина окаймляет полоса тамбурной (растительной) вышивки и кружев; кроме того, тамбурный орнамент расположен полосой на широкой верхней оборке (*өскө итжк*). Нарядность платья придают также разноцветные нашивки вокруг нагрудного разреза и оборка по воротнику.

Цветной тамбурной или ажурной строчевой вышивкой украшали грудь и подол фартуков. Постепенно, в течение 20—30-х годов нашего века, фартук вошел в комплекс праздничной одежды молодых женщин, вытеснив в какой-то мере камзол.

Верхняя одежда и мужчин, и женщин была в основном приталенного, расклешенного в полах покроя, с суживающимся книзу рукавом.

Традиционной мужской одеждой повсеместно на северо-востоке были длинные просторные, с шалевым воротником халаты *елан*. В памяти некоторых представительниц наиболее старшего поколения по р. Юрюзани сохранилось воспоминание о *елан* как о женской одежде, но описать, как выглядели в старину подобные женские халаты, никто из информаторов не смог. Среди мужских *елан* еще совсем недавно можно было встретить отдельные экземпляры прямоспинного покроя. В целом же этот покрой для одежды северо-восточных башкир не характерен.

На юге Белокатайского района, как в челябинском и курганском Зауралье, молодые мужчины носили закрытые расклешенные кафтаны *казэки*.

Одним из редких видов одежды в бассейне Юрюзани были полосатые холщевые халаты *сыба*. Иногда их могли надевать и женщины, но чаще они считались исключительно мужской осенней одеждой.

Р и с. 12. Женщина в традиционном костюме башкирской *килен*. Дер. Петрушкино Кусинского района Челябинской области.

Р и с. 13. Пожилые люди в старинной одежде. Дер. Карагулово Салаватского района БАССР.

Р и с. 14. Женщина в традиционном головном уборе (*кушчялух* и *капак*). Дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР.

Р и с. 15. Женщина в старинном камзоле. Дер. Карагулово Салаватского района БАССР.

Наиболее распространенное название для женской верхней одежды описываемого района — «*бешмет*». Бешметы шили из темных хлопчатобумажных тканей или бархата, украшая их полосками позумента вдоль пол и по подолу. В этом районе, как и по всему северу Башкирии, нашивать на халаты и кафтаны монеты не было принято.

Холодной осенью и в зимнее время года женщины носили стеганые пальто (*кәпә, һырма*). Одежду на вате могли надевать и мужчины, но у последних она занимала далеко не ведущее место в зимнем гардеробе. Более часто встречались мужские халаты (*сәкман, сәккан*) из толстого домашнего сукна (*тула*) или покупной шерсти. Распространены были также мужские и женские шубы (*тун*). В зависимости от выделки и покроя различались *тышты тун* — крытые тканью и *тышыз (дупты) тун* — дубленые нагольные шубы; *билле тун* — приталенные слегка расклешенные и *бишбилле тун, өсбилле тун* — шубы с присборенным сзади отрезным многоклинчатим подолом*. Обычно шубы шили из овчины (*тире тун, бәран тун*), но у состоятельных башкир встречались также праздничные шубы, подбитые дорогим мехом лисы (*төлкө тун, баса тун*), выдры (*жама тун*). В лютую стужу надевали овчинный тулуп (*толоп*). Теплую верхнюю одежду, за исключением тулупов, мужчины подпоясывали длинной (до 3 м) полосой ткани или шерстяным вязаным кушаком.

Мужские головные уборы этих мест мало отличались от северо-башкирских. Небольшая шапочка (*тубәтәй*) из четырех клиньев и околыша-ободка была повседневым головным убором. Старики и мужчины средних лет носили темные тюбетейки, тогда как шапочки молодых были из красного, зеленого бархата, вышиты шерстью, гарусом, отделаны позументом и бисером.

* Покрой этот был более характерен для женских шуб.

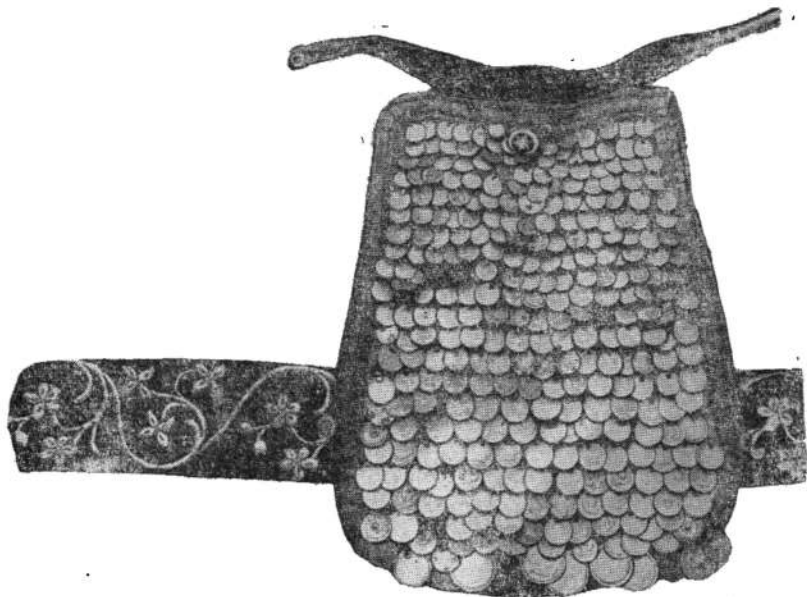

Рис. 16. Женский нагрудник *мукса*. Дер. Абзаево Кигинского района БАССР.

Часто нарядная тубетейка являлась подарком невесты. Вне дома, особенно в холодное время года, надевали невысокую шапку с меховой опушкой (*бурек*, *туңарэк бурек*). Хотя и в меньшей степени, чем в северных районах, были приняты также цельнокатаные войлочные шляпы с небольшими полями (*ялләтә*). Обрядовым головным убором во время молений была белая чалма (*сәллә*, *салма*), которую обертывали вокруг шапки или шляпы.

Замужние молодые женщины носили яркие покрывала (*кушъяулык*). Для них покупали так называемые французские красные платки с крупным белым узором. Повязывали кушъяулык поверх небольшого платка, прикрывавшего голову и шею, или шапочки-колпачка. Кушъяулык сочетался обычно с рядом украшений: подбородочной тесьмой-завязкой (*һағалдырек*, *йәксен*), зашитой тесными рядами серебряных монет; к краю кушъяулыка надо лбом нашивали полосу позумента. В ряде мест (например, в дер. Терменево Салаватского района БАССР) во время свадьбы на лоб невесты под кушъяулык повязывали ленту (*бөркәнгес*) с тремя рядами монет. В других случаях к кушъяулыку или к краю колпачка, надетого под покрывало, пришивали снизу монет, закрывающие все лицо женщины до подбородка. Надо отметить, что спускающиеся на лицо подвески или густая бахрома — характерная особенность северо-востока вообще и этого района в особенности.

После сорока лет женщины переставали носить покрывало, заменяя его шапочкой (*калпак*, *текә калпак*) с широкой полосой ткани, спускающейся на косы (*тоқсай*). На околыш шапочки нашивали нити кораллов, цепочки с монетами или позумент с бахромой (*каш ука*). У юрюзанских башкир было принято повязывать под платок ткань с несколькими рядами монет (*маңдайса*): она плотно охватывала голову, оставляя отверстие на затылке. Зажиточные башкирки надевали меховые шапки (*кама бурек*, *камсат бурек*) из меха выдры или бобра с широким околы-

шем и бархатным верхом. Часто у висков к праздничным шапкам прикреплялись кисти из серебряной канители с кораллами на концах.

Головным убором пожилых женщин были стеганая полусферическая шапка (*тупый*) и накинутые на нее платок (*кизельдук*) или полшалок (*кизешал*). На юге Белокатайского района БАССР, как и у челябинских башкир, под платок повязывали сложенный по диагонали квадрат ткани (*баш байзамес*).

В деревнях по р. Юрюзани сохранилось воспоминание о богатом девичьем уборе *такья*, сплошь зашитом монетами. В устье р. Юрюзани к девичьей шапочке прикрепляли наконусную ленту *саккал*, украшенную монетами, ажурными серебряными подвесками, раковинами-каури. Впоследствии этот головной убор был вытеснен мягкими колпачками. Перед революцией колпачки-наколки со свисающей назад мягкой тульей, расшитые позументом и стеклярусом, повсеместно являлись самым распространенным убором девушек и молодых женщин.

Кроме разного рода нашивок на одежде и головных уборах у башкир существовала многочисленная группа самостоятельных украшений, служившая дополнением к праздничному костюму. Свидетельством смешения различных традиций в изучаемом районе явилось отсутствие единой, общераспространенной формы того или иного вида украшений, а также многообразие терминов, затрудняющее подчас классификацию вещей*.

В одной из ранее опубликованных работ¹⁶ при описании локальных костюмных комплексов мы отмечали, что для каждого из них характерен свой тип нагрудных украшений. В частности, на северо-востоке Башкирии носили трапециевидный, зашитый горизонтальными рядами монет *муйнса*. В Зауралье существовал нагрудник *яга* удлиненной формы с коралловой бахромой по низу и характерной верхней частью в виде небольшого воротничка, давшей название всему украшению**.

В бассейне р. Юрюзани и в среднем течении Ая северо-восточный и зауральский нагрудники встречались в различных комбинациях. По берегам р. Юрюзани существовал близкий северо-восточному нагрудник *муйнштөл*. Вместе с тем в ряде пунктов (дер. Сабынкулово Караидельского района БАССР и др.) было украшение *яга итак* в виде полосы ткани или, точнее, широкого пояса с несколькими плотными рядами монет. Его носили вместе с нагрудником *муйнса*, прикрепляя несколько ниже, так что оно являлось естественным продолжением последнего. По границе с Челябинской областью, на юге Салаватского, Кигинского и Белокатайского районов, как и в Зауралье, нагрудник называли *яга*. В ряде деревень (дер. Миндышево Салаватского района БАССР и др.) название «*муйнса*» сохранилось лишь для верхней части нагрудника в виде полукруглого воротничка. Внешний вид нагрудника был различен, в зависимости от соотношения

Рис. 17. Пожилая женщина за игрой на музыкальном инструменте кумызе. Дер. Миндышево Салаватского района БАССР.

* За редким исключением, к настоящему времени украшения не сохранились. При разной терминологии подчас бывает трудно судить, как выглядело украшение, чем оно отличалось от других.

¹⁶ С. Н. Ш и т о в а. Народная одежда башкир.— АЭБ, т. 3. Уфа, 1968, стр. 167 и далее.

** «Яга» в переводе на русский язык означает «ворот», «воротник».

Рис. 18. Женщины в праздничном наряде.
Дер. Миндышево Салаватского района БАССР.

монет и кораллов. В некоторых местах (дер. Терменево Салаватского района, дер. Асылгужино Кигинского района БАССР) различались *таңқа яга* — нагрудник, подобно северо-восточному, зашитый монетами, и *марйен яга* — нагрудное украшение не только из монет, но и из кораллов. В юго-восточной части Кигинского и Белокатайского районов нагрудники были с коралловой бахромой.

Другим не менее характерным украшением для описываемого района являлись перевязи. В устье р. Юрюзани, как и на севере Башкирии (Аскинский, Карандельский районы), существовало чересплетное украшение в виде зашитой монетами полосы ткани (*һэйкә*). По обычаю его дарил девушке жених и впоследствии оно становилось обязательным в costume молодой женщины. Выше по Юрюзани и на р. Ай чересплетная перевязь (*эмәйзек*) была принадлежностью костюма пожилых женщин. Она имела здесь характерную лунообразную форму и спускалась низко на грудь. Кроме серебряных подвесок (*өрфиә*) и позумента на нее нашивали кожаные футляры с молитвами и заклинаниями. Несмотря на определенное обрядовое значение в далеком прошлом, в начале XX в. *эмәйзек* рассматривался прежде всего как дорогое украшение костюма. Об этом говорят тонкой работы филигранные бляхи, вделанные в серебряную оправу самоцветы, позумент; иногда перевязь обрамлялась бахромой из кораллов.

Ожерелья из монет в описываемом районе, как и на всем северо-востоке, редко, их называли описательно *смүлһин таңқһә* — шейные монеты. Можно думать, что в ряде мест они появились у северо-восточных башкир под влиянием татар, мишарей. В большей мере были приняты бусы из цветного стекла (*кытай*), янтаря (*ғәрәбә*), кораллов (*марйен*). В настоящее время покупные цветные бусы — самое распространенное украшение местных башкирок.

Серьги (*алка*) были двух видов: маленькие в виде небольших колец и длинные с подвесками из цепочек, стекла в оправе (*сүкһи алка*), монет (*таңқа алка*).

Серьги, а также серебряные браслеты и перстни покупали обычно у татарских перекупщиков-торговцев или заказывали ювелирам в татарских аулах. Они мало отличались от тех, которые носили в этих местах мусульманки других национальностей. Кроме широких серебряных браслетов, были браслеты из серебряных узких пластин и коралловые обручи в несколько рядов.

В предгорных районах, как и по всему северо-востоку, в качестве косного украшения были распространены шнуры с крупными монетами (*сәс таңқа*, *һүмдәк*) и серебряные ажурные подвески (*сулһи*). Однако косный шнур здесь часто называли термином «сәс үргәс», принятым на Южном Урале и в Зауралье. В этом наверняка прослеживается связь северо-восточных башкир с южными областями. В дер. Карагулово Салаватского района БАССР не только употребляли

1

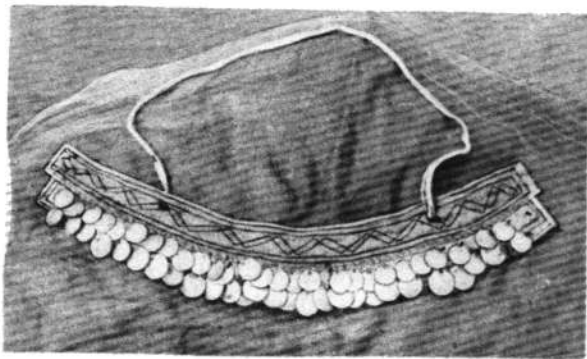
2

3

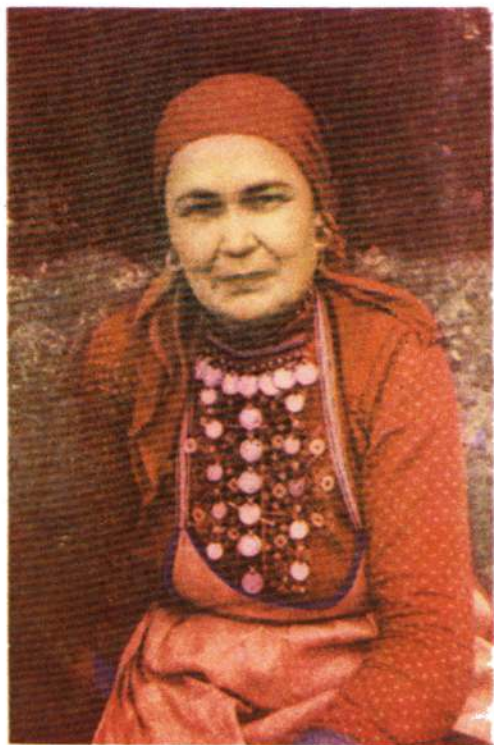
Различные виды застежек на камзоле (каптырма). 1 — дер. Старая Маскара Белокатайского района БАССР
2 — дер. Абзаева Кигинского района. БАССР, 3 — дер. Терменево Салаватского района БАССР.

Художница И. Ф. Кибальник

Женские украшения.

1 — косник *суады*, дер. Ибраево Кигинского района БАССР; 2 — косник *сас танка*, дер. Миндышево Салаватского района БАССР; 3 — подбородник (*айжкен*) головного убора *хушъяулык*, дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР.

Минкина Катя в платье, вышитом на груди и украшенном монетами. Дер. Марийские Ключики Красноуфимского района Свердловской области.

Семенова Тania (дер. Юва, Красноуфимский район) и Иванова Дарья (дер. Нижний Бартым, Артинский район) на сабантуе в дер. Сызги Свердловской области.

ся последний термин; форма существовавшего здесь косника (тесма с нашитым рядом монет) также весьма напоминала юго-восточную. Подтверждением культурных или этнических взаимосвязей с югом является сохранение в Салаватском районе (по границе с Челябинской областью) девичьего косника *сэсмэу* из нескольких рядов бус, прикрепленных к кожаной пластинке. Известно, что подобное украшение было характерно для юго-восточных башкир¹⁷.

Самой распространенной обувью в настоящем районе были кожаные туфли типа калаш на твердой подошве и широко каблук — *кауэш*; кожане с. Малояза Салаватского района БАССР их называли, как и в более южных районах, «ката». Эти башмаки носили с вязаными шерстяными чулками или носками (*байзам ойок*, *йон ойок*, *башай*). Рабочей обувью в легнее время (особенно в период сенокоса или жатвы) служили лапти (*сабата*); мужчины надевали их на холщевые портянки (*сылгау*), женщины — на шерстяные чулки. Зимой на охоту в лес ходили в меховых опорках (*кынйырак*, *бышым кынйырак*) из лошадиной шкуры мехом наружу, обшитых сверху полосой холста, собиравшейся вокруг ноги на вздержку. Кожаные сапоги здесь были сравнительно редки, их имели только богатые мужчины. Пожилые люди из состоятельных семей обычно заказывали татарским портным мягкие ичиги (*ситек*). Выходя из дома, на них надевали кожаные башмаки или резиновые галоши.

Валяная обувь, хотя и начала появляться у башкир со второй половины XIX в., широкое применение получила много позднее.

В граничных деревнях на юге Кигинского и Белокатайского районов, как в Зауралье и у горных башкир, были распространены *сарык* — обувь из сыромятной кожи с высоким суконым верхом, иногда украшенным на заднике аппликационным узором, и *ката* — сапоги в виде кожаных башмаков с сукоными голенищами.

Итак, костюм юрюзанских и среднеазиатских башкир подтверждает ранее высказанную мысль о сложном характере культуры описываемого района. В целом он близок северо-восточному комплексу, охватывающему весь бассейн Ая¹⁸. Однако в деталях он обнаруживает общие черты с костюмом башкир более южных и восточных районов, особенно челябинского Зауралья. Эта общность усиливается по мере продвижения к востоку и достигает особой силы в дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР. Одновременно в бассейне р. Юрюзани встречается ряд элементов, сближающих костюм башкир этих мест с одеждой населения правобережья р. Уфы и более западных районов. Сочетание разнохарактерных украшений и отдельных видов одежды, существующая параллельно различная терминология, в какой-то мере составляющая своеобразие культуры горно-лесной полосы северо-востока Башкирии, по всей вероятности, отражают следы передвижений кочевых племен с запада на восток в процессе сложения башкирской народности и являются свидетельством давней связи айлинцев (или по крайней мере, части их), с одной стороны, с более западными и южными районами, с другой — с челябинским Зауральем¹⁹.

В наши дни в одежде башкир этих мест местная специфика почти не прослеживается. Традиционно сохраняется отчасти лишь в своеобразном подборе материалов и вещей, а также в манере их использования. Даже сбережение определенных традиций в ткачестве не наложило отпечатка на современный костюм. Уникальные декоративным вещам, исполненным нашими современниками, население не находит места в жизни.

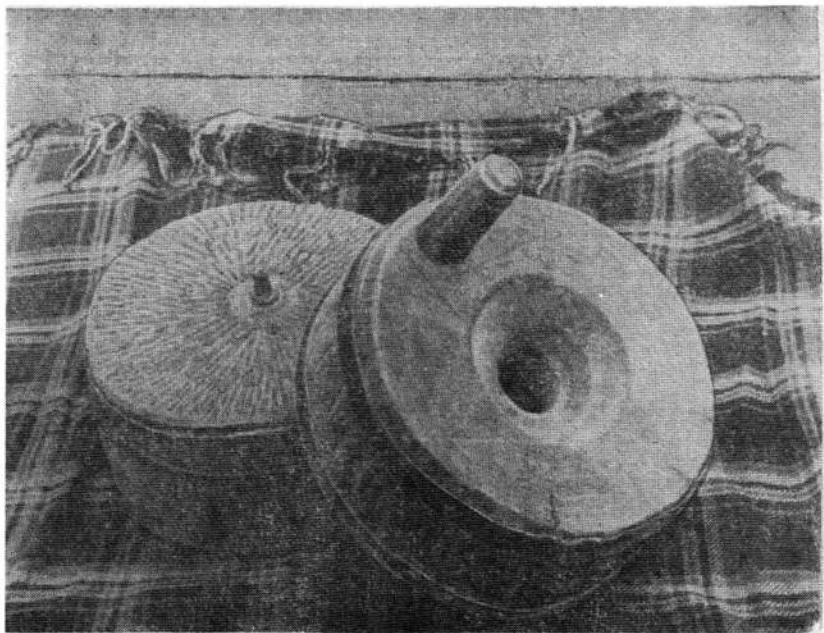
Пища

Как и у других башкир, в питании населения Ая и Юрюзани в конце XIX — начале XX в. по традиции большое место занимали мясные и особенно молочные продукты. Повседневное мясо употребляли в немногих семьях, но почти ни один праздничный стол не обходился без мясных угощений. Вместе с тем, в отличие от скотоводческих районов, в рационе питания юрюзанских и айских башкир были весьма распространены продукты растительного происхождения: мука, зерно, крупа (пшено, полба, овес, рожь, пшеница), дикie растения и ягоды, позднее — карто-

¹⁷ С. Н. Ш и т о в а. Народная одежда башкир, стр. 168.

¹⁸ Северо-восточный комплекс описан в вышеупомянутой работе автора «Народная одежда башкир», стр. 176—178.

¹⁹ Материалы, подтверждающие эту мысль, приводятся также при описании северо-западного и зауральского костюмных комплексов. — «Народная одежда башкир», стр. 169—171, 179—181.

Р и с. 19. Ручные жернова (*кхл тирмэне*). Дер. Асылгужино Кигинского района БАССР.

фель и другие овощи. В сочетании с молоком они по существу определили особенности кухни лесостепной зоны северо-востока Башкирии на рубеже нашего века.

Способы переработки молока у башкир в целом близки принятым у татар Поволжья и тюркоязычных народов Средней Азии и Сибири²⁰. Небольшие местные отклонения в рецептах приготовления молочных блюд теперь трудно объяснить исторически, тем более что они почти не связываются с прошлыми племенными и родовыми подразделениями. Можно допустить, что одни из них родились в местных условиях вследствие опыта нескольких поколений, другие закрепились в быту северо-восточных башкир под влиянием соседних народов. Лишь некоторые ведут происхождение от племенных особенностей древних и средневековых кочевников. Таковы традиции использования сырого или преимущественно топленого молока. Вообще для башкир, в том числе и названной территории, более характерен последний способ. Однако в отдельных местах (к примеру, в дер. Терменево Салаватского района) все продукты готовят из сквашенного сырого молока. Переработка некипяченого молока относится, видимо, к наиболее древним обычаям кочевых скотоводческих народов. До наших дней она сохранилась у бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов; следование этой традиции в дер. Терменево, как и в других населенных пунктах, таким образом, может быть далеко не случайным.

²⁰ И. Е. Тугутов. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958, стр. 155; С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961, стр. 102—103; А. А. Кузнецов в. Жилища, одежда и пища миусунских и ачинских инородцев. — «Миусунские и ачинские инородцы (материалы для изучения)». Красноярск, 1898, стр. 184; Л. П. Потапов. Пища алтайцев (этнографический очерк). — «Сборник музея антропологии и этнографии», т. 14. М.—Л., 1953, стр. 43.

К давним привычкам следует также отнести способ сбивания масла из кислого молока, существовавший в дер. Хайбатово Белокатайского района в XIX в.: до сих пор он сохранен местами в Средней Азии, Южной Сибири и Монголии²¹. В то же время для населения описываемого района, как и для большинства тюрко-монгольских народов²², гораздо в большей степени характерно приготовление масла (*май*, *баймак*) из сливок или сметаны.

Ассортимент молочных продуктов у населения Юрюзани и Ая чрезвычайно обширен. Здесь, видимо, соединились традиции нескольких этнографических групп: кроме северных, существующих кушанья, принятые в горах Южного Урала или в Зауралье. Как и многие кочевники, пресное молоко башкиры пили редко. Цельное молоко (*һөт*) или сливки (*ҡаймаҡ*) подавали к чаю. За редким исключением основную массу молока после снятия сливок кипятили и закармливали старым кислым молоком (*ойотҡоҡот*). Полученный варенец (*ҡатыҡ*) потребляли в пищу или пускали на дальнейшую переработку. Одним из распространенных кушаний являлось *һөзмә* или *һөзмәгәткә* — густой отжатый катык, приправленный сметаной и сахаром.

Из кислого молока, доведя его до кипения, делали творог (*әремсек*, *әремек*); в некоторых пунктах (дер. Терменево Салаватского района, дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР) для творога употребляли пресное молоко, добавляя в него при кипячении пережирший катык. На Юрюзани и в среднем течении Ая делали башкирский сыр *ҡорот*. При этом творожистую массу, полученную при длительном кипячении большого количества катыка*, отжимали и добавляли в нее сметану, соль. Полученный продукт (*йаш ҡорот*) подавали в качестве приправы к жирным бульонам, супам; разведенный в воде пили в жаркие дни летом. Большая часть его засушивалась на осень и зиму в виде небольших лепешек.

Характерно для северо-востока сладкое молочное блюдо *әжәкәй*; при его приготовлении творог вываривали в котле до густоты, добавляя лесные ягоды (клубнику, землянику) и сахар. В некоторых более восточных деревнях (дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР) это кушанье было известно в несколько ином виде, типичном для челябинских башкир: творог прокалывали в котле до образования красноватой пенистой, почти сухой массы. Ее обычно готовили на зиму; добавляя затем сметану и сахар, подавали к чаю или делали начинку для пирогов.

Наконец катык, разведенный водой, служил прекрасным утоляющим жажду напитком (*әйрән*).

В повседневной жизни башкир были распространены кушанья из круп, сваренных в молоке. Такова *ура* — молочная похлебка из цельных или толченых зерен овса, ячменя, полбы, заправленная катыком, маслом или сметаной. Иногда для нее употребляли прожаренную в масле или сале и затем размолотую рожь или пшеницу (*журмас*). Курмас мог идти и на приготовление молочной каши; но чаще кашу (*бутка*) варили из овса и пшена. Населению был известен и способ приготовления толокна (*талкан*). На толокно шли предвзительно сваренные, высушенные и тщательно размолотые зерна овса и пшеницы. Перед трапезой заранее полученную таким способом муку заваривали крутым кипятком, добавляя в нее масло или сметану. В некоторых пограничных деревнях (дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР, дер. Петрушкино Кусинского района Челябинской области) традиционным было праздничное блюдо *бызмык* или *боламык* в виде сваренной из сметане муки, сходное с зауральским кушаньем *салатат* или *әүмәл*.

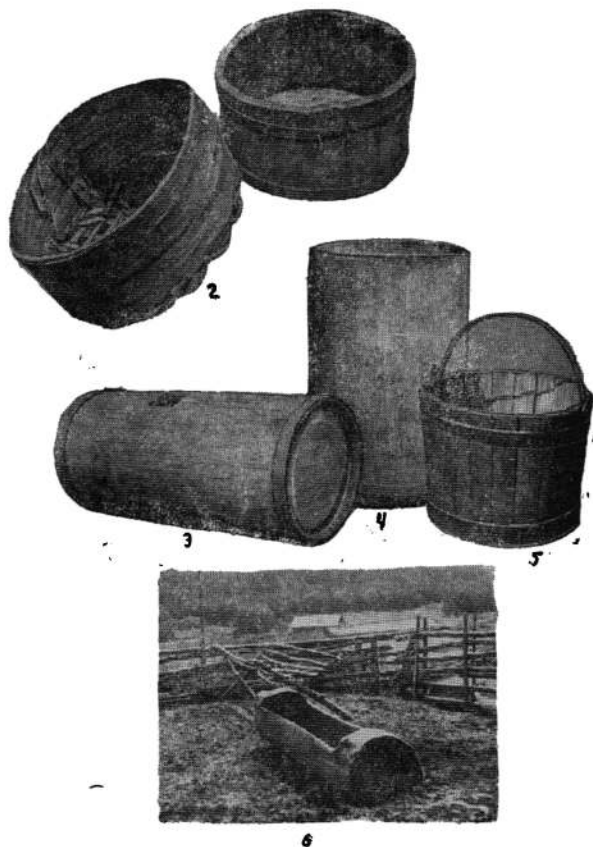
Большинство из перечисленных молочных и молочно-крупяных блюд встречается не только в Поволжье, но и у широкого круга народов Средней Азии и Южной Сибири²³. Обращает на себя внимание органичная связь круп не столько с мясными, сколько с молочными продуктами. Возможно, некоторые из них были восприняты древними кочевниками от предшественников оседлых скотоводов и земледельцев. Весьма древним, видимо, является способ изготовления крупы из заранее сваренных и высушенных или каленых зерен.

²¹ И. Е. Тугутов. Указ. соч., стр. 156; К. В. Вяткин. Монголы Монгольской народной республики. Восточно-азиатский этнографический сборник. — Труды Института этнографии, новая серия, т. 9. М.—Л., 1960, стр. 201; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1. — «Народы мира», М., 1962, стр. 309 и др.; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 2. — «Народы мира», М., 1963, стр. 98 и др.

²² «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 2, стр. 426 и др.; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», М., 1967, стр. 163; С. Ш. Гаджиева. Кумыкы. Историко-этнографическое исследование. М., 1961, стр. 243 и др.

* Процесс назывался «*корт ҡайнатыу*», что понималось как кипячение кислого молока для приготовления *корта*.

²³ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», стр. 163, 166 и др.; «Народы Средней Азии и Казахстана», т. 1, стр. 308—309; т. 2, стр. 98—100, 260—261, 426—428; Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 43—52 и др.

Р и с. 20. Деревянная утварь.

1— кадка (кунж). Дер. Миндышево Салаватского района БАССР; 2— плетеное из луба гнездо для курицы. Там же; 3— бочка для медовки (бал кунж). Дер. Асылгузино Кигинского района БАССР; 4— кадка для масла (май силге). Дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР; 5— ведро. Дер. Миндышево Салаватского района БАССР; 6— долбленная колода (кэме) для поения скота. Дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР.

Мясо башкиры употребляли преимущественно в вареном виде. Излюбленными в башкирском быту были баранина и конина. Птицу (гусей, уток, дичь) потребляли в основном в кругу семьи.

Одним из традиционных праздничных блюд в описываемом районе был *бишбармак*, распространенный в основном на юге Башкирии. В то же время по обычаю, существовавшим в северной части республики, гостей могли угощать и отваренным мясом (*ит*), политым горячим жиром. Сложившаяся под влиянием разных традиций церемония угощения гостей в

начале нашего века здесь сводилась к следующему. Во время торжественных празднеств и свадеб, при большом количестве приглашенных, вареное мясо подавали на блюде большими кусками. Один из почетных гостей разрезал его ножом на мелкие куски, складывая горкой. Поверх мяса хозяин накладывал вареную колбасу с салом, и все блюдо поливалось из ковш крепким жирным наваром (*тоззюк, һөззюк*), снятым с бульона. Гости начинали трапезу вслед за распорядителем, получив от него по куску мяса. В дальнейшем мясо и колбасу каждый брал из блюда сам. В некоторых местах (дер. Терменево Салаватского района, дер. Асылгужино Кигинского района БАССР) в чашу с мясом добавляли вареные клецки (*бармак һалма, өзәлгән һалма*), вынутые из бульона, а с первых десятилетий XX в. — вареный картофель. Во многих деревнях существовало правило после мяса обнести гостей ковшом с бульоном (*һурпа*), заправленным острым коротом или катыком. Этот обычай, являвшийся данью старинным кочевым обрядам, со временем все чаще стал заменяться другим: после вареного мяса подавали суп с лапшой (*тукмас*) или небольшими кусочками теста (*һалма*), который назывался, как и бульон, «һурпа». Следует еще раз отметить, что, за редким исключением, в этих местах мясной бульон варить с крупой не было принято.

К далекому прошлому относятся принятые у башкир способы заготовки мяса. Одним из них является вяление (обычно на чердаке дома) небольших кусков ранее засоленного мяса (*кагит, килкән ит*). Слегка коптили и вялили также соленых уток, гусей. Весьма распространены были вяленые конские колбасы из соленого мяса и кусков жира (*казы, тулторма*). Употребляя в дальнейшем в пищу, их отваривали в бульоне. Желая сохранить мясо в летнее время, его засаливали в кадках. Из солонины (*тозю ит*) варили суп.

Населению Ая и Юрюзани, как и всем северо-восточным башкирам, было известно большое количество мучных изделий. Следуя собственным традициям, а больше под влиянием кухни русских, мишарей, татар и других окружающих народов северо-восточные башкиры еще в прошлом столетии готовили разнообразные изделия не только из пресного, но и из кислого теста. Постоянным в рационе питания был хлеб (*икмәк, әпәк*) из ржаной или пшеничной муки. Его выпекали в печи в круглых формах. К праздникам готовили сдобные булочки (*кумәс*), ватрушки с творогом и сметаной, с картофелем (*шаңкә*), пироги с лесными ягодами или черемуховой мукой (*бирюк, пирүк*), пресные пироги с сырым мясом или с рисом и изюмом (*баләш*), различные сдобы (*хырандил*). Еще до революции здесь делали пельмени (*пилмән*), а в последние десятилетия появились вареники (*казан кәкрәһе, казан пирүһе*).

Среди разнообразия мучных изделий выделялись кушанья национальные, издавна принятые в башкирском быту; некоторые из них выполняли определенное обрядовое назначение. В дни семейных и религиозных праздников наиболее распространенным лакомством был *бауырчак* — небольшие шарики круто замешанного на яйцах пресного теста, сваренные в масле или жире. Близко к нему было другое сдобное кушанье *йыуаса* в виде жареных на сковороде кусочков тонко раскатанного теста, обильно политых маслом. Во время праздников *ураза* и *хорбан байрам йыуаса* раздавали детям. В деревнях Асылгужино и Нижний Лапас Кигинского района БАССР такую же роль выполняли небольшие сдобные пышки (*шишара*). Тонкие лепешки из пресного теста (*йәймә, жәймә*) пекли на поминки; ели их, макая в растопленное масло. В праздники в большом количестве жир жарили пресные блины (*табикмәк, хоймәк*) из ржаной, гороховой или пшеничной муки. Как отголосок старины в дер. Петрушкино Кусинского района Челябинской области сохранилось воспоминание о лепешках *кәлсә*, испеченных в золе.

Население лесных районов северо-востока республики широко применяло в питании продукты из окружающей природы. Мед (*бал*), ягоды, грибы, съедобные корни и травы были доступным дополнением к мясо-молочной пище и большим подспорьем в хозяйстве малоимущих семей. Из лесных ягод: клубники, земляники, смородины, черники, костяники — пекли пироги, варили варенье, делали сухую пастилу (*хак*). В отличие от других башкирских районов во многих семьях собирали грибы: грузди, белянки, рыжики, тушили в сметане и засаливали на зиму. Из растений собирали дикий лук (*йыуа*), сарану, из высушенных и перемолотых луковок которой варили кашу; травы (*балтырган, гөбшә*) ели свежими, некоторые из них (*әзрән, балтырган*) клали в суп.

Еще до революции на северо-востоке Башкирии получили широкое распространение картофель, а затем лук, капуста, морковь, огурцы. За годы советской власти овощи прочно вошли в быт юрюзанских и айкских башкир, заметно потеснив мясо. В повседневном меню появились вареный картофель, картофельное пюре (*береҗе буткаһы*) — дословно «каша из картофеля», картофельный суп (*карүрә*), картофельные пироги (*береҗе шаңкәһе*).

Р и с. 21. Глиняные горшки и деревянные расписные ложки — предметы, распространенные в быту башкир горнозаводской зоны. Дер. Асылгузино Кигинского района БАССР.

Особенностью описываемой территории, по сравнению с северной частью Башкирии, является изготовление кумыса.

Здесь же делали хмельные напитки, заквашенные проросшими хлебными зёрнами. Одним из них является *буза* — густой пенистый напиток мучнистой консистенции. Он приготавливался из проросших, высушенных и затем перемолотых зёрен овса или ячменя и пшеницы с добавлением (для цвета и вкуса) толченого прожаренного овса. Смесь заливали водой и, вскипятив, охлаждали; в деревянной посуде ее оставляли на несколько дней для прокисания. Готовую бузу процеживали и перед употреблением сбивали мутовкой в пену. В некоторых деревнях настаивали на проросших зёрнах ржи и пшеницы домашнее пиво (*пыра*).

Повсеместно была распространена известная всем северным башкирам медовка — *асы бал*, в которую кроме меда добавляли отвар из хмеля или солода (*куржэн*).

В заключение надо отметить, что старая башкирская кухня, сложившаяся к началу XX в., в описываемом районе довольно полно сохранилась до наших дней. Многие традиционные блюда готовят к праздникам, некоторые приняты и в будничные дни. Распространение овощей (капусты, помидоров, моркови и т. д.) намного обогатило питание населения. Однако в целом изменение древней кочевничьей кухни на Юрюзани и в среднем течении Ая произошло не в последние десятилетия, оно совершилось постепенно, на протяжении веков. Употребление разных по характеру продуктов, существование в этом микрорайоне разнородных древних традиций, действительное влияние со стороны соседних народов обусловили разнообразие национальных блюд башкир Салаватского, Кигинского и юга Белокатайского районов, особенно в деревнях, расположенных близко к границе с Челябинской областью.

Почти вся утварь, юрюзанских и среднеайских башкир [в конце XIX — начале XX в., была деревянной. О существовании кожаных сосудов здесь не помнят. Из березовых наростов (*оро*), из корня березы и лиственницы местные мастера выдалбливали чаши, блюда, черпаки и ковши, иногда изящные солоницы на подставке и другие вещи. Из стволов липы и дуба делали высокие кадки для хранения муки, зерна, меда, молочных продуктов, ведра для воды, большие ступы для толчения зерна, корыта для стирки белья, долбленные колоды для воды и пошла скоту. Вместе с тем на северо-востоке Башкирии рано распространились клешаные ведра, лохани и бочки, которые использовались здесь главным образом для переноски и хранения воды и в большинстве случаев сохраняли русское название (*лахан*, *агас бизрә*, *кыуашыны* и пр.).

Столовая посуда башкир была цельнодолбленной. Терминология, употребляемая по отношению к ней, разнообразна, но сама посуда в целом представлена несколькими видами. Самой большой чашей была глубокая *сара*, более 50 см в диаметре, с двумя выступами-ручками для удобства переноски. В некоторых местах (например, в дер. Асылгужино) еще в начале нашего века эта чаша выполняла роль обрядовой посуды, вокруг которой на больших празднествах (*сабантуях* и др.) собирались члены одной родственной группы. В домашних условиях, принимая гостей, традиционную лапшу в бульоне подавали в чашах несколько меньшего размера (30—40 см в диаметре), которые назывались, в зависимости от местности, *каштабак*, *агастабак*, *кәртән*, реже (деревни Асылгужино, Миндышево и др.) — *алдыр*. В полыхих деревянных блюдах (*хоштабак*) отдельно лежало нарезанное кусками вареное мясо. В повседневной обстановке, особенно в небольших семьях, обходились небольшими чашами (*тағас*), величиной с глубокою тарелку. Бульон, кумыс, айран и другие напитки наливали в деревянные плошки *туштак*. В дер. Асылгужино после угощения бишбармаком гостей обносили деревянным ковшем (*нумес*) с бульоном. В других юрюзанских и приайских деревнях было распространено название для ковша — *ижау*. В отличие от южных горно-лесных районов Башкирии, *ижау* здесь не отличался особым мастерством, да и имел не декоративное, а чисто утилитарное назначение; его использовали постоянно для разливания супа и гораздо реже — кумыса. В наши дни термином *ижау* называют обычный металлический половник. Для еды повсеместно пользовались деревянными ложками (*басталак*), но сами делали их редко, предпочитая покупать на базарах у русских. Одним из центров производства деревянных ложек была, в частности, Новая Пристань (на р. Ай).

Для хранения продуктов использовалась долбленная посуда в виде липовых кадок со вставным дном. На Юрюзани и среднем Ае для ее обозначения существовали два названия, одно из которых (*силәк*) было распространено по всему северу Башкирии, другое (*кунәк*) существовало в более южных районах. В зависимости от назначения различались *он силәк* — сосуд для муки, *әтәй (шәмәк) кунәге* — квашня, *бал силәге* — сосуд для хранения меда, *һауын кунәк* — подойник, *кымыз кунәге* — бочонок для кумыса и др. В то же время в дер. Асылгужино было в употреблении южное название *тапан* для специальной посуды, в которой кумыс подавали гостям. К тому же типу долбленной посуды со вставным дном относится высокий узкий сосуд для сбивания масла (*ғәбе*, *әйрән ғәбһө*). Несколько особняком по виду стоят широкие, вместительностью в 2—4 ведра деревянные чаны (*кәрага*) для приготовления и хранения хмельной медовки; иногда их использовали также для хранения кумыса. Долбленные разного размера деревянные корыта использовались для рубки мяса на пельмени (*ит лагашы*), для отстаивания молока (*аштау*).

Во многих хозяйствах существовала посуда из бересты, коры, лыка, лозы. Большие берестяные короба (*кунәк*, *он кунәк*) использовались для муки и зерна. Берестяные ведра с крышкой (*туз силәк*, *туз тәйәс*) употребляли для отстаивания катыка, для ношения воды или айрана в поле на сенокос и другие работы. Небольшие берестяные сосуды (*тәйәс*) служили для хранения сметаны. Туески с длинной лыковой ручкой брали в лес для сбора агод. Плетеные кошелки (*пыштар*) из лыковых полос использовали как дорожные сумы для переноски в них за спиной различного мелкого скарба и продуктов. Рыбаки складывали в них улов. Плетеные из тальника корзины с ручкой (*кәрзинка*) приобретали у русских; в хозяйстве башкир они находили ограниченное применение. Чаще всего в них устраивали гнезда гусей, уток и другой домашней птицы.

Пишу, как правило, готовили в чугунном котле, вмазанном в печь. В отличие от других районов у башкир по границе с Челябинской областью была гончарная посуда: различной формы горшки (*кәршәк*), кувшины (*сулмәк*), плошки (*латкы*). Их покупали в ближайших городах и поселках: Усть-Катаве, Бердяуше и др. Употреблялись они исключительно для хранения продук-

тов; пищу готовить в них не было принято. Вместе с тем уже в начале XX в. во многих семьях появилась фаянсовая и фарфоровая посуда. Прежде всего, это были чашки и блюда (*сөңсә, жайлақ*), затем — тарелки. Покупали чугунные и медные кумганы (*комган, тацкан*), чугунные горшки (*суйын*).

Сейчас пищу во многих случаях по-прежнему готовят в котле-казане, но столовая посуда повсюду современная. Цельнодолбленные миски, чаши, блюда в наши дни большая редкость. Напротив, долбленные и особенно клепаные бочки встречаются часто; их используют для воды и хранения различных сухих продуктов. Вместе с тем повсеместно в употреблении оцинкованные ведра и баки, корыта и тазы и другая фабричная утварь. В сохранении трудоемкой долбленной посуды не ощущается острой необходимости, в настоящее время выделкой ее никто не занимается. Таким образом, через несколько десятилетий о ней сохранится такое же смутное представление, как в наши дни — о кожаной посуде, бывшей в употреблении столетием раньше.

Изучение южной части северо-востока республики важно с точки зрения общей этнографической характеристики всего народа и картографирования основных элементов его культуры. В связи с тем, что исследуемый район представляет собой переходную зону, расположенную между несколькими территориально-культурными комплексами, выявление этнографических особенностей ряда деревень по Юрюзани и Аю поможет уточнить границу между северо-востоком и центральными районами — с одной стороны, северо-востоком и Зауральем — с другой.

Описание быта башкир, расселенных по Юрюзани и в среднем течении Ая, показывает своеобразие этой небольшой группы башкирского народа. По ряду признаков отличаясь от остального северо-востока республики, она обнаруживает сходство с южным лесным и зауральским скотоводческо-земледельческим населением. Причем близость с челябинским Зауральем становится все яснее, по мере продвижения на восток.

Исследование культуры данного района дает интересный материал для выяснения истории межнациональных отношений. О влиянии на северных башкир татар, близких им по языку, культуре и религиозным воззрениям, в этнографической литературе говорилось неоднократно. Культурный облик салаватских и кигинских башкир, особенно по границе с Челябинской областью — яркий образец башкирско-русских культурных взаимоотношений. Близость русских городов и заводских поселков сказалась в широком распространении среди окрестных башкир уже в XIX в. тканей, одежды и хозяйственной утвари фабричного производства. Длительное общение с русским сельским и горнозаводским населением оказало определенное влияние на национальную кухню башкир, отразилось в устройстве усадеб, архитектурном декоре, планировке жилищ и строительных приемах.

Ф. Ф. ИЛИМБЕТОВ

ПЧЕЛОВОДСТВО У СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ БАШКИР*

Пчеловодство в Башкирии имеет многовековые традиции. В XVI в., с присоединением Башкирии к Русскому государству, башкиры платили царю ясак медом и пушшиной¹. Долгое время пчеловодство у башкир оставалось бортевым. Русские путешественники XVIII — начала XIX в., описывая быт, культуру и хозяйство башкир, всегда указывали на крупную роль бортевого пчеловодства в экономике местного населения. По словам, например, П. И. Рычкова, у некоторых башкир были «тысячи по две и больше бортей», отчего они получали «знатные доходы»². Даже во второй половине XIX в. богатые башкиры имели до тысячи бортей³. В конце XIX в. численность их у большинства пчеловодов не превышала 50—80; только у некоторых башкир их было по несколько сот⁴.

Пчеловодство в разных районах Башкирии было развито неодинаково. По свидетельству П. С. Палласа, «все башкирцы, по Исетской степи кочующие, не радуют о содержании пчел потому, что у них лесу мало и ульям недостает годного дерева»⁵. Мало занимались пчеловодством и башкиры степных юго-восточных районов.

П. С. Паллас, характеризуя состояние хозяйства башкир бассейна р. Сим во второй половине XVIII в., писал, что они «весьма мало угодны к хлебопашеству имеют и для того больше содержанием пчел и ловлею дичи себя держат»⁶. Именно поэтому башкиры, продавая «лесистые места на заложение заводов», оставляли за собой «право, чтобы борты выдалбливать, коих деревьев и рубить не позволяется...»⁷. Эта традиция продолжала существовать и в XIX в.⁸.

Древнейшим способом добывания меда и воска был поиск дупленец с дикими пчелами (*бал агас*). По словам старожилов, башкиры при находке дупленец ставили тамги на борть⁹, срубали ветки, затеняющие лежок (*кейэ*), делали продольное отверстие для снятия меда, которое закрывалось деревянной задвижкой (*капкак*), и дупленца превращалась по существу в искусственную борть. На зиму пчел не снимали с таких бортей, но, чтобы холод не проникал в дупло, отверстия (*капкак, кейэ*) замазывали глиной, обвязывали соломой, лубом или же ветками.

* В основу статьи положены материалы, собранные автором в 1968 г. в северо-восточных (Карадельский, Дуванский, Салаватский, Киганский и Белокаятский) районах БАССР и взятые из ежегодных отчетов старших зоотехников-пчеловодов указанных районов.

¹ В. Юматов. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости. — Оренбургские Губернские ведомости, 1848, № 5, стр. 45—46.

² «Материалы по истории БАССР», ч. I, Башкирские восстания в XVII и в первой половине XVIII в. М.-Л., 1936, стр. 14.

³ А. А. Юрьев. Отчет по исследованию состояния пчеловодства в Стерлитамакском уезде. Уфа, 1901.

⁴ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1956, стр. 97.

⁵ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. 2, кн. 1. СПб., 1809, стр. 127.

⁶ Там же, стр. 27.

⁷ Там же, стр. 38.

⁸ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 97.

⁹ Там же, стр. 97.

Р и с. 1. Борть (солук). Дер. Сабьнкулово Карандельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Фото автора.

ла собою круглую плашку, закрепляемую вокруг дерева при помощи ремня, сплетенного из отдельных полос кожи¹⁰. Такой способ взлезания на дерево был распространен и у северо-восточных башкир. Этнографические материалы свидетельствуют о наличии такого орудия взлезания на дерево и у других народов¹¹.

Инструменты для выдалбливания борти у северо-восточных башкир были довольно разнообразными (рис. 3). Сначала делали теслом с прямым (*аргыры балта*, *бэжник*) или с желобчатым лезвием (*багау*) и пешней (*бороз*) углубление, соответствующее высоте дупла. Боковые стенки снимали топором с вогнутым лезвием (*жабырга балта*, *бөрүшкән балта*, *бөрүшкәк*), а переднюю стенку тесали топором с поперечно вогнутым лезвием (*көрәм*). Окончательно дупло отдели-

В настоящее время башкиры специально разыскиванием диких пчел не занимаются. Они находят дупленицы ранней весной, случайно, когда пчелы после облета начинают очищать дупло от грязи и мора. Можно также натолкнуться на дупленицы, идя по следу куницы, которая очень часто разоряет естественные борти¹⁰. Башкир, нашедший дупленицу, делает на дереве какую-нибудь метку (обычно ставит первую букву фамилии и имени), объявляет о находке, а осенью, после окончания сбора меда, снимает мед и пчелиную семью.

Как отмечал С. И. Руденко, башкиры издавна умели делать и искусственные борти (*солук*). Для выдалбливания искусственной борти выбирали толстое дерево, преимущественно сосновое. Если дерево стройное, высокое и толстое, на нем делали по несколько бортей, иногда до 4—5 (рис. 1). Для взлезания на дерево пользовались ремнем длиной до 5 м, шириной 6—7 см (*кирәм*), специально сплетенным для этой цели из 16—18 полосок сыромятной конской кожи (рис. 2). По описанию С. И. Руденко, примерно на высоте одного метра от земли бортник делал на дереве две зарубки для ног, затем брал ремень и обхватывал им дерево и себя на уровне пояса. Поднявшись на первую пару зарубок, он привязывался *кирәм* к дереву и, откинувшись на него спиной, делал новую зарубку. После этого, подтянувшись на ремне, он переносил на нее одну ногу, а для другой делал такую же зарубку несколько выше. Поднявшись таким способом до нужной высоты, бортник закреплял подставку для ног (*ағас аяк*, *злаң*¹¹), которая представля-

¹⁰ Полевые записи автора 1968 г., дер. Ташаул Салаватского района, информатор А. Р. Рахматуллин (в дальнейшем указываются названия деревень, районов, фамилия и инициалы информаторов).

¹¹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 97—98.

¹² Дер. Хайбатово Белокатайского района, А. В. Зарипов; дер. Терменево Салаватского района, М. Б. Байгилядин.

¹³ М. Ф. Жиганов. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. — Труды мордовской этнографической экспедиции, вып. 2, 1963, стр. 68; Т. А. Крюкова. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956, стр. 42.

Р и с. 2. Ремень для влезания на дерево (кирәм). Дер. Сабьнкулово Караидельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г.
Рисунок М. Д. Кузнецова.

вали кольцообразным скобелем (*йоморо йышкы*). Иногда при этом пользовались и рашипилем (*торпө*)¹⁴.

Продольный паз борти делали обычно с северо-восточной стороны дерева, а леток (*кейә*) — с юго-востока, т. е. перпендикулярно продольной выемке. В отверстие для входа пчел вставлялся длинный четырехгранный клин с выемками с боков (*кейә сөйө*), один конец которого касался внутренней стенки дупла, а другой выступал наружу. К потолку борти тоненькими рябиновыми палочками (*балауыз сөйө*) прикреплялись старые вошки, размером не более 12 см на 6 см. Для поддержки сот в борть вставляли 6—8 поперечных планок (*тагарак, тагырак*), положенных крест на крест в 3—4 местах на расстоянии 15—20 см от каждой пары¹⁵. После этого продольный паз закладывался двумя дощечками (*хапкак, япкак*), вставляемыми одна над другой.

В прошлом башкиры не уделяли большого внимания уходу за пчелами. В целях поддержания нормального тепла в ульях и защиты их от ветра замазывали отверстия глиной, обвязывали лубом и соломой¹⁶. С другой стороны, это было и средством защиты борти от дятлов, которые в поисках личинок часто просверливают дупло¹⁷. Для предохранения борти от медведя в ствол дерева вбивали обломки костей, гвозди, забивали долгие листовым железом¹⁸. Иногда встречался и такой способ защиты бортей от медведя: к толстому суку дерева на определенной высоте привязывали веревкой увесистый чурбан (*бүкән*) или железную болванку. Медведь, пытаясь отстранить помеху, отталкивал чурбан; при многократном отталкивании чурбан, раскачиваясь, набирал силу и сбивал медведя с борти¹⁹.

Осмотр бортей и снятие меда начинается в северо-восточной Башкирии примерно с середины августа²⁰. При осмотре бортей пчеловод носил с собой маленький топорик с длинной рукояткой (*солж балтаһы*), большой тупой нож для подрезания сот (*бал бысағы*), сосуд для меда — долбленую липовую кадочку со вставным дном (*бал силәге*) (рис. 4), березовую гнилушку (*кай-ын сөрөгө*) для окуливания пчел и ремень (*кирәм*) для влезания на борть. Один из пчеловодов осматривал борть и, если соты бывали наполнены медом и запечатаны, он срзал их ножом и клал

¹⁴ Дер. Абзаево Кигинского района, Г. И. Исмагилов; дер. Сабьнкулово Караидельского района, С. Ш. Шангареев; дер. Хайбатово Белокатайского района, А. В. Зарипов.

¹⁵ Дер. Хайбатово Белокатайского района, А. В. Зарипов.

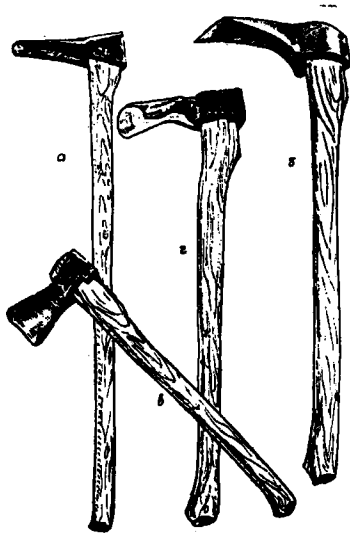
¹⁶ Дер. Абзаево Кигинского района, Г. И. Исмагилов; дер. Хайбатово Белокатайского района, Г. С. Сафиуллин; дер. Калмакларово Салаватского района, С. И. Ибатуллин.

¹⁷ Дер. Терменево Салаватского района, М. Б. Байгилдин.

¹⁸ А. А. Юрьев. Указ. соч., 16; дер. Терменево Салаватского района, С. М. Мавлетов.

¹⁹ Дер. Калмакларово Салаватского района, С. И. Ибатуллин; дер. Сабьнкулово Караидельского района, С. Ш. Шангареев.

²⁰ Дер. Хайбатово Белокатайского района, Г. С. Сафиуллин и А. В. Зарипов.

Р и с. 3. Орудия выдалбливания борти: а) тесло с железобитымлезвием (*барак*); б) тесло, пазник (*аржары балта, важник*); в) топор с вогнутымлезвием (*кабырга балта*); г) топор с поперечновогнутымлезвием (*лорэм*). Дер. Сабьякулово Караидельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Рисунок М. Д. Кузнецова по зарисовкам И. Ф. Кибальник.

заранее продевали веревку. Один конец веревки привязывался к ушку улья, а другой прикреплялся к телеге. Затем в телегу запрягали лошадь и, когда она трогалась с места, улей поднимался вверх. На нужной высоте улей ставился на толстый сук и прикреплялся к дереву.

Такой способ использования колодных ульев встречается и в настоящее время. Навощенные ульи-колоды поднимают на деревья примерно в конце мая, перед роением пчел, только с целью привития к ним «вольных» роев²¹.

Переход к колодному пчеловодству, с одной стороны, облегчал труд пчеловода, так как ульи изготовляли на земле и поэтому требовалось на это меньше времени и усилий, чем при изготовлении искусственных бортей; с другой стороны, это позволяло пчеловодам сконцентрировать на сравнительно небольшом участке, богатом медоносной флорой, большое количество ульев-колод. Этим, по существу, была заложена основа пасечного пчеловодства, сначала лесного, а затем и приусадебного.

Пасека (*умартальк*) устраивается там, где имеется растительность, обеспечивающая получение ежегодных медосборов. В выборе местности для пасеки не меньшую роль играют защищенность ее от ветров и затененность от солнца.

в посудину. Другой, стоявший внизу, подавал наверх, привязав к веревке, необходимые вещи, поддерживал огонь для окуривания пчел²¹. Если фоты оказывались незапечатанными, а в борти не было больше места для работы пчел, то к борти со стороны должен прикреплялся, сняв дощечки (*капкак*), дополнительный ящик (*всталам умарта*)²². Такая борть называлась *аштанк* (переполненная)²³.

При осмотре пчел рекомендовалось надевать чистую одежду, так как, по словам стариков, пчелы не любят запаха пота. По той же причине пчеловодам* не полагалось курить и употреблять алкогольные напитки²⁴.

В некоторых районах северо-восточной Башкирии (Караидельский, Белокатайский) бортевое пчеловодство сохранилось до наших дней. У некоторых пчеловодов имеется по 10—15 бортей²⁵.

Другой формой пчеловодства является содержание пчел в колодных ульях (*тумар умарта, багана умарта* — рис. 5). При изготовлении ульев-колод пользовались теми же приемами и орудиями, что и бортей. В отличие от бортей колодные ульи имеют в верхней части ушко (*колат*) для подвешивания на дерево или для привязывания к колу. Сверху улей покрывали берестой, придавленной каким-либо грузом. Иногда вместо этого делали из досок двускатную крышу. Чтобы улей не портился от сырости, он ставился на колышки, камни или бруски.

Сначала колодные улья устраивались, по традиции, так же как и борти, на деревьях (рис. 6). Ульи поднимали с помощью деревянного блока (*сыгыр*) (рис. 7). Эту работу выполняли два человека. Один из них, взобравшись на дерево, привязывал к толстому суку блок, через который

²¹ Дер. Асылгуза Кигинского района, Г. Б. Багаутдинов.

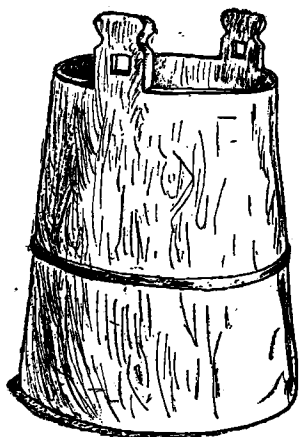
²² Дер. Терменево Салаватского района, С. М. Мавлетов.

²³ Дер. Ташаул Салаватского района, И. Ш. Шаррафетдинов.

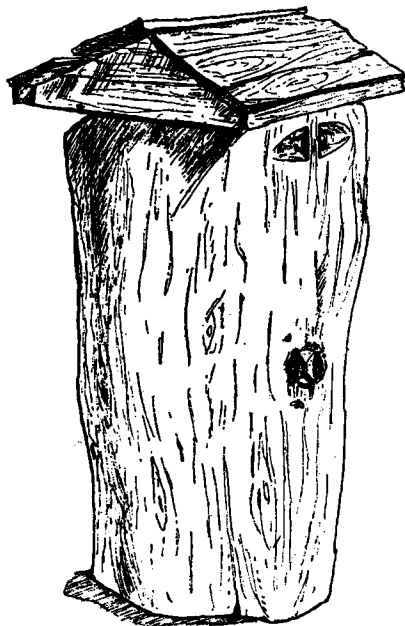
²⁴ Дер. Юрюзянь Караидельского района, Г. Г. Газиев.

²⁵ Дер. Хайбатово Белокатайского района, Г. С. Сафуллин.

²⁶ Дер. Сабьякулово Караидельского района, С. Ш. Шаггареев.

Р и с. 4. Долбленная посуда для меда [¶](шлак). Дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Рисунок М. Д. Кузнецова.

Р и с. 5. Колодный улей (тулар умарта). Дер. Сабынкулово Караядельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Рисунок М. Д. Кузнецова по зарисовкам И. Ф. Кибальник.

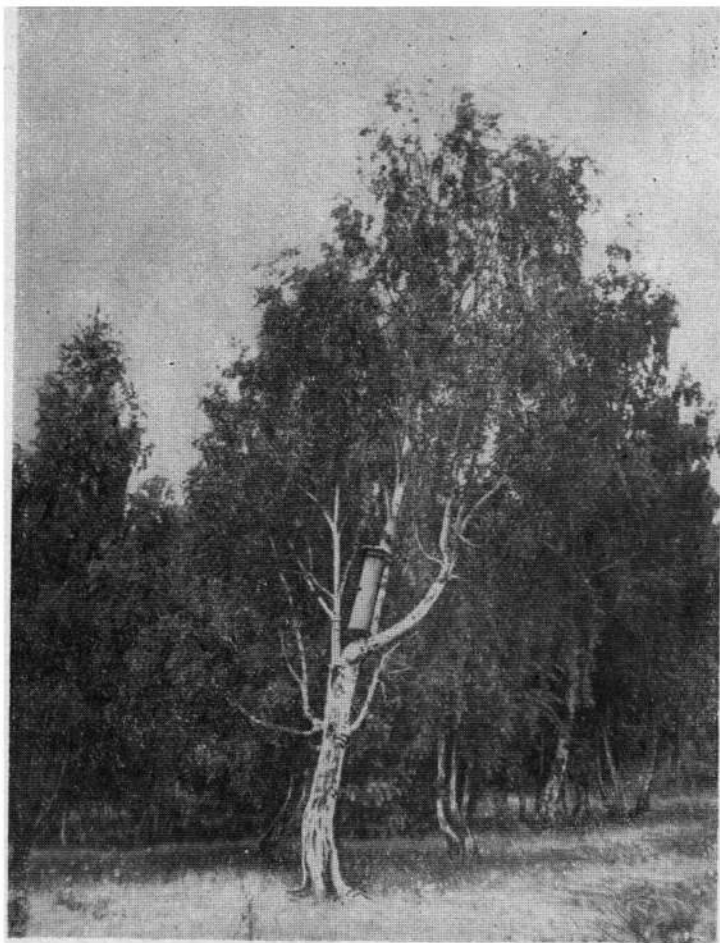
Пасечное пчеловодство требует значительной организованности и опыта. Особенно больших подготовительных мероприятий требует период роения пчел. К этому времени, которое обычно в условиях северо-восточной Башкирии начинается примерно с первой половины июня, пчеловоды приводят в порядок запасные ульи-колоды, сетки (кузлек), роевни (корт тубал, каяз), маточники (ана кумтайы, ана корт ситлеге), холщевую палатку для отыскивания матки (корт сымалдырыгы), берестяные ковшики для сгребания роя (кашык, мозга, калак), готовят глиняные гнелушки (сөрөк), делают на пасеке приемники для посадки выделившегося роя (корт һарыуыс).

Накануне роения пчел, примерно в конце мая, поднимают навощенные запасные ульи вблизи пасеки на деревья. К этому же времени устраивают и приемники — наклонные навесы из дуба высотой примерно 2 м или же сухие ветки, привязанные к колу. Роевня (рис. 8) — это лубковый короб полуovalной формы с холщевым дном. Верхний полóg роевни сшивается только до половины. Когда рой садится на приемник, открывают незашитую часть полога и сгребают в роевню пчел. После этого полóg завязывают веревкой или же резинкой. Рой вместе с маткой остается в роевне до следующего дня. На другой день для отыскания матки ставят холщовую палатку: по углам квадрата на расстоянии 1,5 м друг от друга вбивают четыре колышка высотой 1 м и накрывают их холщовой тканью ²⁷.

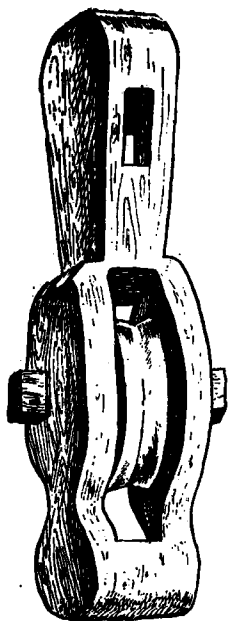
Пойманную матку помещают в изготовленный из дощечек маточник в виде цилиндрической коробки с решетчатыми стенками и круглым отверстием на дне ²⁸. Маточник ставится в улей при помощи палочки. Палочка одним концом упирается на дно улья, а на другой конец вдевается

²⁷ Дер. Сабынкулово Караядельского района, С. Ш. Шангареев.

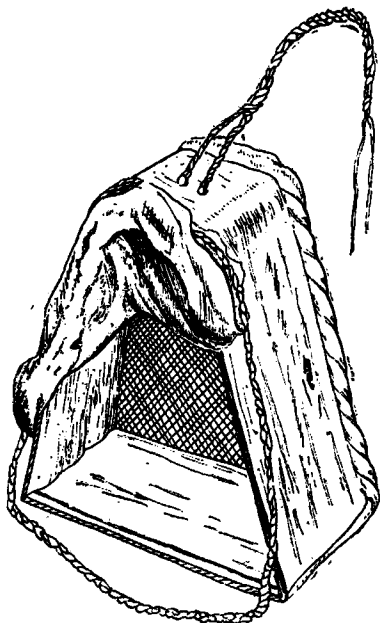
²⁸ Дер. Абзаево Кигинского района, Г. И. Исмагилов.

Р и с. 6. Колодный улей на дереве (*кутарлаган умарта*). Дер. Абзаево Кигинского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Фото автора.

Р и с. 7. Деревянный блок (*сыгыр*). Дер. Сабынкулово Караидельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Рисунок М. Д. Кузнецова по зарисовкам И. Ф. Кибальник.

Р и с. 8. Роевня (*корт тубаны*). Дер. Сабынкулово Караидельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Рисунок М. Д. Кузнецова и И. Ф. Кибальник.

маточник, который должен находиться на уровне сот. Затем остальных пчел сгребают ковшиком в улей, закрывают паз двумя дощечками и обмазывают глиной²⁹.

В период сбора меда пчеловоды старались не тревожить пчел. В это время они готовили необходимый инвентарь для снятия меда: посуду (*бал силәге*), дымарь (*тәтәскес*) — ведро с гнилушкой³⁰ и другие принадлежности пчеловодства. Снятие меда происходило так же, как в борти.

Раньше мед употребляли в пищу вместе с сотами (*кәрдәле бал*). Иногда срезанные соты клали в сосуд (*зәбә*) и взбалтывали особыми мешалками (*бешкәк*)³¹. Позднее среди башкир распространились деревянные медогонки (*сандрамискә, синтерәбижскә*) (рис. 9). В отличие от заводских в деревянных медогонках ручки прикреплялись непосредственно к оси рамок.

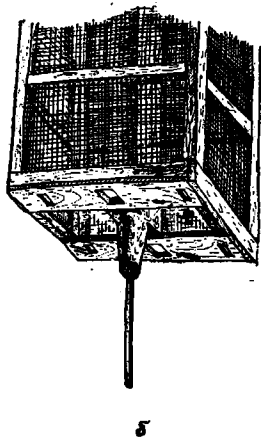
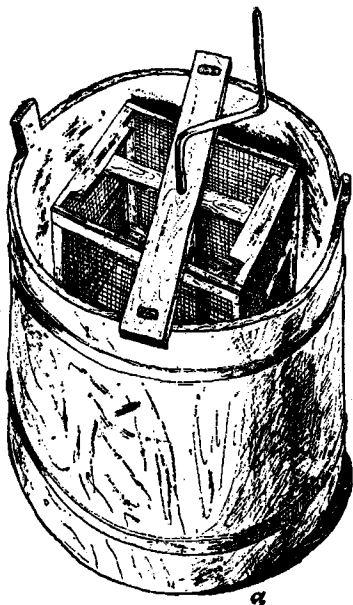
На зиму более тонкостенные ульи убирали в омшаники (*корт базы*). Только в толстостенных ульях (*кышлау умартаһы*) пчелы зимовали на открытом воздухе. Омшаники были подземного типа. Для этого рыли яму, куда ставили сруб на мху, делали двускатную крышу из накатника и засыпали ее сверху землей³².

²⁹ Дер. Абзаево Кигинского района, Г. И. Исмагилов.

³⁰ Дер. Калмакларово Салаватского района, С. И. Ибатуллин.

³¹ Дер. Ташаул Салаватского района, А. Р. Рахматуллин.

³² Дер. Абзаево Кигинского района, Г. И. Исмагилов.

Р и с. 9. Медогонка (са драмиска, синтробижка).

1 — общий вид; 2 — донышко гнезда. Дер. "Сабынкулово Карандельского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Рисунок М. Д. Кузнецова и И. Ф. Кишаных.

В настоящее время преобладающей формой пчеловодства у северо-восточных башкир является пасечное или приусадебное (рис. 10), с содержанием пчел в рамочных ульях (*дадан*). Рамочные ульи начали распространяться у северо-восточных башкир сравнительно недавно. В некоторых башкирских селах они появились только в 20—30-х годах³². Стенки и дно рамочных ульев делаются преимущественно из одной широкой сосновой или же еловой доски толщиной 50 мм. Из такой же доски делают покатые крыши. Устройство и типы рамочных ульев у башкир почти ничем не отличаются от общераспространенных в крае. Они появились у башкир под влиянием соседних народов, прежде всего русских. Распространению рамочных ульев способствовало также возникновение в 30-х годах в северо-восточных районах БАССР колхозно-совхозного пчеловодства.

За последние годы у северо-восточных башкир распространились более рациональные методы пчеловодства. Прежде всего почти полностью исчезли безмагазинные ульи. Некоторые пчеловоды в целях создания нормальных условий пчелам во время сбора меда ставят по два магазина. Все чаще и чаще появляются ульи с двойными стенками, которые позволяют пчеловодам регулировать температуру при частых переменах погодных условий.

У пчеловодов все большим спросом пользуются многокорпусные ульи и лежаки. Содержание пчел в таких усовершенствованных ульях позволяет им создать до цветения липы, гречихи и других медоносных растений мощную семью, а в период взятка — хороший медосбор.

³² Дер. Асылгужа Кигинского района, Г. Б. Багаутдинов; дер. Хайбатово Белокатайского района, Г. С. Сафуллин.

Пожилые женщины-марийки в традиционном праздничном уборе на субботе в дер. Сыги Красноуфимского района Свердловской области.

Праздничные платье, фартук и мужская рубаха. Дер. Юва Красноуфимского района Свердловской области.

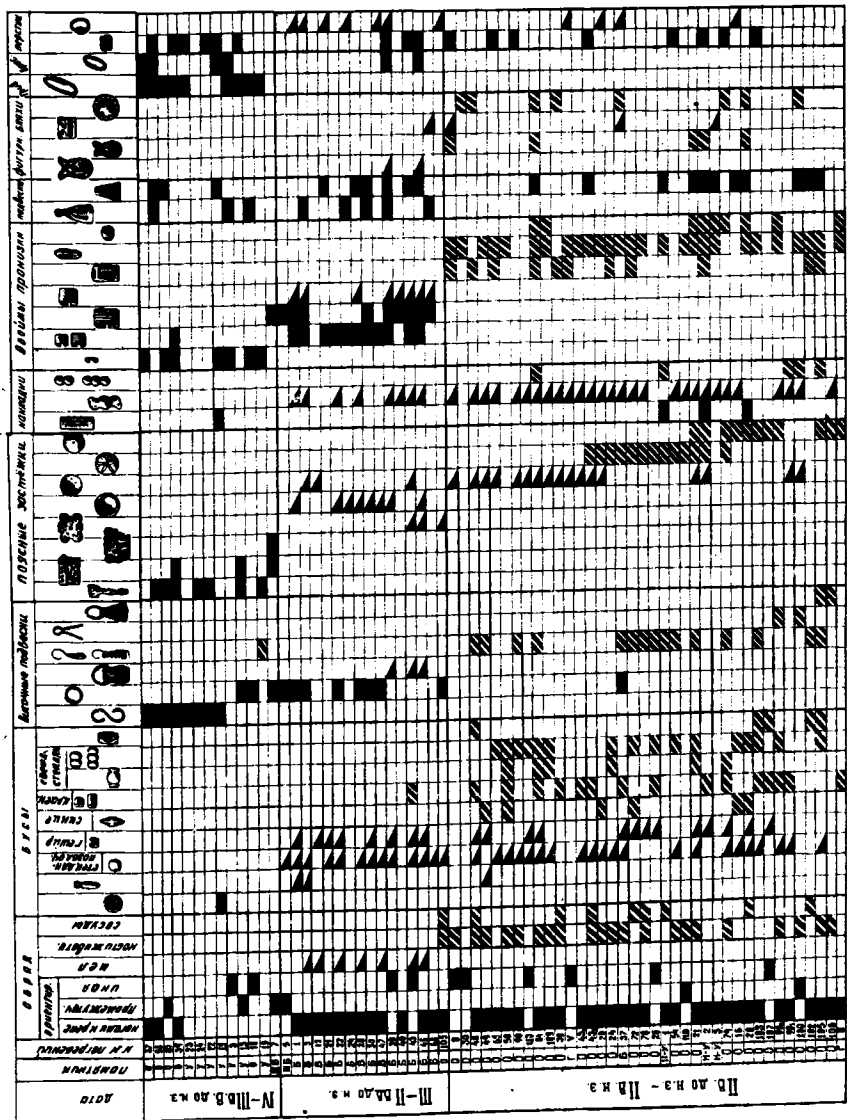

Рис. 4. Корреляционная таблица женских погребений.

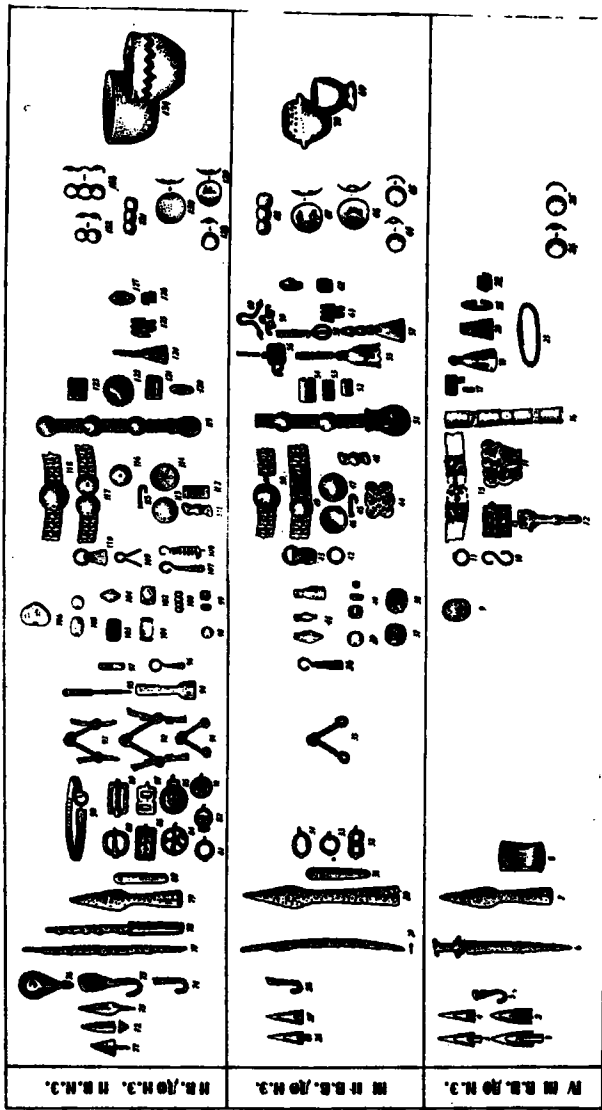

Рис. 6. Инвентарь кара-абыхских могильников.

Р и с. 10. Поилка для пчел (а), пасека в огороде (*умарта баксаһы*).
(б). Дер. Хайбатово Белокатайского района БАССР. Этнографическая экспедиция 1968 г. Фото автора.

Пчеловодство в северо-восточной Башкирии базируется в основном на естественной медоносной растительности. В горно-лесных (Карандельском, Белокатайском) районах имеются большие массивы смешанных лесов из пихты, ели, липы с примесью клена, дуба, ильма, малиновые кустарники и богатые луговые травы. Жухе условия для пчеловодства в лесостепных районах — Дуванском, Салаватском и Кигинском. Но даже в районах, где имеется богатая медоносная флора, в некоторые годы пчелы собирают мало меда. Возврат холодов в мае — июне, дожди в июне — июле не благоприятствуют пчеловодству. Поэтому в целях более полного использования краткого периода

медосбора пчеловоды стремятся не допускать в это время естественные роения, которые сильно ослабляют семью и влияют на работоспособность пчел. Для этого из выделившихся роев или же из сильно разросшейся семьи делают отводы и объединяют их в период взятка с основными семьями. Например, если у пчеловода-любителя С. Ш. Шангареева из дер. Сабынкулово Карандельского района из трех семей в июне выделяются три роя, то он закрывает не все выделившиеся рои как отдельные семьи, а только один из них, усилив его частью молодых пчел из двух других роев. Остальные молодые пчелы объединяются с основными семьями. К концу июня он доводит вес пчелосемей до 10 кг. Такие семьи позволяют ему собрать в благоприятные годы до 100 кг меда от каждой семьи.

Примерно со второй половины сентября приступают к сборке гнезд для зимовки. При этом некоторые опытные пчеловоды составляют двухсторонние гнезда, на одной стороне содержат основную семью, а на другой — нуклеус, то есть запасную матку с некоторым количеством рабочих пчел. Иногда улей делают на три части и формируют гнезда сразу для трех нуклеусов³⁴.

Некоторые пчеловоды организуют зимовку пчел на воле. Рамочный улей закрывается сеном, а затем сверху засыпается снегом. Чтобы мыши не проникли в улей, в леток ставят железную решетку.

³⁴ Дер. Ташаул Салаватского района, А. Р. Рахматуллин; дер. Сабынкулово Карандельского района, С. Ш. Шангареев.

Распространенность пчеловодства в индивидуальных хозяйствах в различных районах северо-восточной Башкирии не одинакова. Это объясняется прежде всего различием природных условий. Если в Карандельском и Белокатайском районах пчеловодство развито сильнее, чем в Салаватском и Кигинском, то в этом главную роль играет наличие лесных массивов, медоносной флоры.

Состояние пчеловодства в индивидуальных хозяйствах башкир²⁵ северо-восточной части республики в 1968 г. характеризует табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Показатели	Р а й о н ы					
	Салаватский	Дуванский	Кигинский	Мечетлинский	Белокатайский	Карандельский
Численность всего населения (1969 г.)	32337	35321	22741	26049	30377	51426
Преобладающая национальность	башк. 45%	русск. 74%	татар. 52,5%	башк. 48,1%	русск. 61,8%	р. 34,4% т. 36,1% б. 23,1%
Количество пчеловодов-любителей	912	371	351	544	1198	2960
Количество пчеловодов в соотношении ко всему населению (в %)	2,82	1,05	1,54	2,09	3,94	5,75
Количество пчелосемей в индивидуальном хозяйстве	2372	3659	1680	1639	4594	5482
Количество пчелосемей на 1 пчеловода-любителя	2,6	9,85	4,8	3,01	3,83	1,85
Количество пчелосемей на 1 чел. по району	0,0733	0,1036	0,0738	0,0629	0,1512	0,1066
Наличие пчелосемей на 100 га земельных угодий	1,146	1,1	1,03	1,06	1,37	1,46

Однако развитие пчеловодства в том или ином районе определяется не только природными условиями. Особенно интересен в этом плане анализ состояния пчеловодства в Салаватском, Дуванском, Кигинском и Мечетлинском районах, которые имеют примерно одинаковые природно-климатические условия. В Салаватском и Мечетлинском районах, где преобладающим населением являются башкиры, количество пчеловодов-любителей больше, чем в Дуванском и Кигинском, большинство населения которых составляют русские и татары. Из табл. 1 также видно, что на одного пчеловода-любителя приходилось в 1968 г. больше пчелосемей у русских и татар. Это говорит о том, что хотя у башкир этих районов пчеловодство распространено шире, они держат в своих хозяйствах меньше пчелосемей, чем русские и татары.

В современном пчеловодстве северо-восточных районов БАССР главное место занимают колхозные и совхозные пасеки. В некоторых колхозах и совхозах имеются крупные пчелофермы, объединяющие десятки пасек. В Мрясимовском совхозе Карандельского района пчелоферма объединяла 19 пасек, в которых имелось 2109 пчелосемей. В 17 пасеках Карандельского совхоза того же района было сосредоточено 1812 пчелосемей, а в колхозе «Россия» Белокатайского района — 1210.

Крупные пчеловодческие хозяйства позволяют успешнее применять пчеловодческие методы пчеловодства. В Карандельском совхозе 345 пчелосемей содержалось в том же 1968 г. в двухкоро-

²⁵ Материалы для табл. 1 взяты из информационных отчетов районов БАССР о выполнении государственного плана и проведения агро-зоотехнических мероприятий по пчеловодству в колхозах, совхозах и госхозах за 1968 г., хранящихся в текущем архиве Башпчелоконтроля. При ее составлении была использована также таблица «Национальный состав населения районов БАССР по данным Всесоюзной переписи 1959 г.» Статистического управления БАССР.

пусных ульях, 27— в многокорпусных ульях, 30— в лежаках, а в колхозе «Россия» 220 пчелосемей в двухкорпусных, 453 — в многомагазинных ульях, 57— в лежаках. В табл. 2 приведены данные о распространении в общественном секторе пчеловодства северо-восточных районов БАССР усовершенствованных типов рамочных ульев в 1968 г.

Т а б л и ц а 2

Р а й о н ы	Т и п ы у л ь е в			
	многомага- зинные	многокор- пусные	двухкорпусные	лежаки
Салаватский	65	139	—	3
Кигинский	129	172	270	84
Белокатайский	684	96	639	82
Дуванский	—	1190	669	4
Мечетлинский	45	193	227	15
Карандельский	6	96	444	31
Всего . . .	929	1886	2249	219

Особенно большое значение для подъема продуктивности пчеловодства в условиях северо-восточной Башкирии имеют посев и посадка медоносных культур и организация кочевки пчел в районы, где имеются естественные и культурные медоносы. Карандельский совхоз вблизи пасеки имел в то время 437 га посевов гречихи, Айский совхоз Мечетлинского района — 174 га гречихи, 20 га донника, 104 га экспартега, 10 га фацелия, а колхоз «Россия» — 113 га гречихи. В некоторых хозяйствах вывоз пчел на кочевки организуется дважды: в первый раз пчел вывозят в лес при цветении липы, а позднее вывозят к посевам гречихи. В 1968 г. Дуванский совхоз вывозил на кочевку 957 пчелосемей, Карандельский — 412, колхоз «Россия» — 150 пчелосемей³⁰.

За последние годы в колхозно-совхозных пасеках проводится систематическая работа по улучшению породы пчел. Для этого создается специальная группа из самых высокопродуктивных, морозостойких, не поддающихся болезням пчел. Новые семьи выводятся только из этой группы.

В результате внедрения передовых методов колхозы и совхозы северо-восточных районов БАССР, несмотря на неблагоприятные климатические условия, ежегодно добиваются сравнительно устойчивых доходов от пчеловодства.

Таким образом, на северо-востоке Башкирии до наших дней сохранились все формы пчеловодства, известные местному населению края. Хотя многие формы и приемы пчеловодства являются общераспространенными, у северо-восточных башкир имеются и некоторые местные особенности, отличающие их от других групп башкир, в частности, от юго-западных башкир бассейна р. Демы и Уршак³¹.

Как отмечено выше, у северо-восточных башкир было широко распространено бортничество, в то время как у юго-западных башкир оно почти не наблюдается. У юго-западных башкир малочислен бортнический инвентарь. Им неизвестны такие орудия, как *кирам*, *кабырга балта*, *аркыры балта*, *берешкаж*, *кережа*, *солук балтапы*, отсутствует само слово для обозначения дупленицы (*бал агаз* у северо-восточных башкир). Имеются отличия и в терминологии. Тесло с желобчатым лезвием у северо-восточных башкир называется *багау*, а у юго-западных — *бәл-лә*, *балжа*; северо-восточные башкиры пешню обозначают словом *берез*, а юго-западные — *өтөргө*; сетка у северо-восточных башкир называется *кузлек*, у юго-западных — *битлек*; рой у северо-восточных — *кус*, у юго-западных — *ил* и т. д.

³⁰ Отчеты старших зоотехников-пчеловодов. Башпчелоконтора. Дело № 3 от 1968 г. Папка «Кормовая база и опыление сельскохозяйственных культур».

³¹ В сопоставлении использованы материалы, собранные автором в 1969 г. в юго-западных районах БАССР.

Различается и устройство колодного улья. У юго-западных башкир почти везде бытуют ульи небольших размеров со вставным дном и потолком; у северо-восточных же башкир они встречаются очень редко. Как было описано выше, северо-восточные башкиры вставляли в отверстие для входа пчел (*кейэ*) четырехгранный клин с выемками с боков (*кейэ сөйө*), а к потолку дупла прикрепляли тоненькими палочками (*балауыз сөйө*) старые вошинки. У юго-западных башкир в оборудовании колодного улья отсутствуют и «*кейэ сөйө*» и «*балауыз сөйө*». Для летка они обычно просверливают в дупле несколько отверстий или же оставляют дырочки между пластинами, вставленными в паз. При закрытии роя улей не наващивается.

Эти особенности в пчеловодстве у различных групп башкир, по нашему мнению, вызваны, с одной стороны, различием природных условий (наличием или отсутствием крупных лесов), с другой — являются результатом этнокультурного взаимодействия различных народов в процессе формирования башкирского народа.

Изучение орудий и приемов пчеловодства и связанной с ними терминологии показывает, что на пчеловодство юго-западных башкир оказали заметное влияние татарский, чувашский и угро-финский элементы. Так, современные чуваш и татары тесло обозначают словом «*пудле*», «*байя*», сетку — «*питле*», «*битле*». В то же время татары, чуваш, как и угро-финские народы Поволжья, не наващивали улей, не применяли в оборудовании дупла *кейэ сөйө*, *балауыз сөйө* и др.

Пчеловодство у северо-восточных башкир, по всей вероятности, имеет точки соприкосновения с аналогичными занятиями народов Западной Сибири и Средней Азии. Вместе с тем некоторые названия орудий пчеловодства северо-восточных башкир совпадают с терминами угро-финских народов: пешню коми-язвинцы обозначают словом «*пориз*», ремень для влезания на борт у мариЙцев называется тем же словом («*кере*»), что и у башкир («*кирэм*»).

Некоторые термины пчеловодства, бытующие у башкир, одновременно встречаются и у тюркских и у угро-финских народов. Слово «*умарта*» (варианты: «*умурто*», «*омарта*»), означает «улей» у башкир, татар, удмуртов, мариЙцев и др.; «*кэрэз*» (варианты: «*кярэст*», «*карас*», «*караш*», «*карах*») — «*соты*» — у башкир; татар, якутов, чуваш, мордвы-мокши, мариЙцев и др.

Все эти явления говорят о том, что пчеловодство у башкир прошло длительный исторический путь развития, впитывая в себя влияние и опыт многих народов, вступавших в те или иные исторические контакты и взаимосвязи. Пока еще трудно установить, является ли отмеченная общность результатом влияния угро-финских народов на культуру тюркских народов Поволжья и Приуралья или же наоборот. Путем сопоставительного изучения терминов можно все же предположить, что тюркские народы еще в древние времена, до разделения на разные ветви, были знакомы с пчеловодством. Об этом свидетельствуют названия, отсутствующие у угро-финских народов. Пчелу многие тюркские народы называют «*курт*», «*корт*», «*курт*» и т. д.; мед — «*бал*» (варианты: «*бол*», «*тыл*», «*пал*» — в древнетюркском языке, в современном башкирском; чувашском, каракалпакском, узбекском, ногайском, карачаево-балкарском, азербайджанском, кумыкском, бурят-монгольском, калмыкском и других языках), воск — «*балауыз*» (варианты: «*балаууз*», «*балауыз*», «*балавыз*», «*балуз*» — у башкир, татар, ногайцев, карачаево-балкарцев, кумыков, калмыков и др.).

Наблюдения наши, из-за недостатка материала как по башкирам, так и по другим народам носят пока общий и предварительный характер. Однако можно надеяться, что сбор массового материала по различным группам башкир и изучение его в сопоставлении с имеющимися сведениями по другим народам даст возможность более конкретно подойти к решению вопроса об источниках башкирского пчеловодства, проследить основные моменты его истории.

С. Н. ШИТОВА

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОСТЮМА КРАСНОУФИМСКИХ МАРИЙЦЕВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ РАССЕЛЕНИЯ БАШКИРСКИХ ПЛЕМЕН

В истории нередки случаи культурного взаимовлияния двух разноязычных, длительное время соседствующих этнических групп. Заимствованные черты сохраняются и после того, как в силу тех или иных исторических обстоятельств общение прекращается. Именно так случилось с уральскими, в частности красноуфимскими, мари́йцами, сохранившими в одежде явные следы соприкосновения с башкирскими племенами, которые обитали в верхнем течении р. Уфы несколькими столетиями раньше и переселились затем в зауральские степи.

Наше непосредственное знакомство с этой небольшой мари́йской группой, некогда оторвавшейся от основной массы народа и поселившейся на западном склоне Уральских гор, относится к лету 1965 г. В этот сезон этнографическая экспедиция Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР* обследовала башкирские деревни Свердловской и Пермской областей. Июнь у башкир — месяц сабантуев, традиционных празднов, которыми завершаются весенние полевые работы. Колхозный сабантуй у дер. Сызги Красноуфимского района Свердловской области по программе ничем не отличался от прочих. За торжественной частью следовали народные игры и состязания, песни и пляски. Особенностью праздника было участие в нем наряду с башкирами мари́йцев из соседних деревень: Ювы, Усть-Маша, Мари́йских Ключиков и др. Впрочем обращал на себя внимание не столько многонациональный состав участников сабантуя, сколько яркость и необычность их костюмов. Особенной красочностью выделялась одежда мари́йских женщин, сохранившая лучшие традиции декоративного искусства прошлого. Расшитые тонким цветным узором тканые платья и фартуки, нарядные темные кафтаны, украшения из бисера, бус, бубенчиков, монет в наши дни выглядели весьма самобытно.

В отличие от танышской (БАСР) группы восточных мари́йцев, костюм которых тоже по своему ярок и выразителен, одежду красноуфимских мари́йцев характеризует более тщательная отделка, тонкое сочетание цветов, продуманное соотношение деталей орнамента и отдельных украшений. Сдержанная красно-коричневая гамма пестрядинных тканей, из которых до сих пор шьют праздничные платья и рубахи, оживлена многоцветной плотной вышивкой на груди и подоле, подчеркнута красной аппликацией и черным кружевом. При использовании всех основных цветов — красного, желтого, зеленого, синего, белого и черного — решительно преобладают ярко-красный и черный. Нарядные платья и фартуки, как правило, сочетаются с темными кафтанами.

Как известно из литературных источников¹, древнемари́йский костюм характеризуется использованием некрашеного (беленого) холста, расшитого красно-синим, реже — многоцветным узором. Таким образом, та одежда, которую носят красноуфимские мари́йки в нашем веке,

* Кроме автора в экспедиции принимали участие этнографы Р. Г. Кузев и Н. В. Вихулатов.

¹ Т. А. Крюкова. Мари́йская вышивка. Л., 1961, стр. 11, 17 и др.; е е ж. Материальная культура мари́йцев XIX века. Йошкар-Ола, 1966, стр. 126 и др.

Р и с. 1. Старинный женский халат *шойыр* из холста. Дер. Юва Красноуфимского района Свердловской области.

не относится к глубокой древности. В то же время отработанность декоративного оформления костюма, его органичная целостность, твердые традиции в отделке говорят о том, что складывался он десятилетиями, а отдельные его детали, как бы ни казались они непривычными на первый взгляд, насчитывают, возможно, века.

Занимевшись этим обстоятельством, мы посетили наиболее крупный центр расселения местных марийцев — дер. Юву. Собранный материал содержит интересные детали, указывающие, с одной стороны, на давность обособления красноуфимских марийцев, с другой — на длительность общения с разными родоплеменными группами башкир.

Многие исследователи неоднократно подчеркивали особенности костюма восточных марийцев, ставшие результатом их столкновения в новой обстановке с местными тюркскими — татарскими

Р и с. 2. Праздничный женский *йман*. Дер. Юва Красноуфимского района Свердловской области.

и башкирскими — племенами². В одной из последних работ марийский этнограф Г. А. Сепеев³ объективно оценивает степень тюркского влияния на восточномарийский костюм, отмечая те черты, которые были приобретены марийцами в последние века в тюркском окружении. Однако в этой работе (а еще больше у предыдущих авторов) тюркская среда представляется слишком обобщенно. Г. А. Сепеев констатирует факт, что из трех восточномарийских этнографических районов: уральского, таныпского и икско-сюньского, — в наибольшей мере тюркизировался последний; напротив, свердловские марийцы сохранили многие общенациональные черты. Между тем тюркское влияние проявлялось по-разному не только по мере удаления на восток, но и в зависимости от характера культуры окружающих марийцев тюркских групп. При существовавших в башкирской культуре значительных локальных вариантах, костюм марийского населения, соседствующего с башкирами, определялся в конечном итоге тем, с какими из родоплеменных групп марийцы общались в тот или иной исторический период.

Тюркское влияние на костюм красноуфимских марийцев проявилось в восприятии отдельных, новых для них, видов одежды: войлочных чулок, катаных шляп, глубоких галosh, отдельных украшений. Оно было настолько действенно, что изменило традиционный орнамент, внесло яркие радужные цвета в вышивку, способствовало овладению новыми художественно-техническими приемами, расширило возможности выбора декоративных материалов.

Белую вышитую одежду — платье «*тувыр*» и кафтан «*шювыр*» — в этом районе, как и вообще у восточных марийцев, давно не носят. Уже в конце XIX — начале XX в. подобная одежда

² Т. Семёнов. Черемисы. Этнографический очерк. М., 1893; И. Н. Смирнов. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889; П. Ерусланов. Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии. — «Этнографическое обозрение», кн. 29—30. М., 1896 и др.

³ Г. А. Сепеев. Влияние костюма тюркских народов на костюм восточных марийцев. — «История, археология, этнография маря». Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 22. Йошкар-Ола, 1967, стр. 194.

воспринималась населением только как обрядовая. До наших дней дошли отдельные образцы старинных платьев и кафтанов, сшитые более полувека назад. Все они имеют новшество: рукава из красно-синей или красно-черной пестряди. Однако, согласно многовековой традиции, на груди, спинке, плечах и по низу подола их украшает характерная вышивка, выполненная мелким ковровым швом с заполнением узора темно-красным шелком или шерстью и обведением основного орнамента черным или темно-синим контуром. Такая же вышивка сохранилась на старинных головных уборах пожилых женщин «*экай*» и традиционных свадебных платках — «*солдык*».

Расположение узора, техника его исполнения, сочетание двух цветов, мелкий орнамент — давние старине. Но общая конфигурация узора с преобладанием дагелей в виде интегралов и завитков, напоминающих башкирские «*кускарны*», говорит о том, что вышивка красноуфимских маришцев в какой-то момент своего развития находилась под сильным влиянием тюркских и, скорее всего, башкирских групп. Об этом также говорит сочетание вышивки с аппликацией — кумачовыми нашивками в форме полос и рогообразных «*кускарных*» узоров на спинке и груди рубах, на плечах и рукавах кафтанов. Другой характерной особенностью вышивки красноуфимских маришцев, возникшей не без воздействия извне, является украшение ее монетами: мелкие монетки или круглые металлические пластинки почти всегда прикрепляются поверх вышитого узора, удачно гармонируя с деталями орнамента.

При замене в XIX в. в повседневном быту белой холщовой одежды пестрядиной, традиционная вышивка получила дальнейшее развитие, что выразилось, в частности, в использовании ниток разного цвета. Еще шире стали применяться нашивки из цветных тканей.

Задолго до распространения пестряди в быту маришцев появились темные кафтаны под названием «*йылан*». Постепенно они вытеснили белые пубуры, став праздничной одеждой женщин. Их украшали нашивками из позумента и кумача вдоль поя, по низу подола и рукавов, а также по талии на спинке. Вначале йылан не имел застежек, его носили нарасташку; и лишь в последние десятилетия к нему стали пришивать луговицы, несколько изменив форму нашитых полос. В целом этот халат повторял форму подобной праздничной одежды башкир (известной под сходным названием «*келэн*»), имея все же одно отличие: отрезную спинку с борами. Благодаря этой детали, а также мелким нашивкам из бисера, блесток, металлических пластинок йылан вписался в маришский костюм, не нарушив традиционного ансамбля.

Наиболее сильное влияние испытали украшения маришских женщин. Дело не только в широком использовании монет; изменился в какой-то мере и характер украшений. Появился прямоугольной формы нагрудник «*яга*», сплошь зашитый поверх тканевой основы рядами монет, бус, разноцветных подвесок-бубенчиков; внизу он имел бахрому из бус с монетками. Другим нарядным украшением служила полоса позумента с монетами, «*түреш яга*», которую прикрепляли на платье пониже ворота. Вопреки традициям, принятым у основной массы народа, красноуфимские маришки носили браслеты, кольца, серьги. Различались круглые серьги-кольечки, «*сырга*», и серьги с подвесками из монет и цепочек и соединяющей их подбородочной тесьмой.

Много общего с башкирским обнаруживалось в мужском маришском костюме. меховая шапка с узкой опушкой («*куш*») формой и покроем повторяла башкирскую «*бурек*». Сходной с башкирской была верхняя одежда.

В большинстве случаев была заимствована и тюркская терминология: «*йылан*» — верхний халат, «*яга*» — нагрудник, «*сырга*» — серьги, «*ката*» — глубокая обувь (у маришцев из лыка) и пр.

Таким образом, результат башкирского влияния на костюм красноуфимских маришцев очевиден. Однако важно решить вопрос о том, как и когда изменились традиционная маришская одежда. Незначительную часть так называемых «тюркских» элементов в культуре маришцев можно объяснить общением с современным населением, занимающим окрестные башкирские деревни. Большинство же заимствований не находит аналогий в быту местных башкир даже конца XIX — начала XX в. И в то же время эти черты нельзя не признать башкирскими. Маришские аппликационные узоры на платьях и халатах по мотивам и преобладанию яркого красного цвета перекликаются с кускарным орнаментом челябинских и курганских башкир. Зауральским башкирам были также присущи украшенные монетами нагрудники под названием «*яга*». Именно в их костюме приняты длинные околосушные подвески, соединенные цепочкой под подбородком. У челябинских башкир, в отличие от северных районов республики, существовало преимущест-

венное название серег *шырга* (вариант *сырга*). Женской верхней одеждой в том же костюмном комплексе являлся темный, украшенный позументом халат *селэнэ*. Эти факты наводят на мысль, что красноуфимские маришцы когда-то общались с предыдущими поколениями башкир, живущими теперь за Уралом, на территории современной Челябинской области. Как же объяснить это неожиданное обстоятельство?

Поскольку известно, что миграция маришского населения шла с запада на восток и Урал явился границей, за которую оно, за исключением единичных случаев, не проникало, остается предположить, что некоторые зауральские башкирские племена несколько веков назад жили намного северо-западнее, чем теперь. Эта гипотеза не является неожиданной. В коллективной работе «Зауральские башкиры»⁴ приводятся сведения из устных преданий и документальных источников, согласно которым многие башкирские роды и племена, заселившие зауральские степи, пришли с Пермской стороны, из бассейна Чусовой и верховьев р. Уфы. В этих районах еще несколько веков назад жила значительная часть катаяцев, сальютов; отсюда же перекочевали сынгрянцы, терсяки, бекатинцы⁵. Следы влияния зауральских башкир на красноуфимских маришцев являются еще одним доказательством обитания некоторых башкир до перехода за Урал в Предуралье. Видимо, в верховье р. Уфы, где поселились пришедшие маришцы, через какой-то промежуток времени произошла значительная смена населения.

Г. А. Сепеев основную миграцию маришцев на восток относит ко второй половине XVI—XVIII вв. Но вслед за другими исследователями он допускает возможность появления маришцев в Закамье в более ранний период⁶. Красноуфимская группа, заметно отличная по культуре от маришцев Башкирии и, тем более, Татарии, и в то же время сохранявшая весьма древние черты, была, видимо, одним из передовых отрядов миграционной волны, прошедшей в восточном направлении и не затронувшей современную территорию этих республик. При продвижении к Уралу маришцы, как видно, столкнулись с катаяцами и родственными им сальютами и длительное время оставались их непосредственными соседями. Сейчас, по прошествии нескольких веков, нам трудно узнать подробности их взаимоотношений. Если учесть, что и башкирские племена до прихода на Средний Урал преодолели большой путь из южных степей на север к устью Камы, а затем вверх по реке⁷, можно допустить, что встреча их с маришцами могла произойти намного западнее и освоение Пермского края этими народами происходило совместно. Только длительным сосуществованием следует объяснить глубину культурного воздействия башкир на маришцев. В то же время надо полагать, что переселение башкир из Приуралья в Западную Сибирь, начавшееся под давлением русских завоевательных походов в XVI в.⁸, по всей вероятности, затянулось не на одно столетие.

В наши дни юг Свердловской области занимают башкиры, несколько иные по своему этническому составу. В непосредственной близости с маришцами находятся сызгинцы, основавшие деревни Сызги, Биткино, Куяново, Азигулово, Турналино и др. Как видно, они постепенно освоили земли, оставленные катаяцами и сальютами. На основе анализа культуры можно сделать вывод о приходе сызгинцев в верховье р. Уфы из более южных районов — из бассейна Ая. Костюм сызгинских башкир относится к северо-восточному (айскому) комплексу одежды, описанному нами в одной из предыдущих работ и весьма отличному от зауральского⁹. Не случайно также в «Списке волостей, входящих в состав Табынской, Катайской и Айлинской тюб», составленного на основании сведений башкирских старшин, сызгинский род в 1737 г. вошел в Айлинское объединение¹⁰.

Общение с сызгинцами внесло относительно мало нового в маришский костюм. Наиболее тесные контакты этих двух групп относятся к последним десятилетиям, когда одежда местных

⁴ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры. — АЭБ, т. 1.

⁵ Там же, стр. 187, 190, 248—249. Подтверждающие эту мысль сведения содержатся в «Материалах по истории Башкирской АССР», ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 88 и др.

⁶ Г. А. Сепеев. К вопросу о переселении маришцев в Прикамье и Приуралье. — Труды Маришского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 22, стр. 117, 119.

⁷ Движение катаяцев, сальютов и других племенных групп составляет, видимо, ту волну, которая, согласно Р. Г. Кузееву, обошла Урал с западной стороны и затем устремилась на восток в Зауралье. См.: Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. — АЭБ, т. 3, стр. 271, 273, 276.

⁸ Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова. Зауральские башкиры, стр. 187.

⁹ С. Н. Шитова. Народная одежда башкир. — АЭБ, т. 3, стр. 176.

¹⁰ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 3. М.—Л., 1949, стр. 501.

башкир под влиянием города успела утратить многие национальные особенности. Марийцы же до наших дней донесли традиции прошлых поколений.

Закачивая историю марийско-башкирских северных связей, хотелось бы попутно остановиться на одном из моментов заселения башкирами Пермского края. Р. Г. Кузеев, давая общую картину расселения башкирских племен на Южном и Среднем Урале в X—XVI вв., выделяет два мощных потока, охвативших Уральский хребет с запада и востока и столкнувшихся где-то на севере, в верхнем течении р. Уфы¹⁴. Наиболее мощный из них, западный, имевший впоследствии продолжение из северных районов за Урал, ясно прослеживается в истории, в быту некоторых зауральских башкир. Следы этой миграционной волны, как мы видели из предыдущего текста, запечатлелись и в культуре соседних народов. Продвижение же башкирских племен в Пермский край из Зауралья, которое, по мнению Р. Г. Кузеева, было несколько более поздним по времени¹⁵, наши материалы пока не подтверждают.

Так особенности костюма небольшой марийской группы позволяют внести некоторые уточнения в историю формирования этнической карты Урала.

¹⁴ Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв., стр. 270—271

¹⁵ Там же, стр. 279.

Р. З. ЯНГУЗИН

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ БАШКИР В 30—40-х ГОДАХ XIX в.

Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в. специально не изучалось, хотя те или иные данные по этой теме можно встретить в сочинениях как дореволюционных, так и советских авторов¹. Единственной работой, в которой дается сравнительно полная характеристика хозяйства башкир в этот период, является исследование Р. Г. Кузеева². По его мнению, в середине XIX в. территория Башкирии в хозяйственном отношении подразделялась на три основные области: а) земледельческую (север и северо-запад), б) земледельческо-скотоводческую (юго-запад, северо-восток и северное Зауралье), в) скотоводческую (восток и юг). Одновременно такое же районирование было предложено мною, только юго-запад был отнесен к скотоводческому району со слабым развитием земледелия³.

В 1965—1967 гг. в Центральном государственном военно-историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве в г. Ленинграде и Центральном государственном архиве Башкирской АССР автором этих строк были обнаружены еще не опубликованные документы, характеризующие состояние земледелия башкир в различные исторические эпохи. Настоящая статья ставит целью ввести в научный оборот архивные данные о масштабах распространения земледелия среди башкир в 1830—1840 гг. и на этой основе сделать некоторые предварительные обобщения.

Для более или менее точного определения степени развития земледелия и его удельного веса в экономике башкирского народа в этот период удобно рассмотреть всю Башкирию, разделив ее на следующие хозяйственные районы: земледельческий, земледельческо-скотоводческий и скотоводческий со слабым развитием земледелия.

Земледельческий район

К земледельческому району в 1830—1840 гг. относились северо-западные и западные башкиры. Архивные источники, относящиеся к 30—40-м годам XIX в. позволяют определять размеры посевов и урожая у башкир Осинского уезда. В одном из документов— в ведомости о по-

¹ П. Небольсин. Заметки о башкуртах.— «Отечественные записки», т. 73, отд. 7. СПб., 1850; В. М. Черемшанский. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859; Н. А. Чулошников. К истории башкирского земледелия в русской помещельной полтинки в Башкирии после указа 1832 г.— Труды Оренбургского общества по изучению Киргизского края, вып. 1. Оренбург, 1921, стр. 5—40; «Очерки по истории Башкирской АССР», т. 1. ч. 1. Уфа, 1959, стр. 9—14; Р. Г. Кузеев, Н. В. Бибулатов, С. Н. Шитов. а. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX— начала XX вв.).— АЭВ, т. 1, стр. 202—210. Р. З. Янгузин и др. Земледелие у зауральских башкир в первой половине XIX в.— Ученые записки Башкирского государственного университета. Из истории Башкирии (дореволюционный период), вып. 7. Уфа, 1968, стр. 165—173 и др.

² Р. Г. Кузеев. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию).— АЭВ, т. 3, стр. 295—310.

³ Р. З. Янгузин и др. История земледелия на территории Башкирии (II тыс. до н. э.— начало XX в. н. э.). Автореферат канд. диссертации. М., 1969, стр. 8—10.

себя и урожае хлебов от 1841 г. — содержатся данные по всем башкирским деревням. Но мы рассмотрим только 30 деревень, по которым на основании других источников, тоже относящихся к этому времени, удалось установить точное количество дворов. Эта ведомость представлена в табл. 1⁴.

Таблица 1

Название деревни	Посев (в чет.)				Урожай (в чет.)			
	рожь	пшеницы	ячменя	овса	рожь	пшеницы	ячменя	овса
Елмачиха	395	3	8	50	1185	9	32	200
Уймуенова	122	2	4	17	366	6	16	68
Федорьева	91	1	3	12	273	3	12	48
Устунтурева	150	2	6	32	450	6	18	96
Каншикова	60	1	3	13	18	3	9	39
Ишметьева	3	1	3	6	90	3	9	18
Какырчева	60	1	3	13	180	3	9	39
Куземьярова	245	1	4	24	735	3	16	96
Чувашиева	40	—	1	6	120	—	4	24
Кудашева	60	—	2	6	180	—	8	24
Акбашева	190	1	2	9	570	3	8	36
Иппикова	210	2	4	15	630	6	16	60
Чалыева	82	—	2	9	246	—	8	36
Новобячуриня	150	4	4	150	450	12	16	200
Бардабашева	23	—	1	12	69	—	4	48
Мостовая	60	—	1	6	180	—	4	24
Березинкова	261	4	10	25	783	12	40	100
Барда	250	10	20	60	750	30	60	180
Красноярская	106	8	16	30	318	24	48	90
Чытова	45	4	6	15	135	12	18	45
Аялушева	140	2	4	8	420	6	12	32
Шлыккова	10	—	1	2	30	—	3	8
Стерощапова	12	—	1	2	36	—	3	8
Сараева	220	2	5	30	660	6	15	90
Султанбаева	220	2	4	15	660	6	12	45
Связнова	72	1	2	3	216	3	6	9
Батырбаева	68	2	2	2	204	6	6	6
Танкипова	38	1	2	5	114	3	6	15
Новошапова	70	3	4	10	210	9	12	30
Верхнеашапова	14	—	2	3	42	—	6	9

Ведомость показывает, что башкиры Осинского уезда сеяли преимущественно озимую рожь. Яровые почти не засеивались. Видимо, это объясняется климатическими условиями. В этих районах на 1 дес. высевалось примерно 1,1 четверти озимых⁵. Зная общее количество дворов по каждой деревне⁶, мы получим следующую картину (табл. 2).

⁴ Центральный государственный военно-исторический архив (в дальнейшем — ЦГВИА), ф. 414, д. 344, лл. 5 об.—8.

⁵ Центральный государственный архив Башкирской АССР (в дальнейшем — ЦГА БАССР), ф. 6, оп. 1, д. 207, лл. 16 об.—17.

⁶ ЦГВИА, ф. 414, д. 382, лл. 1 об.—19.

Т а б л и ц а 2

Название деревни	Количество дворов	Приходятся посевов на 1 двор	
		в четв.	в дес.
Елпачиха	145	2,7	2,45
Уймуенова	45	2,7	2,45
Федориева	38	2,4	2,18
Устунгурева	102	1,47	1,33
Кашкова	40	1,5	1,36
Ишменева	26	0,11	0,1
Какирчева	32	1,87	1,7
Кузеньярова	103	2,38	2,16
Чувашева	15	3,63	3,3
Кудашева	31	1,93	1,75
Албашева	64	2,99	2,7
Ишимова	15	15	12,7
Чалыева	34	2,41	2,2
Новобичуринна	87	1,72	1,56
Бардабишева	18	1,28	1,16
Мостовая	38	1,58	1,43
Березникова	108	2,4	2,18
Барда	243	1,02	0,91
Красноярова	188	0,56	0,41
Читова	12	3,75	3,4
Аялушева	86	1,62	1,45
Шлыккова	70	0,7	0,63
Старошапова	18	0,66	0,6
Сарашева	200	1,1	1
Султанова	106	2,07	1,9
Сизянова	31	2,32	2,1
Батырбаева	33	2,06	1,9
Таныпова	80	0,47	0,42
Новошапова	34	2,06	1,9
Верхнешапова	7	2	1,81

Как видно из табл. 2⁷, средний размер запашки в пяти деревнях составлял до 1 дес., в 13 деревнях — от 1 до 2 дес. и в 12 деревнях — свыше 2 дес. Размеры запашек уступали русским, тептярским и др. В частности, в соседнем Бирском уезде различные категории населения имели следующие размеры посевов (табл. 3).

Такое положение объяснялось тем, что в середине XIX в. в этих краях у некоторой части башкир значительную роль в хозяйстве играли лесные промыслы: рубка и сплав леса, гонка смолы и дегтя, заготовка мочала, производство из мочала и дерева различных хозяйственных товаров и т. д. Оренбургский гражданский губернатор писал в 1839 г., что в северной полосе, богатой лесами, особенно в уездах Мензелинском и Бирском, «главные выгоды извлекаются из лесов и их произведений»⁸.

⁷ Эта таблица не отражает социального расслоения деревни.

⁸ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем — ЦГИАЛ), ф. 1261, оп. 2, д. 118, л. 19 об.

Категории населения	Количество душ	Всего посеяно озимых осенью 1838 г.	На 1 душу приходится озимых	Всего посеяно яровых весной 1839 г.	На 1 душу приходится яровых
<i>в четвертях</i>					
Государственные крестьяне	17928	15000	0,83	8000	0,44
Помещичьи крестьяне	3931	5500	1,4	3500	0,89
Тепляри	64276	40000	0,62	45000	0,7
Казак	2179	900	0,41	1800	0,82
Башкиры	45680	21000	0,46	16000	0,34
Мишари	18427	10768	0,53	7406	0,4

В архивных источниках, относящихся к 30-м годам прошлого века, башкиры западных районов, кроме их южной окраины, отнесены к числу «соседных» и «успешно» занимающихся хлебопашеством. Земледелие являлось у них «единственным промыслом» и «средством к пропитанию»¹⁰. В 40-е годы в Бугульминском уезде было распаханно 256445 дес. земли, т. е. 22,5% всей площади¹¹.

Масштабы развития башкирского земледелия в этом районе были большими. В Мензелинском уезде общее количество посеянного хлеба различными категориями населения на 1839 г. представляло следующую картину (табл. 4)¹².

Таблица 4

Категории населения	Рожь (посеяно осенью 1838 г.)	Пшеница	Овес	Полба	Греч. прос. ячмень
<i>в четвертях</i>					
Государственные крестьяне	78734	15081	18601	15081	5047
Помещичьи крестьяне	3826	1708	5205	1037	1087
Тепляри и бобыли	7882	1867	5694	3093	1809
Башкиры и мишари	14617	3572	6133	5074	2196

Мы не располагаем данными о численности населения уезда в 1839 г. отдельно по указанным категориям. Но учитывая чрезвычайно медленный естественный рост населения, особенно коренных жителей края — башкир, можем обратиться к материалам восьмой ревизии, проведенной в 1833 г., то есть на шесть лет раньше того времени, к которому относится приведенный выше документ. В тот период в Мензелинском уезде было государственных крестьян 68160 душ, помещичьих крестьян 18176, теплярей и бобылей 21382, башкир и мишарей 35106¹³. В табл. 5 показано, сколько на 1 душу было посеяно.

Как видно, по количеству посеянного хлеба башкиры уступали только государственным крестьянам. Примерно такая же картина была в Бугульминском уезде. По статистическим данным, в этом уезде в 1843 г. посев яровых на 1 душу составлял у башкир, теплярей и мишарей примерно по 0,26 дес., у помещичьих и удельных крестьян — по 0,5 дес.¹⁴.

В Белебеевском уезде башкиры севли гораздо больше не только мишарей и теплярей, но иногда и русских крестьян. Об этом, в частности, свидетельствует ведомость о посеве озимых в 1839 г. (количество душ содержится в этом же документе) (табл. 6)¹⁵.

⁹ ПГА БАССР, ф. 6, оп. 11, д. 157, лл. 57 об.—58 об.

¹⁰ ЦГАИЛ, ф. 1281, оп. 6, д. 246, л. 36; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18899, л. 69.

¹¹ ЦГВИА, ф. 414, д. 351, лл. 1 об.—2.

¹² ПГА БАССР, ф. 6, оп. 11, д. 157, лл. 93 об.—94.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, оп. 1, д. 207, лл. 20 об.—21.

¹⁵ Там же, ф. 6, оп. 11, д. 157, лл. 82 об.—83.

Т а б л и ц а 5

Категория населения	Рожь	Пшеница	Овес	Полба	Греч. прос. ячмень	Всего яровых
<i>в четвертях</i>						
Государственные крестьяне	1,15	0,2	0,27	0,2	0,07	0,74
Помещичьи крестьяне	0,2	0,09	0,3	0,2	0,04	0,63
Тепляры и бобылки	0,37	0,09	0,26	0,14	0,06	0,54
Башкиры и мишари	0,4	0,1	0,2	0,14	0,07	0,51

Т а б л и ц а 6

Категория населения	Количество душ	Всего посеяно озимых	На 1 душу приходится озимых	Всего посеяно яровых	На 1 душу приходится яровых
<i>в десятинах</i>					
Государственные крестьяне	27662	6600	0,23	5971	0,2
Помещичьи крестьяне	10126	4869	0,4	2469	0,2
Тепляры	41951	6194	0,1	14090	0,3
Мишари	13906	3730	0,3	3117	0,2
Башкиры	36640	22116	0,6	13875	0,38
Кавкази	3739	954	0,25	879	0,2

Такое же количество посевов приходится на 1843 г.¹⁶ Таким образом, к середине XIX в. башкиры почти всей Западной Башкирии, то есть между речья Дема, Ика и нижнего течения Белой, а также всего левобережья Ика были оседлыми. По хозяйственному развитию и образу жизни они не отличались от северо-западных башкир. Южным форпостом башкирского оседлого земледелия был Белебеевский уезд. Территории, расположенные к югу и востоку от этого уезда, были районом полукочевого скотоводства.

По типу хозяйства и образу жизни к земледельческой северо-западной и западной Башкирии примыкали башкиры Красноуфимского уезда (север-северо-востока Башкирии). К середине XIX в. земледелие у них становится единственным почти их промыслом и средством к пропитанию¹⁷. Традиционное скотоводческое хозяйство утратило былое значение. Но вместе с тем оно еще продолжало сохраняться у незначительной части населения. Башкиры Красноуфимского уезда еще «частью кочевые», хотя и «кочующие» все достаточно занимаются земледелием¹⁸.

К середине XIX в. земледелие сделалось основным занятием также в южных районах северо-востока Башкирии. К этому времени завершился переход всех башкир этого района к оседлости. Размеры посевов башкир были примерно такие же, как и у русских, теплярей и мишарей. Об этом свидетельствуют данные о количестве различных групп населения и посеянного хлеба в Уфимском уезде на 1839 г. (табл. 7)¹⁹.

В этом уезде на 1 дес. высевалось примерно 1,6 четвертей озимых и столько же яровых. Следовательно, на 1 душу приходилось посева у государственных крестьян 0,5 дес. озимых и 0,5 дес. яровых, у помещичьих крестьян соответственно 1,2 дес. и 0,4 дес., у мишарей — 0,5 дес. и 0,25 дес., у башкир — 0,5 дес. и 0,37 дес. и у теплярей — 0,25 дес. и 0,3 дес.

В 1846 г. в восьмом кантоне на 22943 души было посеяно 193710 пудов яровых²⁰, то есть примерно 8,4 пуда на душу или 0,5—0,7 дес.

¹⁶ ЦГА БССР, ф. 6, оп. 1, л. 207, лл. 47 об.—48.

¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 18899, л. 69.

¹⁸ ЦГА БССР, ф. 2, оп. 1, л. 7841, лл. 10 об.—11.

¹⁹ Там же, ф. 6, оп. 11, л. 157, лл. 90 об.—91.

²⁰ Там же, ф. 2, оп. 1, л. 5623, л. 19.

Категории населения	Число душ	Посеяно озимых в 1833 г.	Посеяно яровых в 1839 г.
<i>в четвертьях</i>			
Государственные крестьяне Вознесенской, Тастубинской, Сикнязской и Дуванской волостей	18973	17409	15076
Помещичьи крестьяне (кроме заводских)	25919	26073	18625
Мишари третьего кантона	23861	19366	9606
Башкиры восьмого кантона	18776	14674	11617
Тептяри десятого кантона	16989	7435	8572

В 40-х годах в четвертом западном кантоне на одну душу высевалось в среднем 9,7 пуда яровых²¹ (если перевести пуды в четверти, то получим 1 четверть, которой засеивалось примерно 0,6 дес. пашни). Следовательно, размеры запашек башкир четвертого западного кантона были такие же, как и у башкир восьмого кантона. Полукошечное скотоводство, для ведения которого уже не было возможностей, теряло свои позиции. Уже к 30-м годам в четвертом западном кантоне из 54 деревень ни одна не выходила на кошевку²².

Земледельческо-скотоводческий район

Для хозяйства башкир всего айского бассейна (северо-восток Башкирии) и междуречья Исети и Течи (северное Зауралье) характерно было смешанное земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Процесс развития и распространения земледелия у башкир северного Зауралья особенно усилился в первой половине XIX в., когда плотность населения в этом крае достигает более 12 чел. на 1 кв. версту²³. Рассмотрим 30 деревень Шадринского уезда, по которым нам удалось точно установить размеры посевов на 40-е годы XIX в.²⁴ Средний размер запашки на 1 двор составлял в деревнях Мансурова, Капканова, Махмутова от 1 до 2 дес.; в деревнях Аминева, Акчушавева, Ятикова, Каззафарова, Серикаева, Кунакбаева, Ирикбаева, Тюлякова, Султанаева, Казакбаева, Арыкова, Ильчигулова, Хамитова, Баракова, Кубагушева, Иксанова, Байгускарова, Баязитова, Амирова, Москвина, Бурина, Чекурова — от 2 до 4 дес.; в деревнях Исаева, Ибрагимова, Юмагулова, Соркина, Мурина — от 4 и выше десятин. Другими словами, размеры посевов башкир Шадринского уезда были такие же, как и у башкир северо-запада Башкирии. Но у северо-зауральских башкир количество скота было гораздо больше, чем у северо-западных. Так, в 1840-е годы в только что упомянутых деревнях на 1 двор в среднем приходилось лошадей от 5,5 до 32, крупного рогатого скота — от 7,1 до 51,9 и овец — от 2,9 до 15,9 гол. Следовательно, у башкир северного Зауралья к середине XIX в. было развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Скотоводческий район со слабым развитием земледелия

Господствующей формой хозяйства юго-западных, южных, юго-восточных и зауральских (кроме северных) башкир в 1830—40-е годы было полукошечное скотоводство. Военный топограф Нелюбин, производивший в 1838 г. топографические съемки Стерлитамакского уезда, так описывает хозяйство башкир этого края: «Во время зимы имеют свое жительство в постоянных своих зимовых домах, в коих ничем не занимаются, как только прокармливают своего скота, сеном и соломой, который у богатых людей загоняется в хлевы, а у бедных большей частью кормится в степи травой, которую скот своими копытами выбивает из-под снега. С наступлением весны и

²¹ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 5623, л. 6.

²² ЦГВИА, ф. 414, д. 316, лл. 242 об.—254.

²³ Л. Е. Иофан. Города Урала. М., 1951, стр. 300—302.

²⁴ См. подробно в статье Р.З. Янгузина «Земледелие у зауральских башкир в первой половине XIX в.»

по слитии воды жители сии выходят из зимовых домов в летние кочевья, в конях и кочуют до октября месяца. Во время своего кочевания некоторые из них в лишнее время занимаются посевом, весьма в малом количестве, крупы, посеявши которую занимаются вырубкою строевых бревен и дров, которые в другую весну отправляются в казну. Сверх его занимаются сенокосением, окончивши которое, снимают созревший хлеб»²⁵.

Одним из основных показателей масштабов развития земледелия является количество освоенных под пашню земель относительно к числу населения. В Стерлитамакском уезде в 40-х годах XIX в. вся земля составляла 1 888 858 дес., из них под пашней находилось 117 438 дес.²⁶, то есть 6% всех земель. Правда, плотность населения в этом уезде была ниже, чем в Мензелинском и Бирском уездах, но даже с учетом этого фактора размеры посевов приходится признать незначительными. Хозяйства, которые занимались земледелием, засевали не более 1—2 дес. В Военно-историческом архиве сохранился интересный документ о размерах посевов по шести башкирским деревням (ныне Мелеузовский район), составленный старшиной Азнаевым и помеченный 1837 г. (табл. 8)²⁷.

Т а б л и ц а 8

Название деревни	Количество дворов	Посеяно	Приходится на 1 двор
<i>в десятинах</i>			
Юмакаева	36	100	3,06
Юмакова	28	50	1,8
Кавбулатова	20	30	1,5
Юлдашева	74	110	1,5
Сабашева	71	120	1,7
Нурделетова	32	40	1,25
Итого	261	450	1,7

По направлению и структуре хозяйства к башкирам юго-западной Башкирии примыкали башкиры, живущие в Бугурусланском, Бузулукском и Оренбургском уездах Оренбургской губернии (в бассейне рек Сакмара, Ток, Большой и Малый Уран, Бузулук и др.) и в Самарской губернии (по рекам Камелек, Каралык, а также по верхнему и нижнему течению р. Большой Ирғиз). В этом огромном пространстве ведущей отраслью хозяйства башкир было полукочевое скотоводство. О башкирском населении Оренбургских степей В. М. Черемшанский писал, что они, «не смотря на уменьшение земли, рост населения, выгоды оседлой жизни, остаются в кочевом состоянии, свято храня перешедший от предков обычай кочевой жизни»²⁸. Башкиры этих районов «только осень и зиму проводят в бедных и нечистых избах своих, с 15-го мая по 15-е сентября переходя по кочевкам с места на место, на расстоянии от 5-ти до 35-ти верст от деревень своих, занимаются скотоводством, пчеловодством и требуют сильных понуждений к занятию хлебопашеством»²⁹.

Земледелием в этих районах занимались мало. Военный топограф Петров, производивший в 1838 г. топографические съемки Оренбургского уезда, писал о земледелии башкир дер. Ганчурина: «Хлебопашество, хотя и есть у жителей, но оно вовсе незначительно, так что самый богатый башкирец засекает только до одной десятины, а бедный до 1/4 десятины или осьминку»³⁰. Такие размеры запашек были в деревнях Ганчурина II, Илькенева, Верхнее Псяньчино, Ема-

²⁵ ЦГВИА, ф. 414, д. 35, л. 9.

²⁶ Там же, д. 351, л. 106.—2.

²⁷ Там же, д. 314, л. 137 об.

²⁸ В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 43.

²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18899, л. 69.

³⁰ Там же, ф. 414, д. 310, л. 21.

шева, Апасева и др. (всего 30 деревень)²¹. Только в дер. Тумачина «некоторые богатые засевают до 1,5 десятины, а бедные только до 0,5 десятины»²².

Такая же картина была в Бузулукском и Бугурусланском уездах, где на одну душу в 1839 г. засеивались по 0,15 дес. яровых. Здесь запашки у башкирского населения в несколько раз уступали запашкам русских крестьян, тептярей и др. Для более точного представления соотношения посеянного хлеба башкир, русских и других народов рассмотрим табл. 9 (Бузулукский уезд)²³.

Таблица 9

Категория населения	Количество душ	Всего посеяно яровых в 1839 г.	На 1 душу приходилось яровых
<i>в четвертях</i>			
Государственные поселенцы	124963	193164	1,5
Служащие и отставные казаки	5736	15332	2,6
Башкиры	5369	1098	0,2
Тептяри	473	1709	3,6
Отставные солдаты	838	3181	3,8
Казак-калмыки	902	150	0,16
Помещичьи крестьяне	25591	65600	2,5

Как видно из табл. 9, посеяны яровых на одну душу у башкир Бузулукского уезда были в 7,5 раз меньше, чем у государственных поселенцев, в 19 раз меньше, чем у служащих и отставных солдат и в 12,5 раз, чем у помещичьих крестьян. Только калмыки-казаки имели одинаковые с башкирами размеры посевов яровых культур.

Несколько иное соотношение было в Бугурусланском уезде. Правда, в этом районе у башкир на одну душу приходилось в 1839 г. столько же посевов, сколько и в Бузулукском уезде, но зато у других категорий населения их было меньше (см. табл. 10)²⁴.

Таблица 10

Категория населения	Количество душ	Всего посеяно озимых	На 1 душу приходилось озимых	Всего посеяно яровых	На 1 душу приходилось яровых
<i>в четвертях</i>					
Помещичьи крестьяне	31098	16372	0,5	41853	1,3
Государственные крестьяне	116808	28818	0,25	167598	1,4
Удельные крестьяне	3693	1158	0,3	2416	0,67
Башкиры	5294	346	0,06	1038	0,2
Тептяри	5159	786	0,15	2358	0,45

Сравнительно развитое земледелие было у башкир Самарской губернии. По словам Самарского генерал-губернатора, в 1863 г. на одну душу у башкир приходилось примерно 0,8 дес. пашни²⁵.

Юго-восток по сравнению с остальными районами был сравнительно слабо заселен и мало колонизован. Здесь сохранились еще общинные формы владения земельными участками. В этих

²¹ ЦГВИА, ф. 414, д. 310, лл. 22 об., 27 об.—30, 32—50.

²² Там же, л. 33.

²³ ЦГА БАССР, ф. 6, оп. 11, д. 157, л. 37.

²⁴ Там же, лл. 78 об.—79.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 384, оп. 11, д. 1753, л. 90б.

условиях юго-восточные башкиры, естественно, занимались своим традиционным хозяйством — полукочевым скотоводством. Юго-восточные башкиры имели достаточное количество скота, чтобы обеспечить свои экономические потребности. Так, например, в 40-х годах XIX в. в дер. Кульчурина Бузянской волости Верхнеуральского уезда на один двор приходилось в среднем 13,3 лошади, 15,5 коровы и 8,5 овец. В дер. Идрисова на один двор приходилось в среднем 6,5 лошади, 10 коров и 5,8 овец. В дер. Тактагулова в каждом хозяйстве имелось в среднем по 14 лошадей, 10 коров и 5 овец. Примерно такая же картина была почти во всех башкирских деревнях Верхнеуральского уезда (в 171 из 186)³⁶. Только в 15 деревнях Катайской волости — в деревнях Усмангалина, Нукатова, Бердыгулова, Ашова, Куюкова, Худайбердина, Аптюнова, Зоякова, Асина, Брищева, Манатлина, Сафаргулова, Новорясанова, Калашлина II — на один двор в среднем приходилось 2—3 лошади, 1—2 коровы и 3—5 овец³⁷. Это как раз те деревни, которые расположены в горно-лесных районах Южного Урала, где большую роль в хозяйстве играли лесные промыслы.

Мы не можем проследить распределение скота по различным социальным группам башкирского населения, так как в источниках сведения содержатся в целом по деревням. Естественно, не все башкиры владели одинаковым количеством скота. Некоторые баи имели до нескольких сотен голов. Так, по данным на 1858 г., в Верхнеуральском уезде Трукмен Мансуров имел одних только лошадей 300 голов, урядник Габдулмукмин Идияльбаев — 250, хорунжий Сабит Суюндуков — 210, имам Хусейн Кильдыбаев — 200, азанчей Ималы Имангулов — 180, заурядхорунжий Фаткулла Кильмяков — 160, Якуп Судейманов — 150, Габдулсалим Идияльбаев — 125, Шамсутдин Ишбердин — 100 и т. д.³⁸. В этих условиях земледелие у юго-восточных башкир развивалось очень медленно. В Верхнеуральском уезде в 1839—1844 гг. из 186 башкирских деревень в 172 только «малая часть» занималась хлебопашеством; в 14 деревнях земледелие вообще отсутствовало³⁹.

По реформе 1855 г. юго-восточные башкиры подразделялись территориально на три кантона: четвертый, пятый, шестой. В четвертом кантоне, по данным кантонного управления на 1858 г., было 25978 башкир⁴⁰. В 1856 г. здесь посеяно 9787 четвертей яровых, то есть примерно 0,35 четверти (0,17 дес.) на душу. В 1857 г. было посеяно 14321 четверть яровых или в среднем 0,5 четверти (0,25 дес.) на душу. В следующем 1858 г. было посеяно 14919 четвертей яровых, то есть примерно 0,57 четверти (0,27 дес.) на душу⁴¹. Разумеется, в 1856—1857 гг. население кантона было несколько меньше, но эта разница не меняет общей картины состояния и структуры хозяйства, характеризующейся довольно быстрым развитием земледелия. Но в целом земледелие в экономике населения играло значительно меньшую роль, чем традиционное скотоводство.

В пятом кантоне на 1858 г. насчитывалось 26040 башкир⁴². В 1857 г. в этом кантоне было посеяно 15327 четвертей яровых или, говоря иначе, по 0,6 четверти (0,3 дес.) на душу. В 1858 г. было посеяно 15727 четвертей, то есть 0,58 четверти (0,29 дес.) на душу⁴³.

В шестом кантоне на 1858 г. было 25297 башкир⁴⁴. В отличие от четвертого и пятого кантонов здесь сеяли, правда, в небольших размерах и озимые. В 1857 г. было посеяно 14744 четвертей яровых, 4009 четвертей озимых. Следовательно, на одну душу приходилось 0,73 четверти посевов, в том числе 0,58 четверти яровых (0,29 дес.) и 0,15 четверти озимых (0,1 дес.). В 1858 г. было посеяно 13802 четверти яровых и 4826 четвертей озимых, то есть 0,5 четверти яровых (0,25 дес.) и 0,2 четверти озимых (0,13 дес.) на одну душу⁴⁵.

Как видим, площадь засеваемой земли в расчете на одного человека даже к середине XIX в. не превышала 0,3 дес. Такие незначительные посевы были рассчитаны исключительно на собственное потребление. Распределение урожая 1858 г. в шестом кантоне, например, было следующим. Осенью 1857 г. было посеяно 4826 четвертей озимых и в 1858 г. 13802 четверти яровых. Урожай озимых составил 20510 четвертей, а яровых 70576. Из полученного урожая озимых в

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18895, л. 12; ЦГВИА, ф. 414, д. 314, л. 162 об.—201.

³⁷ Там же, ф. 414, д. 314, лл. 201 об.—205.

³⁸ ЦГА БАССР, ф. 1, оп. 65, д. 10201, л. 97.

³⁹ ЦГВИА, ф. 414, д. 314, лл. 162 об.—205.

⁴⁰ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 65, д. 10201, л. 105.

⁴¹ Там же, лл. 93—93 об.

⁴² Там же, д. 10201, л. 2.

⁴³ Там же, лл. 19—19 об.

⁴⁴ Там же, л. 43.

⁴⁵ Там же, лл. 52—52 об.

1858 г. было посеяно 1181 четвертей и сданы в семенные магазины 473⁴⁶. Таким образом, для потребления населения оставалось 18856 четвертей, то есть 0,7 четверти на душу. Распределение яровых в источнике не дается, но отмечается, что на продовольствие жителей «осталось 34509 четвертей 6 четвериков 5 гарниц»⁴⁷ или в среднем 1,3 четверти на душу. Итак, на одну душу на продовольствие до урожая 1859 г. приходилось всего около 2 четвертей хлеба.

В горно-лесных районах из-за природно-климатических условий (поздняя весна и ранняя осень, каменистая местность) земледелием башкиры не занимались. Это были гирей-кипчаки, карагай-кипчаки и часть катайцев⁴⁸. Правда, и у них были попытки посева хлебных злаков. Так, в 1837 г. в Катарской волости Верхнеуральского уезда в дер. Бердагулова на 30 дворов было посеяно 10 дес. яровых, в дер. Усангали на 40 дворов — 15 дес., в дер. Нукатова на 35 дворов — 15 дес., в дер. Субхангулова на 20 дворов — 10 дес., в дер. Ашова⁴⁹ на 52 двора — 15 дес., в дер. Куюкова на 31 двор — 8 дес. и в дер. Худайбердина на 45 дворов — 12 дес.⁴⁸. Но эти посевы урожая не дали, и в дальнейшем башкиры этих деревень не стали заниматься земледелием⁵⁰.

Труднее обстоит дело с выяснением уровня земледельческого хозяйства у зауральских башкир, кроме северных, которых мы рассмотрели выше. В. М. Черемшанский сообщает, что значительная часть башкир Челябинского уезда Оренбургской губернии, в том числе живущие по берегам озера Мнассом, Тоболом и р. Уй, в середине XIX в. земледелием еще не занимались⁵¹. Кажется, что большая часть зауральских башкир в середине XIX в. земледелием не занималась. Изучение архивных источников показывает, что дело обстояло несколько иначе. В этих районах главным видом хозяйства было полукочевое скотоводство. Источники, относящиеся к первой половине XIX в., свидетельствуют, что зауральские башкиры имеют «великое число лошадей и прочего скота»⁵². Но зауральские башкиры занимались, правда в небольших размерах, и земледелием. Военные топографы и местные старшины, составлявшие в 40-х годах XIX в. статистические сведения о 135 башкирских деревнях пятого кантона, отмечают, что занятием населения в каждой деревне являются «скотоводство и хлебопашество»⁵³. В целом размеры посевов оставались незначительными. Видимо, не все жители той или иной деревни имели посевы. Башкиры четвертого и пятого кантонов, отмечается в источнике 1847 г., «стребуют сильных понуждений к занятию хлебопашеством, впрочем в последнее время и они начали понимать пользу этой промышленности и мало по малу к ней обращаются»⁵⁴.

Таким образом, изучение архивных данных показывает, что к 30–40-м годам XIX в. земледелие Башкирии сделало значительные успехи. Оно распространилось на всей территории расселения башкир, постепенно вытесняя в ряде мест традиционные занятия населения, прежде всего полукочевое скотоводство. Распространению земледелия способствовали увеличение плотности населения, происходившее за счет естественного роста численности башкир и главным образом притока небашкирского населения из центральных и западных губерний России, сокращение пастбищных угодий, а также культурное влияние соседей. В северо-западной части Башкирского края земледелие уже в XVIII в. было основным занятием башкир. По мере продвижения на восток и юг удельный вес его в экономике башкирского населения постепенно уменьшался и сводился почти на нет на крайнем юго-востоке и лесной полосе южного Урала. Всюду земледелие сочеталось со скотоводством, а в южной половине Башкирии, включая южную часть Зауралья, последнее играло главенствующую роль в хозяйстве. В некоторых местах в зависимости от природно-климатических и иных условий первостепенное значение приобретали пчеловодство и различные виды лесных промыслов, внося исключительное разнообразие в хозяйственную жизнь башкир. Выделенные нами три хозяйственные зоны лишь в общих чертах, в ряде случаев еще весьма условно, отражают это разнообразие. Детальное изучение структуры хозяйства башкир XIX в. применительно к каждой географической зоне — задача будущего.

⁴⁶ ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 65, д. 10201, л. 52 об.

⁴⁷ Там же, л. 52.

⁴⁸ Полевые записи Поволжской этнографической экспедиции 1966 г. (хранятся на кафедре этнографии МГУ), стр. 38, 44, 46; ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, д. 9631, л. 15 об.

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду дер. Азово Архангельского района.

⁵⁰ ЦГИА, ф. 414, д. 314, лл. 65 об.—66.

⁵¹ Там же, лл. 202 об.—205.

⁵² В. М. Черемшанский. Указ. соч., стр. 142.

⁵³ ЦГИА, ф. ВУА, д. 18895, л. 127.

⁵⁴ Там же, ф. 414, д. 318, лл. 26 об.—35.

⁵⁵ Там же, ф. ВУА, д. 18899, л. 68 об.

АРХЕОЛОГИЯ

О. Н. БАДЕР

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО И ДРЕВНЕГО ПАЛЕОЛИТА В БАШКИРИИ

Башкирия в последнее десятилетие стала богатейшей на Урале страной палеолита. Это положение блестяще подтверждено новейшими исследованиями.

В 1971 г. по поручению Башкирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и на его средства Уральским отрядом Северной палеолитической экспедиции Института археологии Академии наук СССР были осуществлены значительные экспедиционные работы по выявлению новых памятников палеолита в Башкирии. Эти работы увенчались большим успехом¹.

Нашей центральной задачей было обследование состояния уникальных палеолитических рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой), выявление новых памятников в ее окрестностях, выяснение возможностей наиболее эффективного их использования для массового и научного туризма и реальных мер для охраны этих памятников. Эти задачи экспедицией были выполнены, несмотря на необычные трудности в связи с дождливой погодой и отсутствием дорог в горных районах. Последнее обстоятельство не позволило нам развернуть работы так широко, как это было сначала намечено.

Пещера Шульган-Таш, ставшая уже знаменитой, пришла за последние 10 лет в очень плохое состояние и в определенной мере потеряла свое научное значение². Тем не менее ее еще можно использовать как интересный объект для туризма, очистив от хлама, оборудовав сухими настилами-дорожками (местами с перилами), разработав систему подсветов пучками прожекторов на потолки и на более высокие, недостижимые для туристов части стен. Мы пришли к выводу, что до того, как все необходимые мероприятия будут осуществлены, как старая решетка при входе будет заменена новой, непроницаемой и охрана пещеры станет реальной, вход в нее для туристов должен быть категорически воспрещен; иначе основная часть рисунков, пока еще целая, будет повреждена и уничтожена.

Многие палеолитические рисунки были расчищены, освобождены из-под грязи, копоти и надписей туристов, хотя некоторые и не полностью. Особенно трудно удаляются с красных рисунков надписи, сделанные чернильным карандашом, процарапанные же ножами останутся на рисунках навеки. При приведении пещеры в порядок удаление надписей со стен пещеры потребует кропотливого труда двух реставраторов в течение 1—2 лет.

¹ В экспедиции приняли участие археологи В. В. Зыбковец и Ю. Ф. Рыжов, Л. И. Киреева, художник К. Н. Никахристо, реставратор В. А. Зборовский, студенты Московского и Башкирского университетов и других вузов и др.

² См.: М. Ч в а н о в. Судьба древней «Третьяковки». — «Ленинец», 1970, 15 декабря; И. К у д р я ш о в. Еще раз о судьбе Каповой пещеры. — «Ленинец», 1971, 15 мая; О. Б у т к е в и ч. Костры над водой. — «Советская культура», 1971, 16 ноября; Г. Б о р и с о в. Судьба древней «Третьяковки». — «Литературная газета», 1971, 24 ноября; О. Н. Б а д е р. Новые памятники истории и культуры Башкирии. — «Сов. Башкирия», 1971, 24 февраля.

Р и с. 1. Восьмой красный рисунок мамонта пещеры Шульган-Таш (Каповой).

После окончания расчистки 9 изображений были зафиксированы и описаны (2 — на верхнем и 7 — на нижнем этаже пещеры). Таким образом, пополнены материалы, собранные экспедицией за 12 лет, в настоящее время достаточные для создания монографии об этом уникальном памятнике.

Среди вновь описанных рисунков особенно большой интерес представляют три. Это, прежде всего, рисунок мамонта на верхнем этаже — восьмое изображение этого животного в пещере. Он обнаружен под густым слоем грязи в нижней части главной стены с рисунками, под задними ногами лошади, перед головой носорога³. Эта фигура мамонта отличается от других хорошо выраженных большими бивнями, что сближает его с французскими. Хорошо сохранились шагающие задние ноги, хвост, спина и немного опущенная голова зверя; передние ноги в их нижней части стертые. Общая длина фигуры от конца бивней до хвоста 58 см, высота 40 см (рис. 1)⁴.

Интересно, что спина мамонта совпадает с рогом носорога. Последний нарисован более густой краской и явно наложен на заднюю часть мамонта; рисунок последнего также силуэтный, но более бледный, чем рисунок носорога. Этот единственный в Шульган-Таше случай палимпсеста, наложения одного рисунка на другой, указывает на то, что рисунок мамонта был нанесен на стену раньше, чем рисунок носорога. Впрочем, разница во времени может быть незначительной и не дает оснований расчленить все рисунки первой стены на разновременные группы.

Второй рисунок не относится к числу реалистических и является единственным схематическим изображением на верхнем этаже пещеры. Он представляет собою систему толстых вертикальных линий, спускающихся от верхней горизонтальной черты (рис. 2). Трудно что-либо

³ См.: О. Н. Б а д е р. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965, на обложке. Восьмой мамонт был обнаружен художником К. Н. Никахристо и студенткой МГУ Е. В. Царевой.

⁴ Все рисунки к этой работе выполнены художником К. Н. Никахристо.

сказать о смысловом значении этой фигуры. Но вряд ли можно отрывать ее от всего комплекса рисунков первой плиты: она нанесена той же красной охрой, притом непосредственно под ногами носорога, который как бы стоит на ней.

На нижнем этаже пещеры в 3-м зале расчищено и описано одно сложное изображение (рис. 3), по своему стилю похожее на схематизированное изображение верхнего этажа, только что описанное. Это сходство служит новым аргументом в пользу синхронности рисунков нижнего и верхнего этажа и, следовательно, в пользу палеолитического возраста всего комплекса схематизированных изображений.

Остальные вновь скопированные рисунки относятся к комплексу схематических изображений нижнего этажа.

Одновременно с работами в Шульган-Таше нами произведены раскопки в четырех пунктах. В пещере Кульюрттамак, в километре ниже Шульган-Таша по правому же берегу Белой, вскрыты 15 м² на площадке перед пещерой и обнаружено несколько кремневых изделий верхнепалеолитического типа, угольки и кости животных верхнепалеолитического комплекса. Вместе с данными предыдущих раскопок рисуется картина лагеря охотников с остатками кострища в центре. Не исключено прямое отношение обитавших здесь людей к культовой пещере в Шульган-Таше.

Выше по ущелью Кульюрт обнаружена и В. В. Зыбковцом обследована небольшая новая пещера Кульюрттамак II, давшая пока только кости животных. Она нуждается в более обширных раскопках, которые должны выяснить, служила ли эта пещера обиталищем палеолитическому человеку.

Заложена также новая рекогносцировочная траншея под большим навесом Кульюрттамак, где в 1961 г. в четвертичной глине обнаружен кремьень. Раскопки были безрезультатны.

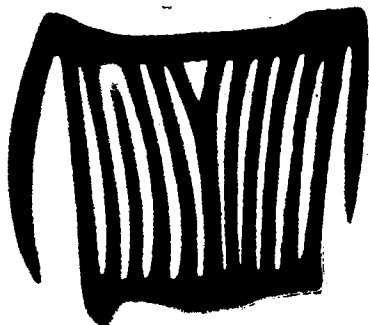
Наконец, продолжены раскопки в Куаламатской пещере, где предшествующими работами обнаружены 3 костеносных слоя: один голоценовый, неолитический (?) и два плейстоценовых, но без остатков материальной культуры. Новые раскопки также не обнаружили здесь палеолитической стоянки.

Кроме Бурзянского района экспедиция работала в Абзелиловском районе БАССР. Здесь произведены раскопки очень древней, среднепалеолитической стоянки близ с. Ташбулатова, в 40 км от Магнитогорска. Эта стоянка находится на западном краю Западно-Сибирской равнины, у подножия восточноуральского хребта Ирландык, всего в 15 км к западу от Смельовских пещер, расположенных уже в степях на берегу Малого Кизила и раскопанных мною несколько лет тому назад.

Исследованная нами в 1971 стоянка располагалась на небольшом острове у западного берега озера Карабалыкты, превратившемся сейчас в мыс, вдающийся в озеро. Это место носит у башкир название Урта-Тубе. Здесь в 1961—1968 гг. Г. Н. Матюшиным раскопана неолитическая стоянка, названная им Мысовой, с большим жилищем, под которым нами обнаружено явно связанное с ним погребение, сопровождавшееся костяными украшениями и двумя ножевидными пластинами из кремня*.

Первоначально поставив перед собой цель выяснить происхождение четырех десятков патинизированных мустьероидных кремневых предметов из нижних горизонтов раскопа Г. Н. Матюшина, я вскоре же убедился, что они происходят из желтой четвертичной супеси, непосредственно подстилающей голоценовую, интенсивно гумусированную почву, содержащую неолитическую культуру.

* Г. Н. Матюшин, впервые исследовавший данный памятник, в своих публикациях характеризует его как многослойный и нижние культурные отложения относит к эпохе мезолита. См.: Г. Н. Матюшин и И. О. Южных связи мезолита Урала. — АЭВ, т. 3, стр. 19—23.; е г о ж е. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. — «Советская археология», 1969, № 4, стр. 30—35 (примечание редактору).

Р и с. 2. Схематизированный красный рисунок под носорогом на первой группе рисунков верхнего этажа пещеры Шульган-Таш.

Р и с. 3. Схематический красный рисунок № 9 на стене третьего зала нижнего этажа пещеры Шульган-Таш.

тические и более поздние остатки. Столь близким от поверхности залеганием палеолитических остатков объясняется и полное отсутствие в слое органических остатков (костей, угля и пр.).

Палеолитический культурный слой, как оказалось, лежал только в длинной скалистой впадине шириною от 4,5 до 9 м, пересекавшей мыс Урта-Тубе и спускавшейся вниз, на север, к болоту — некогда озерному лиману. Эта впадина, ограниченная с боков скалистыми стенами, высотой местами до 2 м и более, служила жилищем неандертальцам и, надо полагать, дополнялась какими-то искусственными элементами в виде навесов, заслонов и т. п.

Желтая супесь, содержащая среднепалеолитические остатки, насыщена камнями и имеет местами очень небольшую мощность, но у восточной скалистой стены она достигает 2 м и даже превышает ее. Здесь, по мнению приглашенного мною из Москвы геолога-четвертичника С. М. Цейтлина, в последующее время образовалась мерзлотная трещина, в которую затем, по мере таяния льда, попал культурный слой с кремневыми изделиями. Желтая супесь — палеолитический культурный слой — подстилается элювием туфовых пород, лежащим на скале — бомбовидных туфах андезито-базальтового состава среднего девона³, слагающих холм Урта-Тубе.

Для изготовления кремневого инвентаря использовался местный, преимущественно плитчатый кремнь светлого, черного и серого цвета и красные кварц-гематитовые породы среднего и верхнего девона⁴. Изделия имеют весьма архаичный характер и отличаются в этом смысле от всех известных до сего времени палеолитических памятников Урала, в том числе и от соседней Смеловской II пещерной стоянки с мустьероидным инвентарем, который по ряду признаков я датировал началом верхнепалеолитической эпохи⁵.

Не имея возможности подробно описать кремневый инвентарь стоянки в этом предварительном сообщении, могу дать лишь его общую характеристику.

³ По заключению геологов В. А. Маслова и В. Б. Смирнова (Институт геологии Башкирского филиала АН СССР), неоднократно посещавших наши раскопки.

⁴ По определению тех же геологов.

⁵ О. Н. Б а д е р. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала. — МЭА, № 173, Л., 1971.

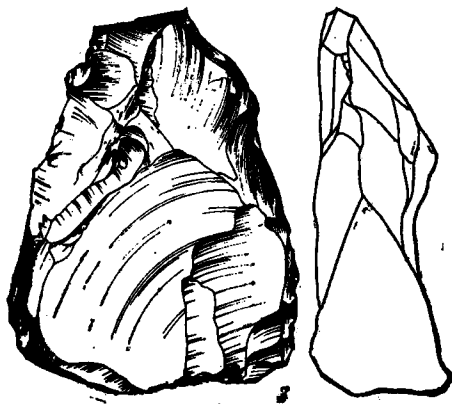
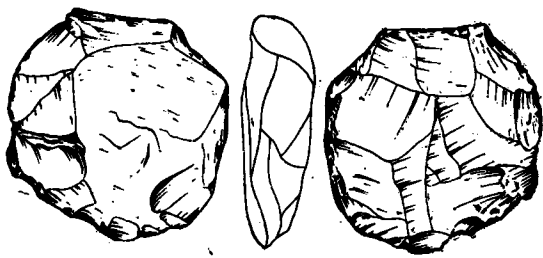
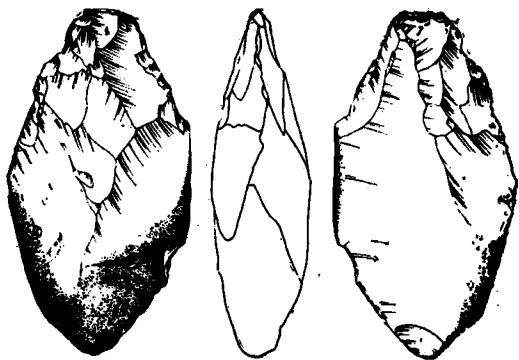
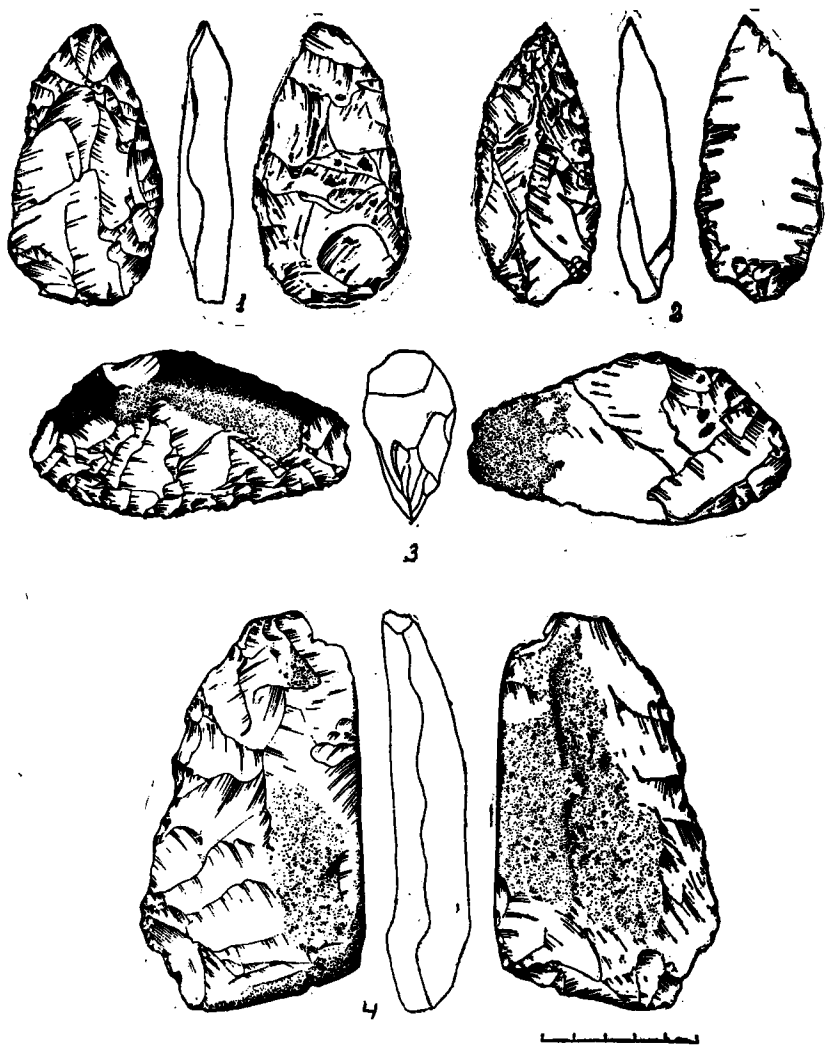

Рис. 4. Кремневые орудия из убежища неандертальцев на холме Урта-Тубе под Мысовой неолитической стоянкой.

1 — ручное рубило; 2 — дисковидный нуклеус; 3 — микролитический нуклеус.

Р и с. 5. Кремневые орудия из убежища неандертальцев на холме Урта-Тубе.
 1 — небольшое ручное рубило; 2 — ручной острокопечник; 3 — скребло; 4 — однолезвийное ручное рубило.

Примерно две трети материала состоит из плиток, расколотых кусков кремня и отщепов. Среди прочей, наиболее интересной трети кремневых предметов около двух третей принадлежит к числу нуклеидных кусков и нуклеусов и только одна треть представляет собой более или менее законченные орудия; из них больше половины принадлежит к числу двухсторонних рубилообразных форм, одну пятую составляют ручные остроконечники и еще меньшую часть — скребла.

При первом же знакомстве с материалом бросается в глаза преобладание леваллуазской техники раскалывания кремня. Плоские нуклеусы часто имеют косую подправку ударных площадок, что отражается и на характере отщепов, отличающихся тупым углом между ударной площадкой и раковистым изломом; ударный бугорок на преобладающей части отщепов большой и массивный. Очень большое число нуклеусов усиливает впечатление архаизма всего комплекса.

Нуклеусы представлены великолепными дисковидными (рис. 4, 2) и черепаховидными формами. Некоторые нуклеусы имеют вид крупных бифасов, близких к миндалевидным формам, и могли использоваться как ручные рубила, но к числу последних причислять их не следует (рис. 4, 3). Близкие аналоги нашим нуклеусам имеются в леваллуазских комплексах Яштуха⁸ и других ранних памятников Кавказа.

Подлиннее орудия этой категории представляют собой бифасы небольших размеров преимущественно миндалевидной формы, нередко со следами корки на одной из сторон или на пятке (рис. 5, 1). Одно из этих орудий (рис. 4, 1) с обратной стороны сохранило негативы двух крупных леваллуазских сколов; это почти унифас, но с обратной стороны имеет на конце следы подправки. Близкие аналоги ему находим в Среднеадажской стоянке на Северном Кавказе, датированной временем финального ашеля — раннего мустье⁹.

Среди рубящих орудий — бифасов — имеется целая серия удлиненных однолезвийных рубил с боковой «пяткой», покрытой коркой; реже подобные орудия имеют округлую форму (рис. 5, 4). Эта серия очень архаична и представляет своеобразную особенность всего комплекса. Имеются отдельные чопперовидные рубящие орудия из галек с отбитым концом.

Скребла представлены несколькими весьма типичными, крупными формами с массивной пяткой (рис. 5, 3), но большинство их меньших размеров.

Наконец, не менее ярко представлены и ручные остроконечники (рис. 5, 2); они отличаются преимущественно крупными размерами.

В целом комплекс палеолитических орудий со стоянки Мысовой (Урта-Тубе) может быть отнесен к числу раннемустьерских памятников. Он, без сомнения, древнее верхнемустьерской стоянки Сухая Мечетка на окраине Волгограда¹⁰.

Обилие нуклеидных орудий и бифасов (частью очень грубых), большое число отщепов, оставленных без вторичной обработки, а также небольшое количество таких ярко выраженных мустьерских орудий, как ручные остроконечники, и другие аналогии в позднеашельских памятниках — скорее позволяют характеризовать наш кремневый комплекс как ашело-мустьерский.

В связи с проблемой датировки нашей стоянки следует обратить внимание на тот факт, что часть орудий имеет довольно свежую поверхность. К ним относятся почти все типично мустьерские формы — ручные остроконечники и скребла. Некоторые предметы несут следы иногда значительной сглаженности — и в их числе находится часть грубых рубящих орудий (например, крупное округлое рубило), напоминающих наиболее архаичные орудия с хребта Малый Кара-Тау в Южном Казахстане¹¹ и соанские изделия Индии¹². При обработке материала кремневые изделия должны быть разобраны по признаку состояния поверхности и проверены по глубине залегания. Не исключено, что результаты этой работы позволят выделить основную часть разновременных комплексов, один из которых будет среднепалеолитическим (мустьерским), другой — древнопалеолитическим.

Исследование среднепалеолитической, а может быть даже еще более древней стоянки в Башкирии, наиболее древнего памятника на всем Урале и одной из древнейших в СССР стоянок от-

⁸ И. И. Коробков. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем. — МИА, № 173, Л., 1971, рис. 2, 6; 10.

⁹ В. М. Муратов, П. У. Аулеву. Среднеадажское раннепалеолитическое поселение. — МИА, 173, Л., 1971, рис. 7, 8.

¹⁰ С. Н. Замятин и В. Сталинградская палеолитическая стоянка. — КСИА, вып. 82, 1961.

¹¹ Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. — СА, 1961, № 1.

¹² П. И. Борисковский. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971, рис. 5—11.

крытого типа имеет очень большое значение. Оно проливает новый свет на историю древнейшего населения Урала и на проблему первоначального расселения человечества в этой части Евразии.

Совершенно прав был С. Н. Замятнин, когда он после исследования стоянки у Волгограда указывал, что «ясное стратиграфическое положение стоянки в Сухой Мечетке позволяет... поставить задачу планомерных поисков поселений мустьерского возраста на Восточно-Европейской равнине как в бассейне Волги, так и за его пределами»¹³, — в данном случае в Башкирии. В 1971 г., в год наших раскопок на озере Карабалык, вышел из печати мой обзор по палеолиту Башкирии; в нем отмечается: «Достоверных остатков раннего и среднего палеолита на Южном Урале пока не открыто, но есть все основания ожидать этих открытий в будущем»¹⁴. Это будущее наступило очень быстро.

Будем ожидать результатов обработки материалов указанных здесь археологических исследований в Башкирии и планировать продолжение этих работ; в их задачу входят поиски новых памятников палеолита, как стоянок, так и пещерной живописи.

¹³ С. Н. З а м я т н и н. Указ. соч., стр. 36.

¹⁴ О. Н. Б а д е р. Палеолит Башкирии. — АЭБ, т. 4, стр. 10.

Г. Н. МАТЮШИН

ЭНЕОЛИТ БАШКИРИИ

Проблема энеолита Южного Урала давно занимала внимание исследователей. Этот интерес в значительной мере объясняется тем, что Южный Урал является зоной контакта многих крупных культур эпохи бронзы Восточной Европы, Западной Сибири и Средней Азии. Не зря здесь широко представлены памятники андроновской, срубной, абашевской, каменогорской, черкаскульской, курмантаевской и прочих культур. Изучение происхождения этих многочисленных культур эпохи бронзы в конечном итоге тесно связано с выяснением характера культуры энеолитического населения Южного Урала.

До недавнего времени известных энеолитических памятников на Южном Урале насчитывалось не более двух-трех. Сюда относятся единичные находки обломков керамики, открытые С. Н. Бибиковым в пещерах Южного Урала, и Кысык-Кульское поселение. Эти фрагментарные материалы не позволяли исследователям дать какую-либо характеристику энеолита Южного Урала. Не случайно, пытаюсь в 1962 г. дать первую сводку неолита и ранней бронзы края, К. В. Сальников отмечал, что «по состоянию наших знаний историю Южного Урала в широком плане можно излагать начиная с эпохи бронзы»¹.

За последние пять лет изучение энеолитических памятников Южного Урала заметно продвинулось. В частности, было открыто и обследовано несколько поселений, материалы которых позволяли предварительно составить общее представление о культуре населения Южного Урала в эту эпоху².

Особенный интерес среди указанных памятников представляют поселения Суртанды VIII, Карабалыкты IX и верхний слой поселения Мурат на озере Узункуль.

В период мезолита происходит окончательное заселение Южного Урала с юга населением, родственным ирано-среднеазиатскому. В конце этого периода население стабилизируется, становится прочно оседлым, что, очевидно связано преимущественно с развитием озерного рыболовства. В неолите особых передвижений не наблюдается — стабильность поселений сохраняется. Но примерно на рубеже III—II тыс. происходят значительные, на первый взгляд, внезапные и резкие перемещения населения. Оно внезапно покидает обжитые в течение тысячелетий побережья озер. Причем это переселение происходит без давления извне. Об этом может свидетельствовать тот факт, что на месте энеолитических поселений новые памятники не выявляются. С этих пор побережья озер Башкирского Зауралья не заселяются вплоть до современной эпохи.

В этот период зауральская керамика и металлы проникают далеко на запад по рекам Ай, Уфе и дальше до Верхнего Прикамья. Уральская керамика проникает на юг и на восток — в

¹ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы — АЭБ, I, стр. 16.

² Г. Н. Матюшин. Новые данные по мезолиту, неолиту и энеолиту Южного Урала. — «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966, стр. 53—54; его же. Исследование памятников каменного века на Южном Урале. — «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 106; его же. Работы на Южном Урале. — «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 119—120.

Казахстан и Среднюю Азию. Каковы причины этих резких изменений в жизни древнего населения Башкирии? Для выяснения их мы раскопали ряд поселений эпохи энеолита в Зауралье. Наиболее полно исследовано поселение Суртанды VIII в Абзелиловском районе БАССР. Интересные материалы дали также раскопки поселений Мурат (верхний слой) и Карабалыкты IX.

На поселении Суртанды VIII в 1967—1968 гг. вскрыта площадь около 500 кв. м, где обнаружена группа жилищ поздэнеолитического времени. Вместе с обильными находками из яшмы и кремня (около 40 000 экз.) и керамики были обнаружены 5 предметов из самородной меди. Подобный инвентарь был выявлен и при раскопках верхнего слоя поселения Мурат, на стоянке Карабалыкты (Линевое) IX и т. п. Всюду многотысячные коллекции кремневых орудий сопровождались единичными изделиями из самородной меди или из ее естественных сплавов. Металлические орудия изготовлены, как правило, из металла, добытого в рудниках Таш Казган и Бакр-Узяк. Позднее, в эпоху развитой бронзы, именно эти месторождения были источниками большой группы медно-мышьяковистых сплавов, из которых изготовлена преобладающая часть металлических предметов таких культур, как абашевская, приказанская, турбинская, баланбашевская и др.

Керамика на суртандинско-линевском этапе продолжает сохранять яйцевидную форму. Однако дно сосудов чаще становится округлым, венчик слегка отогнутым. Исчезают наплывы у венчиков. Появляется уплощенное дно. Орнаментальные узоры удивительно разнообразны — господствуют различные геометрические фигуры: треугольники, трапеции, ромбы, прямоугольники, многоугольники, которые составляют своеобразный узор, напоминающий пчелиные соты, всевозможные ломаные линии, шевроны. Членение зон преимущественно вертикальное.

Для керамики характерными являются также своеобразные лесенки, ограниченные вертикальным оттическом тонкой гребенки и заполненные горизонтальными оттическими того же штампа. Иногда эти лесенки обрамляются как бы бахромой из коротких оттических углом поставленного штампа (подобный прием орнамента типичен для абашевской керамики). Пространство между лесенками заполняется вертикальной ломаной змейкой, тянущейся к венчику сосуда.

Интересно заметить, что в чистом комплексе эта керамика впервые была прослежена в Прикамье, где она появилась в виде примеси на рубеже III и II тыс. до н. э.⁸ в инвентаре памятников типа Боровое I. По мнению О. Н. Бадера, с этой керамикой в Прикамье проник первый металл.⁹ Концентрация памятников суртандинско-линевского типа у древних рудников Таш Казган и Бакр-Узяк, снабжавших металлом племена турбинской, абашевской и других культур Восточной Европы, показывает как будто, что суртандинско-линевские племена довольно рано освоили металл, который отсюда распространился в Прикамье. Сказанное подтверждает и анализ состава металлических находок. Следовательно, суртандинские племена первые на Урале, в Восточной Европе и Западной Сибири освоили металл и самостоятельно достигли высокого уровня развития его обработки.

Исследование памятников суртандинско-линевского типа не позволяет полностью согласиться с характеристикой культуры энеолита Южного Урала, данной Н. П. Кипарисовой⁴, К. В. Сальниковым⁵, Л. Я. Крижевской⁷. Например, в инвентаре памятников суртандинского типа отсутствует керамика с веревочным орнаментом, ложной гребенкой, отступающей палочкой и вообще какими-либо типами прочерченного орнамента, которые, по мнению Н. П. Кипарисовой и других, типичны для энеолита и ранней бронзы Южного Урала. В распоряжении перечисленных выше исследователей имелся ограниченный материал, который, как показали наши сопоставления, оказался сильно смешанным и разновременным. Однослойные энеолитические памятники Южного Урала суртандинского типа теперь помогают нам разобраться в этом смешанном материале. Памятники суртандинского типа, как правило, представляют финальные стадии заселения озер Башкирского Зауралья. Видимо, это совпадает с упомянутым выше массовым переселением многочисленного населения с побережья озер в поймы соседних небольших рек. Судя по исчезновению в инвентаре памятников этого типа

⁸ О. Н. Бадер. Поселение Турбинского типа в Среднем Прикамье — МИА, 1969, № 99, рис. 13, 30.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ Н. П. Кипарисова. О культурах лесного Зауралья. — СА, № 2, 1960, стр. 7—25.

⁷ К. В. Сальников. Новый вариант раннебронзово-й культуры Зауралья. — КСИА, вып. 85. М., 1961, стр. 3—10; его же. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. — СА, № 2. М., 1961, стр. 37—48.

⁹ Л. Я. Крижевская. Стоянка Чесбаркуль II эпохи неолита и раннего металла. — ВАУ, № 2. Свердловск, 1962, стр. 31—32.

крупных грузил и появлению повсеместно костей домашних животных и зернооток, рыболовство перестает быть главным занятием населения. Новые формы хозяйства, очевидно, обусловили переселения с берегов озер в более удобные для земледелия и скотоводства поймы рек. Приходят в упадок и мастерские. В связи с появлением металла каменные орудия начинают терять свое значение. Однако на суртандинской стадии развития они еще продолжают функционировать, а каменные орудия преобладать. Мобильность способствовала населению установить более тесные связи с племенами всего Предуралья. Об этом свидетельствует не только проникновение керамики и металла, но и распространение изделий из зауральской яшмы вплоть до устья р. Белой (Сауз III), а керамики и металла — в Прикамье.

Исследование памятников суртандинского типа позволяет составить первое представление о важной эпохе древней истории Южного Урала. Дальнейшие раскопки этих памятников помогут решить проблемы происхождения культур эпохи развитой бронзы — абашевской, андроновской и срубной. Уже сейчас можно отметить сходство орнаментальных мотивов керамики энеолитических памятников Башкирии и сосудов эпохи бронзы.

Дальнейшие исследования покажут степень участия энеолитического населения в происхождении культур эпохи бронзы Южного Урала. О несомненности такого участия и говорит сходство керамики энеолита и бронзы Южного Урала.

А. Х. ШЕНИЧЮК

КАРА-АБЫЗСКАЯ КУЛЬТУРА

(население центральной Башкирии на рубеже нашей эры)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из сложных и малозученных вопросов в археологии Западного Приуралья эпохи раннего железа является проблема так называемой кара-абызской (уфимской) культуры. Несмотря на более чем полувековую историю изучения кара-абызских памятников, многие вопросы, связанные с их интерпретацией, остаются спорными до настоящего времени. К числу их прежде всего нужно отнести хронологию, культурную принадлежность кара-абызских памятников и их место среди синхронных культур соседних территорий. Выяснение этих и связанных с ними других вопросов имеет важное значение в плане изучения как истории населения центральной Башкирии, где сосредоточены кара-абызские памятники, так и для выяснения общих этнических процессов на территории всего Западного Приуралья в эпоху раннего железа. Открытие в последние годы на соседних с Башкирией территориях (Пермская область, Татарская и Марийская АССР) ряда памятников, материальная культура которых перекликается с кара-абызской, повысило интерес к Приуральским памятникам; появились работы, в которых проводятся сопоставления кара-абызских материалов с синхронными памятниками соседних территорий; делается попытка определить место и роль кара-абызских племен в формировании более поздних этнокультурных объединений¹. Все это настоятельно требует более полного освещения кара-абызской проблемы в свете вновь накопленных материалов.

Сложность кара-абызской проблемы объясняется не только слабой изученностью, но и географическим размещением их на стыке двух больших природных зон — лесного севера и степного юга. Постоянные культурные и этнические контакты между населением этих районов нашли яркое отражение в памятниках кара-абызской культуры. С одной стороны, мы видим в них элементы прикамских культур, а с другой — прослеживается постоянное влияние и этнические включения южных и юго-восточных племен. Смешанность материалов кара-абызских памятников явилась основой разногласий в определении их культурной принадлежности. Одни исследователи считают их самостоятельной культурой, другие — вариантом ананьинской и пьяноборской культур. Эти разногласия носят методический характер и обусловлены различным пони-

¹ А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. — Труды Марийской археологической экспедиции, т. 2. Йошкар-Ола, 1962, стр. 20; В. А. Оборин. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа. — АЭБ, т. 2. Уфа, 1964, стр. 130, 132; В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры. — Там же, стр. 112—113.

манием исследователями термина «археологическая культура»⁴. Следует также учесть, что археологи располагали неполной информацией о результатах последних лет работ на кара-абызских памятниках. Анализ накопленного к настоящему времени материала убеждает в том, что кара-абызские памятники целесообразно выделить в самостоятельную археологическую культуру.

В кара-абызскую культуру нами объединяются памятники IV в. до н. э.— II в. н. э.— поселения и могильники, расположенные по правобережью среднего течения р. Белой (территория центральной Башкирии). Для поселений характерны большие площадки, мощный культурный слой и круглодонная керамика чашевидной формы с ямочным орнаментом. Могильники грунтовые, погребения совершены в ямах простой конструкции, кости лежат выгнуто на спине, преимущественно ориентированы ногами к реке. Есть основание считать, что все кара-абызские памятники сосредоточены по правому берегу среднего течения р. Белой и в устье р. Уфы, так как обследование почти всех правых и левых притоков р. Белой — рек Чермасана, Кармасана, Демы, Уршака, Зилима, Зигана, Инзера, Бирн, нижнего течения р. Уфы и ее правых притоков — Усы и Иззика — не дали ни одного кара-абызского памятника⁵.

Самым северным памятником является II Бирское городище на территории г. Бирска, и самым южным — Воскресенское городище в Гафурийском районе. Расстояние между ними не превышает 250 км. Из 23 известных памятников 7 могильников, 11 городищ, 5 селищ (рис. 1).

Первые сведения об археологических памятниках, относимых ныне к кара-абызской культуре, мы находим в путевых записках Н. П. Рычкова. Им были описаны городища Кара-Абыз близ г. Благовещенска, Уфимское (Чертово), Бирское⁶.

В 1894 г. небольшие раскопки на городище Кара-Абыз, предпринятые Ф. Д. Нефедовым, положили начало исследованию памятников этого типа. Культурный слой памятника дал большое количество обломков костей животных и керамики. Из вещей были найдены наконечники стрел, железное копье, бронзовые бляшки, парные полуцилиндрики, бронзовые и железные пронизки⁷. Однако эти работы носили больше любительский характер, нежели исследовательский.

Первые научные раскопки кара-абызских памятников были осуществлены В. В. Гольмстен, исследовавшей в течение трехлетних сезонов (1910—1912 гг.) Уфимские (Чертово) городище и могильник. Системой траншей ею была вскрыта значительная площадь, прослежена стратиграфия, собрана небольшая коллекция вещевого материала⁸. На могильнике, расположенном за валом городища, исследовано 28 погребений⁹. В. В. Гольмстен опубликовала лишь материал первого года раскопок (14 погребений могильника). Но, располагая даже таким ограниченным материалом, автор отметила как сходство, так и различия Уфимского могильника с ананьинскими и пьяноборскими памятниками Прикамья, полагая, что «по-видимому Уфимский могильник должен принадлежать если не совершенно новой, то, по меньшей мере, малозвестной культуре»¹⁰. Таким образом, уже тогда был поднят вопрос об отношении памятников с территории центральной Башкирии к ананьинским и пьяноборским памятникам Прикамья.

В 1928 г. археологический отряд Башкирской экспедиции АН СССР под руководством А. В. Шмидта произвел большие раскопки на городище Кара-Абыз. В центре городища было заложено два шурфа общей площадью 13 кв. м и перелочной траншеей прорезан вал¹¹. К этому времени, главным образом благодаря сборам краеведа М. И. Касьянова, был накоплен небольшой материал с некоторых других поселений, давших керамику, аналогичную керамике из Кара-Абызского городища (селища Воронки, Курман-Тау, городища Воскресенское, Охлебининское). Это позволило А. В. Шмидту очертить примерные границы распространения кара-абызских

⁴ А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4; А. Л. Могайт. Археологические культуры и этнические общности. Обсуждение статьи А. Л. Могайт. — «Народы Азии и Африки», 1967, № 1.

⁵ Разведки А. П. Шокурова, Г. И. Матвеевой, А. Х. Пшеничюка.

⁶ Н. П. Рычков. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. СПб., 1770, стр. 140—142.

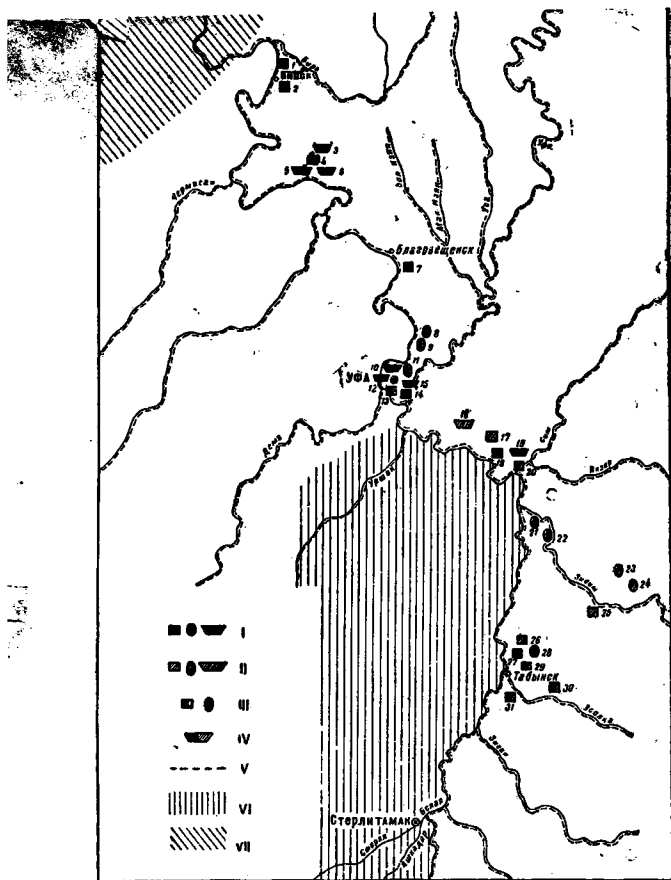
⁷ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье. — МАВГ, 1889, т. 3, стр. 70—71.

⁸ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, 30, стр. 303—307.

⁹ В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы, 1913; Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени. — КСИИМК, вып. 48, 1952.

¹⁰ В. В. Гольмстен. Указ. соч., стр. 13.

¹¹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР. Приложение к журналу «Хозяйство Башкирии», 1929, № 8—9.

Р и с. 1. Карта кара-абыских и гафурийско-убаларских памятников.

I— кара-абыские городища, селения, могильники; II— гафурийско-убаларские городища, селения, могильники; III— городища и селения со смешанным культурным слоем; IV— кара-абыские могильники, в которых встречена гафурийско-убаларская керамика V— маршруты разведочных обследований; VI— территория расселения сарматских племен; VII— ныаоборская культура.

1— II Бирское городище, 2— I Бирское городище, 3— II Виктимировский могильник, 4— Виктимировское городище, 5— I Виктимировский могильник, 6— III Виктимировский могильник, 7— городище Кара-Абды, 8— Черняковское селение, 9— селение Воронки, 10— Галамовский могильник, 11— селение Лудинье I, 12— Новый Уфимский могильник, 13— IV Уфимское городище, 14— Уфимское (Чоротово) городище, 15— Уфимский могильник, 16— Шиповский могильник, 17— Шиповское городище, 18— I Охлебининское городище, 19— Охлебининский могильник, 20— II Охлебининское городище, 21— селение Магаш, 22— селение Магаш II, 23— Хамидовское селение, 24— селение Убалар, 25— городище Кара-Елга, 26— Курматязевское городище, 27— Касьяновское городище, 28— селение Курман-Тай, 29— Михайловское городище, 30— Воскресенское городище, 31— Табынское городище.

памятников, провести более широкие сопоставления с ананьинской культурой. Как и В. В. Гольмстен, он отметил общность и различия кара-абызских памятников с ананьинскими. Причем различия между ними А. В. Шмидт считал настолько существенными, что уфимские памятники он предложил выделить в особую культуру, синхронную ананьинской. Тогда и появились термины «уфимская», или «кара-абызская культура», «кара-абызские памятники». Одновременно А. В. Шмидт указал не только на различия, но и на сходство бельских и прикамских памятников; на этом основании он оба района объединил в одну прикамскую культурную область эпохи конца бронзы и раннего железа¹⁰.

После экспедиции А. В. Шмидта в изучении кара-абызских памятников наступает длительный перерыв, продолжавшийся почти до середины 50-х годов. Однако в литературе вопрос о них поднимался неоднократно.

В диссертационной работе Е. Ф. Лагодовской «Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до начала нашей эры», написанной в 1943 г., значительное место было уделено и кара-абызским памятникам. По основным вопросам автор полностью восприняла выводы А. В. Шмидта, считая их самостоятельной культурой ананьинского времени. Е. Ф. Лагодовская предложила заменить термин «уфимская» культура «кара-абызской» по названию наиболее полно изученного памятника¹¹.

В 1945 г. сотрудник Башкирского краеведческого музея Б. А. Койшевский составил карту археологических памятников («Картотека Койшевского»), в которой учел все известные к тому времени археологические памятники и случайные находки вещей и керамики¹². Им же в 1948 г. была написана статья об итогах археологического изучения территории Башкирии. В ней он касается и кара-абызских памятников, ссылаясь главным образом на диссертацию Е. Ф. Лагодовской¹³.

В 1952 г. вышла работа А. П. Смирнова «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья», в которой вопрос о кара-абызской культуре автор затрагивает попутно¹⁴. Детально кара-абызские памятники рассмотрены в другой работе А. П. Смирнова — «Железный век Башкирии»¹⁵.

Значительное место кара-абызским памятникам уделено в монографическом исследовании А. В. Збруевой, рассматривавшей их как бельский вариант ананьинской культуры. Здесь впервые были опубликованы результаты раскопок Уфимского (Чертова) городища¹⁶.

В своих исследованиях Е. Ф. Лагодовская, А. В. Збруева и А. П. Смирнов опирались, главным образом, на тот же фактический материал, который был известен уже А. В. Шмидту, поэтому и выводы их в целом совпадают. Расхождения касаются, главным образом, вопроса культурной принадлежности кара-абызских памятников. А. В. Шмидт и вслед за ним Е. Ф. Лагодовская выделяли их в самостоятельную культуру, А. В. Збруева и А. П. Смирнов причисляли к ананьинской культуре, хотя также отмечали различия в материалах этих групп памятников.

В 1952 г. во время земляных работ при строительстве зданий Башкирского государственного университета был открыт новый могильник эпохи раннего железа (Новый Уфимский могильник). Р. Б. Ахмеров в течение 1952—1956 гг. на этом памятнике удалось обследовать 23 разрушенных погребения. Собранный материал позволил автору отнести эти погребения к пьяноборской культуре. Таким образом, Р. Б. Ахмеров первый пришел к выводу о том, что кара-абызские памятники Башкирии существовали как в ананьинское, так и в пьяноборское время. Учитывая некоторое своеобразие памятников ананьинского времени территории Башкирии, Р. Б. Ахмеров считает возможным выделить кара-абызские памятники в самостоятельную культуру¹⁷.

¹⁰ А. В. Ш м и д т. Указ. соч., стр. 14—15.

¹¹ Е. Ф. Лагодовская. Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до нашей эры. Рукопись, 1943, Архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 39, ед. хр. 1, стр. 80—128.

¹² Картотека сведений об археологических памятниках Башкирии, составленная Б. А. Койшевским. — Архив Института археологии АН СССР.

¹³ Б. А. К о и ш е в с к и й. Итоги археологического изучения Башкирской АССР. — «Историко-археологический сборник». М., 1948.

¹⁴ А. П. С м и р н о в. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. — МИА, 1952, № 28, стр. 62, 70—71.

¹⁵ А. П. С м и р н о в. Железный век Башкирии. — МИА, 1957, № 58, стр. 28—36.

¹⁶ А. В. З б р у е в а. Указ. соч.

¹⁷ Р. Б. А х м е р о в. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени. — СА, 1959, № 1.

В 1953—1956 гг. Г. В. Юсупов вскрыл значительные площади на селище Курман-Тау, городища Касьяновском, Воскресенском, Табынском, Курмантаевском в Гафурийском районе ¹⁸, а Т. Н. Троицкая в 1955 г. провела небольшие работы на Михайловском городище того же района ¹⁹. В результате был собран значительный вещевой материал, состоящий преимущественно из обломков керамики. Исходя, главным образом, из материалов гафурийских поселений, а также учитывая результаты ранее исследованных памятников, Г. В. Юсупов указывал на серьезные отличия кара-абызских памятников от ананьинских памятников Прикамья и считал возможным объединить их в самостоятельную уфимскую культуру ананьинского времени ²⁰.

Т. Н. Троицкая, не затрагивая вопрос по существу, отметила лишь, что, по ее мнению, уфимская культура является вариантом ананьинской ²¹.

В 1960—1961 гг. Н. А. Мажитовым были проведены раскопки на территории г. Уфы, в районе улиц Пушкина и Галанова (Галановский могильник). Во время прокладки водопроводной траншеи здесь было разрушено несколько погребений, что и побудило провести исследование, вскрывшее 15 погребений, 5 из которых относятся к эпохе раннего железа ²².

Новые материалы, накопленные за период 1952—1961 гг., несколько изменили сложившееся мнение о характере кара-абызских памятников. Стало ясным, что некоторые кара-абызские поселения многослойны и содержат разнотипный керамический материал. Гафурийские же поселения дали разнообразную керамику как по форме, так и по примеси и орнаменту. Из Нового Уфимского и Галановского могильников были получены погребальные комплексы, датирующиеся рубежом нашей эры, т. е. временем, которое до сих пор было представлено на территории центральной Башкирии лишь единичными случайными находками. Был поставлен вопрос о существовании кара-абызских памятников в пьаноборское время.

Новые материалы вызвали стремление разобраться в многообразии керамических типов, выяснить истоки этих типов, определить хронологические рамки кара-абызских памятников. В. Ф. Генинг, анализируя керамику гафурийских поселений (из раскопок Г. В. Юсупова и Т. Н. Троицкой), пришел к выводу, что эти памятники многослойные и охватывают всю эпоху раннего железа с VII в. до н. э. по III в. н. э. ²³. Однако предложенное им деление керамики на типы по примеси в глине не дает желаемого результата, так как зачастую один и тот же тип керамики имеет разную примесь.

Н. А. Мажитов также высказал мнение, что кара-абызские поселения многослойны. Всю керамику он сгруппировал в три типа: позднеабашевскую, ананьинскую и кара-абызскую. Первые два типа он датировал ананьинским временем, а кара-абызский тип — пьаноборским ²⁴.

Однако попытки определить хронологические рамки кара-абызских памятников, разобраться в многообразии керамических типов наталкивались на малочисленность и отрывочность материалов. Остро сказывалась слабая изученность могильников. Немногие погребения, вскрытые при раскопках Уфимского, Нового Уфимского и Галановского могильников, в большинстве своем были разрушены во время земляных работ, что снижало их научную ценность. Не было четкой стратиграфической шкалы для поселений, отсутствовали статистические данные по керамике. Все это настоятельно требовало исследования новых, хорошо сохранившихся памятников.

Начиная с 1962 г. раскопки кара-абызских памятников велась автором этой работы. Особое внимание было уделено исследованию могильников. В течение 1962—1964 гг. раскапывались I, II и III Биктимировские могильники, в 1965 г. — Охлебининский. В общей сложности было вскрыто 202 погребения, получен богатый вещественный и антропологический материал. Были произведены раскопки и на ряде поселений: Биктимировском, Охлебининском I и II, Воскресенском городищах, на селцах Воронки, Дудкино I. Это позволило проследить стратиграфию, получить хорошие статистические данные. С поселений собрана большая коллекция керамического и остеологического материала.

¹⁸ Г. В. Юсупов. Археологические разведки в Башкирии. — КСИМК, вып. 64, 1956; е го ж е. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. — «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

¹⁹ Т. Н. Троицкая. Раскопки Михайловского городища в Башкирии. — «Башкирский археологический сборник». Уфа, 1959.

²⁰ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 86—87.

²¹ Т. Н. Троицкая. Указ. соч., стр. 96.

²² Н. А. Мажитов. Отчет за 1961 г. — Архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 29, ед. хр. 44, стр. 36—42.

²³ В. Ф. Генинг. Проблемы изучения железного века Урала. — ВАУ, вып. I. Свердловск, 1961, стр. 27.

²⁴ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, стр. 57—59.

Результаты этих исследований в основном опубликованы²⁵. В предлагаемой работе на основе всего накопленного к настоящему времени материала по кара-абызской культуре дается общая характеристика культуры, делается попытка проследить историю кара-абызских племен, их происхождение, хозяйство, связи с соседними племенами.

1. МОГИЛЬНИКИ И ИХ ПЕРИОДИЗАЦИЯ

На территории центральной Башкирии известно 7 могильников кара-абызской культуры, которые характеризуются большими площадями, грунтовым характером захоронений и богатством погребального инвентаря.

Представление о размерах могильников может дать Охлебининский могильник, расположенный в Иглинском районе у устья р. Сим. Вскрытые на памятнике 115 могил составляют не более 1/100 всех захоронений²⁶. Очевидно, велик был и Новый Уфимский могильник²⁷. Несколько ранее погребения с идентичным инвентарем были обнаружены при земляных работах в г. Уфе на стадионе «Динамо» и на территории медицинского института²⁸, которые расположены примерно на 500—600 м восточнее университета. В дневнике М. И. Касьянова есть упоминание о находках вещей эпохи раннего железа в Черкалийском овраге²⁹—400—500 м западнее университета. По плану, опубликованному Р. Б. Ахмеровым, площадь могильника составляет не менее 140000 кв. м³⁰, а если учесть находки на стадионе «Динамо», у медицинского института и в Черкалийском овраге, то она составит не менее 200 000 кв. м.

Границы Биктимировского I и III могильников не установлены. Возможно, что это один могильник: I Биктимировский могильник расположен на северной окраине дер. Ново-Биктимирово (рис. 2), а III Биктимировский — на южной (рис. 3). Разделяющий их участок протяженностью в 600—700 м, занятый огородами и постройками, не раскапывался.

Какой-либо закономерности в отношении топографического расположения могильников выявить не удалось. В большинстве случаев они обнаружены рядом с городищами. Охлебининский и Уфимский могильники расположены на тех же высоких террасах, что и городища. Биктимировские I и III могильники занимают невысокие террасы, отделенные от городища маленькими ручейками, а II Биктимировский могильник расположен на склоне городищенской горы. Новый Уфимский могильник также расположен рядом с городищем, почти полностью разрушенным при планировке площадки для установления памятника Салавату Юлаеву.

Хронология и периодизация. На 7 могильниках вскрыто всего 249 погребений (на Уфимском — 28, Новом Уфимском — 24, Галановском — 5, I Биктимировском — 68, II Биктимировском — 2, III Биктимировском — 17, Охлебининском — 115). Они охватывают время с IV в. до н. э. до II в. н. э. За этот период культура кара-абызского населения естественно развивалась. Изменения наиболее ярко прослеживаются на материалах погребений. Корреляция погребений по принципу сходства состава инвентаря позволяет выделить несколько групп, которые отражают этапы развития культуры кара-абызского населения в указанный период.

Периодизация памятников центральной Башкирии эпохи раннего железа была намечена уже в первых работах, посвященных кара-абызским памятникам. А. В. Шмидт, располагая довольно ограниченным материалом, писал, что памятники типа городища Кара-Абыз датируются ананьинским временем, а вопрос о существовании их в пьяноборскую эпоху остается пока открытым³¹. А. В. Збруева и А. П. Смирнов подразделяли памятники раннего железа с территорий Башкирии на ананьинские и пьяноборские³². Р. Б. Ахмеров погребения Нового Уфимского могильника

²⁵ А. Х. Пшенично к. Биктимировский могильник. — АЭБ, т. 2, Уфа, 1964; е го же. К вопросу о керамике кара-абызских поселений. — АЭБ, т. 2; е го же. Об этнокультурных контактах кара-абызских племен. — «Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы АН СССР за 1965 год». Уфа, 1966; е го же. Формирование кара-абызской культуры. — Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967; е го же. О периодизации кара-абызских памятников. — УЗПГУ, № 148, Пермь, 1967; е го же. Охлебининский могильник. — АЭБ, т. 3.

²⁶ А. Х. Пшенично к. Охлебининский могильник.

²⁷ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник...

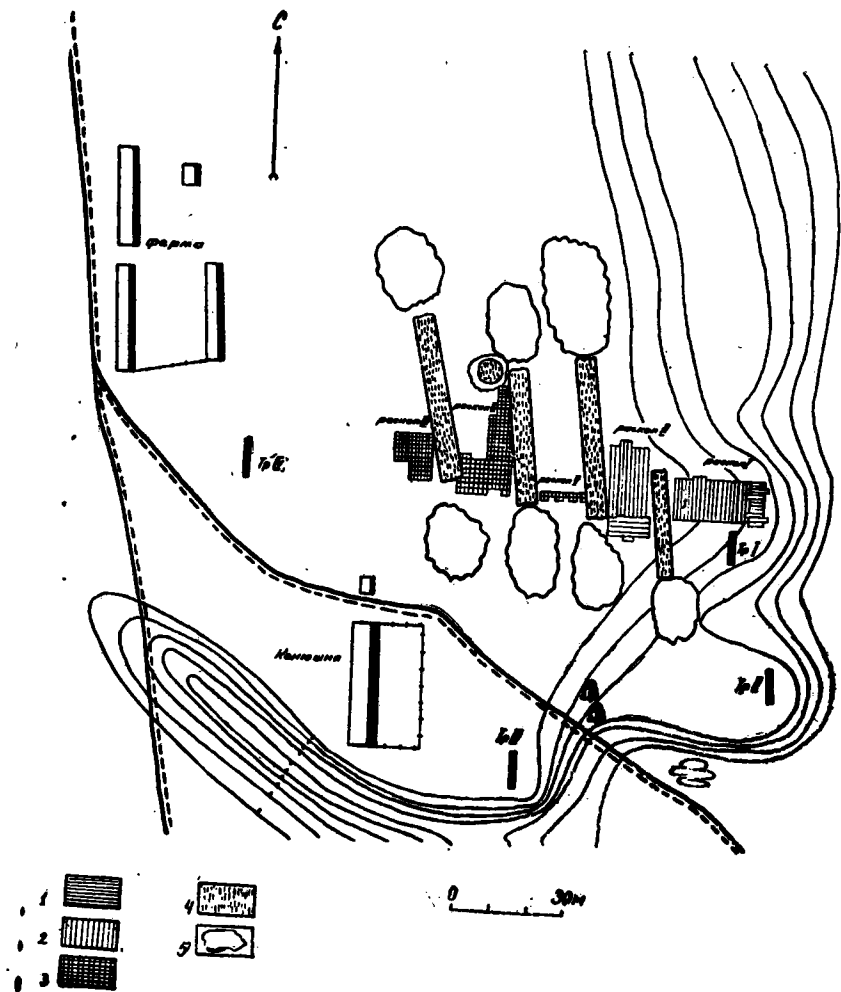
²⁸ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 35.

²⁹ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник..., стр. 159.

³⁰ Там же, рис. 1.

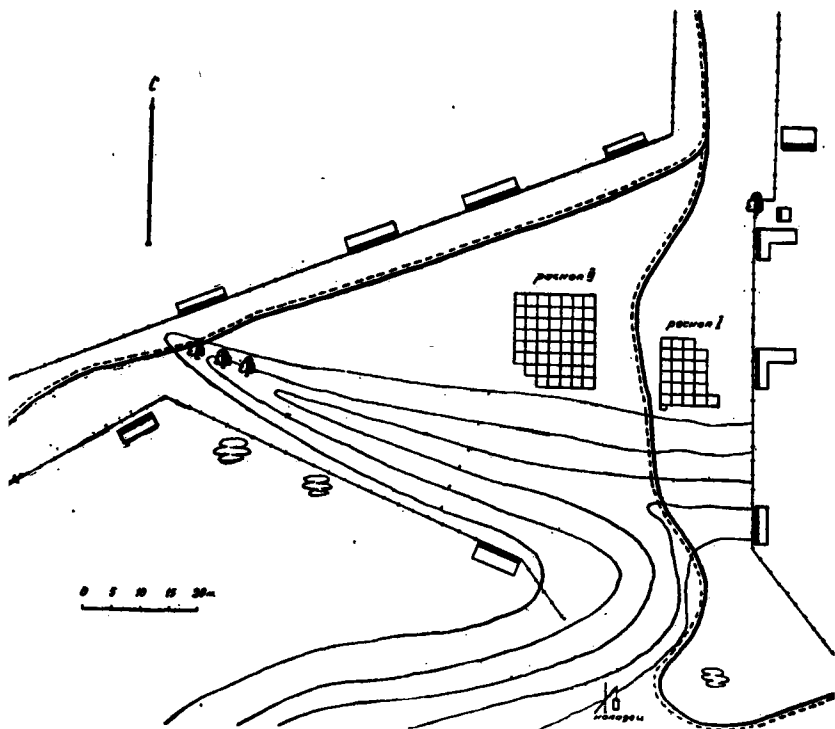
³¹ А. В. Шмидт. Археологические изыскания..., стр. 14.

³² А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 43—44; А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр.

Р и с. 2. План I Биктимировского могильника.

1—раскопы 1962 г., 2—раскопы 1963 г., 3—раскопы 1964 г., 4—силосные траншеи,
5—выбросы из траншей.

Р и с. 3. План III Виктимировского могильника.

ка также делит на две группы: ананьинские и пьяноборские²³. Эта периодизация, которой придерживались и другие исследователи²⁴, была основана на материалах прикамских памятников. Изучение вновь накопленного материала из раскопок последних лет показало, что указанная периодизация не является универсальной и не отражает особенностей развития культуры населения территории Башкирии в изучаемое время. Нами разработана новая периодизация кара-

²³ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник...

²⁴ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 85—86; К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии.— АЭВ, т. 2, стр. 10—11; В. Ф. Генниг. К вопросу об этническом составе..., стр. 113; П. Ф. Ищеринов, Н. А. Мажитов. Горюдище Уфа II.— АЭВ, т. I, стр. 148—149.

абызской культуры, несколько отличающаяся от периодизации ананьинской и пьяноборской культур Прикамья. Дата ранних кара-абызских погребений надежно определяется IV в. до н. э. на основании ряда предметов, имеющих многочисленные аналоги в твердо датированных южных памятниках. Принято считать, что в Прикамье ананьинская культура сменяется пьяноборской примерно в середине III в. до н. э. Подчиняя кара-абызские памятники прикамской периодизации, мы искусственно вынуждены будем расчлнить несомненно единый комплекс памятников на 2 культуры или же считать их переходными, как это было с Уфимским могильником³⁶. Это несовпадение начальных дат бельских и прикамских памятников объясняется, очевидно, различной исторической обстановкой. Население центральной Башкирии испытывало постоянное влияние со стороны южных и юго-восточных племен. Это не могло не сказаться на общем ходе их исторического развития. На юге и юго-востоке в IV в. до н. э. начинают складываться новые культуры (прохоровская, гороховская)³⁶, отражающие процесс формирования здесь племенных союзов. В этом плане периодизация кара-абызской культуры в целом более соответствует сарматской, нежели прикамской.

Предварительные выводы о периодизации кара-абызской культуры были сообщены нами на IV Уральском археологическом совещании в г. Перми. Все имеющиеся к тому времени погребения эпохи раннего железа центральной Башкирии были разделены на 3 хронологические группы. I группа (V—IV вв. до н. э.) была отнесена к ананьинской культуре, а две последующие (IV—II вв. до н. э. и II в. до н. э.— I в. н. э.) выделены в самостоятельную кара-абызскую культуру³⁷. Уже тогда отмечалось, что погребения Уфимского могильника, датирующиеся IV—III вв. до н. э., значительно отличаются от погребений III—II вв. до н. э., богато представленных в I и III Биктимировских могильниках. В настоящее время после раскопок Охлебининского могильника обнаружены новые ранние погребальные комплексы и это дает возможность уточнить предложенную периодизацию.

Основой нашей периодизации являются данные, полученные, как отмечалось выше, в результате корреляции погребений кара-абызских могильников. Отметим, что мужские и женские погребения резко отличаются по составу инвентаря и поэтому на практике коррелировать их было возможно лишь отдельно внутри соответствующих групп. В таблицы не включены погребения без вещей, а также те, инвентарь которых ограничивается двумя-тремя маловыразительными находками. Составленные таблицы не отражают всей полноты и разнообразия вещевого материала: близкие и однозначные предметы объединены в типы, часть единичных вещей не включена вообще.

В общей сложности в корреляционную таблицу женских погребений включено 67, в таблицу мужских — 80 погребений (рис. 4—5). Анализ обеих таблиц показывает, что все погребения довольно четко разделяются на 3 группы, которые соответствуют определенным этапам развития культуры кара-абызских племен.

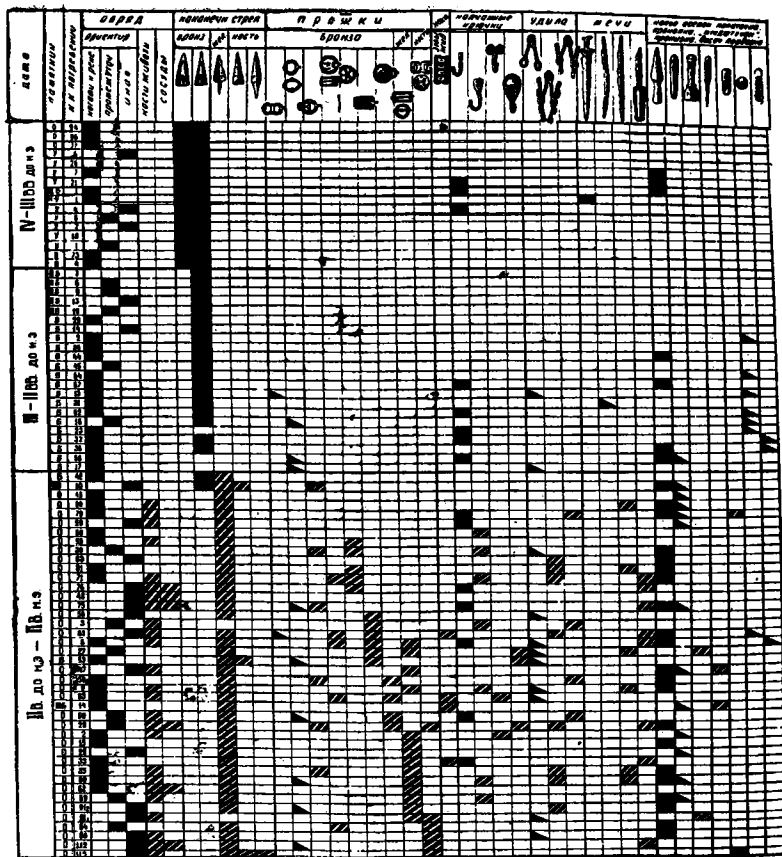
В количественном отношении этапы представлены по-разному. Наименьшее число исследованных погребений относится к I этапу. Сюда относятся погребения Уфимского могильника, ранние погребения Охлебининского могильника, два погребения III Биктимировского и одно Нового Уфимского могильников. Из перечисленных в таблицы включено 29 погребений (16 мужских и 13 женских). Ко II этапу относится большинство погребений I и III Биктимировских могильников и, видимо, оба погребения II Биктимировского, одно погребение Охлебининского могильников. На II Биктимировском могильнике вскрыто лишь 2 погребения, причем одно из них оказалось без вещей, а во втором найдены лишь бронзовые наконечники стрел III—II вв. до н. э. В корреляционные таблицы включено 38 погребений (16 женских и 22 мужских). Основная масса известных погребений относится к III этапу. Погребения этого периода имеются в Охлебининском, I и III Биктимировских, Галановском, Новом Уфимском могильниках — всего около 150. В корреляционные таблицы включено только 42 мужских и 38 женских погребений, поскольку инвентарь остальных погребений этого времени беден и невыразителен.

Почти не учтены в корреляционных таблицах погребения Нового Уфимского могильника. Все они разрушены во время строительных работ, при которых неминуема частичная утрата

³⁶ А. В. З б р у е в а. Указ. соч., стр. 43—44; А. П. С м и р н о в. Железный век Башкирии, стр. 31—32.

³⁷ Б. Н. Г р а к о в. Пережитки матриархата у сарматов.— ВДИ, 1947, № 3; К. Ф. С м и р н о в. Савроматы, стр. 286—290; К. В. С а л ь н и к о в. Городище «Чудак» Челябинской области по раскопкам 1937 г.—СА, 1947, IX, стр. 235.

³⁸ А. Х. П ш е н и ч ю к. О периодизации...

Р и с. 5. Корреляционная таблица мужских погребений.

вещей, смещение их с материалами других погребений. В I и III Биктимировских могильниках выделены по 2 погребения III этапа, а основная масса их датируется более ранним временем.

* *

На основании ряда датированных предметов возраст погребений I этапа определяется IV—III вв. до н. э. В мужских погребениях таковыми являются бронзовые наконечники стрел скифо-сарматского типа (рис. 6, 1—4), хронологическая классификация которых хорошо разра-

ботана³⁸. Наконечники стрел удлиненных правильных пропорций представляют из себя наиболее поздние варианты и датируются временем развитой прохоровской культуры — III—II вв. до н. э. Сочетание их со стрелами со сводчатыми или дуговидными головками, что характерно для мужских погребений I этапа, позволяет датировать их несколько более ранним временем. Такое соотношение наконечников стрел характерно в основном для IV—III вв. до н. э.³⁹

Железный меч из первого погребения Нового Уфимского могильника относится к так называемому переходному этапу от савроматской к прохоровской культуре. Он имеет серповидное навершие и слегка изогнутое вниз перекрестие (см. рис. 6, б). Такие мечи датируются обычно IV в. до н. э.⁴⁰

Височные подвески восьмеркообразной формы (см. рис. 6, 10) известны в «Частых курганах», в комплексах IV—III вв. до н. э.⁴¹. Аналогичная подвеска найдена в погребении 43 Зуевского могильника⁴², которое датируется IV—III вв. до н. э. височным колечком с заходящими концами⁴³.

Прямые аналоги бронзовым крючкам (рис. 7, 1—5) нам неизвестны. Однако близкие им по форме поясные застежки известны в «Частых курганах», где они датируются IV—III вв. до н. э.⁴⁴, в памятниках ананьинской культуры⁴⁵.

Прямоугольные бронзовые накладки с углубленным треугольным орнаментом встречаются в основном в погребениях III этапа. Обломок такой же накладки в погребении 15 Уфимского могильника (см. рис. 4) является, очевидно, наиболее ранним из них. Это не единственный случай, когда прямоугольные накладки встречаются в столь раннее время. Аналогичная накладка найдена в сарматском погребении IV—III вв. до н. э. (погребение 15, курган 3, Ленинск)⁴⁶.

Несколько неожиданно для этого периода и височная спиральная подвеска из погребения 19 Уфимского могильника (см. рис. 4). Подвески этого типа характерны главным образом для III этапа, в нескольких экземплярах они найдены в комплексах III—II вв. до н. э., но только в мужских погребениях. Весь остальной инвентарь погребения 19 (поясной крючок, гривна, обоймочки) не позволяет датировать его позже. В данном случае мы опять-таки имеем дело, видимо, с наиболее ранним для кара-абызской культуры экземпляром этого типа височных подвесок. Близкие по форме бронзовые височные подвески-серьги довольно часто встречаются на юге и в более ранних комплексах, VI—IV вв. до н. э.⁴⁷

Как видно из корреляционных таблиц, к I этапу полностью отнесен Уфимский могильник. Одно из погребений этого могильника (№13) А. П. Смирнов датировал пьяноборским временем — II в. до н. э.⁴⁸. Основанием для такой поздней датировки послужили прямоугольные бляхи со стилизованным изображением оленя (см. рис. 7, 8). В последние годы аналогичные бляхи встречены нами в III Биктимировском и Охлебининском могильниках в комплексах, датирующихся не позднее IV—III вв. до н. э. Так, в погребении 34 Охлебининского могильника бронзовая бляха со стилизованным изображением оленя найдена вместе с такими сравнительно твердо датируемыми IV—III вв. до н. э. предметами, как бронзовый поясной крючок и восьмеркообразные височные подвески. Датируя погребение 13 Уфимского могильника II в. до н. э., А. П. Смирнов отмечал в то же время, что некоторые предметы из этого погребения (бляха с изображением двух

³⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.— МИА, 101, 1961; М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах.— КСИА, 1962, вып. 89; К. А. Кишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 113 и след.

³⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. Свод. вып. Д1-10, 1963, стр. 31.

⁴⁰ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, рис. 7; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, табл. 18.

⁴¹ С. Н. Замятин и Н. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем.— СА, 1946, VIII, рис. 26; П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону. Свод. вып. Д1-31, табл. 21, 30.

⁴² «Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г.», Л, 1933, табл. IV, рис. 28.

⁴³ Там же, стр. 11, табл. VI, рис. 4.

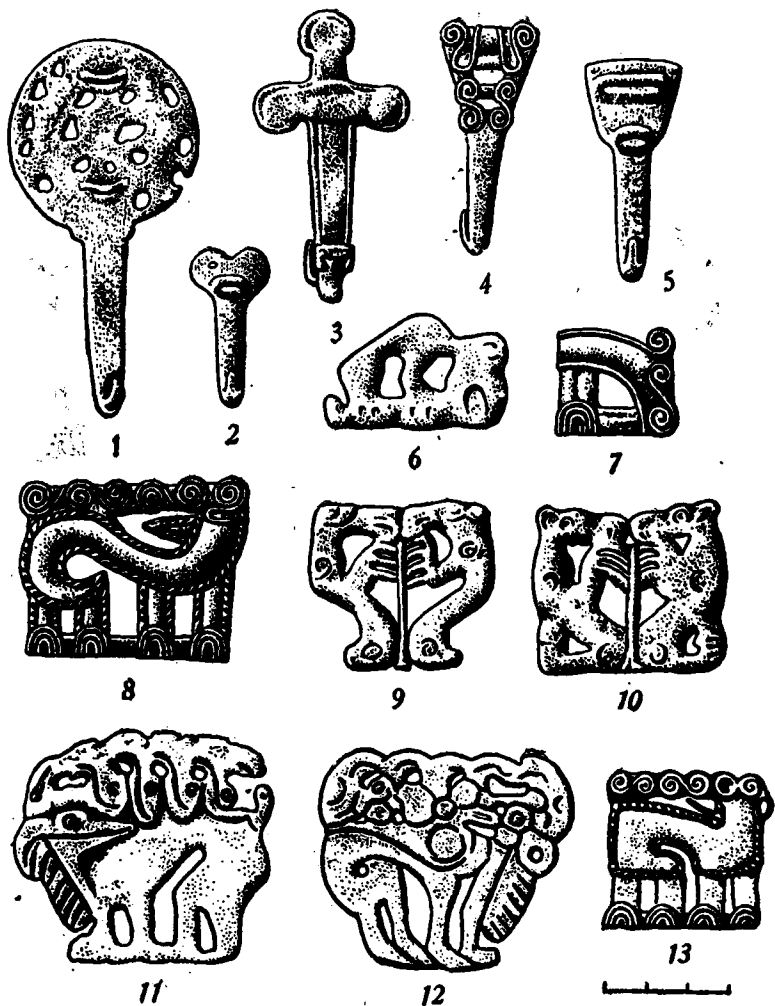
⁴⁴ С. Н. Замятин. Указ. соч., рис. 27.

⁴⁵ А. В. Збруева. Указ. соч., табл. XXXI, рис. 1—10.

⁴⁶ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, табл. 32, 8.

⁴⁷ Е. И. Крупин. Северокавказская археологическая экспедиция.— КСИИМК, 1947, вып. 17, рис. 44, 27; Т. Н. Троицкая. Могильник у села Белоглинка.— СА, 1957, XXVII, рис. 2, 2; Н. В. Афионов. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабийской.— МИА, 1961, 23, стр. 162, рис. 2, 3; О. А. Артамонова-Полтавцева. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период.— СА, 1960, XIV, рис. 9, 4.

⁴⁸ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории..., стр. 70—71; его же. Железный век Башкирии, стр. 32—33.

Р и с. 7. Инвентарь из женских погребений I этапа.
 1—10— Уфимский могильник, 11—13—III Вихтимировский могильник.

животных, железный нож серповидной формы) не выходят за рамки IV—III вв. до н. э.⁴⁹ Кроме перечисленных вещей в этом погребении найдена бронзовая проволочная гривна с заходящими концами. Гривны такого типа во всех кара-абызских могильниках встречаются только в комплексах IV—III вв. до н. э. Все это показывает, что погребение 13 датируется тем же временем, что и остальные погребения этого могильника, т. е. IV—III вв. до н. э.

В корреляционной таблице женских погребений первый этап от второго отделяется довольно четко. На I этапе преобладают существование такие вещи, как восьмеркообразные височные подвески, поясные крючки и бляхи со стилизованными изображениями оленей, гладкие проволочные гривны, мелкие гладкие обоймочки. Со второго этапа появляются ожерелья бус, поясные ремни, украшенные бронзовыми накладками с изображением голов горных козлов и с застежками в виде дисковидных блях, щитковые перстни, кусочки мела.

Разница между мужскими погребениями первых двух этапов менее ясна, нежели в женских. В этом, видимо, сказалось то, что инвентарь их беднее, в большинстве случаев ограничивается лишь бронзовыми наконечниками стрел. Известно однако, что не всегда удается уверенно отличить наконечники стрел IV—III вв. до н. э. от стрел III—II вв. до н. э. Критерием нам служили наконечники со сводчатыми головками — в III—II вв. они исчезают. При этом нами учтены данные корреляции материалов женских погребений. Так, все женские погребения Уфимского могильника твердо датируются IV—III вв. до н. э., а I Биктимировского — III—II вв. до н. э. По всей вероятности, и мужские погребения этих могильников должны быть датированы тем же временем, что и женские.

Датировка погребений II этапа также не вызывает особых затруднений. Прямые аналоги многим вещам, характеризующим II этап, широко представлены в памятниках прохоровской культуры. В мужских погребениях это — бронзовые наконечники стрел (см. рис. 6, 26—27), железный меч (см. рис. 6, 29) и пряжки (см. рис. 6, 32—34), характерные для третьей хронологической группы прохоровской культуры — III—II вв. до н. э.⁵⁰ Датировочными в женских погребениях могут быть такие предметы украшений, как дисковые бляхи с валиком по краю, изготовленные из зеркал (см. рис. 6, 46), височные кольца в полтора оборота (см. рис. 6, 42), бусы (см. рис. 6, 37—41), широко распространенные в погребениях рубежа IV—III вв. до н. э. и особенно III—II вв. до н. э.⁵¹

Погребения III этапа датируются концом II в. до н. э. — II в. н. э., т. е. охватывают время не менее трех столетий. Несмотря на большой промежуток времени и погребальный обряд, и инвентарь за этот период претерпели незначительные изменения. Существенных различий в погребениях данного этапа, помещенных в нижних (поздних) и верхних (ранних) рядах корреляционных таблиц, в инвентаре не усматривается. В этом смысле погребения III этапа представляют единое целое, и нет необходимости, на наш взгляд, вводить для них более дробное деление.

Надежным датировочным материалом для этого периода являются наборы бус и наконечники стрел.

Среди бус на протяжении всего III этапа продолжает бытовать ряд типов, характерных для II этапа. Это стеклянные бусы округлой формы с внутренней позолотой и без нее, гешировые дисковидной и цилиндрической формы, изредка еще встречаются бусы-подвески. Но в то же время появляются новые типы: мелкие рубленые красного цвета, стеклянные бочонковидные, стеклянные двух- и трехсоставные, катушкообразные, многогранники и т. д. (см. рис. 6, 98—106).

Появление этих типов бус по многим сравнительно твердо датированным южным аналогиям относится к концу II—I вв. до н. э. Важно отметить, что в сарматских памятниках прохоровского времени эти типы совершенно отсутствуют⁵², а уже на следующем, сусловском, этапе представлены сравнительно широко⁵³. Аналогии многим вновь появившимся типам бус находим в мавзолее Неаполя Скифского, датированного концом II в. до н. э.—I в. н. э.⁵⁴, в некрополе Та-

⁴⁹ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории..., стр. 71.

⁵⁰ М. Г. Мошков. Памятники прохоровской культуры, табл. 14, 15, 19, рис. 28, 25; рис. 22—24, 26—30; А. М. Хазанов. Гелизис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4.

⁵¹ М. Г. Мошков. Памятники прохоровской культуры..., табл. 30—31.

⁵² Там же.

⁵³ М. П. Абрамова. Сарматская культура II в. до н. э.—I в. н. э. — СА, 1959, № 1, стр. 64; И. В. Сирицын. Древние памятники в низовье Ерусала. — МИА, 1960, № 78, стр. 105, рис. 39, 10; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. — Там же, стр. 171, рис. 2, 2.

⁵⁴ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. — МИА, 1961, 96, стр. 169—171.

нася — II в. до н. э. — III в. н. э.⁵⁵. Бусы многогранники широко встречаются в позднесарматских погребениях⁵⁶.

Железные трехлопастные черешковые наконечники стрел (см. рис. 6, 71) являлись господствующей формой на широкой территории с конца II в. до н. э. по II в. н. э. В массовом количестве они встречаются, например, в сарматских памятниках сусловского времени⁵⁷. Принято считать, что процесс смены бронзовых наконечников стрел железными происходил на протяжении II в. до н. э., а в конце II — I вв. до н. э. последние становятся уже почти единственной формой⁵⁸. Отметим, что для кара-абызских мужских погребений III этапа характерными являются железные.

Костяные втульчатые наконечники стрел (см. рис. 6, 72) обычны для могильников пьяноборской культуры⁵⁹. Изредка трех- и четырехгранные втульчатые костяные наконечники встречаются на Северном Кавказе в могильниках I—II и II—III вв. н. э., например, в Таркинском⁶⁰, Карабудахтентском I и 3⁶¹, Ленинкетском⁶², где они также сочетаются с железными трехлопастными черешковыми.

Более подробное обоснование датировки этого этапа, представленного в основном поздними погребениями Охлебининского могильника, дано в публикации материалов этого памятника⁶³.

Погребальный обряд. На протяжении всех трех этапов кара-абызской культуры погребальный обряд оставался сравнительно однородным. Могильники грунтовыми, на поверхности никаких признаков погребений нет, хотя в древности, возможно, и были какие-то надмогильные сооружения — почти во всех могильниках могильные ямы не нарушают друг друга, а в расположении некоторых могил намечаются ряды⁶⁴. Исключение составляет Охлебининский могильник, где погребения расположены очень густо и часто нарушают друг друга. Известен один случай в I Биктимировском могильнике, где одно погребение перерезано другим.

Могильные ямы простые, вытянутой четырехугольной формы с закругленными углами. Размеры взрослых погребений составляют в среднем 180—220 × 50—70 см, а в отдельных случаях достигают 300 × 100 см. В ряде погребений стенки могильных ям наклонные и яма у дна имеет меньшие размеры, чем на уровне материка. Это хорошо прослеживается в I Биктимировском могильнике. Например, размеры очертаний могильной ямы погребения 39 на уровне материка составляют 300 × 125 см, а у дна — 270 × 100 см; погребения 43 — соответственно 250 × 100 см и 215 × 75 см (рис. 8, 4, 5) и т. д.

Глубина могил различна, она колеблется в пределах 50—190 см. Наиболее распространены ямы размером 200 × 60 см при глубине 100—120 см. Самые глубокие погребения обнаружены в I Биктимировском могильнике. В среднем глубина погребений там составляет 120—130 см, а в погребении 39 она равна 190 см.

Костяки в погребениях лежат на спине, с вытянутыми конечностями. Иногда наблюдаются отступления от этого общего правила. Так, в I Биктимировском могильнике в погребении 9 костяк лежал полускорченно на левом боку. В пяти женских погребениях Охлебининского могильника костяки лежали на спине с подогнутыми ногами, а в погребении 74 Охлебининского могильника скелет женщины лежал на спине, но с сильно раздвинутыми локтями и коленями (рис. 9, 3).

Остатки гробов ни в одном из могильников не обнаружены. В ряде погребений сохранились следы деревянной подстилки. В большинстве же случаев на костяках и под ними, главным обра-

⁵⁵ Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. — МИА, 1961, 98, стр. 79—80.

⁵⁶ И. В. Сидяцын. Указ. соч., рис. 18; 28, 3; В. П. Шилов. Калновский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, стр. 500; Н. В. Акимов. Указ. соч., рис. 18, 27.

⁵⁷ М. П. Абрамова. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁸ М. П. Абрамова. Указ. соч., стр. 62; М. Г. Москвова. О раннесарматских втульчатых стрелах, стр. 82; Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 118.

⁵⁹ В. Ф. Генниг. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. — ВАН, вып. 4. Свердловск, 1964, стр. 24.

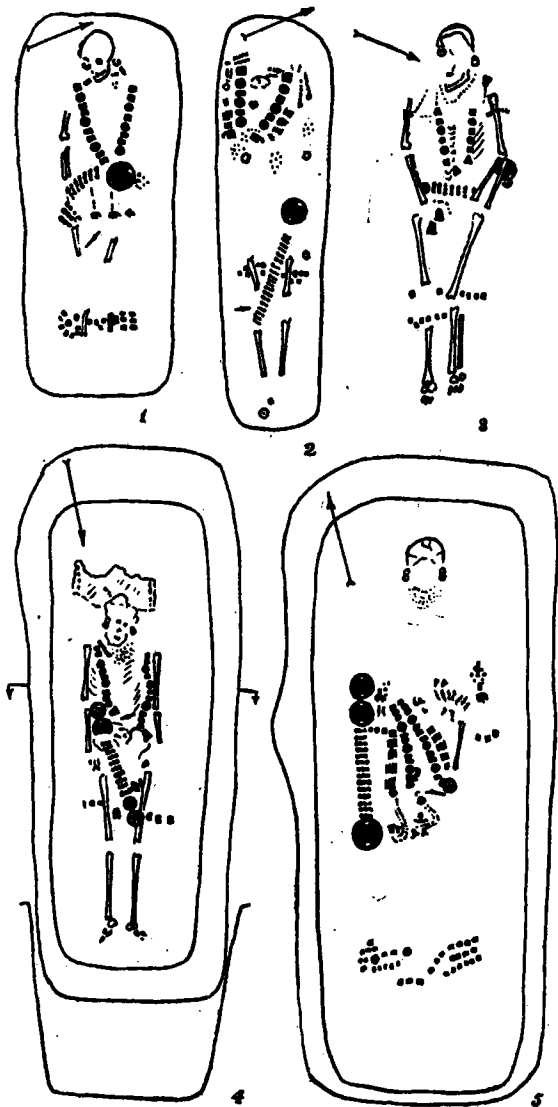
⁶⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. — МИА, № 23, рис. 7, 12—14.

⁶¹ К. Ф. Смирнов. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахтент. — Материалы по археологии Дагестана, т. 2. Махачкала, 1961, рис. 19; 38, 61.

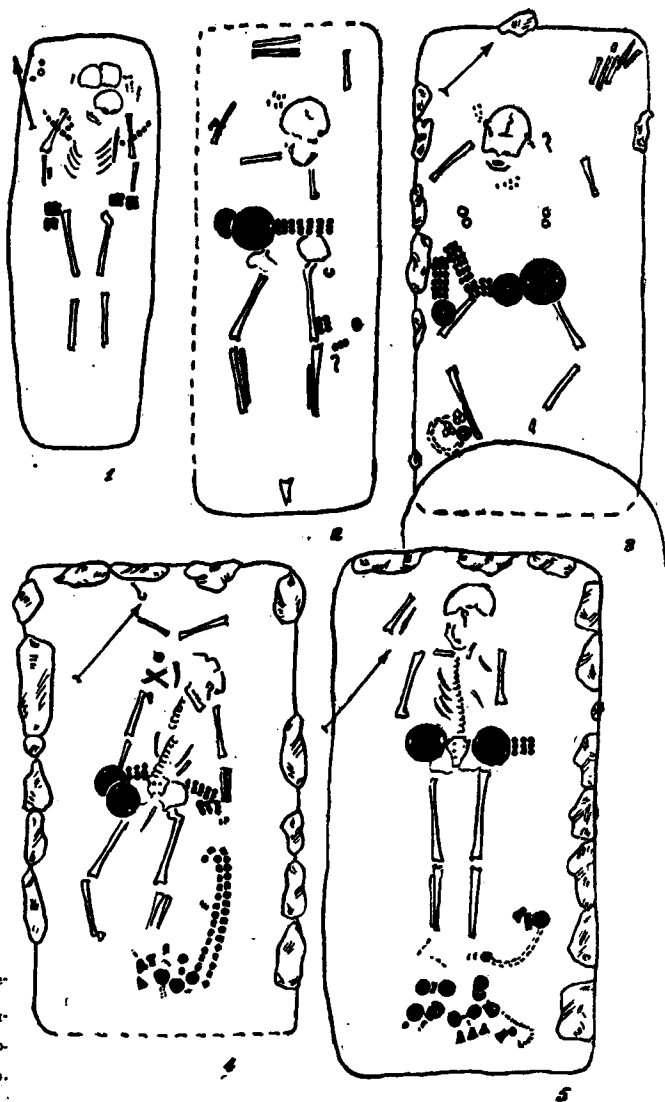
⁶² М. И. Пиккуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 145—147, рис. 26, 1.

⁶³ А. Х. Пшеничиюк. Охлебининский могильник, стр. 86—87.

⁶⁴ А. Х. Пшеничиюк. Биктимировский могильник, стр. 217.

Р и с. 8. Планы погребений I
 Виктимировского могильника.
 1 — погр. 1, 2 — погр. 3, 3 —
 погр. 28, 4 — погр. 43, 5 —
 погр. 39.

Р и с. 9. Планы погребений.

1—погр. 7 III Биктимировского могильника; 2—5 Охлебнинский могильник: 2 — погр. 28,3 — погр. 74,4 — погр. 84, 5 — погр. 21.

зом в местах скопления бронзовых предметов, хорошо прослеживаются остатки древесной коры. Очевидно, умерших при погребении завертывали в лубок.

В I и II раскопах Охлебининского могильника 40% могил вдоль стенок было обложено большими камнями (рис. 9, 3—5), чаще только у дна, но иногда почти на всю глубину. В двух погребениях Уфимского могильника (3 и 12) стенки могильных ям также были выложены в один ряд небольшими известняковыми плитами⁶⁵.

В женских погребениях III—II вв. до н. э. часто встречаются кусочки мела, положенные рядом с костяком. В погребениях позднего этапа начинают встречаться кости животных и глиняные сосуды. Кости животных (задние конечности овцы или свиньи) почти во всех случаях лежат в изголовье костяка, сосуды — у ног или возле головы, как правило, на 20—30 см выше дна могилы в слое заполнения. В погребениях I этапа совершенно отсутствуют глиняные сосуды. Их также нет и в погребениях III—II вв., хотя следует отметить, что в почвенном слое, недалеко от погребения 32 I Биктимировского могильника были обнаружены два небольших сосуда⁶⁶.

По инвентарю кара-абызские погребения четко делятся на мужские и женские.

Для женских погребений характерны предметы украшений, для мужских — вооружения и предметы конского снаряжения. В большинстве случаев предметы украшения и вооружения находятся в могилах в том порядке, как они носились или располагались на костюме при жизни. Височные подвески и кольца лежат по одной справа и слева у черепа, бусы — на шее и в области грудной клетки, гривны — на шее, браслеты — на запястье, перстни — на фалангах, нагрудные украшения («портуены») лежат поверх костяка от плеч к поясу, бронзовые обоймы и бляшки, служившие украшением подола верхней одежды — вокруг берцовых костей. В мужских погребениях наконечники стрел обычно лежат в кучке у левой голени остриями к ступням, колчаные крючки — у левого бедра, мечи — вдоль правого бедра, наконечники копий — слева у ног, удила — ниже левой ступни.

Однако наблюдается и ряд отступлений. Так, например, поясные ремни в женских погребениях лишь на III этапе находятся на поясе (см. рис. 9, 2—5). В погребениях I и II этапов они лежат на костяке — вытянуты от левой тазовой кости к правому колену или наоборот, от правой тазовой кости к левому колену (см. рис. 8). В двух погребениях I Биктимировского могильника пояса лежали рядом с костяком. В позднем мужском погребении 82 Охлебининского могильника поясная пряжка и накладки из зубов животного также находились не на поясе, а лежали в кучке слева на уровне грудной клетки костяка.

В женских погребениях III этапа большое количество бронзовых украшений находится в ногах костяка (см. рис. 9, 3—5). Обычно это обоймы разных размеров, различные бляшки, прозвонки. Сопоставление указанных предметов с материалами II этапа позволяет прийти к заключению, что это те же нагрудные украшения («портуены»), обшивка подола, подвески, так широко представленные в I Биктимировском могильнике. По-видимому, у кара-абызского населения на рубеже нашей эры существовал обычай класть одежду, а возможно, украшения одежды в ноги умершего. В связи с этим интересно погребение 39 I Биктимировского могильника. Там все основные предметы украшений были сдвинуты вниз по отношению к костяку, так что нагрудные украшения лежали в области пояса, а обшивка подола — ниже ступней ног. В погребении 3 I Биктимировского могильника эти украшения были сдвинуты вверх (см. рис. 8, 2, 5).

Возможно, обычай класть в могилу предметы украшений рядом с умершим возникает у кара-абызских племен еще в III—II вв. до н. э. и окончательно оформляется уже на рубеже нашей эры.

Предметы женских украшений. Они состоят из сравнительно устойчивых форм. Многие виды украшений, появившись на I этапе, продолжали бытовать в разных вариациях на протяжении всего периода кара-абызской культуры. Наиболее распространенными являются височные подвески, ожерелья из бус, поясные наборы, различные обоймы, бляшки, накладки, которыми украшалась верхняя одежда.

Височные подвески, кольца представлены 5 типами.

I тип — наиболее ранними являются подвески в виде зеркообразной формы, сделанные из тонкой бронзовой проволоки (см. рис. 6, 10). Они встречены в 8 погребениях I этапа. Всего их найдено 17*, преимущественно по 2 в каждом погребении.

⁶⁵ В. В. Гольмстена. Указ. соч., стр. 17, 19.

⁶⁶ А. Х. Пшеничнй к. Биктимировского могильника, рис. 2, 3—4.

* Для удобства статистика дается по комплексам, включенным в корреляционные таблицы.

II тип — височные кольца круглой формы с заходящими концами, изготовленные из бронзовой проволоки, обложенной тонким золотым листом, изредка из чистой бронзы или золота. Диаметр их колеблется в пределах 1,8—3 см (см. рис. 6, 11, 42). Они встречаются в 14 погребениях по 2 экземпляра в каждом. В трех погребениях к височным кольцам были прикреплены золотые подвески в виде короткой гофрированной трубки (см. рис. 6, 43). Этот тип подвесок, появившись в конце I этапа, наиболее широко был распространен в III—II вв. до н. э.

III тип — наиболее распространенный, представлен подвесками, по форме напоминающими знак вопроса, они делятся на три подтипа:

1. Подвески из тонкой золотой проволоки, стержень в виде спиральной трубочки (см. рис. 6, 108). Они найдены в 6 погребениях по 1—2 экз. в каждом.

2. Подвески аналогичные по форме, но меньших размеров и изготовленные из бронзовой проволоки. Обнаружены в 4-х погребениях — 6 экз.

3. Подвески из бронзовой или серебряной проволоки, стерженек прямой, несколько утолщенных к основанию (см. рис. 6, 107). Обнаружены в 8 погребениях — 13 экз.

Всего височных подвесок III типа найдено в 16 погребениях 28 экз. Подвески этого типа встречаются, как правило, в погребениях III этапа. Лишь в одном случае они находились в погребении IV—III вв. до н. э.

IV тип — петлевидные подвески, представлены в двух погребениях — 3 экз. Сделаны из тонкой бронзовой проволоки, согнутой в середине в несомкнутое кольцо с расходящимися в стороны концами (см. рис. 6, 109).

V тип — трапециевидные подвески, также немногочисленные, обнаружены всего в 2 погребениях — 5 экз. Это — маленькие трапециевидные пластинки, вырубленные, видимо, из поясной дисковой бляхи, с отверстием в верхней части, через которое продевалось бронзовое кольцо (см. рис. 6, 110). Оба последних типа встречаются лишь в поздних погребениях III этапа.

Бусы. Начиная со II этапа бусы становятся почти обязательной принадлежностью каждого женского погребения. В погребениях I этапа бусы отсутствуют. Лишь в погребении 19 Уфимского могильника найдена одна темно-синяя бусина с белыми глазками (см. рис. 6, 9).

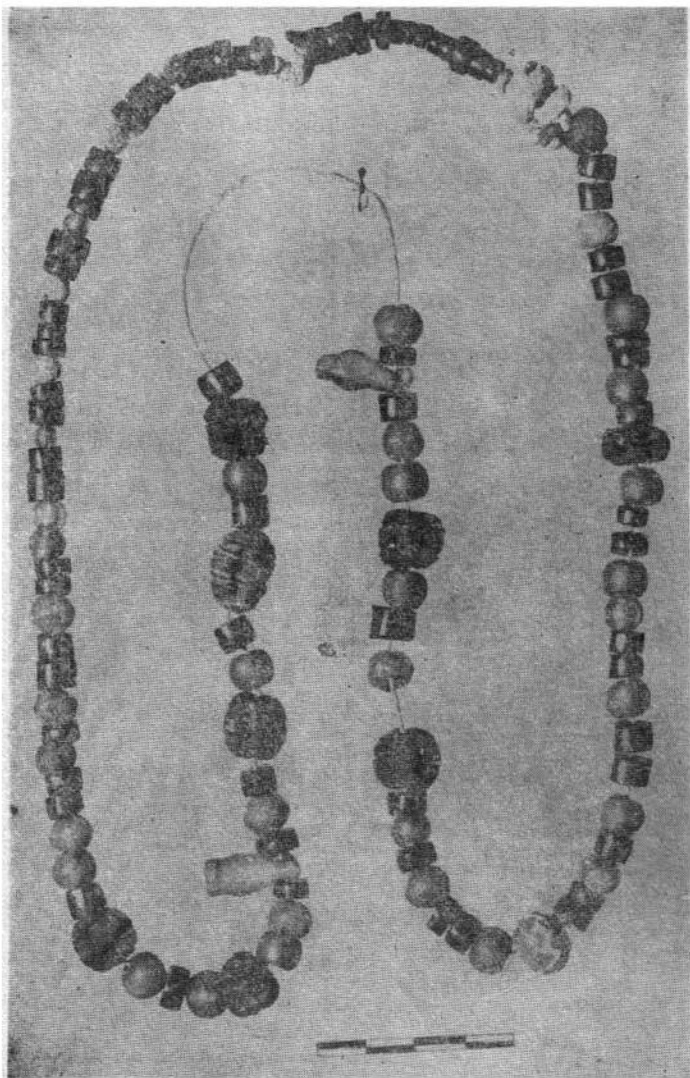
Всего обнаружено более 1800 бусин. По погребениям они распределяются неравномерно. В одних случаях ожерелья состоят из 70—100 бусин, в других их насчитывается не более 5—10 экз. Наиболее богатыми являются ожерелья из погребений II этапа I Биктимировского могильника.

Типы бус многообразны (рис. 10—11). Более трети из них (765 экз.) составляют светлые, стеклянные, округлой формы, размером с горошину. Большинство из них имеют внутреннюю пазуху (см. рис. 6, 39, 98). Второе место (397 экз.) занимают черные гешировые бусы дисковой и цилиндрической формы (см. рис. 6, 40, 99). Эти типы существовали на протяжении обоих этапов. Для погребений II этапа характерны также стеклянные голубые шарообразной формы (115 экз.), бусы-подвески из светло-желтого и светло-зеленого стекла в виде «слезок» или кувшинок (21 экз., см. рис. 6, 41), темно-синие и голубые с «глазками» в белой и желтой окантовке (23 экз., рис. 6, 37), темно-синие и черные ребристые с цветными поперечными полосами (8 экз., рис. 6, 38). Единичными экземплярами на II этапе представлены сердоликовые, крупные гешировые и др.

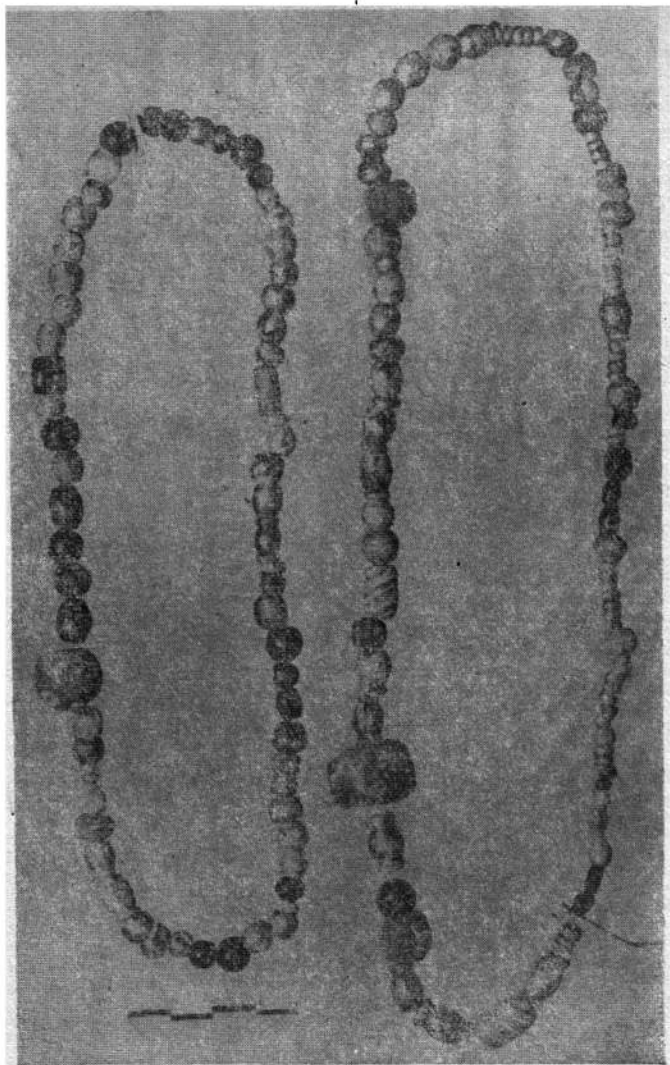
С III этапа появляется ряд новых типов бус. Это светлые стеклянные двух-, трех- и четырех- составные бусины катушкообразной формы, мелкий бисер светло-зеленого, голубого и желтого цветов, пастовые рубленные бусины сургучного цвета. В небольшом количестве встречаются крупные полосатые, крупные темно-синие и голубые округлой формы, биконические темно-синие и голубого цветов, светлые ребристые, темно-синие многогранные (см. рис. 6, 100—104). Найдены также круглые бусы разных размеров (30 экз., см. рис. 6, 105) из сердолика. В погребении 105 Охлебининского могильника в области пояса найдено 6 раковин каури.

Гривны, перстни, браслеты. Гривны характерны лишь для погребений I этапа. Все они однотипны, сделаны из толстого бронзового, круглого в сечении прута с заходящими концами (см. рис. 6, 23). Обнаружены в 9 погребениях по одному экземпляру. 2 гривны найдены в поздних погребениях Охлебининского могильника. Одна из них, изготовленная из тонкой бронзовой проволоки, оказалась поломанной на мелкие кусочки, вторая имела несомкнутые загнутые концы. Изредка в погребениях всех трех этапов встречаются браслеты из бронзовой, реже железной пластины с заходящими друг за друга концами (см. рис. 6, 21, 61, 125). Они найдены в 9 погребениях по 2, реже одному экземпляру в каждом.

Распространенными находками являются перстни. Большинство из них составляют спиральные из тонкой бронзовой проволоки (см. рис. 6, 122, 62, 126). Эти перстни существовали на протяжении всей кара-абызской культуры. Со II этапа появляются перстни с широкими орнамен-

Р и с. 10. Ожерелье бус из погр. 39 I Биктимировского могильника.

Р и с. 11. Ожерелья бус из погребений Охлебининского могильника

тированных щитками (см. рис. 6, 63, 127), изредка встречаются перстни из спаянных колец или в виде массивного полуovalного в сечении кольца.

Поясные наборы. Типичным украшением женского костюма кара-абызских племен являются своеобразные поясные ремни. Окончательную стандартную форму они приобрели в III—II вв. до н. э., на II этапе. Однако есть все основания считать, что зарождается этот тип пояса уже в IV—III вв. до н. э. Остатки их дошли до нас в виде бронзовых крючков, бронзовых блях-пряжек и блях-накладок, выполненных в зверином стиле.

Бронзовые крючки обнаружены в 7 погребениях. Общими для всех крючков являются расширенное основание, украшенное рельефным орнаментом, стержень и крючок, а также петля или костылек, расположенные на обратной стороне. Но в деталях каждый крючок имеет свои особенности. Идентичными являются лишь крючки из погребения 14 Уфимского и погребения 85 Охлебининского могильников, у которых расширенное подтреугольной формы основание украшено S-образными завитками (см. рис. 7, 4). Крючок из погребения 85 Охлебининского могильника напоминает голову животного, основание крючка также выполнено в виде фигуры животного (см. рис. 6, 12). Богато ornamentирован различными завитками и лжешнуром поясной крючок из погребения 37 Охлебининского могильника. Интересен крючок из погребения 24 Уфимского могильника. По форме он напоминает пьанборскую эполетообразную застежку (см. рис. 7, 1). Другой крючок из того же Уфимского могильника имеет крестообразную форму (см. рис. 7, 3). Наиболее простую форму имеют крючки из погребений 19 и 22 Уфимского могильника (см. рис. 7, 2, 5).

В трех погребениях (Уфимский, Биктимировский и Охлебининский могильники) найдены прямоугольные бляхи с сильно стилизованным изображением фигуры оленя. Туловище выполнено в виде S-образного завитка, повернутого назад голова — в виде острого треугольника, рога переданы спиральными завитками, а ноги — столбиками с утолщениями внизу (см. рис. 7, 8, 13). В погребении 7 III Биктимировского могильника найдены 3 бляхи также со стилизованным изображением оленя, но выполненные в несколько иной, более реалистичной манере (см. рис. 7, 11, 12).

На наш взгляд, эти бляхи и крючки имеют непосредственное отношение к поясу. На эту мысль наводит сопоставление их расположения по отношению к костяку с поясами женских погребений II этапа, сплошь покрытыми бронзовыми накладками. Во всех случаях они лежали сбоку или поверх костяка, чаще от пояса к ногам. Примерно такая же картина наблюдалась и в погребениях I этапа. Например, в погребении 7 III Биктимировского могильника найдены 4 бляхи с изображением оленя: одна прямоугольная и 3 фигурных, причем одна из них снабжена на обороте крючком и костыльком, т. е. являлась пряжкой. Две из этих блях лежали справа у пояса и две — слева (см. рис. 9, 1).

Также располагались бляхи в погребении 13 Уфимского могильника. В. В. Гольмстен в своем дневнике пишет: «У левого локтя — бронзовая бляха и крючок крестообразной формы. Около середины правого бедра две бронзовые бляхи»⁶⁷.

Пояса II этапа представляли собою широкие кожаные ремни, покрытые массивными бронзовыми овальными пластинами с двумя перехватами, делящими пластину на три приблизительно равные части. Средняя часть выпукло-вогнутая, на крайних — глубокой нарезкой изображена голова горного козла или лошади. На оборотной стороне накладки имеют по два ушка для подергивания узких ремешков, с помощью которых они крепились к ремню-основе. В центре пояса находились по одной, реже по 2—3 дисковидных бляхи, изредка массивные пластинчатые пряжки, а под ними железный крючок, с помощью которого застегивался пояс (см. рис. 6, 44—50, 111—118). Остатки таких поясов обнаружены в 44 погребениях. Все поясные бляхи выпукло-вогнутые, наружная сторона гладкая, тщательно отполированная. Большинство блях изготовлено, по-видимому, из зеркал, на что указывают следы удаленного штыря-ручки. Бляхи подразделяются на 4 типа.

I тип — бляхи с валиком по краю и двумя отверстиями по бокам, диаметры в среднем 11—12 см (см. рис. 6, 46). Они встречены только в погребениях II этапа (8 экз.).

II тип — гладкие бляхи с двумя отверстиями по краям, диаметром от 11,5 до 14,5 см в большинстве 12—13 см (см. рис. 6, 47, 113). Этот тип блях наиболее распространен (23 экз.). Появившись в начале II этапа, они бытовали и на протяжении всего III этапа.

III тип — те же самые круглые бляхи, но украшенные на внутренней стороне 2—6 концен-

⁶⁷ В. В. Гольмстен. Указ. соч., стр. 20, табл. 5.

ка, оканчивающиеся бляшкой в виде трёх спаянных колец⁴⁶. Подвески прикреплялись тонкими ремешками, протетыми сквозь трубочки или спирали, чаще ремешки покрыты мелкими обоймочками.

Довольно разнообразны бронзовые обоймочки-накладки ремней. На первом этапе их сравнительно мало, но широкое распространение они получают в погребениях II и III этапов. Наиболее ранней формой являются мелкие гладкие обоймочки (см. рис. 6, 17). В погребениях II этапа часты мелкие и крупные гофрированные и гладкие обоймочки, согнутые из тонкой пластины (см. рис. 6, 52—54). В погребениях II в. до н. э.— II в. н. э. обоймочки представлены двумя основными типами; крупными с прямоугольным вырезом на внутренней стороне и литыми мелкими удлиненными пропоями (см. рис. 6, 120—121). В погребениях этого же времени встречаются бронзовые пронизки (см. рис. 6, 68, 131).

Бронзовые бляшки встречены в погребениях всех этапов и представлены несколькими типами. Подавляющее большинство из них составляют выпукло-вогнутые круглой формы разного размера с одним, двумя, иногда четырьмя ушками на обороте (см. рис. 6, 24, 64, 66, 67, 128—130). Реже встречаются умбовидные бляшки (см. рис. 6, 122). В нескольких погребениях найдены полушарные бляшки с двумя отверстиями по краям (см. рис. 6, 25, 65). Изредка встречаются в поздних погребениях накладки в виде двоянных и строенных бляшек (см. рис. 6, 132—133). Очень редки прозрачные бляшки-накладки (см. рис. 6, 123).

Сравнительно широко были распространены в погребениях IV—III вв. до н. э. бляшки-накладки, выполненные в «зверином» стиле. Выше отмечалось, что фигуры оленя изображены на поясных бляшках, поясные крючки иногда также изображают какого-то зверя. Из Уфимского могильника происходит несколько подвесок-нашивок с изображением животных. На двух подвесках изображены грифоны в геральдической позе (см. рис. 7, 9—10). Одна из них выполнена в виде фигуры животного с сильно выгнутой спиной (см. рис. 6, 6), другая — в виде морды хищника (см. рис. 6, 7).

Кроме вышперечисленных предметов украшений в женских погребениях всех этапов встречаются железные маленькие ножи, на III этапе — глиняные и каменные плоские пряслица.

Многочисленные металлические украшения и их расположение в могилах позволяют в общих чертах представить костюм кара-абызских женщин. Наиболее ценными в этом отношении являются погребения I Биктимировского могильника.

О материале и форме головного убора трудно судить: только в четырех погребениях в области черепа обнаружены мелкие гофрированные обоймочки. К головному убору или прямо к волосам прикреплялись височные кольца. На шею надевалось несколько низок различных бус. Плечи украшались различными обоймочками или подвесками, рукава в некоторых случаях обшивались мелкими выпуклыми бляшками с ушком на обороте. От плеч к поясу в виде портупей спускались широкие кожаные ремни, покрытые гофрированными накладками, чередующимися с круглыми бляшками. «Портупей» часто оканчивались трапециевидными подвесками или бляшками с изображением животных. Иногда параллельно широким ремням прикреплялось по 4 узких ремешка, покрытых удлиненными гофрированными обоймами. Поверх одежды надевался широкий пояс, сплошь покрытый металлическими накладками. От пояса свисали различные подвески. Нижний край одежды часто обшивался ремнем, украшенным гладкими обоймами и круглыми бляшками. Остатков обуви не сохранилось. Все женщины носили от одного до трех перстней на каждой руке, а некоторые — и браслеты.

Судя по набору украшений в погребениях Охлебнинского и Нового Уфимского могильников, примерно таким же был женский костюм и в более позднее время. Например, для женских погребений III этапа обычными являются также широкие поясные ремни, украшенные накладками с изображением голов горных козлов и с застежками из дисковидных блях, височные подвески, ожерелье из бус, перстни, изредка браслеты. Для поздних погребений характерно наличие украшений в ногах костяка. Наборы этих украшений в разных погребениях не идентичны. Например, в погребении 21 ниже ступней и частично на уровне ступней ног костяка в куче лежали различные бляшки, обоймочки, трапециевидные подвески. Здесь выделяется несколько комплексов украшений.

1. Два узких ремешка, условно названные подвесками, украшены тремя большими круглыми бляшками с ушками на обороте, чередующимися с двумя рядами удлиненных обоймиц. Оканчи-

⁴⁶ А. Х. Пшеничнюк. Охлебнинский могильник, рис. 11, 3.

яются подвески плоской лривидной бляхой со сквозными отверстиями и двумя ушками на обороте.

2. Восемь подвесок, состоящих из плоской бронзовой пластинки в форме трапеции, вырубленной из поясных дисковидных блях, и узенького ремешка, продетого сквозь удлиненные обоймы.

3. Подвеска, состоящая из плохо сохранившегося железного основания в виде свернутых спиралей, двух узких ремешков, украшенных удлиненными обоймицами; оканчивается небольшой дисковидной бляхой.

Почти аналогичные наборы украшений лежали в ногах погребения 8 Охлебининского могильника и погребения I Нового Уфимского могильника.

В остальных погребениях наборы украшений отличаются. Наиболее характерными здесь являются обоймы с прямоугольным вырезом на внутренней стороне и крупные бляшки с ушком на обороте. В большинстве случаев четко прослеживаются два ряда обойм, чередующихся с бляшками, причем в одном ряду обоймы крупнее и чередуются соответственно с крупными бляшками; второй ряд состоит из более мелких обойм и бляшек. Иногда подобные украшения дополняются рядами мелких удлиненных обоймиц или пронизок. В некоторых случаях украшения в ногах ограничиваются только рядами удлиненных обоймиц или трапециевидными подвесками. В ногах же изредка встречаются умбоновидные, прорезные и гладкие бляшки (см. рис. 9).

С уверенностью можно сказать, что эти предметы не являются украшением ног или обуви. Во-первых, как правило, эти украшения лежат ниже ступней ног или сбоку; во-вторых, невозможно представить такую обувь, чтобы она была украшена столь большим количеством различных металлических предметов.

Назначение этих предметов становится понятным при сравнении их с материалами женских погребений II этапа (I Биктимировский могильник). Одной из наиболее характерных деталей женского костюма I Биктимировского могильника являются своеобразные нагрудные украшения — «спортуны», найденные в нескольких погребениях Охлебининского и Нового Уфимского могильников. Они состоят из узких ремешков, которые украшены круглыми бляшками и удлиненными обоймицами и оканчиваются лривидными бляхами (см. рис. 6, 119). Характерна такая деталь: в погребениях 39 и 46 I Биктимировского могильника «спортуны» также оканчивались лривидными бляхами с изображением оленя (см. рис. 6, 51). Охлебининские и новоуфимские лривидные бляхи по форме полностью совпадают с биктимировскими, но вместо оленя они орнаментированы сквозными отверстиями. Подобные комплексы выделяются в четырех погребениях Охлебининского и одном Нового Уфимского могильников.

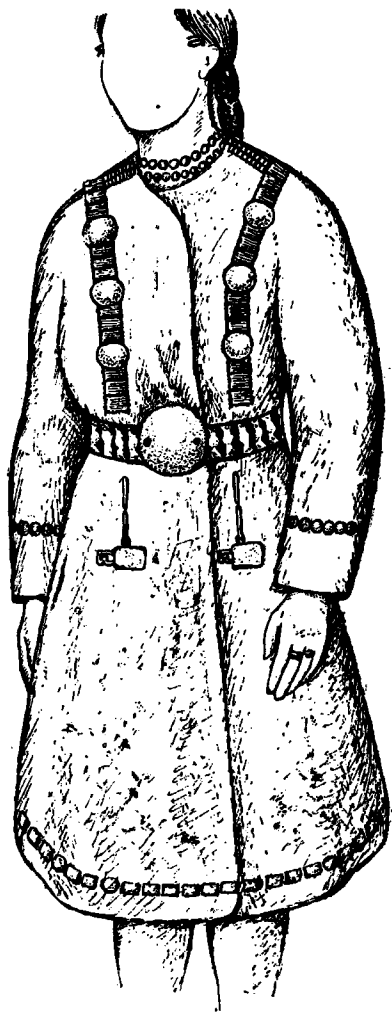
Среди предметов, расположенных в ногах погребенных, наиболее распространенными являются ряды различных обойм. Аналогию им опять же находим в I Биктимировском могильнике, где в женских погребениях очень часто встречаются ряды бронзовых обойм, чередующихся с круглыми бляшками. Правда, там обоймы несколько иной формы — согнуты из простой пластины, в погребениях же III этапа — с прямоугольным вырезом на внутренней стороне. Однако эти различия, на наш взгляд, хронологического порядка. В обоях могильника обоймы располагаются рядами, причем часть из них лежит лицевой стороной вверх, а часть — вниз, т. е. так, как если бы они были нашиты по кругу. В I Биктимировском могильнике ими украшалась подол верхней одежды. Возможно, что и здесь они выполняли эту же роль.

Различные подвески, находимые в ногах погребенных, также перекликаются с поясными подвесками I Биктимировского могильника.

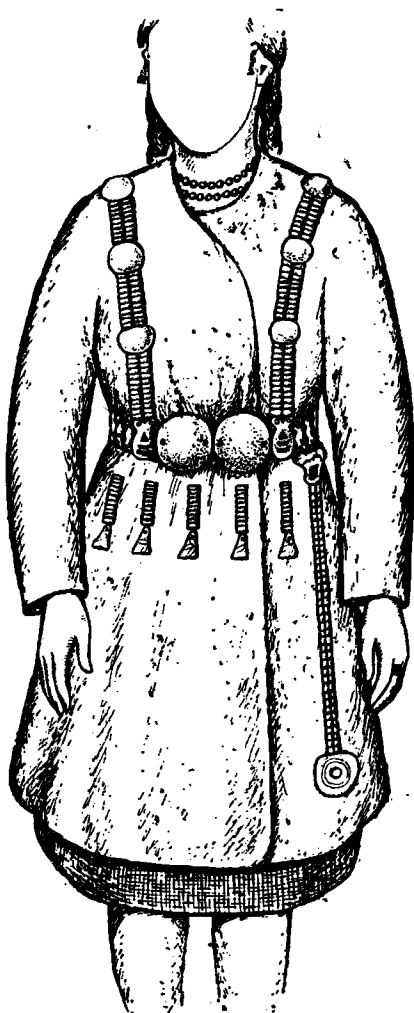
Если сравнить женские костюмы, реконструированные на основании расположения украшений в погребении № I Биктимировского могильника (II этап) и погребении № 21 Охлебининского могильника (III этап), то между ними обнаружим большое сходство (рис. 13—14).

Инвентарь мужских погребений. Вещевой материал мужских погребений состоит из вооружения, предметов конского снаряжения и остатков поясных ремней.

Наконечники стрел являются обязательной принадлежностью почти каждого мужского погребения. Из 80 мужских погребений, включенных в корреляционную таблицу, они отсутствовали лишь в пяти. Наконечники стрел делятся на 2 основных типа: 1) бронзовые трехлопастные с внутренней или выступающей втулкой, головки треугольные, реже сводчатые (см. рис. 6, 1—4, 26—27); 2) железные трехлопастные черешковые (см. рис. 6, 71). Время широкого бытования наконечников стрел первого типа падает на I и II этапы существования кара-абызской культуры, причем для IV—III вв. характерно сочетание наконечников стрел с треугольными го-

Р и с. 13. Реконструкция женского костюма по погребению II Виктимироского могильника.

Р и с. 14. Реконструкция женского костюма по погребению 21 Ошбинского могильника.

ловками со стрелами со сводчатыми головками; на II же этапе встречаются только первые. II тип (железные стрелы) характерен лишь для погребений III этапа.

Костяные наконечники стрел встречаются очень редко. Они подразделяются на черешковые (см. рис. 6, 73) и втульчатые (см. рис. 6, 72).

Колчаные крючки встречены в 27 погребениях. Простейшей формой является крючок, изготовленный из желтого круглого в сечении прута (см. рис. 6, 5, 23, 74). Этот тип крючков наиболее распространенным (15 экз.) был на I и II и изредка встречался на III этапе. Для поздних погребений характерны крючки усложненных форм. Большинство из них (7 экз.) составляют железные крюки с расплюснутым в виде блюдки основанием (см. рис. 6, 75). В двух случаях (Охлебининский могильник) крючки состоят из двух соединенных железных стержней, загнутых у основания в виде спиралей.

Оригинальную форму имеют крючки из погребений 27 и 28 Охлебининского могильника и 56 I Биктимировского могильника, которые по форме близко напоминают пьяноборские эполотеобразные застежки. Они имеют умбовидную основу, куда припаявался железный крючок (см. рис. 6, 76).

В Охлебининском могильнике найдены два бронзовых крючка: один из них крестообразной формы, а у другого основанием служила плоская блюдка с изображением фигуры животного, по-видимому, лошади.

Мечи и кинжалы богато представлены лишь в погребениях III этапа. На I и II этапах они найдены лишь по одному экземпляру.

В погребении I Нового Уфимского могильника найден железный двухлезвийный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием (см. рис. 6, 6). В погребении 31 I Биктимировского могильника, относящимся ко II этапу, обнаружен однопозвийный железный меч (или кинжал) изогнутой формы с лезвием на внутренней стороне (см. рис. 6, 29).

14 мечей найдено в погребениях III этапа. Все они железные, однолезвийные, без навершения и перекрестия, короткие — 45—55 см (см. рис. 6, 77). На 8 мечах сохранились бронзовые наконечники ножен, которые также однотипны и различаются лишь по размерам и орнаменту. Орнамент на них расположен на лицевой стороне и состоит в основном из выпуклых точек, идущих в ряд по краям, а иногда и по середине (см. рис. 6, 78).

Наконечники копий встречены в 28 погребениях. Без заметных изменений они бывали на протяжении всего периода кара-абызской культуры. Все они железные с плоским, слегка утолщенным в середине пером и расширяющейся книзу втулкой (см. рис. 6, 7, 30, 79).

Удила, как и многие другие предметы, широко представлены лишь в поздних погребениях. По наличию и материалу псалей их можно разделить на 3 типа: 1) удила без псалей (11 экз., см. рис. 6, 35, 91); 2) удила с железными стержневыми псальями (8 экз., см. рис. 6, 92); 3) удила с костяными псальями (4 экз., см. рис. 6, 93). 1 тип встречается в погребениях II и III этапа, 2 и 3 типы — лишь в погребениях III этапа.

В погребении 63 Охлебининского могильника рядом с удилами найдено 5 бронзовых обойм крестообразной формы, вероятно, украшавших узду. В нескольких случаях рядом с удилами находились железные и костяные пряжки, также, видимо, относящиеся к уздечному набору.

Оседли найдены в 12 погребениях III и одном погребении II этапов. Они изготовлены из серого песчаника, прямоугольные или округлые в сечении, в середине слегка расширены, в верхней части имеется сквозное отверстие для подвешивания. У некоторых поверхность сильно сточена (см. рис. 6, 31, 80).

Поясные наборы, пряжки. Одним из наиболее часто встречаемых предметов в поздних мужских погребениях являются пряжки. На I этапе они совершенно отсутствуют. В погребениях III—II вв. до н. э. пряжек найдено лишь 4 экз., а позже число их увеличивается до 60. Большинство пряжек служило для застегивания поясных ремней, а некоторые их виды являлись принадлежностью обуви и узды.

Среди пряжек преобладают бронзовые, реже встречаются железные и костяные. Общим для всех пряжек является неподвижный крючок, с помощью которого застегивался ремень. По форме они подразделяются на 5 типов.

Первый тип представлен 2 пряжками восьмеркообразной формы. Одна из них найдена в погребении 13 I Биктимировского могильника, вторая — в погребении 82 (III этап) Охлебининского могильника (см. рис. 6, 32). Во второй тип выделены кольцевые пряжки с одним или несколькими пуговковидными выступами (9 экз., см. рис. 6, 33—34, 81), в третий — рамчатые круглые (12 экз., см. рис. 6, 82, 84). К четвертому и пятому типам относятся соответственно круглые пластин-

чатые (6 экз., см. рис. 6, 83, 85) и прямоугольные пластинчатые с небольшим вырезом на конце, где расположен крючок (7 экз., см. рис. 6, 86). Поверхность пряжек украшена выпуклыми точками и шнуром. Пластинчатая пряжка из погребения 53 I Биктимировского могильника имеет овальную форму ⁷⁰.

Оригинальную форму имеет бронзовая пряжка из погребения 91 (костяк 2) Охлебининского могильника. По форме кольца она близка пряжкам III типа, но вместо неподвижного крючка от одной из сторон отходит прямоугольная рамка из плоских в сечении стержней ⁷¹.

В погребениях III этапа довольно широко распространены железные пряжки. Как и многие другие железные предметы, пряжки сохранились очень плохо и не всегда с уверенностью можно воспроизвести их форму. Отличительной чертой железных пряжек является подвижной язычок. По форме основы они делятся на 2 типа: 1) кольцевые (12 экз., см. рис. 6, 88) и 2) прямоугольные (4 экз., см. рис. 6, 89).

В погребении 82 Охлебининского могильника вместе с бронзовой пряжкой пятого типа найдена кольцевая железная пряжка с неподвижным крючком (см. рис. 6, 90).

Костяные пряжки встречаются также лишь в поздних погребениях (6 экз.), по форме они напоминают бронзовые пятого типа (см. рис. 6, 87).

В четырех поздних погребениях Охлебининского могильника сохранились накладки поясов из зубов медведя (см. рис. 6, 90).

Костяные лопаточки, проколки, свистки, подвески встречаются в единичных экземплярах в поздних погребениях. Лопаточек найдено две. Они имеют расширенную, слегка заостренную рабочую часть и круглую втулку с отверстием вверху, видимо, для прикрепления черенка (см. рис. 6, 94). Проколки найдены также в двух погребениях. Обе имели небольшую полуовальную рукоять, орнаментированную наколами или перекрещивающимися резными линиями, и длинную заостренную рабочую часть (см. рис. 6, 95).

В двух погребениях найдено по 1—2 экземпляра костяных поделок («свистков») в виде небольшого цилиндра со срезанным напополам одним концом (см. рис. 6, 97). Изредка в погребениях встречаются костяные подвески.

Украшения в мужских погребениях очень редки. К их числу можно отнести несколько бронзовых обьем, провианки, бронзовые круглые бляшки с ушком на обороте, бронзовую проволочную подвеску, фибулу, перстень, халцедоновую бусину-амулет.

В трех, вероятно, мужских погребениях, из которых два относятся ко II, а одно III этапам, найдено по одной золотой височной подвеске; ближайшие им аналогии имеются в поздних женских могилах (см. рис. 6, 36, 96).

Из редких находок следует отметить бронзовый кельт (рис. 6, 8) из погребения 4 Охлебининского могильника.

Для погребений I и II этапов характерно отсутствие керамики. Исключение составляет лишь I Биктимировский могильник, где в почвенном слое вблизи погребения 32 (III—II вв. до н. э.) найдены два вышеупомянутых маленьких сосудика. Один из них имеет форму чаши с круглым дном и двумя ушками по бокам и орнаментирован пояском ямок и коротким резным зигзагом по верхней части (см. рис. 6, 69), второй относится к числу так называемых курильниц (см. рис. 6, 70).

В поздних погребениях (III этап) керамика встречается довольно часто (60 сосудов). Подавляющее большинство из них (50) происходит из Охлебининского могильника. Это небольшие чаши или горшки с широким горлом, иногда с уступом в месте перехода горла в тулово; орнаментированы резными зигзагами в виде вертикальной елочки (см. рис. 6, 134—135)⁷².

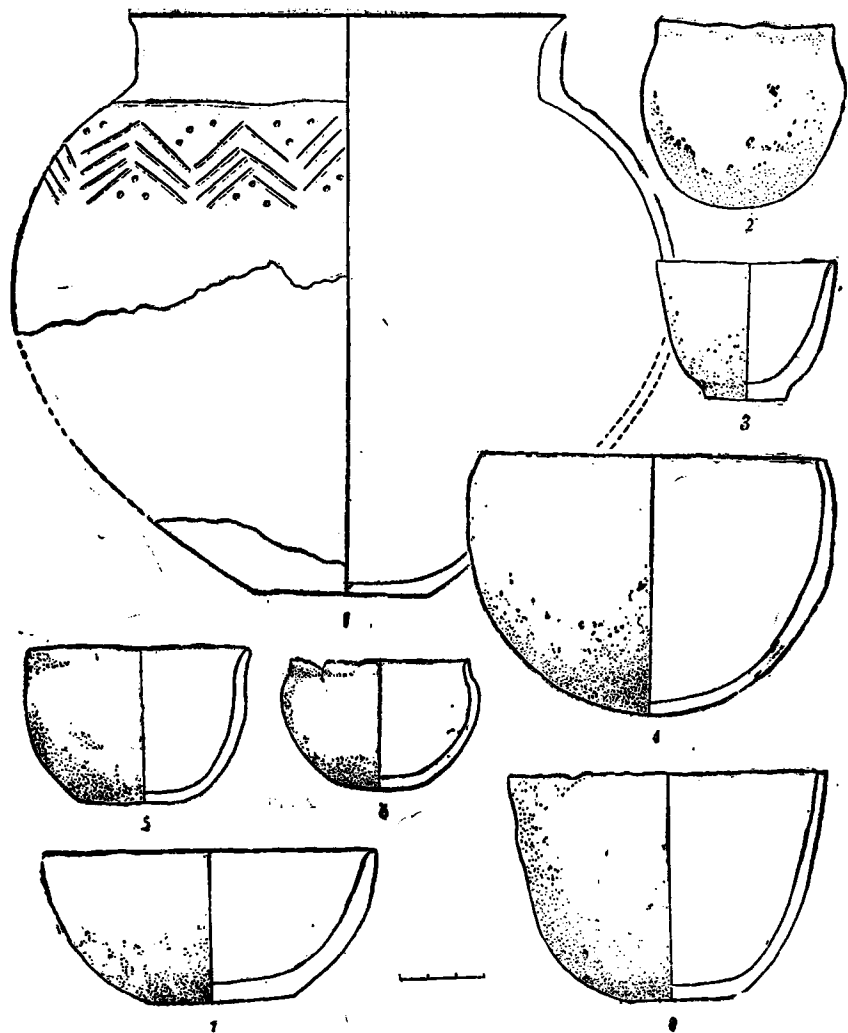
5 сосудов найдено в погребениях Нового Уфимского могильника и 3— Галановского. Все они без орнамента, а по форме аналогичны чашам из Охлебининского могильника (рис. 15, 3—8).

Два сосуда найдено в поздних погребениях I Биктимировского могильника. Один из них в виде небольшого слабо профилированного горшка без орнамента (см. рис. 15, 2). Второй имеет низкое горло, сильно раздутое тулово, плоское днище; по плечикам он орнаментирован резными зигзагами, в тесте небольшая примесь талька (см. рис. 15, 1).

⁷⁰ А. Х. Пшеничнюк. Охлебининский могильник, рис. 19, 1.

⁷¹ Там же, рис. 15, 8.

⁷² Там же, стр. 83, рис. 18.

Р и с. 15. Сосуды из погребений.

1—2—1 Биктимировский могильник, 3—5— Новый Уфимский могильник, 6—8— Галазовский могильник.

II. ПОСЕЛЕНИЯ

На территории правобережья среднего течения р. Белой насчитывается 24 поселения, относящиеся ко времени кара-абызской культуры. На основании керамического материала все поселения можно объединить в 2 основные группы: кара-абызские и гафурийско-убаларские (см. рис. 1).

Известно 16 поселений кара-абызского типа, большинство из которых составляют городища. Как правило, они расположены на высоких мысах, имеющих естественные укрепления (рис. 16).

Большинство городищ устроено на берегах высотой от 35 до 150 м, но некоторые расположены на низких берегах: например, городище Кара-Абыз построено в наиболее низкой части террасы. Очень низко расположено Михайловское городище (3 м). По топографии оно напоминает селище, но укреплено валом и рвом.

Городища с трех сторон имеют естественные укрепления — крутые склоны оврагов или берегов рек, а с четвертой — защищены искусственными сооружениями, дошедшими до нас в виде сильно оплывших земляных валов и рвов. Количество валов и рвов на городищах различно. В большинстве случаев они имеют по одному валу и рву, городище Кара-Абыз укреплено двумя, а Биктимировское — тремя валами и рвами. Бирское городище имеет четыре вала⁷², но верхний культурный слой его относится к бахмутинской культуре и, возможно, сооружение некоторых валов относится к более позднему времени. Форма валов и рвов зависела от формы площадки, на которой располагалось городище. Там, где площадка имела узкую вытянутую форму, валы и рвы пересекали ее почти прямо (Биктимировское, Бирское). Если же это был тупоугольный мыс или часть берега, то вал имел полукруглую, кокошинообразную форму (Михайловское, II Охлебининское — рис. 17). Полукруглую форму имеет вал и ров Воскресенского городища. Ими укреплен наиболее пологий склон горы, на которой оно расположено.

Остатки сильно оплывших валов и рвов не дают полной картины системы укреплений городищ. В этом отношении определенный интерес представляют исследования валов, проведенные на Уфимском (Чертовом) городище В. В. Гольмстен и на городище Кара-Абыз — А. В. Шмидтом.

Как показали раскопки В. В. Гольмстен, на Уфимском городище вал был насыпан в два приема, причем вторичная подсыпка была произведена в более позднее время, так как памятники многослойный и верхние слои вала состоят в основном из культурного слоя бахмутинского времени. Неглубокий узкий ров был вырыт при сооружении городища и засыпан вторичной подсыпкой насыпи. Под зольной прослойкой, представляющей как бы границу между первичным сооружением вала и вторичной подсыпкой, встречено несколько прослоек обожженной глины и известковых камней⁷⁴.

На городище Кара-Абыз внешний вал также был насыпан в два приема. Как и на Уфимском городище, здесь встречены прослойки глины и камня. В слое внутреннего вала обнаружены остатки «какого-то деревянного сооружения, вроде помоста»⁷⁵.

Судя по этим фрагментарным данным, укрепления площадки городища возводились сразу после их заселения. Древние насельники рыли неглубокий ров и насыпали земляной вал, который укреплялся глиной и камнями. Были, видимо, и какие-то деревянные сооружения.

В 1965 г. нами была предпринята попытка исследовать систему укреплений II Охлебининского городища. С этой целью в одном из наиболее высоких мест двухметровой траншеи был прорыт вал и ров. Однако оказалось, что укрепление было сооружено или в самом конце существования кара-абызской культуры, или же в послекарабызское время, так как под насыпью вала обнаружены погребения III этапа, датирующиеся примерно рубежом нашей эры (рис. 18). Возможно, в кара-абызское время II Охлебининское городище не было укреплено с западной стороны. Наибольшую опасность для кара-абызского населения представляли сарматские племена, кочевавшие по левобережью р. Белой, с этой стороны естественной защитой служили высокие обрывистые берега.

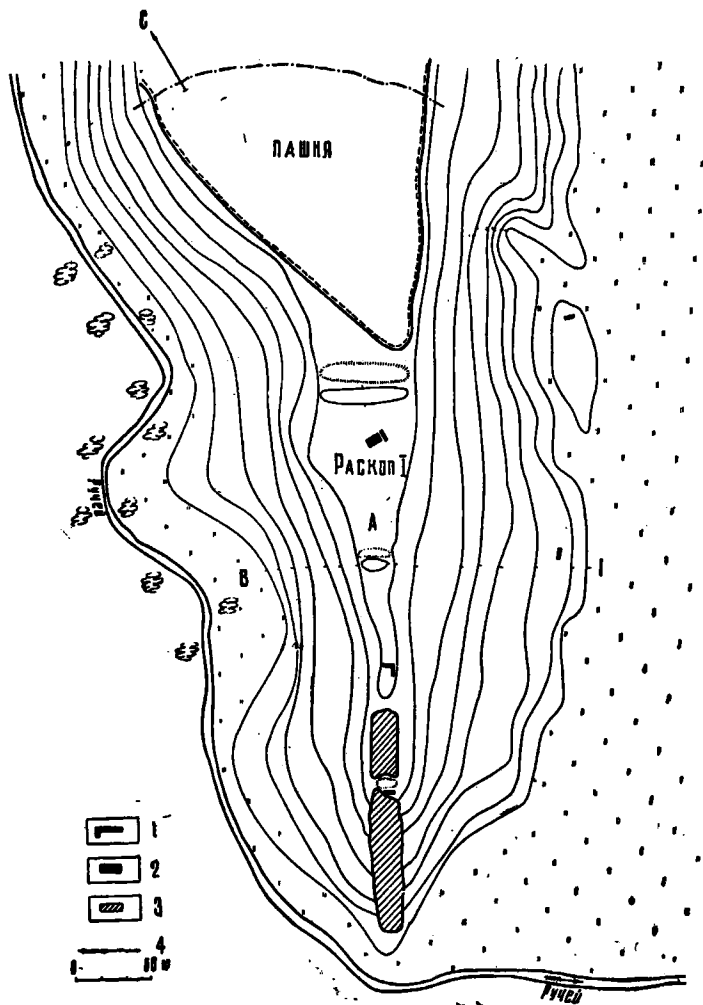
Площадь городищ различна. Самым малым из них является Касьяновское (не более 8000 м²)⁷⁶. Только 680 м² составляет сохранившаяся часть Михайловского городища, но како-

⁷² П. А. Мажитов. Бахмутинская культура, рис. 2.

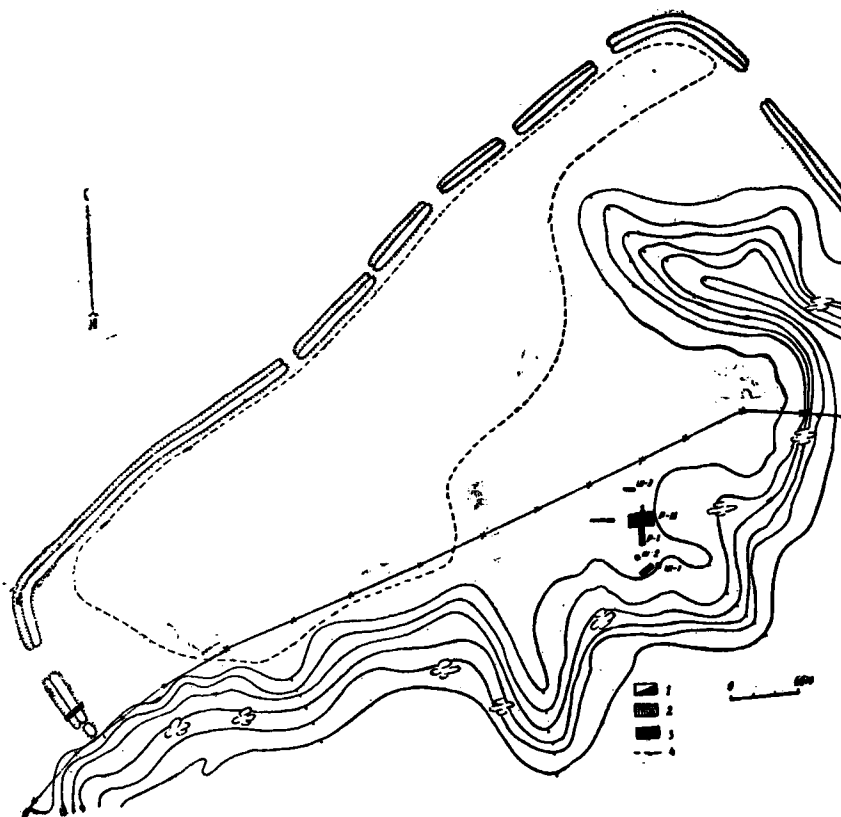
⁷³ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 305.

⁷⁴ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 6.

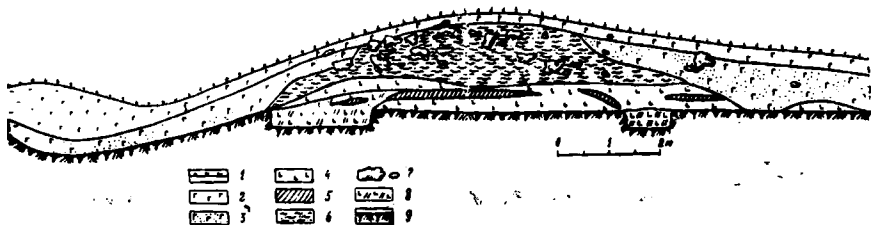
⁷⁵ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 64.

Р и с. 16. План Биктимировского городища. 1—раскопы 1962 г., 2—раскопы 1963 г., 3—разрушенные участки, 4—граница распространения культурного слоя.

Р и с . 17. План II Озлебынского городища.
 1— шурфы 1964 г., 2— раскопы 1965 г., 3— раскопы 1966 г., 4— граница пашни.

Р и с. 18. Разрез вала II Охлебининского городища.

1—дерн, 2—чернозем, 3—чернозем с песком, 4—погребенный чернозем, 5—прослойка глины, 6—зольный слой, 7—камни, 8—могильная засыпка, 9—материк.

вы были его размеры первоначально—неизвестно, так как большая часть берега, на котором расположен памятник, разрушена весенними разливами р. Белой⁷⁷.

Большую площадь (50 000 м²) занимает Биктимировское городище (см. рис. 16). Оно расположено на невысокой (35 м) узкой стрелке, далеко вдающейся в пойму правого берега р. Белой. Городище укреплено тремя валами и рвами. Площадка до первого вала невелика и полностью разрушена гравийным карьером. Вторая площадка между первым и вторым валами очень узка и мало пригодна для жилья. Площадь между вторым и третьим валами широкая, ровная и являлась, очевидно, основным местом жилья. Толщина культурного слоя здесь достигает 240 см. На значительной территории за пределами укреплений также имеется культурный слой мощностью до 2 м.

Самым большим по территории является II Охлебининское городище — Ак-таш. Площадь его составляет более 200 000 м² (см. рис. 17). В целом для кара-абызских населений характерна значительная толщина культурного слоя, в среднем 50—150 см.

Культурные остатки на территории поселений распространяются не везде одинаково — в местах, более приспособленных к жизни человека, они составляют мощные отложения, на Биктимировском городище на участке между II и III валами культурный слой достигает 200—240 см, а между I и II валами — не более 40—60 см. Отметим, что последний участок занимает часть узкого гребня, где удобная площадка для сооружения жилых и хозяйственных построек отсутствует. На II Охлебининском городище культурный слой мощностью 100—150 см занимает сравнительно небольшую прибрежную часть городища. На периферии толщина его не превышает 30—40 см.

Кара-абызских селищ известно немного. Селище Воронки расположено на высоком (около 60 м) мысе, образованном двумя глубокими оврагами. Вероятнее всего, это было городище, значительная часть которого была снесена при прокладке железной дороги. Селище Курман-Тау по своему высокому профилю также напоминает городище, но каких-либо следов искусственных укреплений на нем не обнаружено⁷⁸.

Селища Дудкино I и Черниковское расположены на низких береговых террасах высотой 7—8 м и имеют тонкий культурный слой, не превышающий 20—40 см. Это были кратковременные, а, возможно, и сезонные поселения.

Характерной чертой кара-абызских поселений является наличие зольников или большого количества золы, угли и обожженной почвы в культурном слое. Мощные зольники прослежены Г. В. Юсуповым на селище Курман-Тау и Касьяновском городище, где они широкими линзами (5—20) опоясывали поселения⁷⁹. Зольники или прослойки чистой золы выявлены на Воскресенском⁸⁰, Михайловском⁸¹ городищах. На городищах I и II Охлебининском, Биктимировском, IV Уфимском, селище Воронки культурные слои также богаты насыщены золой. А. В. Шмидт

⁷⁷ Т. Н. Троицкая. Раскопки Михайловского городища..., стр. 88.

⁷⁸ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 58—59.

⁷⁹ Там же, стр. 60—61, рис. 3.

⁸⁰ Там же, стр. 73.

⁸¹ Т. Н. Троицкая. Раскопки Михайловского городища... стр. 89.

отмечал наличие прослоек золы, угля, обожженной земли в культурном слое городища Кара-Абыз⁸⁵, а В. В. Гольмстен — Уфимского городища⁸⁶.

Несмотря на значительное количество исследованных кара-абызских поселений, о жилищах нам известно чрезвычайно мало. А. В. Шмидт высказывал предположение, что жилищем кара-абызцев служили шалаши, балаганы и т. п. легкие постройки, не оставившие никаких следов⁸⁴. Однако А. В. Збруева, на наш взгляд, совершенно права, отмечая, что при суровом зимнем климате Приуралья шалаши являются плохой защитой от холода. По ее предположению, жилища кара-абызцев были более прочные, скорее всего типа землянок⁸⁵.

Р. Б. Ахмеров в статье «Археологические памятники Башкирии ананьинского времени» описывал план жилища, обнаруженного В. В. Гольмстеном на Уфимском городище⁸⁶. Жилище представляло, видимо, полуземлянку небольших размеров с каменным очагом в углу. Отнесение этого жилища к кара-абызскому времени, на наш взгляд, сомнительно. В культурном слое городища кроме кара-абызской найдено много фрагментов керамики бахмутинского и романовского типов, относящихся к середине I тыс. н. э. Встречены некоторые предметы явно позднего происхождения: замок, огонь, топор и т. д. Данных о залегании типов керамики по отношению к землянке не имеется. Вероятнее всего, остатки этого жилища относятся к более позднему, возможно, бахмутинскому времени, на что указывает большое сходство его с остатками жилищ из поселения бахмутинской культуры II Ново-Турбаслинского, где в 1958 г. Н. А. Мажитовым исследовано 5 жилищ в виде небольших квадратных впадин⁸⁷. Одно из жилищ (№ 1) этого поселения очень близко уфимскому. Оно имело форму квадрата 6×6 м с небольшим коридорообразным входом; в центре жилища обнаружены остатки очага в виде прослоек золы и обожженного известняка⁸⁸.

В 1965—1966 гг. при раскопках II Охлебининского городища обнаружено углубление культурного слоя (30—50 см), которое предварительно нами определено как след основания жилища типа полуземлянки. Очертания углубления прослеживались слабо, на плане оно имело форму вытянутого прямоугольника размером, приблизительно, 22×6 м. По длинной южной стенке вырыта глубокая пологая канава, а по северной — узкий ровик, в котором прослеживаются густо расположенные столбовые ямки; восточная стенка разрушена обвалом берега. Пол котлована неровный, бугристый, обильно усыпан битыми костями животных. В центре на 15 см выше уровня дна находился небольшой очаг (рис. 19). Не подлежит сомнению, что описанное очертание является остатками какого-то деревянного строения, углубленного основанием в грунт. Использовалось ли оно как жилище — судить трудно. Сомнения вызывают размеры очага. Для такого большого жилища один очаг явно недостаточен. Настораживает также и форма котлована. У соседних племен пьяноборской культуры жилища имели форму прямоугольника размером $9-11,5 \times 5-5,5$ м с одним или двумя очагами в центре⁸⁹. Подобные жилища открыты и на памятниках гляденовской культуры⁹⁰.

Близкой аналогией охлебининскому сооружению является жилище Концевгорского селища ананьинской культуры, исследованного А. В. Збруевой. Оно также имело вытянутую форму размером $42 \times 4-6$ м. Однако на этой площади выявлено 9 очагов⁹¹, тогда как здесь лишь один.

Культурные слои поселений богато насыщены керамикой и костями животных. Сравнительно часты на поселениях и другие находки. Наиболее характерными из них являются так называемые тупики, сделанные из подковоидной кости лошади (рис. 20, 2). Они встречены почти во всех кара-абызских поселениях. Два тупики найдены А. В. Шмидтом на городище Кара-Абыз⁹², они известны также на гафурийских поселениях⁹³, на Биктимировском и IV Уфимском городи-

⁸⁵ А. В. Шмидт и др. Указ. соч., стр. 8—9.

⁸⁶ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 305.

⁸⁷ А. В. Шмидт и др. Указ. соч., стр. 12.

⁸⁸ А. В. Збруева. Указ., соч., стр. 302.

⁸⁹ Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени, стр. 31—32.

⁹⁰ Н. А. Мажитов. Поселение Ново-Турбаслинское II. — АЭБ, т. I, Уфа, 1962.

⁹¹ Там же, стр. 152, рис. 4.

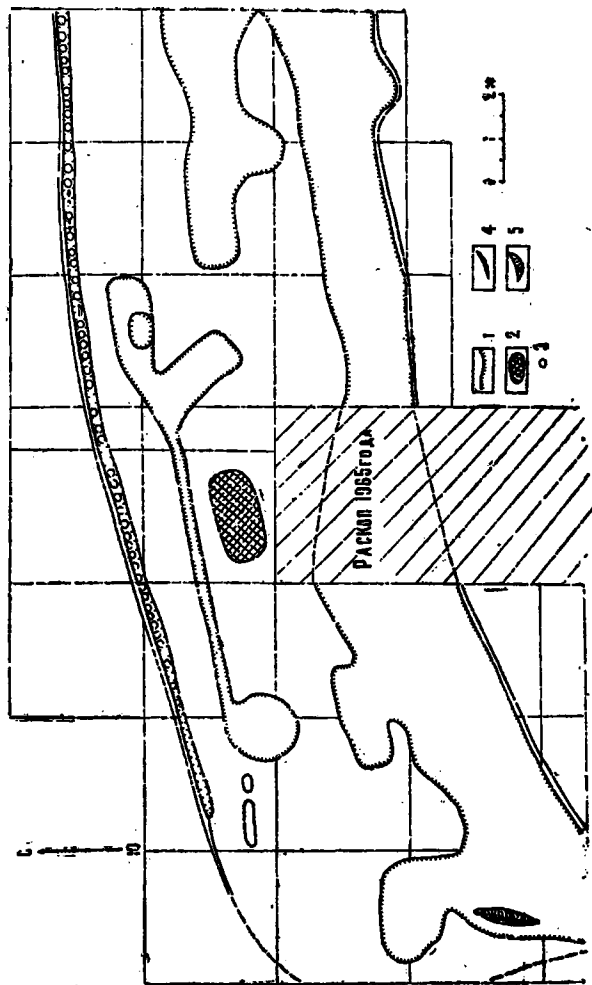
⁹² В. Ф. Генниг. Узловые проблемы..., стр. 11, рис. 3.

⁹³ В. Ф. Генниг. Осинское городище. ОК(В)АЭ, вып. I, 1959, стр. 191.

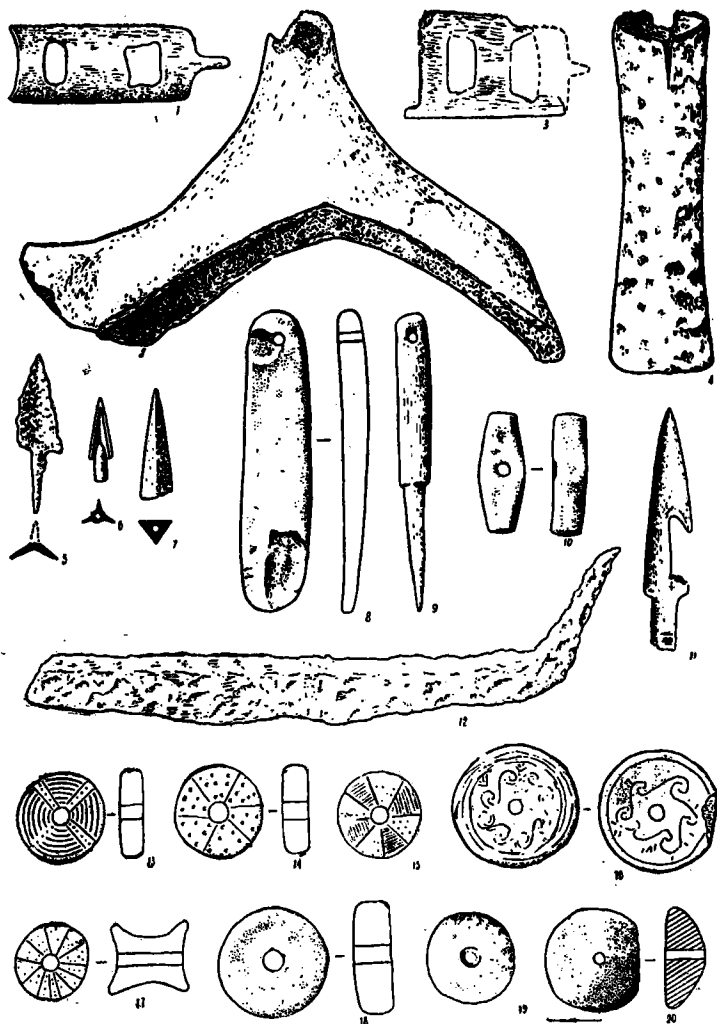
⁹⁴ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 219—223, рис. 9, 27.

⁹⁵ А. В. Шмидт и др. Указ. соч., стр. 10.

⁹⁶ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 73, 76; Т. Н. Троицкая. Раскопки Михайловского городища..., стр. 90.

Р и с. 19. Очертания «жилищного котлована» в располе II Охлебнинского городского поселения.
 1 — очертания на уровне материка, 2 — очаг, 3 — столбовые ямки, 4 — углы, 5 — зола.

Р и с. 20. Вещи из поселений.

1,3—10, 12—15, 17—19—II Охлебининское городище; 2, 16, 20— Биктимировское городище; 11— селище Воронья.

шах. На II Охлебнинском городище их обнаружено более двадцати. Кроме кара-абызских поселений подобные орудия встречаются в памятниках убаларского типа⁹⁴ и гороховской культуры⁹⁵. Богато представлены тупики в памятниках эпохи бронзы. Там они сделаны не из подвздошной кости лошади, как на кара-абызских поселениях, а из челюстей животных. По мнению большинства исследователей, тупики являлись орудием для обработки кожи. Тупики из челюстей животных, встречаемые на поселениях эпохи бронзы, М. П. Грязнов определяет как орудия для трепания конопли и льна⁹⁶.

Обычными находками на кара-абызских поселениях являются пряслица. Большинство из них плоские, небольшого диаметра, сделаны из глины или обломков сосуда (см. рис. 20, 18). Одно глиняное пряслице (Биктимировское городище) имеет конусообразную форму (см. рис. 20, 20). Довольно часты каменные пряслица, орнаментированные резными линиями, вдавлениями, завитками (см. рис. 20, 13—16). Подобные пряслица известны в сарматских памятниках (могильник у дер. Старые Кишки, на ананьинских⁹⁷ и гафурийских⁹⁸ поселениях). Распространенными находками на кара-абызских поселениях являются наконечники стрел (см. рис. 20, 5—7), изредка встречаются железные ножи, оселки (см. рис. 20, 8), пряжки (см. рис. 20, 1, 3) таких же типов, как и в могильниках, каменные «молоточки» (см. рис. 20, 10), аналогичные находками в погребениях прохоровской культуры⁹⁹.

На II Охлебнинском городище в 1965 г. в раскопе II найден интересный клад украшений. Он состоял из гривны, 7 ворворок, 10 бусин и около 30 обоймочек (рис. 21). Гривна представляет собой шесть наложенных друг на друга и спаянных колец, сделанных из бронзового прута, обожженного листовым золотом; концы колец не сходятся, образуя разрыв в 5—6 см. Здесь же были найдены два обломка золотой обкладки в виде согнутой трубочки, являвшиеся, по-видимому, заготовкой седьмого кольца. Ворворки сделаны из чистого золота. Они имеют форму маленьких чашечек с очень тонкими стенками и небольшим отверстием в «дне». Диаметр устья 4 см, высота 2,1 см. Бусы темно-синие пастовые с глазками в белой окантовке. Обоймочки сделаны из тонкой бронзовой гофрированной пластинки.

Клад обнаружен на глубине 30 см в культурном слое. Он был завернут в кору или положен в берестяной туесок, о чем свидетельствуют остатки коры на гривне и под ней. Гривна лежала в горизонтальном положении, а остальные украшения находились внутри нее, как бы в сосуде, ворворки были насажены друг на друга, бусы и обоймочки — в россыпи.

Определение даты клада довольно затруднительно. Аналогий гривне имеются в савроматских памятниках¹⁰⁰, в сакских курганах IV в. до н. э.¹⁰¹. Наиболее близкими аналогиями являются двухсоставные гривны из Сибирской коллекции Петра I, которые датируются IV—III вв. до н. э.¹⁰².

Темно-синие глазчатые бусы широко распространены в позднесавроматских и раннесарматских памятниках — IV—II вв. до н. э.¹⁰³. Бронзовые гофрированные обоймочки обычны для кара-абызских женских погребений II этапа — III—II вв. до н. э.

Исходя из перечисленных аналогий, Охлебнинский клад следовало бы датировать не позже IV—II вв. до н. э. Однако залегание его на глубине 30 см, в то время как толщина культурного слоя в этом месте не менее 80 см, заставляет нас с осторожностью отнестись к такой ранней датировке. Судя по всему, городище, как памятник кара-абызской культуры, прекратило свое существование не ранее II в. н. э. Это противоречие объясняется, возможно, тем, что клад состоит в основном из золотых вещей, которые высоко ценились и передавались из поколения в по-

⁹⁴ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 79, 82; М. Х. Садыкова. Новые памятники железного века Башкирии. — АЗБ, т. I, стр. 126.

⁹⁵ К. В. Сальников. Городище «Чудаки»..., стр. 228.

⁹⁶ М. Н. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. — КСИМК, 1956, вып. 4, стр. 40.

⁹⁷ А. В. Збруева. Указ. соч., табл. XXV.

⁹⁸ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., табл. VIII, 1—2.

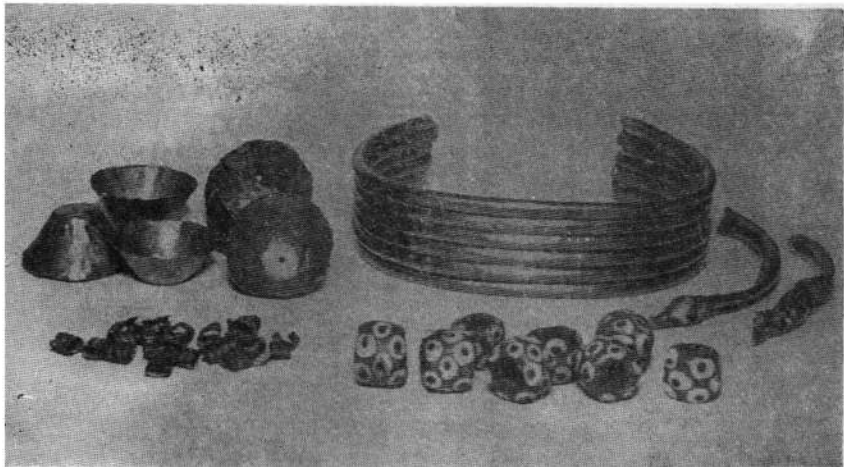
⁹⁹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, табл. 32, 41—48.

¹⁰⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 144—145, рис 71, 16.

¹⁰¹ В. А. Акиншев. Саяк Семиречья. — Труды ИИАЭ КазССР, т. 7. Археология. Алма-Ата, 1959, стр. 206, табл. IV.

¹⁰² С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. Свод. вып. ДЗ-9, 1962, стр. 34—35, табл. XI, 6—7, табл. XVIII, 3, 6.

¹⁰³ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. Свод. вып. ДЗ-9, 1963, табл. 27; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, табл. 30.

Р и с. 21. Клад со II Охлебининского городища.

коление. Хотя сами по себе вещи датируются ранним временем, зарыты они могли быть и гораздо позже.

Керамика кара-абхазских поселений сравнительно четко делится на 4 основных группы или комплекса: кара-абхазская, шпуровая, гафурийская и убаларская.

Кара-абхазская керамика. Эта группа керамики является основной для памятников эпохи раннего железа на территории центральной Башкирии. Она широко представлена на всем протяжении среднего течения правого берега р. Белой от г. Бирска до с. Табынска.

Наиболее характерными признаками кара-абхазской керамики являются чашевидность формы и ямочный орнамент по шейке. Фрагменты, как правило, крупные, толстостенные (7—9 см), хорошего кострового обжига. В тесте примесь дресвы, песка, раковины. Почти вся посуда круглодонная, лишь в нескольких случаях обнаружены обломки плоских днищ от небольших сосудов, видимо, чашек.

Форма кара-абхазской керамики разнообразна. А. В. Шмидт сгруппировал керамику городища Кара-Абыз в 4 типа¹⁰⁴, Т. Н. Троицкая на материалах Михайловского городища выделила 5 групп¹⁰⁵, Г. В. Юсупов керамику селища Курман-Тау и Касьяновского городища подразделяет на 6 типов¹⁰⁶, М. Х. Садыкова кара-абхазскую керамику Гафурийских поселений делит на 5 типов¹⁰⁷.

Все эти разновидности форм сосудов можно объединить в два основных типа:

I — сосуды с прямыми стенками, постепенно переходящими в круглое дно — чаши. Чаше они низкие, небольших размеров, 10—15 см в диаметре, хотя встречаются и диаметром до 40 см. Их можно подразделить на два подтипа: 1) чаши с прямыми стенками (рис. 22, 16; 23, 1; 24, 1); 2) чаши со слабо выраженной шейкой (рис. 22, 2, 7; 23, 2; 24, 2).

II — сосуды с прямыми, изредка слегка отогнутым наружу широким горлом и хорошо выраженными плечиками — горшки. В зависимости от высоты горла, четкости перехода горла в туло-

¹⁰⁴ А. В. Ш м и д т. Указ. соч., стр. 10—11.

¹⁰⁵ Т. Н. Т р о и ц к а я. Раскопки Михайловского городища..., стр. 91—95.

¹⁰⁶ Г. В. Ю с у п о в. Древнейшие поселения..., стр. 69—70.

¹⁰⁷ М. Х. С а д ы к о в а. Сарматы на территории Башкирии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965, стр. 15.

во, степени раздутости тулова этот тип в свою очередь может быть подразделен на три подтипа: 1) сосуды с отогнутыми наружу венчиками (см. рис. 22,4; 23,4; 24,4); 2) сосуды с прямым горлом и четким переходом в тулово (см. рис. 22,3,9; 23,3; 24,3); 3) сосуды с плавным переходом горла в тулово, близкие к чашам (см. рис. 22,5; 23,5; 24,5).

Следует заметить, что больших различий между подтипами и даже типами нет. Можно найти немало сосудов промежуточного характера, сочетающих в себе черты нескольких подтипов или типов.

Из выделенных двух типов подавляющее большинство составляют сосуды II типа — горшки, чаши на поселениях встречаются довольно редко, не более 5—10% общего количества сосудов. Среди керамики II типа полностью преобладают сосуды с прямым горлом и четким переходом в тулово — 2 подтип, очень редки сосуды I подтипа — с отогнутой наружу шейкой. В этом смысле показательна картина на селище Воронки, раскопанном автором в 1963 г. Из 285 выделенных кара-абызских сосудов I тип составляют 42 сосуда, II тип — 243, из которых 129 составляют 2 подтип. Примерно такое же соотношение типов и подтипов и на других памятниках. Следует заметить, что выделение подтипов зачастую довольно условное, так как обычно фрагменты невелики, а резких различий между подтипами, как уже говорилось, не наблюдается.

По примеси кара-абызская керамика делится на 2 группы: 1) с раковинной, 2) с дресвой или песком, причем преобладают сосуды с примесью раковины. Чаще эти группы сочетаются на одном памятнике, с преобладанием обычно одной из них: в нескольких случаях керамика с поселением однородна по примеси (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Памятники	Раковина		Древо, песок		В с е г о	
	сосуды	%	сосудам	%	сосуды	%
Бирское городище ¹⁰⁸	71	100	—	—	71	100
Бирское II городище ¹⁰⁹	9	100	—	—	9	100
Биктимировское городище	480	98	11	2	491	100
Городище Кара-Абыз ¹¹⁰	535	100	—	—	535	100
Селище Воронки	267	94	18	6	285	100
Селище Дудкино 1	57	100	—	—	57	100
II Охлебнинское городище	195	37	333	63	528	100
Михайловское городище ¹¹¹	—	78	—	22	—	100
Воскресенское городище	85	93,4	6	6,6	91	100
Касьяновское городище ¹¹²	—	19	—	81	—	100
Селище Курман-Тау ¹¹³	—	17	—	83	—	100
Уфимское IV городище	51	100	—	—	51	100

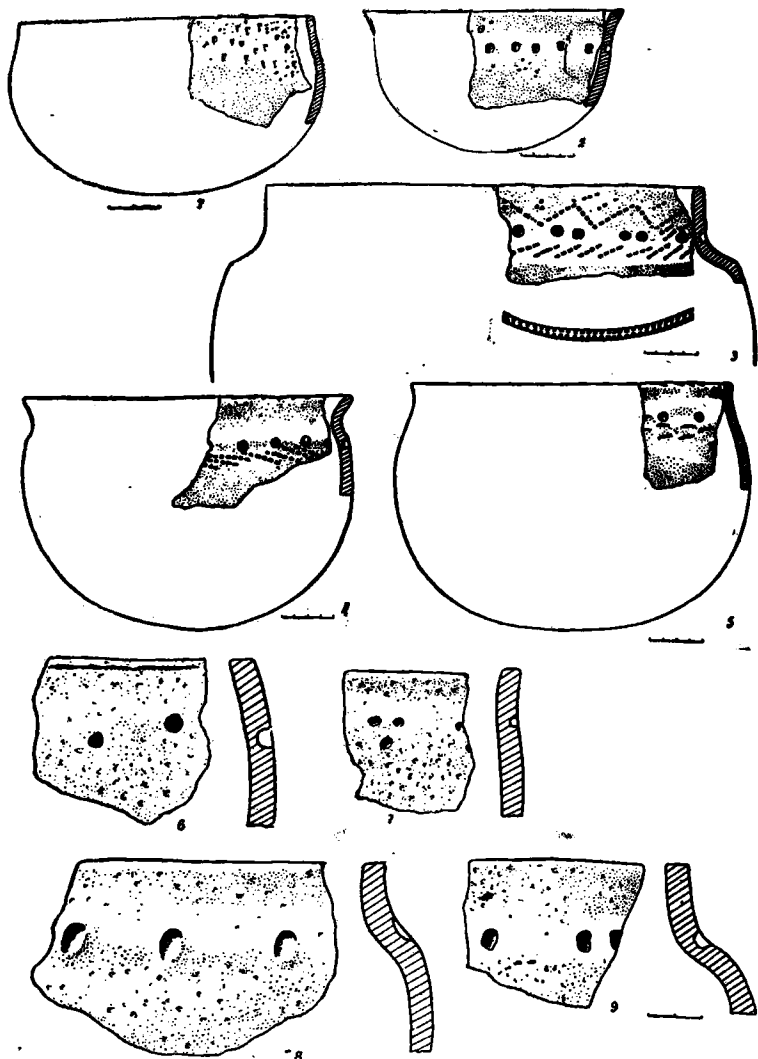
Объяснить различия в примеси пока не представляется возможным: ни хронологически, ни территориально четко они не выделяются. В общем можно отметить, что керамика с примесью дресвы и песка более характерна для южных памятников — городищ II Охлебнинского, Касьяновского, селища Курман-Тау. Но в то же время на городищах Воскресенском и Михайловском, расположенных на этой же территории, полностью преобладает керамика с примесью толченых раковин. С точки зрения хронологии, также невозможно выявить какие-либо закономерности. Например, керамика Биктимировского городища по всей толще культурного слоя (240 см) однородна по примеси.

¹⁰⁸—¹⁰⁹ Подсчеты автора по материалам раскопок Н. А. Мажитова 1959 и 1961 гг.

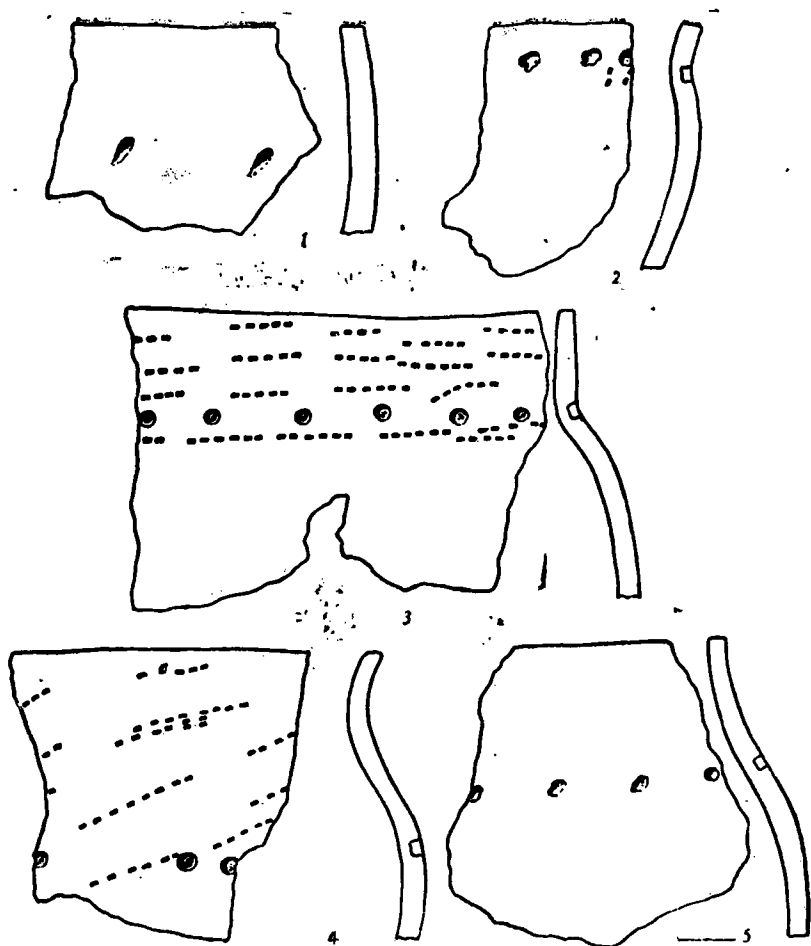
¹¹⁰ А. В. Ш м и д т. Указ. соч., стр. 11.

¹¹¹ Т. Н. Т р о и ц к а я. Раскопки Михайловского городища..., стр. 91.

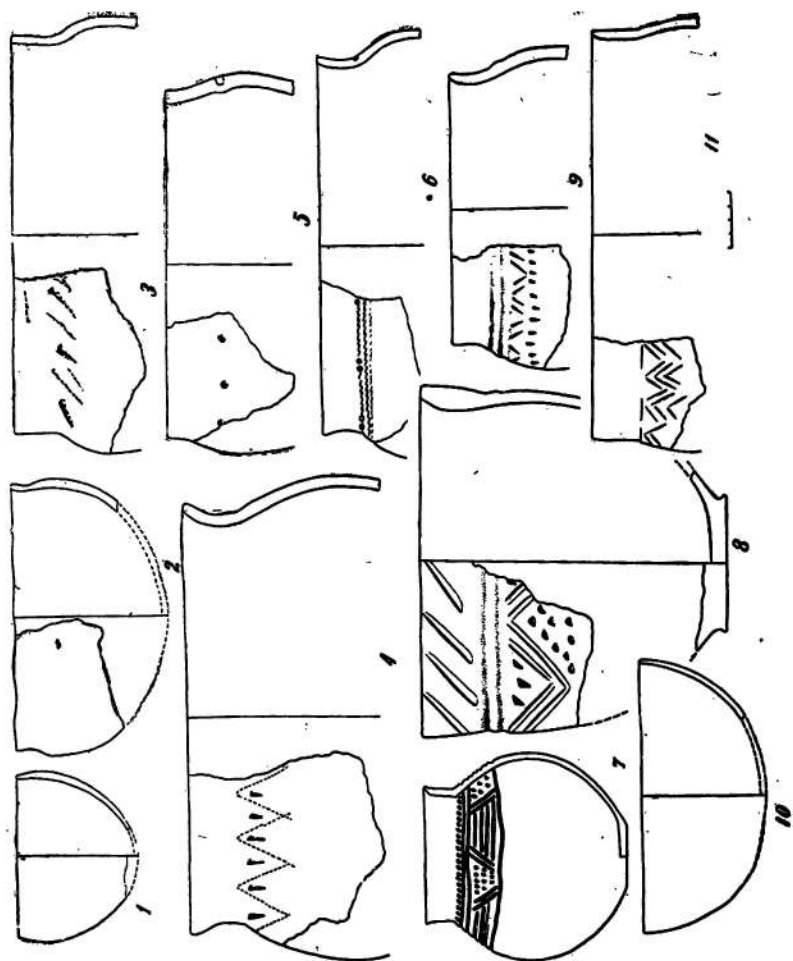
¹¹²—¹¹³ Г. В. Ю с у п о в. Древнейшие поселения..., стр. 68.

Р и с. 22. Кара-абзиская керамика.
1—5 — селшце Воронки; 6—9—селшце Дудкино I.

Р и с. 23. Кара-абмaysкая керамика с Касьяновского городища.

Р и с. 24. Керамика со II Орлебинского городища.

Орнамент на кара-абьзской керамике всегда расположен по верхней части сосудов — на шейке или плечиках. В подавляющем большинстве это поясok круглых крупных ямок, иногда ямки заменены глубокими насечками или вдавлениями. Довольно часто ряд ямок дополняется оттисками крупногребенчатого штампа или насечками. Небольшая часть сосудов имеет орнамент по венчику в виде насечек или оттисков гребенчатого штампа (см. рис. 22—24) Неорнаментированных сосудов немного. Обычно это небольшие чашечки, лишь изредка встречаются сосуды больших размеров (табл. 2).

Таблица 2

Памятники	Неорнамент.	•••••			Насечки по венчику	Всего сосудов
Бирское городище	1	65	4	1	5	71
Бирское II городище	—	7	2	—	—	9
Бирское селище	—	6	3	—	—	9
Виктимировское городище	59	430	1	1	—	491
Селище Воронки	12	198	47	28	129	285
Селище Дудкино I	10	47	2	—	—	57
II Охлебнинское городище	203	278	15	32	—	528
Воскресенское городище	15	48	—	28	14	91
Уфимское IV городище	6	42	3	—	—	51

Несмотря на незначительные различия в примеси, орнаментации и, отчасти, форме сосудов, в целом кара-абьзская керамика однородна.

Шнуровая керамика. Она представлена сосудами, широко распространенными на всех памятниках ананьинской культуры Прикамья. Они изготовлены из глины с примесью раковины, по шейке орнаментированы рядом ямок и 2—6 горизонтальными оттисками шнура. Небольшая часть сосудов имеет по шейке утолщение, так называемый «воротничок»¹¹⁴ (см. рис. 24,6).

Гафурийская керамика. Первоначально эта группа керамики именовалась нами «сарматондной» по сходству ее с посудой сарматских курганов прохоровской культуры¹¹⁵. В связи с тем, что термин «сарматондная» в известной мере предполагает сарматский этнос, с чем, по нашему мнению, теперь нельзя согласиться, было предложено эту группу керамики переименовать в «гафурийскую» по названию района, где она наиболее полно представлена¹¹⁶. Отличительной чертой этой группы керамики является утолщенная шейка, резной и желобчатый орнамент, часто примесь талька в тесте. Большинство сосудов имело, видимо, круглые днища, хотя встречаются и плоскодонные. Орнамент располагается в верхней части. Он состоит из горизонтальных желобков-рифления, зигзагов, насечек, изредка гирлянд.

По форме эта группа керамики подразделяется на два основных типа.

I — сосуды с низким горлом и четким переходом в раздутое тулово. В глине почти всегда примесь талька. Шейка обычно утолщена, венчик срезан изнутри наискось (см. рис. 24,7; 25,1—2; 26,4—5).

II — сосуды чашевидной или горшковидной формы с сильно утолщенной закраиной и резким переходом с внутренней стороны в тонкие стенки. Утолщение охватывает или всю высоту горла, или только его среднюю часть. В тесте примесь талька, раковины, изредка дресвы (см. рис. 24,8; 25,3—4; 26,1—2, 6—8).

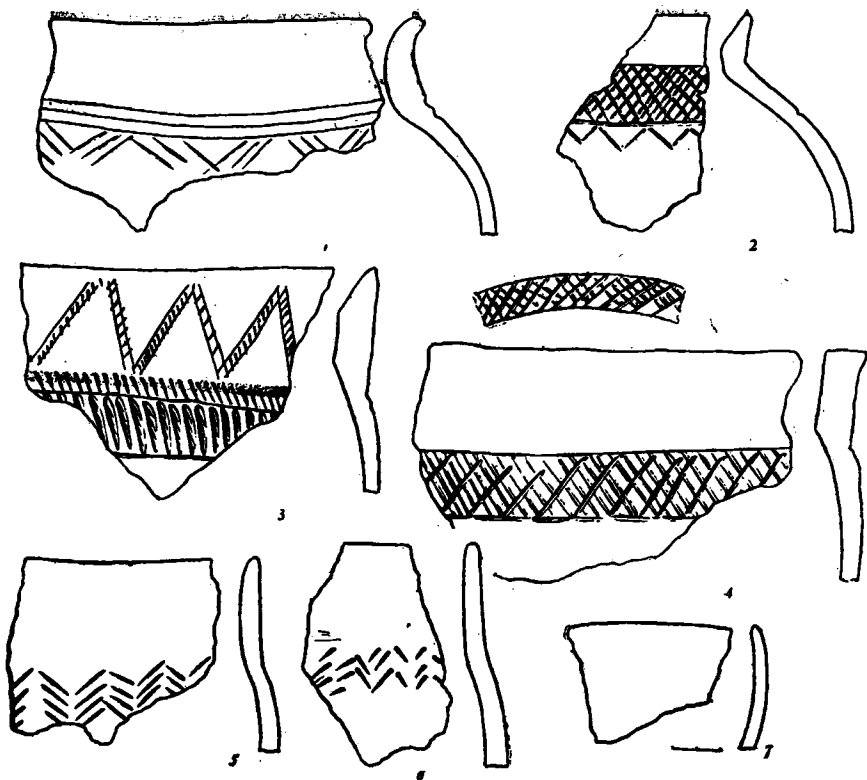
Встречаются сосуды промежуточного характера, сочетающие в себе элементы обоих типов (см. рис. 24,9; 26,3).

Убаларская керамика. Эта группа керамики стала известна после раскопок М. Х. Садыковой в 1957 г. селища Убалар, из которого получен чистый субаларский керамический комплекс. Позже аналогичная керамика была выделена на некоторых кара-абьзских памятниках. Кера-

¹¹⁴ А. В. З бру е в а. Указ. соч., стр. 66 и след.

¹¹⁵ А. Х. П ш е н и ч и ю к. К вопросу о керамике..., стр. 97.

¹¹⁶ А. Х. П ш е н и ч и ю к. Население центральной Башкирии..., стр. 8.

Р и с. 25. Гафурийская и убаларская керамика.

1— Воскресенское городище, 2—4 Касьяновское городище, 5—7—II Охлебининское городище.

мика этой группы характеризуется следующими признаками. Она представлена тонкостенными лепными сосудами хорошего обжига с примесью в тесте мелкого песка обычно с белыми блестками или, изредка, толченой раковины. Выделяются два основных типа:

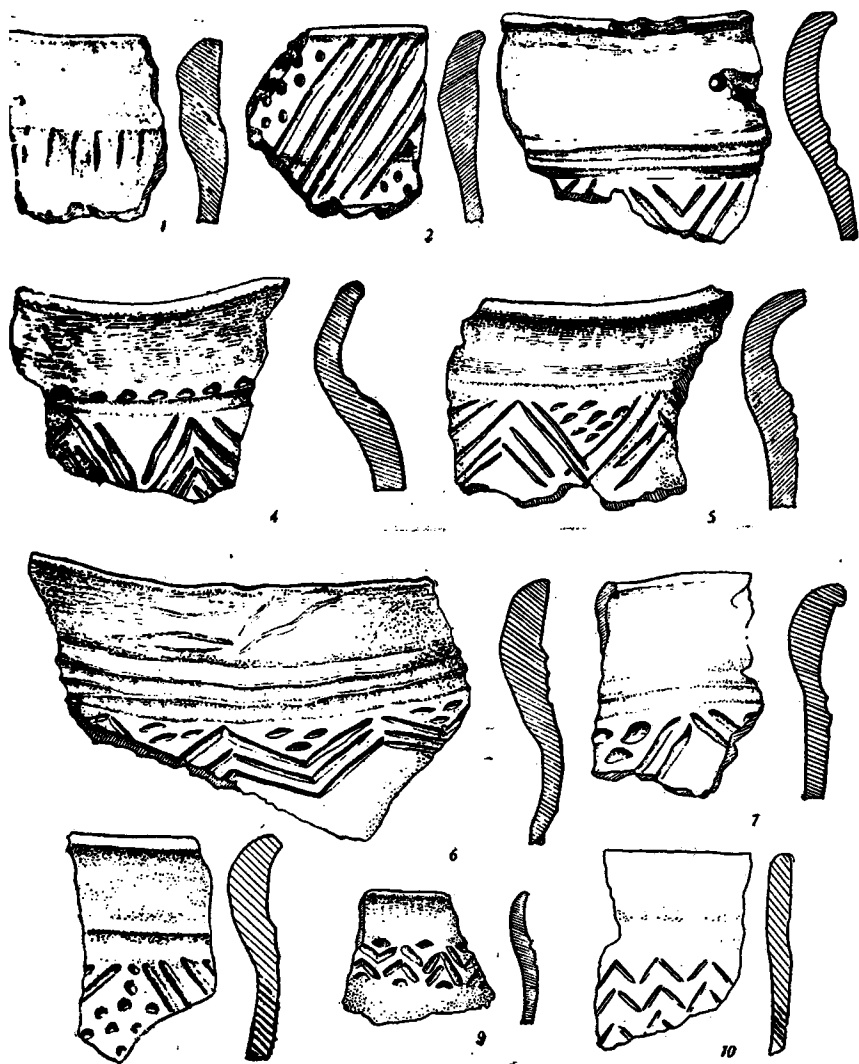
I — слабо профилированные сосуды с широким прямым горлом, часто с небольшим уступчиком в месте перехода горла в тулово. Орнаментированы по верхней части тулова резными зигзагами (см. рис. 24, 11; 25, 5—6; 26, 10).

II — небольшие чаши без орнамента (см. рис. 24, 10; 25, 7).

Большей частью оба типа имеют уплощенные днища, хотя и встречаются круглодонные сосуды.

Хронологические рамки и происхождение керамических комплексов различны.

Кара-абызская керамика существовала, несомненно, на протяжении всего периода кара-абызской культуры с IV в. до н. э. по II в. н. э. и является прямым развитием керамики анаэтин-

Р и с. 26. Гафурийская и убаларская керамика II Охлебнинского городища.

ской культуры, для которой, особенно на территории центральной Башкирии, также характерны сосуды с ямочным орнаментом по шейке. Этот тезис убедительно доказывается стратиграфией Биктимировского городища, где по всей толще культурного слоя (240 см, 12 штыков) керамика с ямочным орнаментом по шейке составляет подавляющее большинство. Нижние слои этого городища, XII—XI штыки, судя по находимой в них ананьинской керамике, орнаментированной 6—9 горизонтальными отгисками шпура, датируются не позднее V—IV вв. до н. э., т. е. относятся к ананьинской культуре. Большая мощность культурного слоя дает, на наш взгляд, немало оснований доводить существование этого городища до I—II вв. н. э. Стратиграфия Биктимировского городища, а также материал таких однослойных раннеананьинских поселений, как Бирское, Андреевское селища и других, речь о которых пойдет ниже, позволяют с уверенностью говорить, что керамика с ямочным орнаментом по шейке возникла в самом начале эпохи раннего железа, в VIII—VII вв. до н. э., и являлась основным типом на территории центральной Башкирии как в кара-абызское, так и в ананьинское время.

Шпуровая керамика кара-абызских поселений также является прямым развитием ананьинской керамики с веревочным орнаментом, которая повсеместно в небольшом количестве встречается на рассматриваемой территории. Судя по орнаментации (2—6 горизонтальных отгисков шпура) она может быть датирована IV—III вв. до н. э.¹¹⁷

Появление на кара-абызских поселениях гафурийской керамики с утолщенным венчиком, желобчатым и резным орнаментом объясняется, очевидно, культурными и этническими контактами кара-абызцев с гафурийскими племенами, обитавшими на этой же территории. Дата гафурийской керамики определяется IV—II вв. до н. э. по сходству ее с посудой прохоровской культуры и по наличию датирующих материалов на некоторых поселениях. Так, на Курмантаевском городище, верхний слой которого представлен чистым гафурийским комплексом, найдены 16 бронзовых наконечников стрел, спиральное колечко¹¹⁸, типичные для памятников прохоровской культуры.

Изучая материалы селища Убалар, давшего чистый убаларский керамический комплекс, М. Х. Садыкова датировала его VI—IV вв. до н. э.¹¹⁹ Г. И. Матвеева, после раскопок второго аналогичного однослойного памятника — селища Магаш, где найдены костяная пряжка и умбовидная бляшка пьяноборского типа, предложила датировать его пьяноборским временем — рубежом нашей эры¹²⁰.

Первоначальное знакомство с керамикой типа Убалар создавало впечатление, что она ничего общего не имеет с кара-абызской и гафурийской группами керамики. И находжение ее на кара-абызском II Охлебининском городище, казалось нам, объясняется его двухслойностью¹²¹. В самом деле, если сравнивать собственно кара-абызскую керамику с ямочным орнаментом по шейке и убаларскую, то мы увидим большую разницу между ними и в форме, и в тесте, и особенно в орнаментации. Не много общих черт обнаруживается у нее и с гафурийской керамикой, для которой характерны сосуды с примесью талька, раковины и изредка дрессы, орнамент в виде рифления, насечек и зигзагов. Убаларская же керамика в основном с примесью песка, а орнамент очень однообразен — это ряды косых зигзагов. По общему облику гафурийская керамика по сравнению с убаларской более массивна, толстенна.

Однако новые материалы, полученные в результате раскопок Охлебининского и Шиповского городищ, теперь по-иному освещают этот вопрос.

Шиповское городище расположено на правом берегу р. Белой близ дер. Шипово Иглинского района. Керамика с городища, полученная нами из небольшой траншеи (2 × 10 м) и собранная на пашне, сгруппирована в три типа: 1) гафурийская, 2) убаларская и 3) неорнаментированные сосуды с низким широким горлом и плавным переходом в тулово. Кроме того, обнаружено немало сосудов промежуточного характера, сочетающих в себе черты гафурийского и убаларского типов (рис. 27). Подобная картина наблюдается и на II Охлебининском городище, где также имеются сосуды переходного типа от гафурийского к убаларскому (см. рис. 26).

Наличие переходных типов убеждает нас в том, что между гафурийской и убаларской керамикой существует генетическая связь, причем убаларская керамика позднее, о чем свидетель-

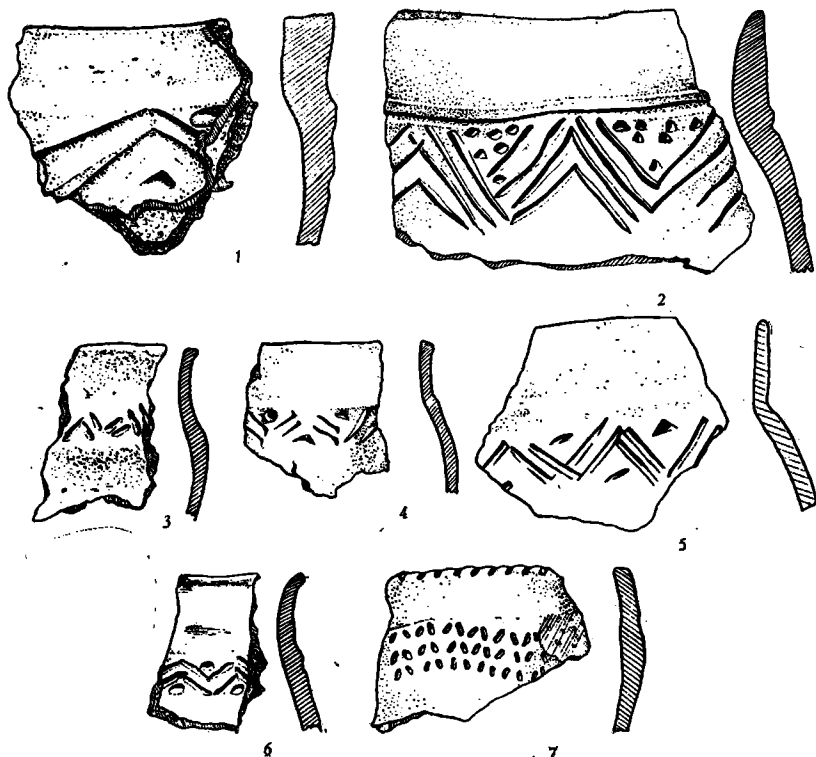
¹¹⁷ В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов. Итоги археологического изучения Удмуртии. — ВАН, вып. 1. Свердловск, 1961, рис. 7.

¹¹⁸ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 79.

¹¹⁹ М. Х. Садыкова. Новые памятники..., стр. 128—129.

¹²⁰ Г. М. Матвеева. Отчет за 1964 год. Архив Башгосуниверситета.

¹²¹ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике..., стр. 97.

Р и с. 27. Керамика Шыновского городища.

ствуют стратиграфические наблюдения на II Охлебининском городище (раскопки 1966 г.) (табл. 3).

Так как генетические связи убаларской керамики с гафурийской устанавливаются довольно определенно, она должна датироваться не раньше времени существования керамики гафурийского типа. Вероятной датой, вслед за Г. И. Матвеевой, мы считаем рубеж нашей эры. Дополнительным подтверждением сказанного служит нахождение сосудов убаларского типа в погребениях III этапа Охлебининского могильника.

На разных кара-абызских поселениях сочетание выделенных керамических комплексов различно (табл. 4).

Табл. 4 показывает, что гафурийская и убаларская керамика богаче представлена в южных памятниках. Это объясняется, очевидно, более тесными этнокультурными контактами кара-абызцев с «гафурийско-убаларскими» племенами в южных районах, где эти племена обитали на общей территории. Нужно иметь в виду, конечно, что данная таблица весьма приближительна и составлена без учета стратиграфии. Соотношение групп керамики дано без учета их хронологических рамок. Принято считать, что шуровая керамика прекращает свое существование в

Таблица 3

Типы керамики	Штыки					
	I	II	III	IV	V	VI
Гафурийская	8	22	32	35	54	8
Переходная	3	18	3	5	12	—
Убаларская	32	19	—	—	2	—

Таблица 4

Памятник	Кара-абызский		Шнуровой		Гафурийский		Убаларский		Всего	
	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%	к-во	%
Бирское городище ¹	71	75	23	25	—	—	—	—	94	100
Бирское II городище ²	9	90	1	10	—	—	—	—	10	100
Биктимировское городище ³	491	91,6	30	5,6	15	2,8	—	—	536	100
Городище Кара-Абыз ⁴	—	95	—	72	—	73	—	—	535	100
Черняковское селище ⁵	есть	—	—	—	—	—	есть	—	—	—
Селище Воронки ⁶	285	93	19	6	—	71	—	—	304	100
Селище Дудкино ⁷	57	93,5	—	—	4	6,5	—	—	61	100
II Охлабинское городище ⁸	528	71	2	1	159	21	53	7	742	100
Воскресенское городище ⁹	91	80	9	7	15	13	—	—	481	100
Михайловское городище ¹⁰	—	94	—	—	—	6	—	—	—	100
Касьяновское городище ¹¹	—	95	—	73	—	73	—	—	—	100
Селище Курман-Тау ¹²	—	95	—	73	—	73	—	—	—	100

¹ Раскопки Н. А. Мажитова 1959, 1961 гг.

² Сборы Н. А. Мажитова 1959 г.

³ Раскопки автора 1964 г.

⁴ Раскопки А. В. Шмидта 1928 г.— визуально.

⁵ Сборы Кузьмина 1959 г.

⁶⁻⁷ Раскопки автора 1962 г.

⁸ Раскопки автора 1966 г.

⁹ Раскопки автора 1964 г.

¹⁰ Раскопки Т. Н. Троицкой 1956 г.

¹¹⁻¹² Раскопки Г. В. Юсупова 1954—1956 гг.— визуально.

III в. до н. э., а гафурийская бытовала в IV—II вв. до н. э., убаларская — во II в. до н. э., а кара-абызская — с VIII в. до н. э. по II в. н. э. С учетом этой датировки статистика дала бы иные результаты, чем те, которые показаны в табл. 4. Например, на Биктимировском городище, где удалось четко проследить стратиграфию, шнуровая керамика встречена только в нижних слоях (IX—XII штыки), где она составляет в среднем 17%, гафурийская — в средних слоях (VII—X штыки) — 8%. Интересно отметить, что в двух нижних штыках (XII—XI), относящихся по всей вероятности к ананьинской культуре, шнуровая керамика составляет 26%, а в раннекара-абызском слое (X—IX штыки) — 7% (табл. 5).

К сожалению, в других поселениях стратиграфически группы керамики выделяются очень плохо из-за перемешанности культурного слоя.

Таблица 5

Культура	Дата	Штук	Кара-абызская		Гафурийская		Шпуровая	
			кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%	кол-во сосудов	%
Кара-абызская	II в. до н. э. —	II	63	100	—	—	—	—
		III	64	100	—	—	—	—
	II в. н. э.	IV	41	100	—	—	—	—
		V	41	100	—	—	—	—
		VI	31	100	—	—	—	—
		III—II вв. до н. э.	VII	42	92	4	8	—
	VIII	38	84	7	16			
	IV—III вв. до н. э.	IX	58	90	3	5	3	5
		X	55	88	1	2		
	Анапийская	V—IV вв. до н. э.	XI	33	74	—	—	12
XII			25	74	—	—	9	26

Впервые мысль о связи кара-абызских поселений с могильниками типа Уфимского была высказана А. В. Шмидтом¹²². Такого же мнения придерживались и последующие исследователи¹²³. Этот вывод не поколеблен и сейчас, когда накоплен значительный материал по кара-абызской культуре в целом. Отмеченная связь очень хорошо прослеживается на материале Биктимировского городища и могильников.

Требуется дополнительного объяснения вопрос о связях Охлебининского и Шпуровского могильников с поселениями. На первый взгляд, на основе единства погребального обряда и преобладающего вещевого материала эти могильники не выходят из круга остальных кара-абызских и потому можно было считать, что они оставлены одним родственным населением. В связи с обнаружением большого количества убаларской керамики мы должны будем сейчас допустить, что в сложении культуры указанных могильников значительную роль сыграли племена, оставившие нам памятники убаларского типа. Следовательно, этнический состав этих памятников не был однородным.

По всем основным признакам — и по погребальному обряду, и по инвентарю — Охлебининский могильник полностью аналогичен Новому Уфимскому, Галаповскому, поздним погребениям I и III Биктимировского могильников, связь которых с поселениями типа Кара-Абыз не вызывает, на наш взгляд, никаких возражений. В целом и погребальный обряд, и вещевые комплексы всех этих могильников настолько близки, что, казалось бы, нет никаких оснований сомневаться в их однокультурности. Однако керамика Охлебининского могильника, представленная сравнительно богато, резко отличается от собственно кара-абызской с ямочным орнаментом по шейке. Уже говорилось, что сосуды Охлебининского могильника подразделяются на два основных типа: чашечки без орнамента и горшочки, орнаментированные по плечикам резными зигзагами. I тип может быть сопоставлен с кара-абызской керамикой, так как на кара-абызских поселениях довольно часто встречаются маленькие чашечки без орнамента. II тип не имеет ничего общего с собственно кара-абызской посудой и находит прямые аналогии среди убаларской керамики. Значительным количеством гафурийская и убаларская керамика представлена на II Охлебининском городище.

Исходя из этого, можно предположить, что могильники, аналогичные Охлебининскому (Уфимский, Новый Уфимский, Биктимировский, Галаповский), следует связывать не с кара-

¹²² А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 14.

¹²³ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 44; А. П. Смирнов. Очерки..., стр. 70—71; Р. Б. Ахмедов. Новый Уфимский могильник; Н. А. Мажигов. Бахмутинская культура, стр. 9.

абызскими поселениями, дающими керамику с ямочным орнаментом по шейке, а с поселениями типа Убалар.

Но в таком случае подобные поселения должны быть распространены по всей территории, где встречаются кара-абызские могильники. Однако, как уже говорилось, они сосредоточены только в южной границе кара-абызской культуры; севернее г. Уфы не известно ни одного фрагмента убаларской керамики, а керамика гафурийского типа представлена очень бедно. Самым северным пунктом находки убаларской керамики является селище Черниковское на территории г. Уфы, обнаруженное в 1959 г. учителем Кузьминым.

Таким образом, материалы Охлебининского комплекса памятников не опровергают уже установившееся мнение, что могильники типа Уфимского и Нового Уфимского связываются с поселениями типа Кара-Абыз. Наличие же гафурийско-убаларской керамики на II Охлебининском городище и могильнике, являющихся в какой-то степени периферией кара-абызской культуры, отражают, как нам кажется, те сложные этнические процессы, которые происходили на рубеже нашей эры на территории центральной Башкирии. Происходила взаимоассимиляция и смешение коренного населения, потомков ананьинцев с пришлыми «гафурийско-убаларскими» племенами.

Население II Охлебининского городища, оставившего Охлебининский могильник, было уже смешанным. В керамике городища 21% гафурийской и 7% убаларской керамики. В жилище кара-абызская и гафурийская керамика залегают вместе.

Если сопоставить керамические комплексы поселений с выделенными на материалах могильников этапами, то получим следующую картину (рис. 28). На протяжении всего периода существования кара-абызской культуры подавляющее большинство составляла собственно кара-абызская керамика, орнаментированная пояском ямок по шейке. На I и II этапах (IV—II вв. до н. э.) она сочеталась с гафурийским, а на III (II в. до н. э.— II в. н. э.) — с убаларским типом керамики, являющимся прямым развитием гафурийской. Оба эти типа концентрируются преимущественно в южных памятниках. Шнуровая керамика встречается в небольшом количестве на всей территории кара-абызской культуры на I этапе.

III. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

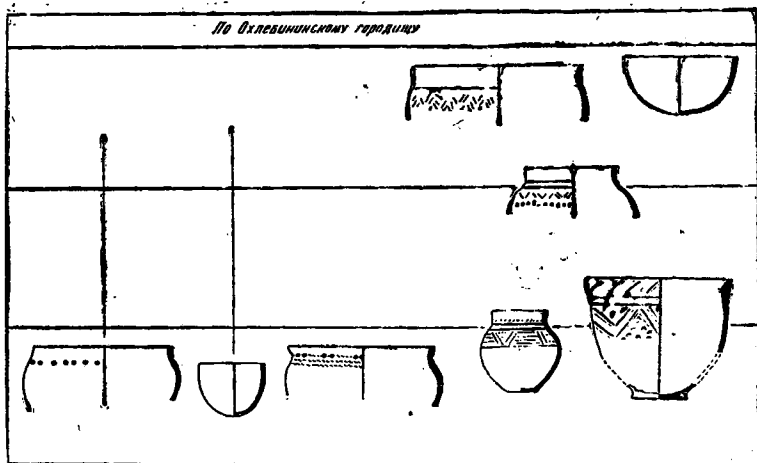
Многочисленные остатки материальной культуры позволяют в общих чертах определить основу хозяйственной деятельности кара-абызских племен, составить, хотя бы весьма приблизительно, представление об их общественном строе.

Х о з я й с т в о. В естественно-географическом отношении район распространения кара-абызских памятников — правобережье среднего течения р. Белой — представляет собой восточную окраину лесостепи, к которой вплотную примыкают лесные на северо-востоке и горнолесные на юго-востоке районы. Разнообразие природных условий (наличие лесов, рек, широких пойменных долин и низких коренных террас, больших открытых участков), а также находки с поселений и могильников позволяют говорить о ведении кара-абызскими племенами комплексного хозяйства, где главными отраслями были скотоводство и земледелие.

С к о т о в о д с т в о. О занятии кара-абызских племен скотоводством прежде всего свидетельствует сравнительно богатый остеологический материал, собранный на Биктимировском городище, II Охлебининском городище и могильнике, Воскресенском, Касьяновском городищах и селище Курман-Тау. Данные анализа, проведенного А. Г. Петренко и Г. В. Юсуповым¹²⁴, показывают, что абсолютное большинство костей принадлежит домашним животным. Так, на Биктимировском городище из 1525 определенных костей 1081, т. е. 71%, приходится на долю домашних животных; на II Охлебининском городище из 965 определенных — 828, т. е. 86%, составляют кости домашних животных. Подытоживая свои наблюдения, Г. В. Юсупов писал, что на поселениях Гафурийского района преобладают кости домашних животных. В поздних кара-абызских погребениях также часто встречаются кости домашних животных. Дока определены только кости из Охлебининского могильника. Из 40 погребений, в которых кости животных имели удовлетворительную сохранность, в 35 обнаружены кости мелкого рогатого скота или свиньи, в четырех — зайца и в одном — птицы.

¹²⁴ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района. Рукопись. Архив БФАН СССР ф. 3, оп. 3, ед. хр. 15, стр. 44.

ДАТА		<i>По Воктиридовским городищу</i>	
II до н.э. - II в. н.э.	6-2		
	6-7		
IV вв. до н.э.	10-8		
			

Р и с. 28. Распределение комплексов керамики по этапам.

Среди домашних животных первое место занимает мелкий рогатый скот, затем лошади, крупный рогатый скот, свиньи (табл. 6). Из таблицы видно, что основными отраслями скотоводства являлись овцеводство и коневодство. Крупный рогатый скот и свиньи разводились в ограниченном количестве.

Таблица 6

Памятники	Мелкий рогатый скот (%)	Лошади (%)	Крупный рогатый скот (%)	Свиньи (%)
Виктимировское городище	30	33	11	26
II Охлебининское городище	41	38	11	10
Касьяновское —3—	60	22	12	3
Воскресенское —3—	30	55	12	3
Сельце Курман-Тау	72	13	10	5
В среднем	47	32	11	10

Прочная оседлость кара-абызских племен, о чем свидетельствуют поселения с мощным культурным слоем, предполагает развитие пастушеского скотоводства. Тем не менее состав стада указывает на некоторые кочевнические элементы в скотоводстве. Это — полное преобладание в стаде овец и лошадей, что характерно для кочевого и полукочевого хозяйства, так как эти виды животных значительную часть зимы могут добывать корм тебеневкой, т. е. из-под снега. Для кочевников характерен также очень небольшой процент в стаде крупного рогатого скота и полное отсутствие свиней¹²⁵. У кара-абызских племен крупный рогатый скот составляет в среднем 11%, свиньи — 10%. Если сравнить эти показатели с данными более северных и западных оседлых племен эпохи раннего железа, то увидим весьма существенные отличия. Там большинство составляют крупный рогатый скот и свиньи, сравнительно много лошадей и очень мало мелкого рогатого скота¹²⁶.

В отношении костей свиньи на кара-абызских поселениях наблюдается определенная закономерность: в северных памятниках их больше, чем в южных. Это обстоятельство, а также проявляющиеся «кочевнические элементы» в составе стада объясняются, очевидно, не только особенностями естественного-географической среды, но и некоторыми особенностями этнического состава кара-абызского населения. Кара-абызская культура сложилась на базе ананьинской, но при значительном включении пришлого гафурийского населения. Пришлые племена оказали влияние и частично смешались с местным оседлым населением, потомками ананьинцев, в первую очередь, в южных районах. Они и привнесли, вероятно, некоторые кочевнические традиции в скотоводство, которые ярче выступают в южных памятниках. Так, на Курмантаевском городище кости лошади составляют 39%, мелкого рогатого скота — 38%, крупного рогатого скота — 16% и лишь 4% — кости свиньи (определение Г. В. Юсулова). Почти аналогичен состав стада на Шпановском городище, давшем гафурийско-убаларский комплекс керамики: лошади — 47%, мелкий рогатый скот — 30%, крупный рогатый скот — 19%, свиньи — 4% (определение А. Г. Петренко).

В летнее время выпас скота производился, по-видимому, на широких поименных лугах и лесных полянах. В начале зимы, когда снежный покров был еще невелик, стада лошадей и овец перегоняли, возможно, в степные районы или к открытым склонам на тебеневку.

Для содержания скота в зимние снежные месяцы, а крупного рогатого скота в течение всей зимы кара-абызским племенам необходимо было производить заготовку кормов. На II Охлебининском городище найдено железное орудие, которое являлось, возможно, косой (см. рис. 20, 12). Это железная обоюдоострая пластина с суженным и загнутым почти под прямым углом одним концом, к которому, вероятно, прикреплялся деревянный черенок. Конец пластины обломан.

¹²⁵ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. — «Материалы по этнографии», ч. I. Л., 1961, стр. 4.

¹²⁶ В. И. Цалкани. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. — МИА, 1962, № 107, стр. 70.

Длина сохранившейся части—20 см, ширина—3 см. Пластина имеет продольное утолщение—ребро, придающее прочность. Точно такое же орудие найдено В. Ф. Генингом в погребении 30 Суворовского могильника азелинской культуры (III—V вв.), определенное им как коса¹²⁷. Кара-абызские племена заготавливали, видимо, не только сено, но и рубили ветки, кустарник, возможно камыш, т. е. грубый корм, пригодный для кормления мелкого рогатого скота.

Разведение сельскохозяйственных животных являлось источником мясной и молочной пищи. Несомненно, использовались шкуры и шерсть овец. Лошадь широко применялась для верховой езды, убедительным доказательством чего являются частые находки удила в мужских погребениях. Возможно, лошадей использовали и как тягловую силу. Никаких остатков повозок не найдено, но могли применяться приспособления вроде волокуш или саней.

Земледелие. Для занятия земледелием, как и для скотоводства, имелись благоприятные природные условия: широкие поймы и низкие береговые террасы с толстым слоем чернозема.

Широко распространено мнение, что на раннем этапе, до появления пахотных орудий, земледелие являлось мотыжным. Однако в последнее время это утверждение оспаривается. На основе этнографических параллелей Ю. А. Краснов весьма убедительно, на наш взгляд, доказывает, что «мотыга вообще была известна далеко не всем первобытным земледельческим народам и что «у подавляющего большинства первобытных земледельческих народов мотыга не являлась основным почвообрабатывающим орудием, а выполняла лишь вспомогательную роль». Костяные и металлические втульчатые наконечники в виде тесла или пещия, интерпретируемые археологами как мотыга, Ю. А. Краснов считает наконечниками орудий для копания земли¹²⁸. Точка зрения Ю. А. Краснова относительно конструкции и способа применения тесловидных орудий кажется нам вполне обоснованной.

Очевидно, основным орудием обработки земли у кара-абызцев, как и у соседних племен, являлись «копалки» с металлическими наконечниками. Железный наконечник в виде тесла найден В. Ф. Гольмстен и Д. Н. Эдигмом в 1910 г. на II Охлебининском городище (см. рис. 20, 4). Он имеет форму втульчатого топора, втулка сверху слегка разомкнута, общая длина 13 см, ширина лезвия 3,7 см. Второй наконечник «мотыги» найден Р. Б. Ахмеровым при исследовании разрушенных погребений Нового Уфимского могильника¹²⁹. Аналогичные наконечники известны в памятниках пьяноборской культуры¹³⁰.

Ни на одном из кара-абызских поселений не найдено каких-либо культурных злаков. Можно предполагать, что кара-абызские племена сеяли те же культуры, что и их северные соседи пьяноборцы и гляденовцы, поскольку природные условия среднего течения р. Белой и Прикамья в основном одинаковы. На Осинском городище гляденовской (осинской — по В. Ф. Генингу) культуры обнаружено много зерен культурных злаков. Среди них полба (пшеница двузернянка) составляет 72,5%, ячмень—27,5%. Единично встречены зерна мягкой пшеницы и овса¹³¹.

Уборка хлебов производилась, по всей вероятности, серпами. На территории Южного Приуралья серпы были широко распространены уже в эпоху бронзы¹³². Сравнительно часто встречаются железные серпы в памятниках бахмутинской культуры (III—VII вв.)¹³³. На кара-абызских памятниках серп найден лишь на Уфимском городище¹³⁴. Но так как поселение многослойное и верхние культурные напластования относятся к посткараабызскому времени, то нет уверенности в том, что этот серп кара-абызский. По форме он очень близок бахмутинским серпам.

Зерно размалывали с помощью зернотерок, обломки которых в изобилии представлены на всех кара-абызских поселениях.

Охота и рыболовство. Немаловажную роль в хозяйстве кара-абызских племен играли охота и рыболовство, о чем свидетельствуют остатки костей диких животных и рыб на поселениях.

¹²⁷ В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. — ВАН, вып. 5. Ижевск, 1963, стр. 23, рис. 6, 2.

¹²⁸ Ю. А. Краснов. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. — СА, 1967, № 1, стр. 4—5.

¹²⁹ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник..., стр. 152, рис. 6.

¹³⁰ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., рис. 11, 5.

¹³¹ Там же, стр. 27.

¹³² К. В. Сальников. Абашевская культура на Южном Урале. — СА, XXI, 1954, стр. 65—66.

¹³³ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 8.

¹³⁴ А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 45, табл. XIII, 7.

Горно-лесные и лесные районы Башкирии еще до недавних времен изобиловали разнообразной дичью, что создавало весьма благоприятные условия для охоты.

Анализ остеологического материала показывает, что охота являлась не только источником пищи. Основным ее назначением являлась добыча ценной пушнины. Так, на ИХлебнинском городище из 114 костей диких животных (25 особей) 98 (20 особей), т. е. 86%, приходится на долю пушных¹³⁶, на Биктимировском соответственно из 426 (79 особей) 394 (65 особей), т. е. 92%. Особенно была развита охота на бобра. Кости бобра на ИХлебнинском и Биктимировском городищах составляют около 80% всех костей диких животных и около 90% пушных. Для всех кара-абызских поселений Гафурийского района Г. В. Юсупов также отмечает наличие большого количества костей бобра¹³⁶.

На Биктимировском городище мощный неповрежденный слой (240 см) позволил собрать костные остатки по штыкам. В результате выяснилась интересная картина. Всю толщу культурного слоя кара-абызского времени мы разделили на два горизонта: 1) II—VI штыки, для которых наиболее вероятна дата II в. до н. э.—II в. н. э. и 2) VII—X штыки, датирующиеся по наличию в них шнуровой и гафурийской керамики IV—II вв. до н. э. В нижнем слое кости пушных зверей составляют около 65%, а в верхних—95% всех костей диких животных. Такое соотношение костей животных позволяет сделать вывод, что на позднем этапе существования городища промысел пушного зверя возрос. Это объясняется, очевидно, повышением спроса на пушнину за счет расширения торговли, носившей форму обмена с южными племенами.

Кроме пушных зверей (бобр, заяц, волк, медведь, лиса, барсук, выдра, рысь, куница) на поселениях в небольшом количестве встречаются кости лося, кабана, косули, сайгака, изредка птицы (журавль, лебедь).

Следует также учесть, что остеологический материал не дает исчерпывающего представления об охоте древних племен. Известно, что далеко не всегда кости убитого дикого животного попадают на поселение. Зачастую пушных зверей охотник разделяет на месте охоты, забирая только шкуру, иногда практикуется срезание мяса с костей для облегчения доставки¹³⁷.

Основными орудиями охоты являлись лук и стрелы, служившие одновременно и оружием. Остатки лука нигде не сохранились. Наконечники стрел широко представлены и в могильниках, и на поселениях. В ранний период они отливались из бронзы, позднее изготовлялись из железа и кости. Размеры и форма кара-абызского лука были, по-видимому, такими же, как у сарматов, поскольку одинаковыми были стрелы. К. Ф. Смирнов при характеристике савроматского вооружения, вслед за Б. Н. Граковым, обращает внимание на бронзовую бляшку, украшавшую кожаный колчан из кургана у пос. Благословенское под Оренбургом. Оба автора полагают, что эта бляшка представляет характерный сложный короткий лук скифского типа сигмаобразной формы¹³⁸. Аналогичная бляшка найдена в погребении 40 I Биктимировского могильника (см. рис. 6,59).

Вероятно, использовались на охоте собаки, кости которых в небольшом количестве встречаются во всех кара-абызских поселениях.

Костей рыб на поселениях мало. Однако надо полагать, что рыболовство являлось большим подспорьем в хозяйстве. Условия для него были весьма благоприятными. Река Белая и ее притоки, а также озера до сих пор изобилуют рыбой. Из встреченных костей определены осетровые, сом. Из орудий рыболовства найдены бронзовые и железные крючки, костяные гарпуны¹³⁹ (см. рис. 20, 11). Возможно, использовались снасти типа морд или загородки.

Большие массивы липовых лесов, богатая цветочная растительность, наличие до недавнего времени в лесах диких пчел¹⁴⁰ позволяют высказать предположение, что кара-абызские племена занимались сбором меда диких пчел.

Основу хозяйственных занятий кара-абызских племен составляли, несомненно, скотоводство и земледелие. Охота и рыболовство играли второстепенную роль. Об этом свидетельствует малочисленность костей диких животных и рыб на поселениях и абсолютное преобладание костей домашних животных.

¹³⁶ Здесь применен метод, предложенный В. И. Цалкиным, деления диких животных на копытных, добывавших преимущественно ради мяса, и всех остальных, охота на которых давала пушнину. В. И. Цалкин и н. Указ. соч., стр. 64.

¹³⁷ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 46.

¹³⁸ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 65.

¹³⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 31, рис. 9, 5.

¹⁴⁰ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 47.

¹⁴⁰ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1955, стр. 96.

Если говорить о соотношении удельного веса скотоводства и земледелия в хозяйстве, то предпочтение следует отдать, очевидно, скотоводству. На это указывают очень большое количество костей домашних животных в культурном слое поселений и в погребениях, благоприятные условия для разведения скота. Необходимо учитывать и тот факт, что в формировании кара-абызской культуры большое участие приняли пришедшие гафурийские племена, для которых наиболее вероятно в древности скотоводческий уклад хозяйства. Определенное влияние на хозяйственную деятельность кара-абызских племен оказывали, должно быть, сарматские кочевники-скотоводы.

Металлургия. Остатки металлургического производства на кара-абызских поселениях немногочисленны. Это — обломок каменной льячки со II Охлбининского городища, обломок сопла литейной печи, куски шлаков с остатками меди и железа, обломки литейных форм, обнаруженные на поселениях Гафурийского района¹⁴¹.

Металлургия меди была высоко развита на территории Южного Приуралья уже в эпоху бронзы, чему способствовали богатые залежи медной руды, часто выходявшие на поверхность¹⁴². Кара-абызские племена использовали медь главным образом для выделки украшений. Лишь на ранних этапах отливались наконечники стрел из бронзы. Позднее почти все орудия труда и оружие изготовлялись из железа.

Выплавкой металла занимались, по всей вероятности, вне поселений — ни в одном случае не найдено никаких остатков домиц. Процесс же отливки и поковок вещей происходил на поселениях. Об этом свидетельствуют обломки литейных форм, льячки и т. д.

Несмотря на малочисленные остатки металлургического производства на поселениях, можно считать, что кара-абызские племена прекрасно овладели искусством обработки меди и железа. Об этом красноречиво свидетельствует богатый и разнообразный металлургический инвентарь могильников. Есть все основания полагать, что подавляющее большинство металлургических изделий кара-абызской культуры было местного производства. Почти все предметы украшений характерны лишь для данной узкой территории и не встречаются в смежных областях. Это различные бляхи, выполненные в зверином стиле, обоймы, накладки, пряжки. Своеобразны железные мечи, что также свидетельствует об их местном производстве. Определенно привозными можно считать лишь часть поясных дисковидных блях. Вероятнее всего они поступали к кара-абызцам в виде зеркал, очень распространенных у сарматских племен. Здесь у них удалялась ручка, проделывались отверстия для прикрепления к ремню, иногда внутренняя поверхность украшалась циркульным орнаментом. На многих бляхах отчетливо видны следы сплиленного штыря. Рваные, неровные отверстия на бляхах свидетельствуют о том, что их проделывали после отливки блях.

При характеристике погребального инвентаря уже отмечалась большая стандартизация вещей. Это касается как предметов вооружения (наконечники стрел, мечи и т. д.), так и украшений (поясные накладки с изображением голов горных козлов, пряжки, различные обоймы, бляшки). Такоеобразие вещей со всей очевидностью указывает на производство их в одном центре. По всей вероятности, у кара-абызцев были специалисты-ремесленники, изготовлявшие металлургические изделия для обмена.

Домашние промыслы. Сравнительно частыми находками на кара-абызских памятниках являются изделия из кости. Подавляющее большинство их составляют так называемые тупики, сделанные из подвздошной кости лошади (см. рис. 20, 2). Большинство исследователей полагает, что они использовались для обработки шкур животных — снятия мездры. Срезанные края тупиков гладкие, отполированные, иногда сильно сработанные. Г. В. Юсупов, ссылаясь на письмо С. А. Семенова, пишет, что полированность края происходит от употребления орудия путем движения его сверху вниз по мягкому эластичному предмету¹⁴³. Таким эластичным предметом вполне могла быть шкура животных.

Изредка в кара-абызских могильниках встречаются костяные лопаточки (см. рис. 6, 94). Каково их назначение — непонятно. Широкий край их довольно тупой, ни на одном экземпляре не заметно следов сработанности. Втулка и отверстие в ней указывают на то, что они насаживались на деревянный черенок. Можно лишь утверждать, что это сугубо мужская принадлежность, поскольку все они обнаружены в мужских погребениях.

¹⁴¹ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 63, 65.

¹⁴² Б. Г. Тихонов. Металлургические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. — МИА, 1960, № 90, стр. 5—12.

¹⁴³ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 62—63. Рукопись.

Кость применялась также для поделки таких предметов, как наконечники стрел, пряжки, подвески, проколки, псални.

Вероятно, широко развито было у кара-абызцев коженное производство. Скотоводство и охота давали большое количество шкур, требовавших обработки. Из них шилась одежда, выделялись различные ремни, на что указывают находки в погребениях остатков кожаной одежды и ремней. Значительное количество шкур, особенно пушных зверей, предназначалось для обмена.

Находки на поселениях и в могильниках большого количества пряслиц, а также отпечатков ткани на металлических вещах из погребений свидетельствуют о развитии у кара-абызских племен прядения и ткачества. Материалом для этого являлась шерсть, а также, видимо, и растительные волокна. На это указывают находки в ряде погребений остатков кожаной одежды, прошитой тонкими кручеными нитками из растительных волокон.

Общество. Характер памятников, погребальный обряд, вещевые комплексы, сопоставление их с материалами соседних территорий дают основание утверждать, что племена кара-абызской культуры находились на стадии родового строя. Большинство известных нам городищ являлись, очевидно, родовыми поселками, хотя могли быть и поселения, на которых обитало несколько родов или целое племя. На это указывают огромные размеры таких памятников, как Биктимировское и II Охлебининское городища, Новый Уфимский, Охлебининский могильники. Можно предположить, что вокруг таких поселений, как II Охлебининское или Уфимское городища, существовали небольшие неукрепленные поселения, расположенные на низких речных террасах и к настоящему времени разрушенные разливами рек. Эту мысль подтверждает такой памятник, как селище Дудкино I с тонким культурным слоем, расположенное на низком берегу у устья р. Уфы и почти полностью размытое. Вообще трудно представить, что городища являлись постоянными и единственными местами обитания кара-абызцев. Большинство городищ расположено на очень высоких террасах (например, II Охлебининское — более 100 м), не удобных для постоянного обитания большого коллектива из-за отсутствия источника воды. Притом возделывание участков под посевы и выпас скота в основном могли производиться только на пойменных участках или на низких береговых террасах. По-видимому, городища являлись родовыми, а в отдельных случаях — племенными центрами, куда стекалось все население в моменты военной опасности. Постоянно же на них обитал, видимо, сравнительно небольшой коллектив. Могильники, по всей вероятности, были племенными, о чем говорят их большие размеры.

Для характеристики родовой общины большую роль играют данные о форме и размерах жилищ. Однако до сих пор не удается обнаружить следы хорошо документированных жилищ на кара-абызских поселениях. Предположительно можно считать, что жилища кара-абызских племен по своим размерам, а возможно, и по другим признакам были близки жилищам северных соседей — пьяноборцев, находившихся на той же стадии развития. Исследованные В. Ф. Генингом на городище Чеганда II пьяноборские жилища имеют размеры $9-11,5 \times 5-5,5$ м, т. е. $40-60$ м². Автор указывает, что подобные жилища могли вместить 15-20 человек. «Это было менее одного рода, но более одной малой семьи (супруги с потомством). По всей вероятности, в таком жилище обитала одна большая патриархальная семья»¹⁴⁴.

Сопоставление вещевых комплексов различных погребений указывает на наличие у кара-абызских племен имущественного расслоения. Наряду с богатыми погребениями в ряде случаев могильный инвентарь отсутствует совершенно или же ограничивается двумя — тремя вещами. Такая картина характерна для всех кара-абызских могильников. Однако нельзя говорить, что процесс расслоения зашел далеко. «Бедных» могил немного. Подавляющее большинство взрослых погребений в общем равноценно по инвентарю. Причем инвентарь удивительно однообразен: в мужских погребениях он состоит из наконечников стрел и копий, кожаных крочковых, удила, поясных ремней, мечей; в женских — это височные подвески, бусы, богато украшенные пояса, различные обоймы, бляшки, подвески. Это свидетельствует о сравнительно равноправном положении большинства сородичей.

По мнению ряда исследователей, уже общество анапинских племен знало патриархальное рабство¹⁴⁵. В. Ф. Генинг выделяет небольшую группу погребений (6 кстыков) на пьяноборском могильнике Чеганда II, характеризую их как иноплеменников или патриархальных ра-

¹⁴⁴ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., стр. 32.

¹⁴⁵ А. В. Збруев а. Указ. соч., стр. 156-157.

бов¹⁴⁶. К такому заключению он приходит на основании различий в погребальном обряде (положение скорченно на боку) и почти полного отсутствия инвентаря. В кара-абызских могильниках тоже встречены полускорченные костяки, точнее с подогнутыми ногами: одно в I Биктимировском и 5 в Охлебининском могильниках. В I Биктимировском могильнике (погребение 9), как и в пьяноборских памятниках, возле костяка не обнаружено ни одной вещи. В Охлебининском же — все костяки, лежавшие с подогнутыми ногами, сопровождался инвентарем, не уступающим по богатству другим погребениям, в которых костяки лежат вытянуто. Например, в погребении 8 костяк лежал на спине с подогнутыми в правую сторону ногами. В могиле найдены следующие вещи: кость животного и каменное пряслице — за черепом; дисковидная бляха и 18 накладок с изображением голов горных козлов — на поясе; спиральный перстень — на фаланге правой руки; различные бляшки, обоймы — ниже ступней ног. Аналогичная картина наблюдается и в других охлебининских погребениях, в которых костяки лежат с подогнутыми ногами¹⁴⁷.

Таким образом, если против интерпретации чегандинских скорченных погребений как погребений патриархальных рабов трудно что-либо возразить, то подобные кара-абызские погребения не могут считаться захоронениями рабов. По сопровождающему их инвентарю — это равноправные члены общества. С известной осторожностью захоронениями иноплемеников или рабов можно считать взрослые погребения без инвентаря, которых насчитывается очень немного (5 на Охлебининском, 2 на I Биктимировском могильниках). Но они не выделяются ни территориально, ни по погребальному обряду.

Начало формирования кара-абызской культуры относится к IV—III вв. до н. э. Ряд исследователей считает, что в этот период на территории Южного Урала происходит образование племенных союзов¹⁴⁸. Так, на базе нижнекамского варианта ананьинской культуры складывается пьяноборская культура. Причем, почти все пьяноборские памятники сконцентрированы в небольшом районе устья р. Белой. Подобная концентрация происходила, очевидно, и на территории центральной Башкирии. Все кара-абызские памятники сосредоточены по правобережью среднего течения р. Белой и ни в одном случае не встречены за ее пределами. Ананьинские же памятники, хотя их известно очень немного в этих районах, распространены гораздо шире (Усть-Юрюзанское поселение на р. Уфе).

Образование племенных союзов способствовало более быстрому росту производительных сил. Тесное сплочение большого коллектива давало возможность полнее использовать веками накопленный опыт как в освоении металлургии железа, так и в других отраслях хозяйства. Кроме того, образование племенного союза диктовалось необходимостью защиты от возрастающей военной опасности¹⁴⁹. Последнее, на наш взгляд, являлось основной функцией кара-абызского племенного союза.

Инвентарь мужских кара-абызских погребений показывает, что мужчина был прежде всего воином, воином-всадником: обычно все погребения взрослых мужчин сопровождаются богатым вооружением. Это объясняется, очевидно, не только воинственностью кара-абызцев, но и большой военной опасностью со стороны соседних племен, вероятнее всего — сарматов. Самым северным памятником их является Старо-Киншинский курганный могильник близ г. Уфы. Не исключена возможность, что они кочевали и в более северных районах левобережья р. Белой. Синхронные кара-абызским и сарматским памятники в западной Башкирии пока совершенно неизвестны.

Таким образом, на значительной территории сарматы вплотную примыкали к кара-абызским племенам. Их разделяло только русло р. Белой. И в погребальном обряде и особенно в вещевых комплексах кара-абызских памятников четко прослеживаются культурные, а возможно, и этнические контакты с сарматами. Но далеко не всегда отношения между кара-абызскими и сарматскими племенами носили мирный характер. Сарматы всегда отличались воинственностью. Война для них являлась постоянным промыслом¹⁵⁰. Несомненно, что объектом их нападений неоднократно становились сравнительно богатые кара-абызские племена. О существовании серьезной военной опасности для кара-абызцев свидетельствует расположение поселений на высоких, удобных для защиты берегах, укрепленных дополнительно искусствен-

¹⁴⁶ В. Ф. Геня и г. Узловые проблемы..., стр. 34.

¹⁴⁷ А. Х. Пшеничиюк. Охлебининский могильник, стр. 94 и след.

¹⁴⁸ К. Ф. Смирнов. Сарматы, стр. 286; В. Ф. Геня и г. Узловые проблемы..., стр. 35—36.

¹⁴⁹ В. Ф. Геня и г. Узловые проблемы..., стр. 36.

¹⁵⁰ К. Ф. Смирнов. Сарматы, стр. 6.

ными сооружениями. На это же указывает наличие захоронений с застрявшими в костях наконечниками стрел. Одно такое погребение (№ 94) вскрыто на Охлебининском могильнике. Костяк был потревожен. У правой голени в чучке лежали бронзовые наконечники стрел. Несколько аналогичных наконечников обнаружено в области грудной клетки. Два наконечника найдены застрявшими в позвонках, а один — в бедренной кости. Видимо, захороненный был ранен или убит в военном столкновении.

Надо полагать, что кара-абызские племена не ограничивались только обороной, но, в свою очередь, делали набеги на соседние территории.

Постоянная военная опасность, развитие скотоводства выдвигали мужчину на первый план. Никаких следов, свидетельствующих о пережитках матриархата у кара-абызских племен, не обнаружено. Налицо полное господство патриархальных отношений с наметившимся имущественным расслоением и, возможно, с наличием патриархального рабства.

IV. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

До недавнего времени считалось, что кара-абызские памятники синхронны ананьинской культуре Прикамья. Поэтому истоки кара-абызской культуры, как и ананьинской, усматривались в памятниках эпохи бронзы.

Так, Е. Ф. Лагодовская и вслед за ней Б. А. Кошневский полагали, что кара-абызская культура сложилась на базе степных культур эпохи бронзы — срубно-хвалынской и андроновской¹⁸¹.

А. П. Смирнов отмечает, что «наблюдение, сделанное П. А. Дмитриевым о близости форм керамики кара-абызской и с селища Баланбаш (абашевская культура.— А. П.), совершенно правильно»¹⁸².

Г. В. Юсупов, непосредственно занимаясь изучением памятников кара-абызской (уфимской) культуры, полагал, что в сложении ее участвовали племена срубной, андроновской и абашевской культур и что «основой как для ананьинской, так и для уфимской культур был срубно-андоновский, т. е. ирано-угорский этнический субстрат»¹⁸³.

Значительное внимание этому вопросу уделил К. В. Сальников. Происхождение кара-абызского (бельского) варианта ананьинской культуры он связывает с культурой курмантау эпохи поздней бронзы, которая, как он полагал, сложилась на базе абашевской культуры¹⁸⁴. В последующих работах гипотеза об абашевской основе культуры курмантау была им пересмотрена. Большой хронологический разрыв между абашевской и курмантауской культурами, значительные различия в керамике позволили автору сделать вывод, что курмантауские племена проникли на территорию Башкирии уже в сложившемся виде¹⁸⁵.

Материалы, полученные в результате широких раскопок последних лет, показывают, что кара-абызская культура сложилась лишь в IV—III вв. до н.э., поэтому местные истоки ее нужно искать не в памятниках эпохи поздней бронзы, а в памятниках ананьинского времени.

Ананьинская эпоха на территории центральной Башкирии представлена бедно.

Из могильников известна лишь один — по ул. Тракторной в г. Уфе¹⁸⁶. Он расположен у подножья возвышенности над луговой террасой у железнодорожного разъезда Правая Беляя. Основная часть его уничтожена при строительстве железнодорожной линии. В 1950 г. Р. Б. Ахмеровым исследованы два погребения и собран материал из разрушенных могил. Оба погребения совершены в неглубоких могильных ямах, костяки лежали на спине, вытянуто, головами на северо-запад, ногами к реке. Вещевой материал, полученный из исследованных погребений и собранный на территории могильника, состоит из 4 бронзовых кельтов, 3 бронзовых и 16 костяных наконечников стрел, бронзовых трубочек, бляшек, ножа, двух костяных проколов и фрагмента глиняного сосуда с примесью раковины в тесте; осуд имел форму низкой чаши со слабо выраженной шейкой, орнаментированной пояском ямок (рис. 29).

¹⁸¹ Е. Ф. Лагодовская. Указ. соч., стр. 127; Б. А. Кошневский. Итоги археологического изучения Башкирской АССР, стр. 166.

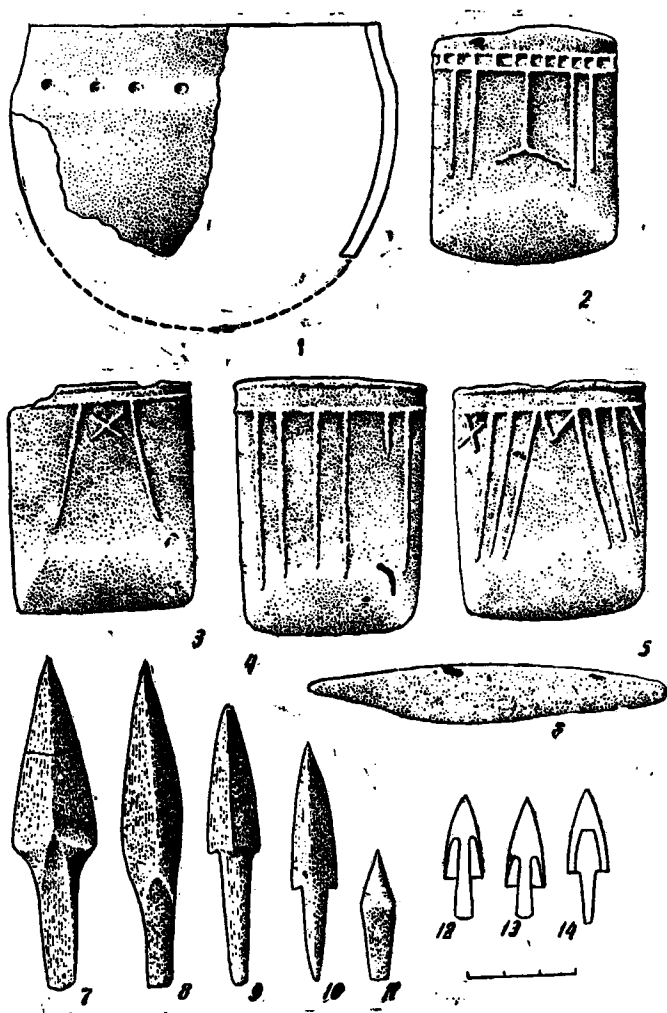
¹⁸² А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 29.

¹⁸³ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 83—90.

¹⁸⁴ К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры.— СЗ, 1954, № 4.

¹⁸⁵ К. В. Сальников. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии.— АЭБ, т. 2, стр. 81—83; его же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 384.

¹⁸⁶ Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники..., стр. 25—29.

Р и с. 29. Инвентарь могильника по ул. Тракторной в г. Уфе.

Могильник был датирован Р. Б. Ахмеровым VII—VI вв. до н. э. В примечании редакции говорится, что такой ранней датировке противоречит форма бронзовых наконечников стрел и что могильник относится ко времени не ранее V в. до н. э.¹⁵⁷ В связи с выходом в последнее время ряда сводных работ по хронологической классификации бронзовых наконечников стрел появилась возможность уточнить датировку этого могильника.

В могильнике найдены 3 бронзовых наконечника стрел. Они имеют сводчатые головки, основания которых трехлестные, а концы — трехгранные. Два из них снабжены выступающими втулками, а один — уплощенным на конце черешком (см. рис. 29, 12—14). Аналогичные втулчатые стрелы довольно часто встречаются в савроматских памятниках Южного Приуралья. По классификации К. Ф. Смирнова, они относятся к В типу третьего отдела, который датируется автором VI—V вв. до н. э.¹⁵⁸ Бронзовые черешковые наконечники стрел встречаются редко в Приуралье. К. Ф. Смирнов датирует их VI—V вв. до н. э.¹⁵⁹ Черешковый наконечник стрелы, аналогичный наконечнику из могильника по ул. Траковой, известен в комплексе конца VI—V вв. до н. э. из кургана 7 у с. Сара на Урале¹⁶⁰. Значительно шире бронзовые черешковые наконечники распространены в Казахстане, где они датируются в общем VII—V вв. до н. э.¹⁶¹

Таким образом, по бронзовым наконечникам стрел могильник по ул. Траковой¹⁶² можно датировать концом VI—V вв. до н. э. Этой дате не противоречат и другие находки из могильника. Бронзовые кельты находят аналогию в ранних ананьинских памятниках: в Аккозинском, Луговском, Марквашинском и других могильниках¹⁶³. На раннюю дату могильника указывает и бронзовый нож. Например, в памятниках верхней Оби они встречаются на большереченском этапе большереченской культуры — VII—VI вв. до н. э.¹⁶⁴

Погребальный обряд могильника характеризуется типично ананьинскими чертами: погребенные лежат на спине, вытянуто, ногами к реке. Бронзовые кельты, как уже упоминалось, находят аналогию в ранних ананьинских могильниках. Глиняные сосуды чашевидной формы с примесью раковины в тесте, орнаментированные ямками по шейке, также нередки в ананьинских могильниках Прикамья. Поэтому отнесение этого могильника Р. Б. Ахмеровым к ананьинской культуре, на наш взгляд, вполне правомерно.

В 1965 г. школьниками дер. Шипово Иглинского района нам были переданы бронзовый двухлопастный наконечник стрелы (рис. 30, 7) VIII—VII вв. до н. э. и две бронзовые круглые бляхи со шпеньками на обороте (см. рис. 30, 8—9). Эти вещи найдены в обвале правого берега р. Белой, примерно в 300 м западнее Шиповского могильника. По рассказам местных старожилов, на протяжении около двух десятков лет в этом месте во время весенних разливов р. Белой правый берег сильно подымается и в обвалах часто видны человеческие скелеты, глиняные горшки, различные металлические вещи. Называли, в частности, бронзовые удила, наконечники стрел. К сожалению, ни одного предмета не сохранилось. Предпринятые нами в этом месте раскопки оказались безрезультатными. По-видимому, здесь был могильник ананьинского времени, ныне полностью разрушенный. Бронзовый кельт, аналогичный кельтам могильника по ул. Траковой, выставленный в экспозиции Башкирского краеведческого музея (см. рис. 30, 6) и паспортизированный как случайная находка близ дер. Шипово, подтверждает это предположение.

С территории центральной Башкирии известен и ряд других случайных находок, которые находят ближайшую аналогию в памятниках ананьинской культуры. Среди них доминируют бронзовые кельты. Один кельт найден близ городища Кара-Абыз¹⁶⁴ (см. рис. 30, 5). Много их было найдено на северо-восточном склоне Черкалинского оврага в г. Уфе (рядом с Новым Уфимским могильником), о чем упоминает в своем дневнике М. И. Касьянов¹⁶⁵. К сожалению, ни один из этих кельтов не сохранился. Старинный топор-кельт и ряд других вещей были найдены крестьянином Морозовым на р. Уфе близ дер. Верхний Чандар, но они также утеряны¹⁶⁶.

¹⁵⁷ Р. Б. Ахмеров. Археологические памятники..., стр. 29.

¹⁵⁸ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 52—53, табл. IV.

¹⁵⁹ Там же, стр. 63, рис. 40.

¹⁶⁰ Там же, рис. 22, А, 17.

¹⁶¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура..., стр. 113 и след.

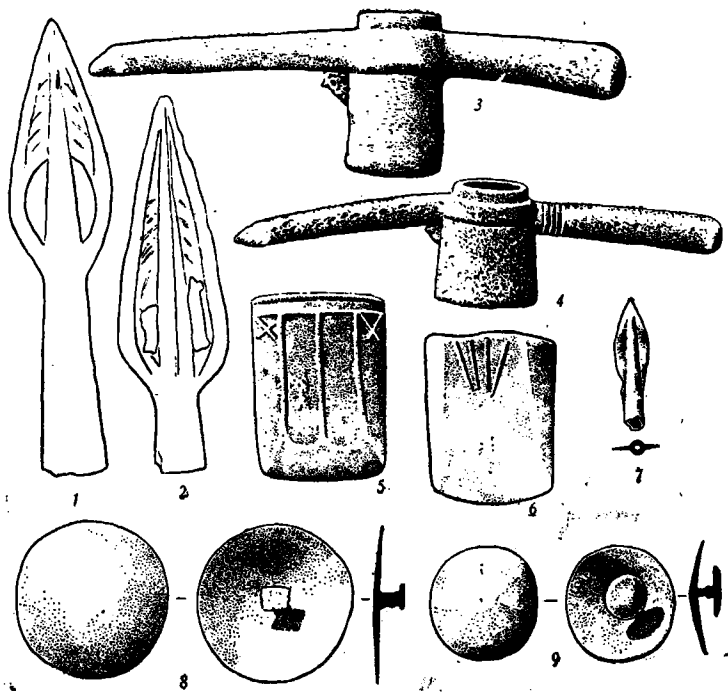
¹⁶² А. Х. Халиков. Озерки..., стр. 38, табл. II, I; А. В. Збруева. Указ. соч., табл. II, 26; рис. 11.

¹⁶³ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая река.— МИА, 48, 1956, табл. XVIII, 27—32.

¹⁶⁴ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 9.

¹⁶⁵ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник..., стр. 169.

¹⁶⁶ Г. В. Вахрушев. Памятники природы, старины и искусства Башкирии. — Башкирский краеведческий сборник, № 1. Уфа, 1926, стр. 44.

Р и с. 30. Вещи ананьевского времени с территории центральной Башкирии.

К этому же времени относятся случайные находки бронзовых прорезных наконечников копий. Один наконечник копья имеется среди вещей, найденных возле г. Бирска (см. рис. 30,2)¹⁶⁷. Два бронзовых наконечника копий, впоследствии утерянных, найдены местным жителем в 1908 г. в Бажиной пещере на р. Уфе¹⁶⁸. Еще два бронзовых наконечника копий происходят из Усть-Айского поселения (см. рис. 30, 1)¹⁶⁹.

Из других предметов этого времени известны бронзовые клеуцы. Один из них (см. рис. 30,3) найден в районе Нового Уфимского могильника¹⁷⁰, второй (см. рис. 30,4) — близ городища Кара-Абыз¹⁷¹.

Вышеописанные предметы также находят ближайшие аналогии в памятниках ананьевской культуры. Бронзовый клеуец из Нового Уфимского могильника наиболее близок клеуцу из погребения С Ананьевского могильника, датированного А. В. Збруевой концом VI—V вв. до н. э.¹⁷². Классифицируя бронзовые наконечники копий ананьевской культуры, А. В. Збруе-

¹⁶⁷ Н. Н. Булычев. Древности из Восточной России, вып. 2. СПб., 1902, стр. 13.

¹⁶⁸ Г. В. Вахрушев. Указ. соч., стр. 44.

¹⁶⁹ Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии.—АЭБ, т. 1, рис. 2, 1—2.

¹⁷⁰ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник..., рис. 5, а.

¹⁷¹ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 9.

¹⁷² А. В. Збруева. Указ. соч., стр. 106, табл. XXII, 7.

ва отмечает, что вторая группа наконечников (прорезные), к которой относится бирский и один усть-айский, сложилась и широко вошла в употребление в VI в. до н. э.¹⁷³

Поселения ананьинского времени на территории центральной Башкирии немногочисленны. В известной мере это объясняется, возможно, тем, что, судя по некоторым памятникам (селища Бирское, Андреевское), часть поселений располагалась на низких террасах и могла быть разрушена разливами р. Белой. Необходимо также отметить, что ананьинская и кара-абзская керамика (круглодонные горшки с ярким орнаментом) в основной массе мало отличались друг от друга, не исключена возможность, что некоторые поселения, на основании керамики относимые к кара-абзской культуре, возникли и существовали в ананьинское время.

К ананьинскому времени относятся селища Бирское, Андреевское, Сямкинское № 1, Благовещенское № 2, открытые А. П. Шокуровым в 1959 г.¹⁷⁴, поселение Усть-Юрюзанское, исследованное Л. Я. Крижевской¹⁷⁵.

Керамика указанных поселений представлена фрагментами больших круглодонных сосудов с широким низким горлом с примесью раковины или растительных остатков. Орнамент на них состоит из ряда ямок по шейке, которые часто дополняются косыми отгисками шнура, насечками или неглубокими вдавлениями (рис. 31, 1—6). Форма, примесь, орнаментация сосудов являются обычными для керамики ананьинских поселений.

Вероятно, вышеперечисленные поселения относятся к самой ранней поре существования ананьинской культуры. На это указывает сам керамический материал, характеризующийся архаическими чертами, восходящими к эпохе бронзы (косые насечки, перекрещивающиеся резные линии, рис. 32). Некоторые ананьинские сосуды украшены косыми отгисками шнура, что позволяет датировать их не позднее VII—VI вв. до н. э.¹⁷⁶

Керамика с примесью раковины и орнаментом из круглых ямок в сочетании с косыми отгисками шнура, образующего ромбы, обнаружена Н. А. Мажитовым на Бирском городище (см. рис. 31, 7—9). Ананьинским временем датируется нижний слой (XII—XI штюки) Биктимировского городища. По всей вероятности, как отмечалось выше, в ананьинскую эпоху были обитаемы и некоторые другие поселения, относимые к кара-абзской культуре (городище Кара-Абзы, селище Воронки, часть поселений Гафурийского района). Об этом кроме обломков керамики с многочисленными поясками (см. рис. 31, 10—11), датированной не позднее V—IV вв. до н. э., свидетельствуют также и редкие металлические предметы, имеющие датировочное значение. Так, на городище Кара-Абзы найдены вышеупомянутые бронзовый кельт, железный клевец, бронзовые наконечники стрел¹⁷⁷ VI—IV вв. до н. э. На Воскресенском городище найдена бронзовая бляшка с изображением головы льва, датированная Г. В. Юсуповым VI—IV вв. до н. э.¹⁷⁸ Обломок каменной литевой формы для отливки ананьинского кельта, обломок двухлезвийного кинжала с бабочковидным перекрестием (рис. 33), найденные на Касьяновском городище, также датируются не позднее V—IV вв. до н. э. Железный акинак второй половины VI в. до н. э. найден близ дер. Берлячево Гафурийского района¹⁷⁹.

Керамика с поселений ананьинского времени правобережья среднего течения р. Белой по ряду признаков отличается от классической ананьинской керамики Прикамья. Это фрагменты от круглодонных сосудов с широким горлом, плавно переходящим в слабо раздутую тулову, орнамент состоит из ряда крупных ямок по шейке, иногда ямки дополняются отгисками косого или горизонтального шнура либо насечками. Отличительной чертой ананьинской керамики этой территории по сравнению с прикамской является почти полное отсутствие «воротничка», сравнительно толстые стенки (6—8 мм), ямки по шейке, как правило, более крупных размеров, процент сосудов с веревочным орнаментом незначителен. Так, из собранных на Андреевском селище 20 фрагментов шеек лишь 7 украшены отгисками шнура. Показательны в этом отношении материалы двухслойного Усть-Юрюзанского поселения, исследованного Л. Я. Крижевской¹⁸⁰. Верхний слой представлен фрагментами бахмутинской керамики и изделиями из жезла. Основная же масса керамики (около 90%) относится к более раннему времени. Характе-

¹⁷³ А. В. Збруева. Указ. соч. стр. 95.

¹⁷⁴ А. П. Шокуров. Отчет за 1959 г., ч. II, Архив ИА АН СССР, стр. 67—69, 74.

¹⁷⁵ Л. Я. Крижевская. Указ. соч.

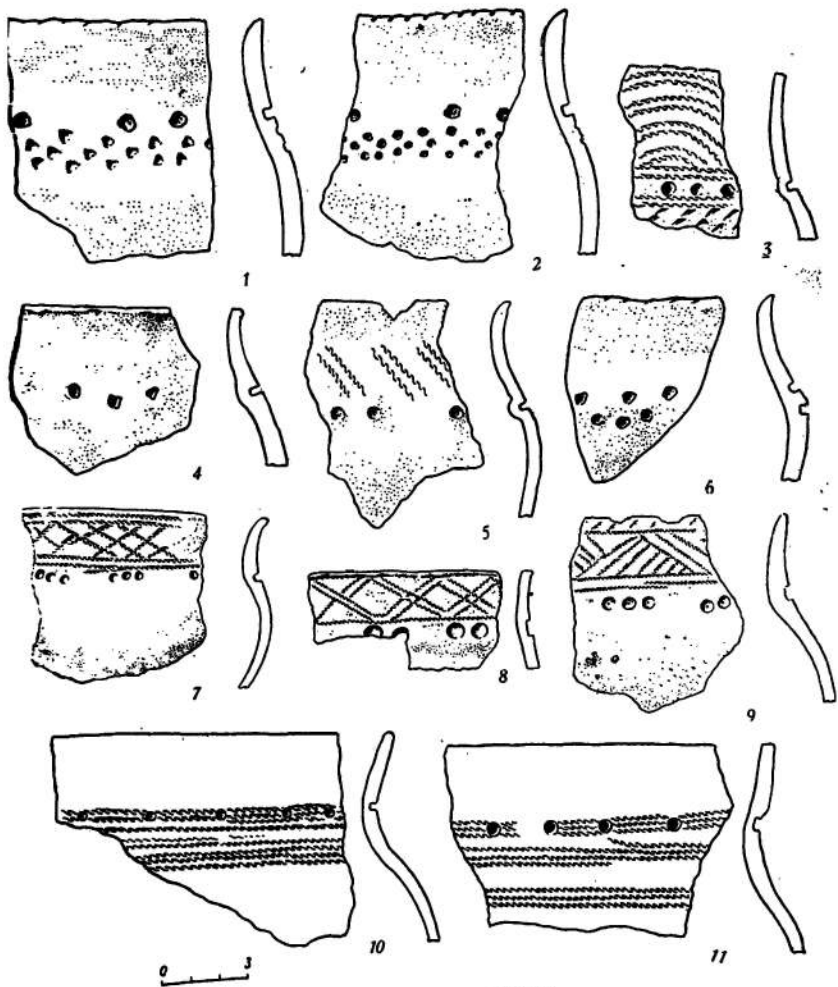
¹⁷⁶ В. Ф. Генниг, В. Е. Стоянов. Итоги археологического изучения Удмуртии, рис. 7.

¹⁷⁷ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 9.

¹⁷⁸ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., табл. II, I, II; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 19.

¹⁷⁹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 20, рис. 3, 7.

¹⁸⁰ Л. Я. Крижевская. Указ. соч., стр. 78—83.

Р и с. 31. Аняньская керамика.

1—6— Андреевское селение, 7—9—1 Бирское городище, 10—11— селение Курман-Тау.

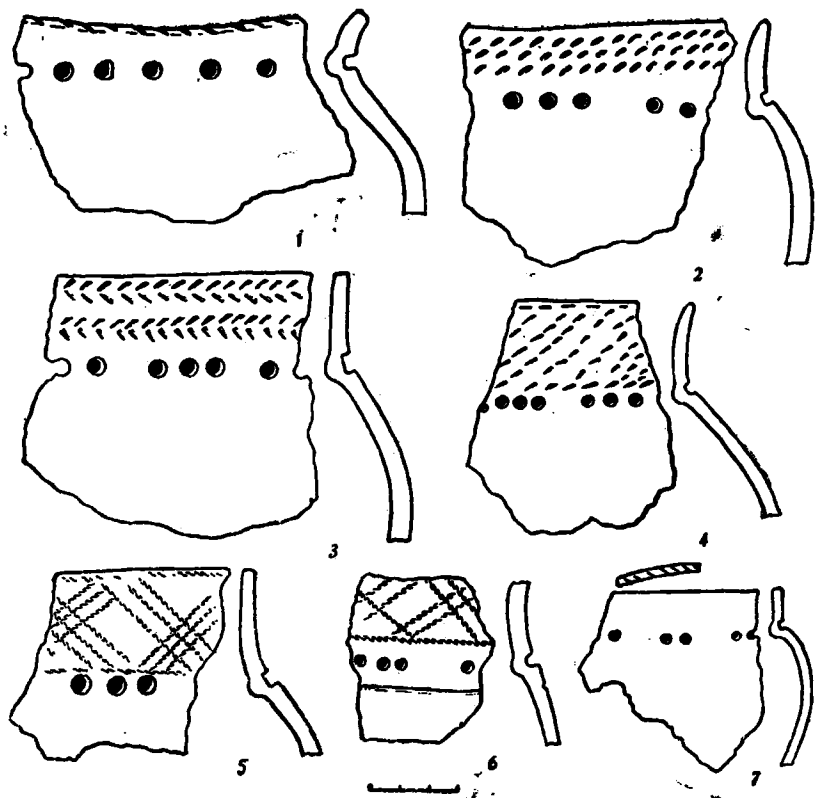

Рис. 32. Ананьинская керамика Усть-Юрюзанского поселения.

ристика керамики автором публикации Л. Я. Крижевской дана суммарно, типы выделены лишь по форме. Знакомство с первоисточниками (отчетами и самим материалом) позволяет подразделить ранний керамический комплекс на две группы: гамаюнско-каменогорскую и ананьинскую. Полностью преобладает последняя. Так, 87% керамики из раскопок 1954 г. имеют остатки растительных примесей и лишь 7% — талька¹⁸¹, в материалах 1955 г. соответственно — 96,5% и 2,5%¹⁸². Обе группы керамики одновременны, на что указывает наличие сосудов промежуточного характера, сочетающих в себе черты того и другого типа. На ананьинской посуде наиболее распространенным элементом орнамента являются круглые ямки, которые иногда сочетаются со шнуром и насечками (см. рис. 32).

¹⁸¹ Л. Я. Крижевская. Отчет за 1954 г. Архив ИА АН СССР, р-1, 978.

¹⁸² Л. Я. Крижевская. Отчет за 1955 г. Архив ИА АН СССР, р-1, 1135.

Ананьинская керамика со шнуровым орнаментом, а иногда и с «воротничком» по шейке в небольшом количестве встречается почти на всех кара-абызских поселениях¹⁸³. Но она по своим особенностям (2—6 поясков шнура) датируется позднеананьинским временем, IV—III вв. до н. э. Этот возраст определяется на основании прикамских аналогий.

Различия в керамике бельских и прикамских поселений позволяют выделить памятники ананьинского времени по правобережью среднего течения р. Белой и по р. Уфе в особый бельский вариант ананьинской культуры.

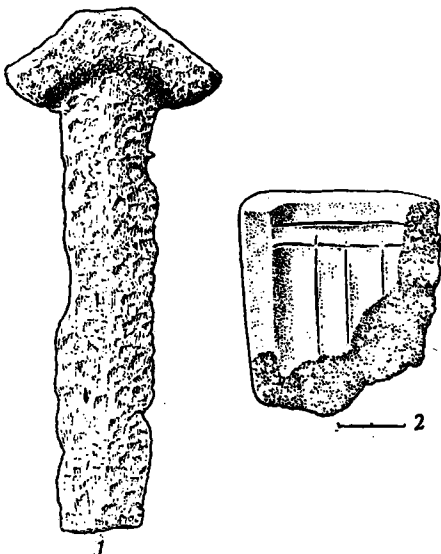
Несмотря на сравнительно широкие разведочные работы по р. Белой и ее притокам, ананьинских памятников обнаружено мало. Важно подчеркнуть, однако, что памятников других культур ананьинского времени на этой территории также не обнаружено.

Следовательно, в период VIII—IV вв. до н. э. территория центральной Башкирии была заселена племенами ананьинской культуры.

Генетическая связь кара-абызской культуры с ананьинской совершенно очевидна. Об этом убедительно свидетельствуют как погребальный обряд (групположение на спине, вытянуто, ориентировка ногами к реке), так и, особенно, материалы поселений. Собственно кара-абызская керамика, с ямочным орнаментом по шейке, по существу ничем не отличается от ананьинской с территории центральной Башкирии, что неоднократно уже подчеркивалось. Немаловажное значение, на наш взгляд, имеет и то обстоятельство, что многие кара-абызские поселения были обитаемы и в ананьинское время, т. е. жизнь на них не прекращалась в течение всей эпохи раннего железа. Наглядное доказательство этому — стратиграфия Биктимировского городища, где кара-абызская керамика нижнего ананьинского слоя (XII—XI штыки) практически ничем не отличается от более поздних отложений кара-абызского времени.

Что касается происхождения бельского варианта ананьинской культуры, то наиболее правильным, на наш взгляд, является мнение К. В. Сальникова, считавшего, что основным компонентом бельского варианта ананьинской культуры являлись племена культуры курмантау¹⁸⁴.

В период финальной бронзы на широкой территории Прикамья складывается единая культурная общность. Это так называемые предананьинские памятники. А. Х. Халиков объединяет их в единую приказанскую культуру¹⁸⁵. В. П. Денисов выделяет из этой общности ерзовскую культуру¹⁸⁶, а К. В. Сальников — культуру курмантау. Все эти исследователи придерживают-

Р и с. 33. Обломки кижжала и литевой формы с Касьяновского городища.

¹⁸³ А. Х. Пшеничнюк. К вопросу о керамике..., стр. 100.

¹⁸⁴ К. В. Сальников. К вопросу о происхождении ананьинской культуры; е го ж е. Очерки..., стр. 386.

¹⁸⁵ А. Х. Халиков. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье — АЭБ, т. 2, стр. 47—54; е го ж е. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры. — УЗ ПГУ, № 148, Пермь, 1967.

¹⁸⁶ В. П. Денисов. Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье. — ВАУ, вып. I. Свердловск, 1961; е го ж е. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры. — УЗ ПГУ, № 148, Пермь, 1967.

ся одинаковых взглядов по вопросу об участии племен указанных культур в сложении ананьинской культуры: приказанская (или позднеприказанская, еровская и курмантауская) культура являлась основой ананьинской культуры.

Наиболее полно исследованным к настоящему времени курмантауским памятником является стоянка им. М. И. Касьянова, раскопанная в 1953—1954 гг. А. В. Збруевой¹⁸⁷. С площади в 140 м² получена большая коллекция керамики, представленная фрагментами круглодонных сосудов с примесью толченных раковин в тесте. По форме это шаровидные сосуды с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой. Основным элементом орнамента являются круглоямочные наклады по шейке: в один ряд, парами, по три, иногда треугольником. Из 639 выделенных сосудов лишь на 20 ямки отсутствовали. В большинстве случаев ямки дополнялись флажками, насечками, резными зигзагами, очень редко оттисками шура. 45 сосудов орнаментированы только ямками по шейке (рис. 34, 1—3). Примесь раковины, форма сосудов, а также орнамент весьма близки керамике бельского варианта ананьинской культуры. Очевидно, узоры из флажков, зигзагов и насечек постепенно отмирали и уже в ананьинскую эпоху на подавляющем большинстве сосудов сохраняется лишь орнамент из пояса ямок по шейке.

Аналогичная картина прослеживается на материалах селища Кумлекуль, исследованного К. В. Сальниковым в 1961 г. Основным элементом орнамента курмантауской керамики этого поселения являются ямочные наклады (см. рис. 34, 6—8)¹⁸⁸. На Дуванейской стоянке (Бирский район), обследованной нами в 1965 г., собраны фрагменты от 40 курмантауских сосудов с примесью раковины в тесте. Как и на других памятниках, в керамике полностью преобладает ямочный орнамент (см. рис. 34, 4—5).

Особенно убедительны в этом отношении материалы Усть-Юрюзанского поселения, где в раннем комплексе четко прослеживается постепенный переход от курмантауской керамики к ананьинской. Там уже нет узоров из флажков, резных зигзагов, но в большом количестве сохранились еще ряды насечек в сочетании с пояском ямок по шейке (см. рис. 32)¹⁸⁹.

В IV—III вв. до н. э. в результате внутреннего развития, а отчасти и внешнего влияния происходит распад единой ананьинской культуры, формируются новые объединения, культуры. Ряд исследователей считает, что в этот период происходила консолидация племен и племенных групп в союзы¹⁹⁰. На юге в это время существует прохоровская культура¹⁹¹, на востоке — гороховская¹⁹². На базе ананьинской формируется в устье р. Белой пьяноборская культура, в верхнем и среднем Прикамье — гляденовская (и осинская, по В. Ф. Генингу)¹⁹³, по правобережью среднего течения р. Белой — кара-абызская.

Процесс формирования новых культур на Южном Урале и в Приуралье проходил не одновременно на всей территории. Более интенсивным он был на юге. Уже в IV в. сложились основные черты прохоровской и гороховской культур. Из ананьинской общности ранее других обособляется среднебельская (кара-абызская) группа. Ранние кара-абызские памятники датируются IV—III вв. до н. э. Пьяноборская культура складывается несколько позднее — во второй половине III в. до н. э.¹⁹⁴, а гляденовская — во II в. до н. э.¹⁹⁵.

Пьяноборская и гляденовская культуры полностью формируются на ананьинской основе без заметного влияния извне. В кара-абызских памятниках четко прослеживается наличие двух компонентов: местного ананьинского и пришлого, представленного так называемой гафуринской керамикой.

Впервые на эту керамику обратил внимание А. В. Шмидт, выделив ее в особый тип «сосудов с утолщенным краем». А. В. Шмидт не противопоставлял эти сосуды основной массе керамики, а появление утолщенной шейки считал результатом применения ангоба¹⁹⁶.

¹⁸⁷ А. В. Збруева. Стоянка имени М. И. Касьянова.— Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

¹⁸⁸ К. В. Сальников. Некоторые проблемы..., стр. 82—83, рис. 6.

¹⁸⁹ Л. Я. Крижевская. Поселения эпохи железа..., рис. 8.

¹⁹⁰ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 286; В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., стр. 35—36.

¹⁹¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры.

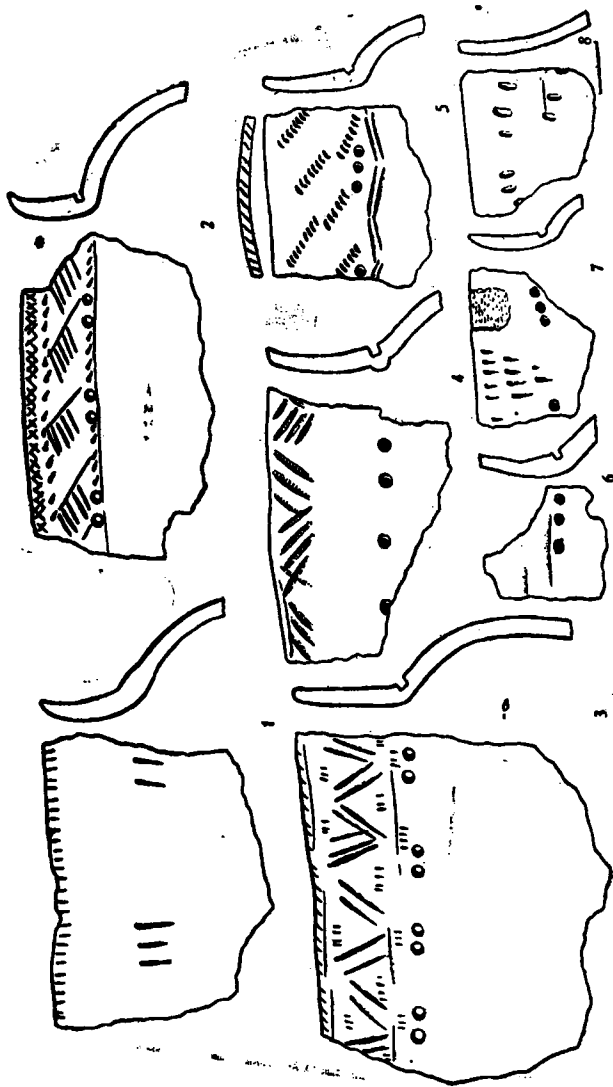
¹⁹² К. В. Сальников. Итульская культура.— «Краеведческие записки», вып. 1. Челябинск, 1962, стр. 23.

¹⁹³ В. Ф. Генинг. Осинское городище, стр. 190—195.

¹⁹⁴ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., стр. 15.

¹⁹⁵ В. Ф. Генинг и В. А. Оборин. К вопросу о гляденовской культуре.— УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1. Пермь, 1960, стр. 161.

¹⁹⁶ А. В. Шмидт. Указ. соч., стр. 11, рис. 2, V.

Р и с. 34. Курмангауская керамика.
 1—3— Касьяновская стоянка, 4—5— Дуванейская стоянка, 6—8— селение Кумдуксуль.

В большом количестве гафурийская керамика обнаружена Г. В. Юсуповым и Т. Н. Троицкой при раскопках поселений в Гафурийском районе¹⁹⁷. На Курмантаевском городище, исследованном в 1956 г. Г. В. Юсуповым, гафурийская керамика представлена в чистом виде. Следует отметить, что этот памятник двухслойный: нижний культурный слой дает керамику аулкульского и курмантаевского облика эпохи бронзы (рис. 35, 1—3), на основании которой автор ошибочно углубил дату городища. Стратиграфически керамика эпохи бронзы выделяется довольно четко (табл. 7):

Т а б л и ц а 7

Группы керамики	Ш т к и				
	1	2	3	4	5
Гафурийская	2	45	5	3	—
Эпоха бронзы	1	—	18	7	1

Керамика верхнего слоя по форме делится на два основных типа:

I — сосуды с прямым или слегка отогнутым наружу низким горлом и плавным переходом в тулово, шейка утолщена, в тесте примесь талька, изредка раковины (см. рис. 35, 4—5) — примерно 14 сосудов;

II — сосуды чашевидной формы с примесью талька, раковины, песка; шейка также утолщена — 18 сосудов (см. рис. 35, 6, 8).

Оба типа ornamentированы мягкими горизонтальными желобками, насечками, зигзагами. Примерно 10 сосудов сочетают в себе элементы обоих типов (см. рис. 35, 7). Часть керамики (13 сосудов) близка кара-абызскому типу. Это сосуды с широким горлом и плавным переходом в тулово или же в виде чаш. Орнамент на них отсутствует, шейки не утолщены, в тесте примесь раковины (см. рис. 35, 9). Здесь, очевидно, отразилось влияние кара-абызской культуры.

Датируется гафурийский слой городища IV—II вв. до н. э. по бронзовым наконечникам стрел и спиральному колючку¹⁹⁸. Не противоречат этой дате находки глиняных пряслиц, ornamentированных спиральными завитками и резными линиями¹⁹⁹.

Почти аналогичная картина наблюдается на Табынском городище. Разница лишь в том, что примерно 20% керамики составляют сосуды кара-абызского типа, в то время как на Курмантаевском городище они совершенно отсутствуют.

Из 69 выделенных сосудов Табынского городища 7 относится к I типу (см. рис. 36, 1), 52 — к II (рис. 36, 3) и 10 сосудов промежуточного характера (рис. 36, 2), кара-абызских сосудов 19 (рис. 36, 4—6). Как и на Курмантаевском городище, часть керамики с примесью раковины (10 сосудов) представляет нечто среднее между кара-абызским и гафурийским типами.

Отмечая своеобразие керамики с примесью талька и с утолщенной шейкой (гафурийская), исследователи Гафурийских поселений Г. В. Юсупов и Т. Н. Троицкая выделяли ее в особый тип, не затрагивая вопросов происхождения.

В. Ф. Генниг полагал, что эта керамика по некоторым деталям орнамента может иметь абашевское происхождение²⁰⁰. С абашевской культурой гафурийскую керамику связывает Н. А. Мажитов, датируя ее самым началом железного века²⁰¹.

Действительно, по некоторым элементам гафурийская керамика II типа близко напоминает абашевскую посуду (примесь раковины в тесте некоторых сосудов, внутреннее ребро при переходе горла в тулово, отдельные детали орнамента — желобки, гирлянды). Однако эти элементы самое большее, на наш взгляд, могут являться лишь отзвуками абашевской культуры. Здесь необходимо иметь в виду большой хронологический разрыв между абашевской культурой и гафурийской керамикой. Абашевская культура в Башкирии прекратила свое существование в третьей четверти II тыс. до н. э.²⁰², гафурийская же керамика появляется лишь с IV в. до н. э.

¹⁹⁷ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения...; Т. Н. Троицкая. Раскопки Михайловского городища...

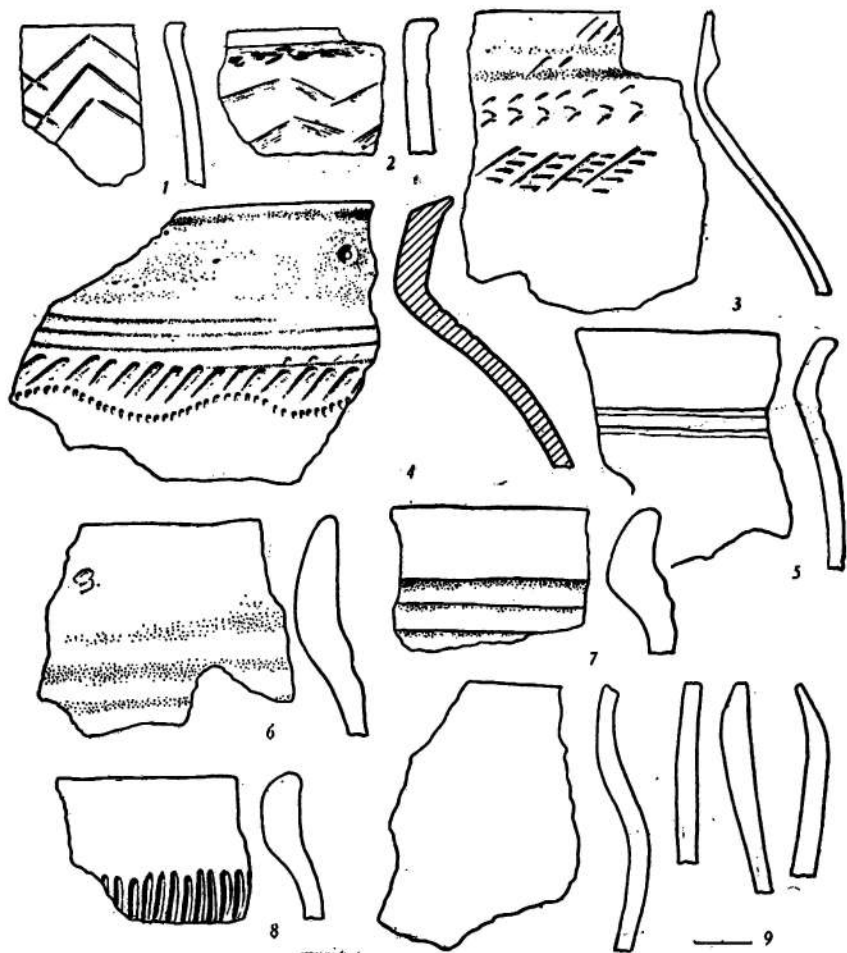
¹⁹⁸ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 79, табл. VIII, 3—4.

¹⁹⁹ Там же, табл. VIII, 1—2.

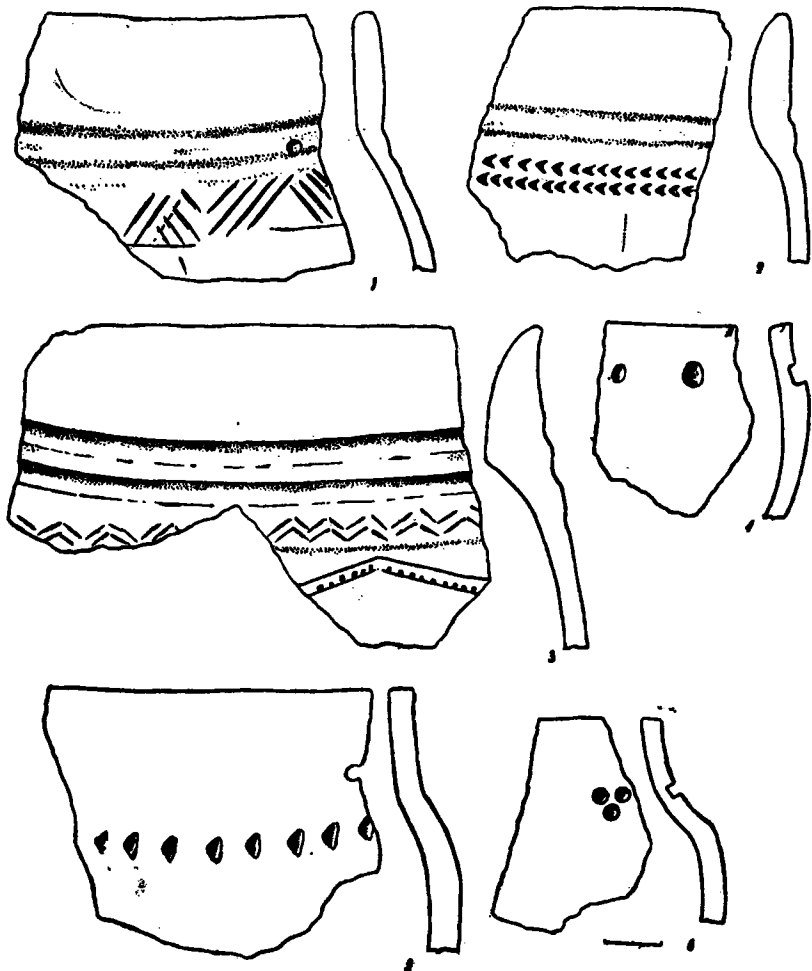
²⁰⁰ В. Ф. Генниг. Проблемы изучения железного века Урала, стр. 2.

²⁰¹ Н. А. Мажитов. Вахутинская культура, стр. 58.

²⁰² К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. — Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, стр. 45; его же. Очерки..., стр. 101—109; А. Х. Халиков. Приказанская культура..., стр. 8.

Р и с. 35. Керамика Курмангаевского городища.

Р и с. 36. Керамика Таблинского городища.

Это убедительно доказывается нахождением бронзовых наконечников стрел IV—II вв. до н. э. на Курмантаевском городище, а также аналогиями с керамикой сарматских курганов. В сарматских памятниках Южного Приуралья, изученных сравнительно широко, керамика, близкая гафурийской, встречается только в комплексах не ранее IV—III вв. до н. э.²⁰² Большое число сосудов с примесью талька, с резным и желобчатым орнаментом обнаружено М. Х. Садыковой в Старо-Кишкинском могильнике, Н. А. Мажитовым при раскопках курганов в юго-восточной Башкирии в 1966 г., автором данной работы в Бишунгаровском могильнике Кармаскалинского района в 1966 и 1968 гг. Все эти памятники относятся к прохоровской культуре и по многочисленным аналогиям датируются не ранее IV—III вв. до н. э. На Биктимировском городище гафурийская керамика залегает в VII—X штыках, сочетается с кара-абззской и поздней нананьинской, которая никак не может быть датирована ранее конца IV—III вв. до н. э.

Таким образом, между абашевской культурой и гафурийской керамикой получается разрыв в 9 веков. Если даже согласиться с мнением некоторых исследователей, подтвержденным радиоуглеродным анализом²⁰⁴, что абашевская культура Приуралья датируется последней четвертью II тыс. до н. э., то все равно промежуток в 6 веков ничем не заполняется. Следовательно, гафурийскую керамику нельзя генетически связать с абашевской.

На наш взгляд, гафурийская керамика на территории Башкирии появилась в результате прихода нового этнического компонента. Пришли элемент особенно ярко ощущается в южных памятниках, там же мы видим и поселения с чистым гафурийским комплексом керамики, что говорит о приходе гафурийских племен с юга или востока.

Почти все исследователи, касавшиеся кара-абззской проблемы, отмечали влияние южных или восточных соседей. А. П. Смирнов ряд изделий из Уфимского могильника, выполненных в зверином стиле, связывает с Сибирью²⁰⁵. Другие исследователи инородные влияния на кара-абззскую культуру связывают с сарматами. На сарматский характер некоторых материалов Гафурийских поселений указывал Г. В. Юсупов²⁰⁶. Р. Б. Ахмеров считает, что племена северной и северо-западной Башкирии с самого начала находились под постоянным воздействием сармато-аланских племен южноуральских степей²⁰⁷. К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова, К. В. Сальников также связывают часть поселений Гафурийского района, дающих преимущественно гафурийскую керамику, с сарматами²⁰⁸.

Действительно, гафурийская керамика выделенного нами I типа находит близкие аналоги среди посуды прохоровской культуры Южного Урала. Подобная керамика встречена в могильнике у дер. Старые Кишки²⁰⁹, в курганах Асавбашево²¹⁰, Новый Кумак, Близицы, Буруктал, Ново-Аккермановка и другие²¹¹.

В погребальном обряде и вещевых комплексах кара-абззских могильников также можно найти немало элементов, связывающихся с могильниками прохоровской культуры. Видимо, связями с сарматами объясняется нахождение в погребениях I и II этапов бронзовых височных колец в 1,5 оборота, обложенных золотой фольгой, дисковидных поясных блях гладких и с валиком по краю, изготовленных из прохоровских зеркал. Эти украшения обычные почти в каждой женской могиле прохоровской культуры²¹². Вероятно, у сарматов был заимствован обычай класть в могилу куски мела, а позднее — сопровождать умершего заупокойной пищей (кости барана, сосуды)²¹³. Тесными контактами кара-абззских племен с сарматами можно объяснить находки в Биктимировском могильнике железного изогнутого меча с острием на вогнутой стороне, аналогичного мечу из Старо-Кишкинского могильника²¹⁴.

²⁰² К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 9, 8—9, 11, 20—24.

²⁰⁴ А. А. Семенов, Е. Н. Романова, П. Н. Долуханов. Радиоуглеродные даты лаборатория ЛОИА.— СА, № 1, 1969, стр. 257.

²⁰⁵ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 23—24.

²⁰⁶ Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения..., стр. 86.

²⁰⁷ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник..., стр. 167.

²⁰⁸ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Сарматы..., рис. 1, карта; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, рис. 1, карта; К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии, стр. 10—11.

²⁰⁹ М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник у д. Старые Кишки.— АЭБ, т. I, стр. 115, табл. IV, 16; VII, 8, 16; XI, 6; XII, 9.

²¹⁰ М. Х. Садыкова. Сарматские памятники Башкирии.— МИА, 115, 1962, рис. 8, 8.

²¹¹ М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, табл. 5, 3, 9, 14, 15, 9, 1—5, 9.

²¹² М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, стр. 41, 44.

²¹³ Там же, стр. 23, 24.

²¹⁴ М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник..., табл. VI, 8.

Результатом контактов с местным кара-абызским населением, очевидно, следует объяснить нахождение в Старо-Кишкинском сарматском могильнике сосудов с примесью раковины в тесте²¹⁶. В погребении 6 кургана 3 Бишунгаровского могильника прохоровской культуры найден типичный кара-абызский сосуд с орнаментом из ямок по шейке.

Таким образом, на материалах могильников и поселений прослеживаются тесные контакты кара-абызских племен и сарматов. Этого и не могло не быть, так как территориально они соприкасались: кара-абызские племена обитали на правом берегу р. Белой, сарматы кочевали по левобережью. Например, напротив II Охлебининского городища и могильника на расстоянии не более 5 км от русла реки расположен Бишунгаровский сарматский курганный могильник, насыщающий более 20 земляных насыпей; несколько севернее — Старо-Кишкинский могильник.

Однако имеется ряд фактов, не позволяющих устанавливать прямую связь между сарматами и носителями гафурийской керамики. Выделенный нами I тип гафурийской керамики находит аналогии не среди всей посуды прохоровской культуры, а лишь в той ее части, которая имеет примесь талька в тесте. В какой-то мере эта группа сосудов является чуждой и для прохоровской культуры, генетически она не связывается с предшествующей ей керамикой савроматских памятников. К. Ф. Смирнов и М. Г. Мошкова появление этой керамики в Южном Приуралье связывают с Южным Зауральем и Казахстаном²¹⁷. В то же время гафурийская керамика по некоторым чертам (примесь в тесте талька, форма сосуда и отчасти орнамент) сближается с зауральской сарматского времени²¹⁸. Нельзя, конечно, говорить о тождестве зауральской керамики и гафурийской Башкирии. Эта близость имеет общие черты и отражает, возможно, некоторые общие моменты в происхождении.

В качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение, что в IV в. до н.э. из района Зауралья или Северного Казахстана в Приуралье продвинулась какая-то группа племен. Часть их вошла в состав прохоровской культуры, привнеся туда керамику с примесью талька; другая часть осела по правобережью среднего течения р. Белой, где в этот период обитали ананьинские племена.

В результате этого оседания происходил процесс взаимовлияния и взаимоассимиляции. Процесс этот был, видимо, сравнительно мирным, но весьма продолжительным. Несмотря на наличие смешанных поселений, где абсолютное большинство составляет собственно кара-абызская керамика, продолжали значительное время функционировать и поселения с чистым гафурийским комплексом. Пришло население оказало наибольшее влияние на кара-абызскую культуру в южных ее районах.

Вполне возможно, что здесь местное население, потомки ананьинцев, частью было ассимилировано, а частью оттеснено гафурийскими племенами к северу. На это указывает отсутствие поздних кара-абызских памятников в Гафурийском районе. Все исследованные кара-абызские поселения Гафурийского района датируются в пределах VI—II вв. до н.э. (немеются в виду и ананьинские слои). Несмотря на обилие вещевого материала в культурном слое (наконечники стрел, ножи, меч, книжал и т. д.), не найдено ни одного предмета, который можно было бы датировать позднее II—I вв. до н.э. Это предположение подтверждается и отсутствием на этих поселениях убаларской керамики, развившейся на базе гафурийской.

Таким образом, керамический материал поселений, вещевые комплексы и погребальный обряд могильников указывают на то, что в формировании кара-абызской культуры участвовали две группы племен — местные ананьинцы и пришедшие гафурийские племена, при ведущей роли ананьинского населения. Более осязательно пришедшие элементы проявляются в южных памятниках. К III в. до н.э. сложились основные черты кара-абызской культуры, ярко проявляющиеся в материалах могильников. Приняв активное участие в формировании кара-абызской культуры, гафурийские племена в свою очередь подверглись сильному влиянию со стороны местного населения, потомков ананьинцев. Об этом свидетельствует наличие на гафурийско-убаларских поселениях (Курмантаевское, Табынское, Шиповское городища) сосудов промежуточного типа, сочетающего в себе черты и гафурийской и кара-абызской посуды. На Табынском

²¹⁶ М. Х. Садыкова. Сарматский курганный могильник..., стр. 115.

²¹⁷ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 287; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры..., стр. 27; е же. Ново-Кумакский курганный могильник. — МИА, 1962, № 115, стр. 227.

²¹⁸ К. В. Салынский. Городище «Чудак»..., стр. 228—230, рис. 4—5; е го ж е. Исетские древние поселения. — СА, 1956, вып. XXV, стр. 211—212, рис. 17.

городище 20% керамики составляет кара-абызский тип. На это же указывает и большая близость материалов Шиповского могильника, связывающегося с гафурийско-убаларским Шиповским городищем, с материалами кара-абызской культуры.

* *

Культурная принадлежность кара-абызских памятников давно служит предметом дискуссии. Как было показано выше, одни исследователи считают их самостоятельной культурой (А. В. Шмидт, В. Ф. Генинг, К. В. Сальников, А. Х. Халиков, В. А. Оборин), другие — вариантом ананьинской и пьяноборской культур (А. В. Збруева, А. П. Смирнов, Р. Б. Ахмеров, Н. А. Мажитов). При определении культурной принадлежности кара-абызских памятников часто переплетаются два основных вопроса: 1) хронологические рамки кара-абызских памятников; 2) отношение их к ананьинской и пьяноборской культурам Прикамья.

Хронология кара-абызских памятников в настоящее время хорошо определяется IV в. до н. э.—II в. н. э. надежно датированными погребальными комплексами. Однако керамика с ямочным орнаментом по шейке существовала на территории Башкирии и в более раннее, ананьинское время, сочетаясь со шнуровой. Поселения этого периода, связывающиеся с могильниками типа исследованного Р. Б. Ахмеровым по ул. Тракторной в г. Уфе, мы склонны относить к ананьинской культуре.

Разногласия по второму вопросу объясняются не только пограничным расположением кара-абызских памятников, наличием в них элементов пьяноборской и сарматской культур. В значительной мере здесь сказываются, на наш взгляд, общие разногласия в понимании термина «археологическая культура»²¹⁸. В советской археологии общепринято определение, данное А. Я. Брюсовым, который под археологической культурой понимает «единство археологических памятников на сплошной и ограниченной территории, относящихся к определенному промежутку времени, обычно в несколько сот лет, реже — к тысячелетию и более. Это единство выражается в близком сходстве типов орудий труда, утвари, оружия и украшений, находимых в этих памятниках (поселение, могильник, жертвенное место, клад и т. д.), в сходстве типов построек и погребальных обрядов, в однообразном изменении их форм с течением времени (преemptивность типов, обусловленная передачей опыта от поколения к поколению)»²¹⁹. Однако, как справедливо указывает А. Л. Монгайт, «критерий близкого сходства» чрезвычайно субъективен²²⁰. Очень наглядно это проявляется при определении культурной принадлежности кара-абызских памятников. Принципиальных разногласий по этому вопросу между исследователями, на наш взгляд, нет. И сторонники выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру, и исследователи, рассматривающие их как вариант пьяноборской культуры, так или иначе обособляют эти памятники, отмечая как сходство, так и различия их с памятниками Прикамья.

Попытаемся проследить, в чем же заключаются эти сходства и различия кара-абызских памятников с прикамскими.

Рассмотрим вначале материалы поселений. Пьяноборская керамика хорошо известна нам по работам В. Ф. Генинга. Это круглодонные чашевидной формы сосуды с четко выраженной шейкой. В глиняном тесте имеются примеси толченных раковин. Орнаментировано лишь 28—30% общего числа сосудов. Это поясok ямочных вдавлений по шейке, иногда встречается орнамент по верхнему срезу венчика — насечка на наружном краю²²¹.

Многие из этих черт характерны и для кара-абызской керамики: круглодонность, чашевидная форма, ямочный орнамент по шейке. Однако эти признаки присущи не только пьяноборской и кара-абызской керамике. Они распространены гораздо шире как территориально, так и во времени. В последние годы в связи с широкими работами на Нижней и Средней Каме выявлен ряд поселений, керамика которых по всем основным признакам очень близка кара-абызской, таковыми, например, являются селище Курган в Татарии²²², Калиновское городище и селище,

²¹⁸ А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре; А. Л. Монгайт. Указ. соч.

²¹⁹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 20.

²²⁰ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 55.

²²¹ В. Ф. Генинг. Осинское городище, стр. 192—194; е го же. Узловые проблемы..., стр. 25.

²²² Г. Р. Ишмуратова. Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган.— УЗ ПГУ, № 148. Пермь, 1967.

Еловское селище в Среднем Прикамье²²². Круглодонная керамика с ямочным орнаментом по шейке довольно часто встречается на территории Башкирии в памятниках I тыс. н. э.

Говоря о сходстве кара-абызской керамики с пьяноборской, следует отметить и их различия. Кара-абызская посуда в ряде памятников имеет в тесте примесь дресвы, подавляющее большинство сосудов орнаментировано, часто кроме пояса ямок верхняя часть сосуда украшена оттисками крунозубой гребенки, а венчики орнаментированы как насечками, так и оттисками гребенчатого штампа. По общему облику кара-абызская керамика по сравнению с пьяноборской более груба, толстостенна, ямочные вдавления, как правило, намного крупнее.

Очень распространенными находками на кара-абызских поселениях являются костяные тушки, совершенно отсутствующие в пьяноборских памятниках.

Обратимся к материалам могильников. Некоторые затруднения при сопоставлении кара-абызских и пьяноборских могильников возникают в связи с тем, что на территории Прикамья погребальные комплексы IV—III вв. до н. э. (позднее ананьино) представлены очень бедно. Они ограничиваются, собственно, несколькими погребениями Зуевского и Котловского могильников²²⁴.

Очень немного там и раннепьяноборских погребений²²⁵. Подавляющее большинство погребений пьяноборской культуры относится ко II в. до н. э.— II в. н. э., т. е. соответствуют выделенному нами для кара-абызской культуры III этапу, представленному также большим количеством погребений.

Обе эти группы погребений, пьяноборская и кара-абызская, имеют ряд общих черт в погребальном обряде и инвентаре. Для тех и других характерны могильные ямы простой конструкции, труположение на спине, вытянуто. В обоих районах изредка встречаются полускорченные костяки. Встречаются одинаковые вещи: наконечники стрел и копий, бронзовые и железные пряжки, бронзовые наконечники ножен мечей, височные подвески, поясные накладки, бусы и т. д. Но все эти предметы или являются эпохальными и имеют широкое распространение (наконечники стрел и копий, ножи, пряжки, бусы) или же встречаются в той или иной культуре в единичных экземплярах.

Материальную культуру поздних кара-абызских погребений определяют следующие вещи: своеобразные женские поясные ремни, украшенные бронзовыми накладками с изображением голов горных козлов и с застежкой из одной-трех дисковидных блях; украшения костюма, находимые в ногах костяка и состоящие из большого количества различных обоем, бляшек, трапециевидных подвесок, пронизок; височные подвески в виде знака вопроса, петлевидные и трапециевидные; в мужских погребениях — поясные ремни, дошедшие до нас в виде бронзовых пряжек различных типов и накладок из зубов животных; однолезвийные мечи, часто с бронзовыми наконечниками ножен; колчаные крючки различных форм. Большинство этих предметов или совершенно отсутствует в могильниках пьяноборской культуры (женские пояса, украшения на ногах, петлевидные и трапециевидные височные подвески, колчаные крючки, поясные накладки из зубов животных, круглые пластинчатые пряжки), или же встречаются в единичных экземплярах (два бронзовых наконечника ножен мечей и одна прямоугольная пластинчатая пряжка). Наконечники стрел и копий, железные ножи, удила, оселки, бусы, многие виды пряжек распространены гораздо шире территории пьяноборской и кара-абызской культур и поэтому не могут служить определяющими в этом вопросе.

К этнографическим признакам пьяноборских могильников можно отнести следующие предметы: эполообразные застежки, височные подвески в виде знака вопроса, обувные рамчатые и умбовидные пряжки, различные прорезные бляшки, поясные накладки прямоугольной формы²²⁶. Почти все эти вещи совершенно не характерны для кара-абызских могильников. Три крючка, подобные эполообразным застежкам, найдены в кара-абызских могильниках — два в Охлебнинском и один в I Биктимировском. Но роль их здесь совершенно иная — они встречаются в мужских погребениях и служили колчанным крючками, в то время как во всех пьяноборских могильниках они всегда встречаются в женских погребениях в области пояса и яв-

²²² А. Д. Б е ч т о в. Основная археологическая карта РСФСР, лист 0-40-98.—УЗ ПГУ, т. 12, вып. 1. Пермь, 1960, стр. 203—204, рис. 11; В. А. О б о р и н. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья.— ВАН, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 62, рис. 3, 2—3, 5; е г о ж е. О с я з я х..., стр. 130—132.

²²³ А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья..., стр. 42.

²²⁴ В. Ф. Г е н и н г. Узловые проблемы...

²²⁵ Т а м ж е, стр. 19.

лялись поясными застежками²²⁷. Височные подвески в виде знака вопроса с сомкнутым кольцом встречаются и в кара-абызских могильниках, но по сравнению с пьяноборскими очень редко. На всей территории кара-абызской культуры их известно 35 экземпляров, притом около половины из них золотые спиральные, не встречаемые в пьяноборских памятниках. В пьяноборских же могильниках височные подвески, за редким исключением, встречаются в каждом женском погребении по несколько экземпляров, иногда по 10—12. Достаточно сказать, что на 101 погребение пьяноборского Камышлы-Тамакского могильника, исследованного в 1961 г. Н. А. Мажитовым, приходится 266 височных подвесок²²⁸. Изредка встречаются в кара-абызских могильниках прорезные бляшки и прямоугольные поясные накладки, но их буквально единицы.

В женских погребениях пьяноборских могильников встречается круглые бляхи больших размеров с отверстием в центре²²⁹, подобные поясным дисковидным бляхам из кара-абызских женских погребений. Однако функции их различны. В пьяноборской культуре они всегда выполняли роль нагрудных украшений, а кара-абызских же могильников являлись принадлежностью поясного ремня. Причем в пьяноборских памятниках они сравнительно редки. Так, например, в Камышлы-Тамакском могильнике, где вскрыто 101 погребение, не найдено ни одной подобной бляхи. Отсутствуют они и в Чиятавском могильнике²³⁰.

Если сравнить костюм кара-абызских женщин, реконструированный нами на основе расположения украшений в I Биктимировском и Охлебининском могильниках, с женским костюмом пьяноборской культуры²³¹, то разница между ними очень значительна.

Имеются отличия и в погребальном обряде. Кара-абызские могилы, как правило, более обширные и глубокие. Костяки ориентированы в подавляющем большинстве ногами к реке, в пьяноборских могильниках ориентировка неустойчивая. Почти во всех кара-абызских поздних погребениях встречаются кости животных, часто глиняные сосуды, совершенно отсутствующие в пьяноборских могильниках.

Таким образом, различия между кара-абызскими и пьяноборскими памятниками очень существенны и целесообразнее рассматривать их как самостоятельные культуры.

Конечно, нельзя отрицать и значительную общность между этими двумя культурами, проявляющуюся и в керамике, и в погребальном обряде, и в вещевых комплексах. Эта общность легко объяснима. Она возникла уже в самом начале формирования этих культур. Пьяноборский племенной союз сложился на базе позднеананьинского населения. Основу кара-абызской культуры также составили племена белского варианта ананьинской культуры, но при значительном включении пришлога гаурийского населения. Притом племена пьяноборской и кара-абызской культур занимали соседние территории. Между ними постоянно происходили культурные, а, возможно, и этнические контакты.

Уже в ананьинскую эпоху наметились прочные связи прикамского населения с населением южных районов²³². Видимо, не прекратились они и в более позднюю, пьяноборскую эпоху. Однако чаще всего они могли осуществляться через посредство кара-абызского населения, граничащего с южным кочевым миром. Так, в кара-абызских и пьяноборских могильниках широко распространены дисковидные бляхи. В большинстве случаев они сделаны из сарматских зеркал, на что указывают следы удаленного штыря. Возможно, что они происходят из единого центра. К сожалению, уверенно об этом говорить трудно из-за отсутствия химических анализов, которые позволили бы определить центры их производства. Однако близость их очевидна.

Видимо, некоторые предметы украшений были заимствованы пьяноборцами непосредственно у кара-абызцев. Это можно сказать о бронзовой пластинчатой прямоугольной пряжке, обнаруженной в погребении 21 Камышлы-Тамакского могильника. Аналогичные пряжки обычны для кара-абызских мужских погребений III этапа и неизвестны в других районах. В одном из погребений Пьяноборского могильника найдена дисковидная бляха, украшенная на внутренней стороне штифелестовой розеткой²³³. Подобные бляхи чрезвычайно широко были распространены среди кара-абызского населения, откуда она, вероятно, и попала в Прикамье.

Известны из пьяноборских могильников два железных меча с бронзовыми наконечниками

²²⁷ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., стр. 15.

²²⁸ Н. А. Мажитов, А. Х. Пшеничнюк. Камышлы-Тамакский могильник. — АЭБ, т. 3, стр. 41.

²²⁹ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., стр. 17.

²³⁰ Н. А. Мажитов. Чиятавский могильник. — Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

²³¹ В. Ф. Генинг. Женский наряд периода пьяноборской культуры. — СЭ, 1963, № 3.

²³² А. В. Збруев. История населения Прикамья..., стр. 164—165.

²³³ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. 1. СПб., 1901, табл. III, 14.

ножей (один из Камышлы-Тамакского могильника и один из Чеганда-II)²⁵⁴, являющиеся обычными на территории центральной Башкирии.

Такие предметы, как прорезные ажурные бляшки-нашивки, колчаные крючки, подобные эполотеобразным застежкам, а, возможно, и височные подвески в виде знака вопроса, изредка встречаемые в могильниках центральной Башкирии, — появились у кара-абызцев, по-видимому, под влиянием или путем обмена с населением пьяноборской культуры, где эти вещи были распространены очень широко.

Говоря о культурной принадлежности кара-абызских памятников, нельзя обойти в этом плане и вопрос о гафурийско-убаларских памятниках. Выше неоднократно подчеркивалось, что в формировании кара-абызской культуры значительную роль сыграли пришедшие гафурийско-убаларские племена. Процесс смешения, взаимосимбиоза пришлого и местного населения, потомков аванынцев, начавшийся в IV—III вв до н. э., не завершился и к III в. н. э. На протяжении всего периода кара-абызской культуры гафурийско-убаларские племена сохраняли известную самостоятельность. Однако культурные и этнические контакты между кара-абызскими и гафурийско-убаларскими племенами, одинаковые в целом, естественно-географические условия и хозяйственные занятия (пастушеское скотоводство и земледелие) приводили к унификации материальной культуры. Ярким примером этого процесса являются Шиповский могильник и городище.

Погребальный обряд и, в особенности, вещевые комплексы Шиповского могильника (IV в. до н. э.—II в. н. э.) обнаруживают очень большое сходство с кара-абызскими могильниками. Городище, которое дает чистый гафурийско-убаларский керамический комплекс, расположенное рядом с могильником, датируется тем же временем. Никаких иных поселений, с которыми можно было связать могильник, поблизости не обнаружено. Все это говорит, на наш взгляд, об их однокультурности. Если учесть, что в некоторых ранних кара-абызских погребениях найдены типично гафурийские сосуды, то вывод о том, что эти два памятника (могильник и городище) составляют единый комплекс, не может вызвать особых возражений.

Сравнительно слабая изученность этого круга памятников не позволяет сделать окончательный вывод по этому вопросу. Тем не менее, учитывая своеобразие керамического материала, различия в происхождении и этнической принадлежности гафурийско-убаларских племен, целесообразнее, на наш взгляд, рассматривать их как самостоятельную гафурийско-убаларскую группу памятников.

Видимо, нет пока достаточных оснований и для выделения их в особую археологическую культуру, так как еще не выявлены наиболее характерные черты этой группы памятников, ареал их распространения и ряд других вопросов истории гафурийско-убаларских племен. Весьма важным в этом плане и в то же время пока совершенно неизученным является вопрос о соотношении гафурийско-убаларских памятников и памятников раннего железного века северо-восточной Башкирии. Эта группа памятников, выявленная в последние годы разведками К. В. Сальникова, Н. А. Мажитова, Ю. А. Морозова в бассейне р. Ай, представляется несколькими поселениями и одним курганным могильником. Керамический материал этих памятников (рис. 37) по ряду признаков (примесь талька в тесте, резной и желобчатый орнамент) сближается с гафурийской керамикой. В то же время керамика Айских поселений очень сходна с посудой зауральской чудаковско-гороховской культуры²⁵⁵. К сожалению, материал Айских поселений очень малочислен и происходит в основном из сборов на поверхности, что не позволяет провести достаточно убедительных сопоставлений с материалами соседних культур.

Против выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру в последнее время возражает Н. А. Мажитов. Кара-абызские памятники он рассматривает как локальный вариант единой пьяноборской культуры²⁵⁶. Основной аргумент Н. А. Мажитова — сходство материальной культуры белых и прикамских памятников.

Сходство это действительно прослеживается, о чем говорилось выше. Но в то же время нельзя умалять и различия между этими группами памятников, как это делает Н. А. Мажитов. Им рассматриваются лишь предметы и признаки, общие для обеих групп памятников, и почти нигде не упоминается об их специфике и различиях. Притом автор не оговаривает, в какой степени

²⁵⁴ В. Ф. Г е н я н г. Удмуртская археологическая экспедиция. — КСИИМК, вып. 74, 1959, рис. 42, 15.

²⁵⁵ К. В. С а л ь н и к о в. Городище «Чудаки»..., рис. 4, 5.

²⁵⁶ Н. А. М а ж и т о в. Бахмутинская культура, стр. 57.

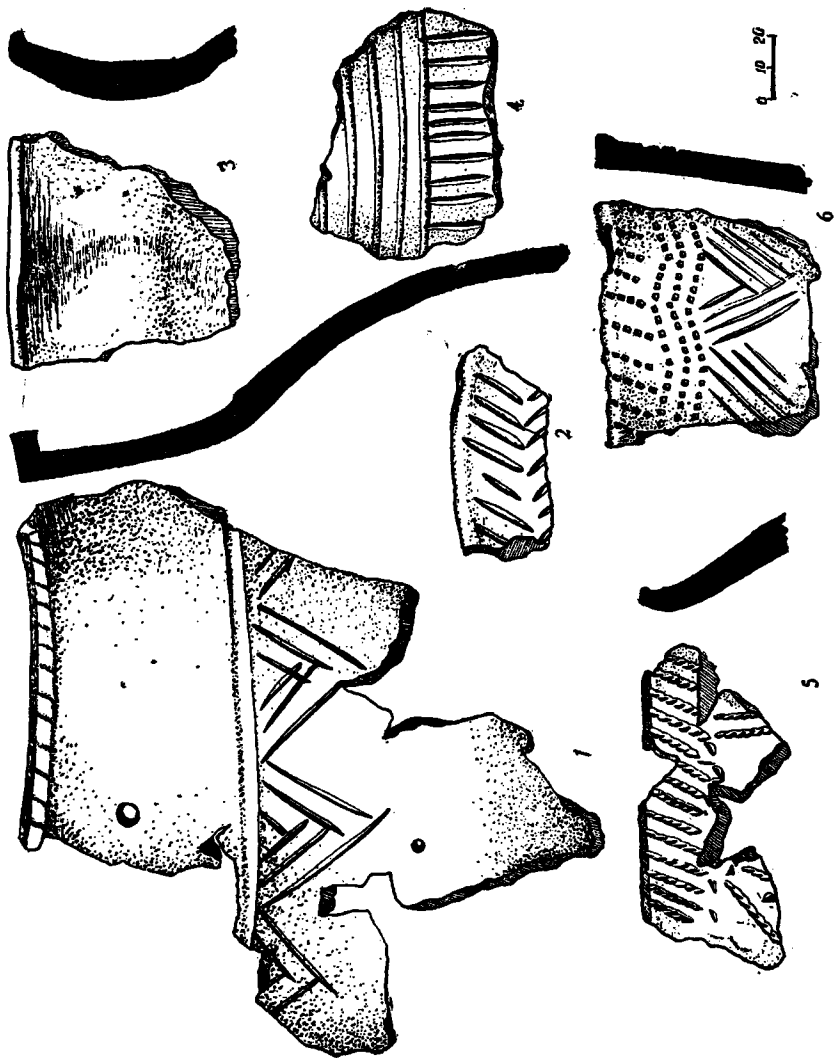

Рис. 37. Керамика Айсних поселений.

те или иные предметы, находящиеся в Прикамье и центральной Башкирии, характерны для этих территорий: представлены они единичными экземплярами или же встречаются в массовом количестве.

Кара-абзские памятники, по мнению Н. А. Мажитова, отличаются от пьяноборских в основном тем, что в них отражается влияние со стороны соседних южных племен²²⁷. Это влияние действительно хорошо прослеживается как в погребальном обряде, так и в вещевых комплексах. Однако это вовсе не означает, что своеобразные кара-абзские памятники заключается лишь в некоторых элементах южных культур, и что, если отвлечься от южных наслоений, то по всему остальному материалу белские могильники мало чем будут отличаться от ананьинских и пьяноборских памятников Прикамья и Башкирии²²⁸.

Во-первых, те предметы материальной культуры и элементы погребального обряда кара-абзских могильников, которые появились под влиянием южных и юго-восточных соседей (а вероятнее всего — были привнесены ими), настолько осваивались, перерабатывались и видоизменялись, что стали неотъемлемой чертой кара-абзских памятников. Отбрасывая эти «наслоения», мы во многом обходим кара-абзскую культуру, лишим ее ряда характерных черт. Таковы украшения, выполненные в «зверином» стиле. Некоторые мотивы и приемы в изображении животных роднят эти вещи со скифо-сарматским изобразительным искусством. В общем же кара-абзский «звериный» стиль весьма своеобразен, устойчив и присущ только рассматриваемому узкому району. Прямых аналогий эти предметы за пределами территории центральной Башкирии не имеют. Таковы и дисковидные поясные бляхи. Большинство из них сделано из обычных сарматских зеркал. Но назначение их у кара-абзского населения совершенно иное. Во всех случаях — это принадлежность женского пояса. Под влиянием сарматов или других близких племен у кара-абзцев появляется обряд сопровождения умерших пищей (глиняные сосуды и кости животных). Этот обряд становится характерной чертой культуры кара-абзских племен на позднем этапе.

Во-вторых, если даже отбросить все то в кара-абзских комплексах, на чем сказывается южное влияние, то по-прежнему они во многом будут отличаться от пьяноборских. Подавляющее большинство предметов кара-абзских могильников, имеющих значение для определения культурной принадлежности (женские и мужские поясные ремни, нагрудные украшения, различные обйоы, подвески, бляшки и их сочетания), сугубо местные, характерные только для территории центральной Башкирии и отсутствуют за ее пределами.

Расхождения по данному вопросу в значительной мере обусловлены и дискуссионным характером понятия археологической культуры.

При существующих разногласиях в отношении применения термина «археологическая культура» возможно двойное решение вопроса. Так, А. П. Смирнов, отмечая наметившийся разноречивый в употреблении терминов «культура», «вариант», «культурная общность», предлагает пользоваться двухступенчатой системой: крупные культурные и этнические общности именовать «культурами», а мелкие — «локальными вариантами», или же первые — «культурными общностями», а вторые — «культурами»²²⁹. Если пользоваться первыми двумя терминами, то кара-абзские памятники следует считать локальным вариантом единой пьяноборской культуры, к которой кроме собственно пьяноборских и кара-абзских памятников должны быть отнесены и памятники гляденовской культуры; если же взять на вооружение вторые два термина, то кара-абзские памятники нужно считать самостоятельной культурой, а кара-абзскую, пьяноборскую и гляденовскую культуры вместе именовать культурной общностью. В данном случае смысловые нагрузки первых двух терминов — «локальный вариант» и «культура» и вторых — «культура» и «культурная общность» равноценны, и в значительной мере спор носит формальный, терминологический характер.

Из предложенных А. П. Смирновым двух вариантов употребления терминов «культура», «вариант» и «культурная общность», нам кажется, целесообразнее второе решение вопроса: крупные этнокультурные объединения именовать «культурными общностями», а мелкие — «культурами». При таком подходе сохранится и понятие «локальный вариант». Под этим термином обычно подразумевается небольшая, территориально обособленная группа памятников внутри культуры, имеющая незначительные отличия в вещевых комплексах, деталях погребального обряда, формах жилища и т. д.

²²⁷ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 55.

²²⁸ Там же, стр. 56.

²²⁹ А. П. Смирнов. К вопросу об археологической культуре, стр. 8—9.

Кара-абызские памятники, таким образом, целесообразнее именовать не локальным вариантом, а самостоятельной культурой. Во-первых, они по всем основным формальным признакам четко отделяются от пьяноборских, тем более от гляденовских; во-вторых, они имеют иную хронологию и периодизацию; в-третьих, кара-абызское население, по всей вероятности, отличалось от пьяноборских и гляденовских племен по языку и этническому составу, о чем будет сказано ниже; в-четвертых, под термином «локальный вариант» подразумевается обычно более узкая группа памятников. Например, в гляденовской культуре по орнаментации керамики выделено 8 локальных вариантов²⁴⁰. Со временем, возможно, появится необходимость выделения локальных вариантов внутри кара-абызской культуры, в частности южного и северного вариантов.

Сходство же кара-абызских, пьяноборских и гляденовских памятников, проявляющееся в формах и орнаменте керамики, в предметах украшения и деталях погребального обряда,— позволяет говорить о единой камской культурной общности. Это сходство объясняется, по-видимому, общностью происхождения (основа — ананьинская культура), хозяйства, тесными культурными и этническими контактами.

Если сравнить кара-абызские памятники с памятниками соседней пьяноборской культуры в количественном отношении, то на первый взгляд это сравнение не в пользу кара-абызской культуры. Пьяноборских памятников насчитывается не менее 120²⁴¹, кара-абызских же — лишь 24. Однако большинство пьяноборских памятников очень невелики по размерам, поселения имеют очень тонкий культурный слой. На одном из самых крупных, полностью исследованном пьяноборском могильнике Чеганда II обнаружено 220 погребений. К этому количеству, по предположению В. Ф. Генинга, следует прибавить еще 100—150 погребений, разрушенных рекой, что составит около 400 погребений²⁴². В Охлебининском же могильнике, по предварительным подсчетам, общее число погребений должно быть не менее 10000. Судя по площади, не уступает ему и Новый Уфимский могильник.

Аналогичная картина наблюдается и при сравнении поселений. В. Ф. Генинг, характеризуя пьяноборские поселения, отмечает их небольшие размеры и отсутствие или очень слабую насыщенность культурного слоя²⁴³. В 1964 г. нам удалось побывать на нескольких пьяноборских памятниках на территории Башкирии, открытых А. П. Шокуровым. Это селница Бурнуш I, Бурнуш II, городище Бурнуш, селница Бачки-Тау, отнесенные В. Ф. Генингом к пьяноборской культуре²⁴⁴. Все эти памятники характеризуются очень тонким культурным слоем, бедны находками. Кара-абызские же поселения отличаются большими размерами и мощным насыщенным культурным слоем. Например, площадь Биктимировекого городища составляет около 50 000 кв. м, толщина культурного слоя — 200—240 см; II Охлебининского городища — соответственно 200 000 кв. м и 70—150 см.

Таким образом, несмотря на небольшое количество кара-абызских памятников, с уверенностью можно говорить, что население правобережья среднего течения р. Белой в эпоху рубежа нашей эры, т. е. население кара-абызской культуры, было сравнительно многочисленным. По плотности населения этот район не уступал, на наш взгляд, территории, заселенной племенами пьяноборской культуры.

* *

При рассмотрении вопроса о происхождении кара-абызской культуры мы попытались доказать, что она формировалась на базе двух компонентов: местного (бельский вариант ананьинской культуры) и пришлого (гафурийские племена).

Общепринято считать, что племена ананьинской культуры легли в основу формирования позднейших финно-пермских народов²⁴⁵, т. е. ананьинцы говорили на пермских языках финно-угорской языковой общности. Видимо, не являлись исключением и племена бельского варианта ананьинской культуры, явившиеся основой в формировании кара-абызской культуры.

²⁴⁰ Ю. А. Поляков. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье.— УЗ ПГУ, № 148. Пермь, 1967.

²⁴¹ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы..., стр. 7.

²⁴² В. Ф. Генинг. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958, стр. 62.

²⁴³ В. Ф. Генинг. Узловые проблемы... стр. 10—11.

²⁴⁴ Там же, рис. 1.

Определение этноса пришлое «гафурийского» населения весьма затруднительно. Мы уже говорили, что керамика гафурийских поселений наиболее близка посуде прохоровской культуры. Если считать, что эти поселения оставлены ошесими здесь сарматами (как полагают К. Ф. Смирнов, М. Х. Садыкова²⁴⁴), то мы должны видеть в них ираноязычные племена.

В то же время мы отмечали, что гафурийские племена по своему происхождению тяготеют к лесостепному зауральскому населению. К. В. Сальников, исследуя зауральские памятники сарматского времени (гороховская культура), пришел к выводу об их угорской принадлежности²⁴⁵. Одним из основных аргументов в пользу угорязычности племен гороховской культуры автор считает нахождение в погребениях костей зайца и гуся, которые занимают видное место в мифологии обских угров. Примечательно, что в Охлебининском могильнике, в котором очень ярко ощущается пришлый элемент, в четырех погребениях обнаружены кости зайца и в одном — птицы. Для зауральских курганов К. В. Сальников отмечает, что в могилу клали не части тушек зайца и гуся, а отделенные кости, служащие символами, связанными с религиозно-тотемистическими представлениями. А. Г. Петренко, определившая костный материал из Охлебининского могильника, отмечает, что все кости зайца, найденные в четырех погребениях, тщательно отполированы. Это дает основание утверждать, что в Охлебининском могильнике, как и в погребениях гороховской культуры, кости зайца и птицы не являются остатками мясной пищи, а были положены с иной целью.

Таким образом, есть некоторые основания полагать, что пришлые гафурийские племена являлись угорскими. Население же кара-абызской культуры было смешанным: основу его составляли финно-пермские племена — потомки ананьинцев, значителен был компонент пришлое, вероятно угорского, населения.

Во II в. н. э. памятники кара-абызской культуры прекращают свое существование.

Е. Ф. Лагодовская и Б. А. Кошневский предполагали, что кара-абызская культура явилась основным компонентом в сложении бахмутинской культуры²⁴⁶. Генетическую связь между кара-абызской (ананьино-пьяноборской) и бахмутинской культурами проводят А. П. Смирнов²⁴⁷, Р. Б. Ахмеров²⁴⁸. Эту же точку зрения, но с привлечением богатого вновь полученного материала, доказывает Н. А. Мажитов²⁴⁹. В сложении бахмутинской культуры Н. А. Мажитов усматривает 2 этапа. Ранний этап (III—IV вв.) сложился, по его мнению, полностью на основе местных племен пьяноборской (пьяноборской и кара-абызской) культуры. На втором позднем этапе (V—VII) в формировании бахмутинской культуры приняли участие пришлые с юга племена так называемой турбаслинской культуры.

Другие исследователи полагали, что бахмутинская культура сложилась в результате прихода западносибирского угорского населения, и не связывали ее с кара-абызской²⁵⁰. Эта точка зрения нашла наиболее полное отражение в работах В. Ф. Генинга²⁵¹.

В последнее время в связи с открытием ряда новых памятников первой половины I тыс. н. э. на территории северной Башкирии В. Ф. Генинг частично пересматривает свой взгляд относительно происхождения бахмутинской культуры и проблемы ее в целом. Ранние бахмутинские памятники он объединяет со среднекамскими (Удмуртия) в одну мазунинскую археологическую культуру, датируя ее III—V вв. н. э. Основным компонентом в сложении мазунинской культуры, по его мнению, явились местные финно-пермские племена пьяноборской и, особенно, кара-

²⁴⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья..., стр. 205—215; В. А. Оборин. Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья стр. 56; А. К. Матвеев. Древнеуральская топонимика и ее происхождение. — ВАУ, вып. I. Свердловск, 1961, стр. 141; М. С. Акимов. Некоторые итоги изучения антропологического состава древнего населения Прикамья. — ВАУ, вып. I, стр. 121—125.

²⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 272; М. Х. Садыкова. Сарматы на территории Башкирии, стр. 17—18.

²⁴⁷ К. В. Сальников. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. — СЭ, 1966, № 5.

²⁴⁸ Е. Ф. Лагодовская. Указ. соч., стр. 128; Б. А. Кошневский. Итоги археологического изучения..., стр. 166.

²⁴⁹ А. П. Смирнов. Железный век Башкирии, стр. 50, 54.

²⁵⁰ Р. Б. Ахмеров. Новый Уфимский могильник..., стр. 167.

²⁵¹ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 49 и след.

²⁵² В. Ф. Генинг. К вопросу об этническом составе..., стр. 124; О. Н. Бадер, В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 137—139.

²⁵³ В. Ф. Генинг. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н. э. — «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». М., 1961.

абызской культур. Поздние бахмутинские памятники рассматриваются В. Ф. Генингом как самостоятельная культура, основу которой составили пришедшие западносибирские племена²⁵⁴. Эта точка зрения поддерживается Г. И. Матвеевой²⁵⁵. Надо отметить, что эта периодизация В. Ф. Генинга и Г. И. Матвеевой в основных чертах совпадает с ранее предложенной периодизацией Н. А. Мажитова.

Таким образом, складывается единое мнение по вопросу происхождения раннебахмутинской (мазунинской) культуры — основу ее составили местные племена пьяноборской и кара-абызской культур.

Эта точка зрения убедительно подтверждается материалами многочисленных поселений, открытых в последние годы в северной Башкирии²⁵⁶. Керамика этих поселений обнаруживает большое сходство с пьяноборской и кара-абызской. Это фрагменты с примесью дресвы в тесте от круглодонных сосудов с широким низким горлом и слабо раздутым туловом, орнамент состоит из пояса ямок по шейке (рис. 38). Прослеживается сходство в погребальном обряде и вещевых комплексах кара-абызских, пьяноборских и раннебахмутинских (мазунинских) могильников. Весьма показательна в этом отношении такая общая для кара-абызских и мазунинских могильников черта погребального обряда, на что обратили внимание Н. А. Мажитов и В. Ф. Генинг, как положение поясного ремня рядом с покойником²⁵⁷. Форма поясов также имеет немало сходства. И в кара-абызских и в мазунинских погребениях они зачастую сплошь покрыты металлическими накладками, застежками часто являлись круглые бляхи, в кара-абызских могильниках бронзовые, в мазунинских — костяные²⁵⁸.

Итак, многочисленные вновь накопленные материалы I половины I тыс. н. э. подтверждают ранее высказанную точку зрения о генетической связи между племенами кара-абызской и раннебахмутинской (мазунинской) культур. Важно подчеркнуть, что кара-абызские племена явились основой не только для «башкирской, бельской» группы раннебахмутинского населения, но и для «удмуртского» мазунинского. Кара-абызская культура обнаруживает гораздо больше сходства с мазунинской, нежели пьяноборская. По-видимому, формирование раннебахмутинской (мазунинской) культуры сопровождалось уходом значительной части пьяноборских племен, последующая история которых хорошо прослеживается в памятниках азелинской культуры²⁵⁹.

В то же время между кара-абызскими и раннебахмутинскими памятниками наблюдаются и некоторые различия. Так, для кара-абызских могильников в целом характерна речная ориентация, с некоторыми отклонениями, особенно в позднекараабызских погребениях. В раннебахмутинских и мазунинских могильниках полностью преобладает северная ориентировка с отклонениями к востоку и западу, никакой закономерности в ориентировке костяков по отношению к руслу реки не прослеживается²⁶⁰.

Очень показательными для погребального обряда бахмутинских и мазунинских могильников являются так называемые жертвенные комплексы (предметы женских украшений, положенные у изголовья мужских погребений)²⁶¹. Н. А. Мажитов делает попытку провести параллель между бахмутинскими жертвенными комплексами и «украшениями в ногах костяков», найденными в поздних кара-абызских погребениях²⁶². Такое сопоставление, на наш взгляд, ошибочно — назначение жертвенных комплексов и «украшений в ногах» различно. В бахмутинских могильниках жертвенные комплексы, состоящие из предметов женских украшений (бус, височных подвесок, фибул), чаще находятся в мужских погребениях у изголовья или сбоку на

²⁵⁴ В. Ф. Генинг. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение. — Научная сессия по этногенезу башкир (рефераты докладов и сообщений). Уфа, 1969.

²⁵⁵ Г. И. Матвеева. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1969, стр. 7—9.

²⁵⁶ В. С. Стоколова. Отчет за 1967 г.; А. Х. Пшеничнюк. Отчет за 1967 г.

²⁵⁷ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 60; В. Ф. Генинг. Этнический субстрат..., стр. 13—14.

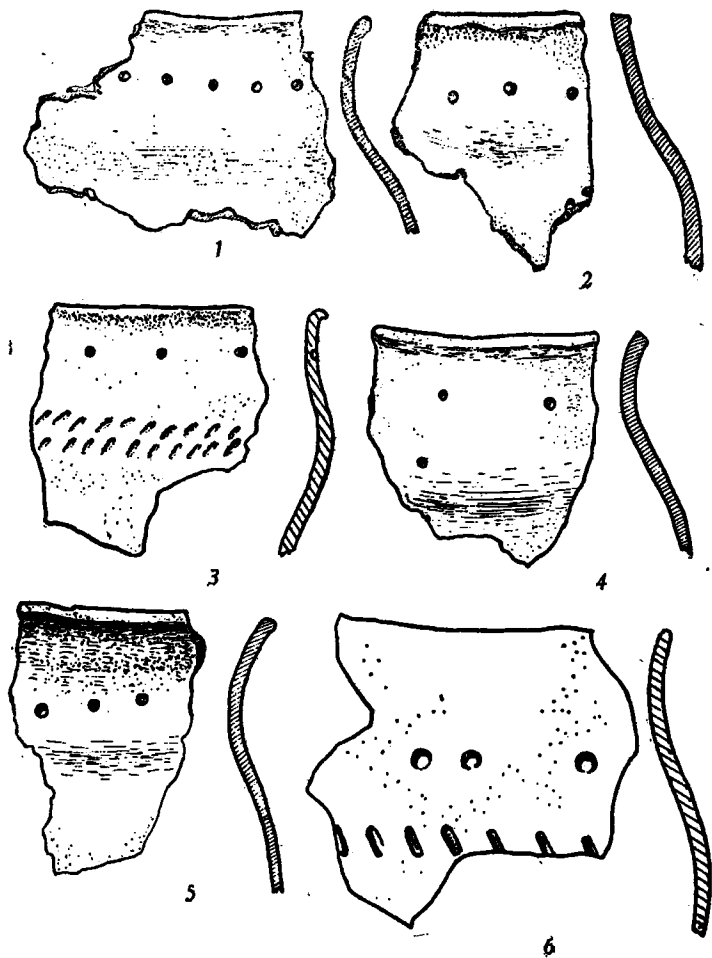
²⁵⁸ В. Ф. Генинг. Ижевский могильник. — Памятники мазунинской культуры. ВАУ, вып. 7. Ижевск, 1967, рис. 4, 5.

²⁵⁹ В. Ф. Генинг. Азелинская культура III—V вв. — ВАУ, вып. 5. Ижевск, 1963.

²⁶⁰ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 10, рис. 2; В. Ф. Генинг. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. — Памятники мазунинской культуры. ВАУ, вып. 7. Ижевск, 1967, стр. 12, 14, табл. А.

²⁶¹ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 25; В. Ф. Генинг. Мазунинская культура..., стр. 15.

²⁶² Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура, стр. 60.

Р и с. 38. Раннебахмутинская (мазунская) керамика со II Ново-Кизганского селища.

уровне груди костяка и клались в могилу, по-видимому, родственниками — женщинами, скорее всего женой умершего; в кара-абызских могильниках «украшения в ногах» встречаются только в женских погребениях и принадлежали, очевидно, самой покойнице. Иной и состав кара-абызских украшений: подвески, обоймы, бляшки. Так что видеть в кара-абызских «украшениях в ногах» зарождение бахмутинских жертвенных комплексов нет оснований.

Вышеказанное свидетельствует, по-видимому, о том, что в формировании раннебахмутинской (мазунинской) культуры приняла участие и определенная часть пришедших племен.

Не исключена возможность, что небольшая часть кара-абызских племен также вынуждена была покинуть территорию Приуралья. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения А. Х. Халикова, который считает, что в результате движения сарматских и зауральских племен население «бельских районов пьяноборской культуры» (кара-абызская культура) в конце II—начале III в. н. э. «было вынуждено покинуть свою родину и уйти далеко на запад в Сурско-Окское междуречье правобережья Средней Волги. Основным путем движения этих племен на запад являлись Кама и Волга». Появление «позднепьяноборского бельского» (имеется в виду кара-абызского) населения в Среднем Поволжье автор усматривает в материальной культуре и погребальном обряде таких памятников, как Писеральский, Кошибеевский, Селиксенский могильники²⁶³. Сравнение материалов поздних кара-абызских погребений и Писеральских курганов, датированных исследователем II—III вв. н. э., показывает, что общность между ними очень незначительна. Это отмечает и В. А. Могильников в своей рецензии на работу А. Х. Халикова²⁶⁴. Здесь можно указать лишь на большие бляхи с отверстием в центре, украшавшие ножны меча и кинжала из погребения I кургана I, аналогичные кара-абызским поясным бляхам, бронзовый наконечник ножен кинжала из того же погребения и некоторые типы бляшек²⁶⁵, встречаемые в кара-абызских могильниках. Такие же предметы, как сапожковые подвески, сьюлгамы, представленные в Писеральском могильнике, находят прямые аналогии в прикамских пьяноборских памятниках и совершенно отсутствуют в кара-абызских могильных комплексах. То же самое следует сказать о Селиксенском²⁶⁶ и Кошибеевском²⁶⁷ могильниках.

Гипотеза А. Х. Халикова о проникновении «бельского позднепьяноборского» (кара-абызского) населения на Среднюю Волгу не подкрепляется пока фактическим материалом. Восточный, приуральский компонент в памятниках типа Писеральских курганов объясняется, вероятно, этнокультурными контактами населения Сурско-Окского междуречья с собственно пьяноборскими (прикамскими) племенами, но не кара-абызскими (бельскими).

Убаларские племена, видимо, приняли участие в формировании культуры типа Имендяшевского городища²⁶⁸. Памятники этого типа немногочисленны. Широком раскопкам подвергся лишь один памятник — Имендяшевское городище в Гафурийском районе (раскопки Г. В. Юсупова в 1956 г. и Г. И. Матвеевой в 1964 г.). Керамика Имендяшевского городища неоднородна. Г. И. Матвеева подразделяет ее по форме, орнаменту и тесту на ряд групп и типов, часть из которых может быть сопоставлена с убаларским комплексом керамики. Это небольшие тонкостенные чаши с тщательно заглаженной поверхностью, очень близкие убаларским чашечкам, и сосуды с уступчиком в месте перехода шейки в тулово и подтреугольным орнаментом²⁶⁹. Однако это сходство носит довольно общий характер и присуще лишь части имендяшевской керамики. Значительное количество керамического материала с Имендяшевского городища отличается от убаларской, что свидетельствует, видимо, о том, что в формировании населения, оставшегося имендяшевские памятники, участвовали не только убаларские, но и другие племена.

²⁶³ А. Х. Халиков. Очерки..., стр. 20, 136.

²⁶⁴ В. А. Могильников. Железный век Марийского края. Рецензия. — СА, 1967, № 2, стр. 263.

²⁶⁵ А. Х. Халиков. Очерки..., табл. XXIII, I; XXV, 2—3.

²⁶⁶ М. Р. Полесских. Равнинные могильники древней морды в Пензенской области. — СА, 1959, № 4.

²⁶⁷ Л. А. Спицын. Древности бассейнов рек Камы и Оки, стр. 10—24, табл. VI—XIII.

²⁶⁸ Г. И. Матвеева. Некоторые итоги изучения памятника I тыс. л. э. в центральной Башкирии. — В Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар, 1967.

²⁶⁹ Там же.

Г. И. МАТВЕЕВА

ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАСЕЙНЕ р. ЗИЛИМ

До середины 50-х годов бассейн р. Зилима оставался наименее исследованным районом Башкирии. И. А. Талицкой упоминается только 5 памятников этого района, причем сведения о них изобилуют неточностями и ошибками¹.

Первые археологические исследования Имендяшевского городища на р. Зилим были проведены в 1956 г. Г. В. Юсуповым. В 1957 г. М. Х. Садыкова обследовала 3 памятника: Хамидовское, Каран-Елгинское и Убаларское селища в Гафурийском районе БАССР. На двух последних селищах ею были произведены разведочные раскопки.

В 60-х годах археологические памятники бассейна р. Зилим изучала археологическая экспедиция Башкирского университета. В 1964 г. разведочным отрядом под руководством М. Ш. Рязанова были обследованы оба берега Зилима от дер. Таш-Асты до устья. В том же году проводились раскопки Магашского и Каран-Елгинского селищ. В 1963 г. были возобновлены исследования Имендяшевского городища, продолженные в 1968 г. В том же году проводились раскопки Убаларского селища. В результате исследования названных памятников были получены новые материалы, позволившие выяснить их культурную принадлежность и уточнить датировку.

К раннему железному веку принадлежит ряд поселений: Краснозилмское, Магашское I и II, Каран-Елгинское и Убаларское селища. Наиболее крупные исследования были проведены на Магашском селище, находящемся в 1,5 км к югу от дер. Магаш Архангельского района БАССР. Селище расположено на длинном узком мысу, переходящем в ровную плоскую возвышенность, которая тянется до дер. Магаш. У подножья мыса протекает безымянный ручей, а в 300 м к западу р. Зилим. Почти вся площадка селища задернована, лишь северо-восточная часть ее распахивается. Площадь селища составляет не менее 15 тыс. кв. м.

Культурный слой распространяется по поверхности мыса равномерно. Мощность его колеблется в среднем от 30 до 45 см, лишь у южной оконечности мыса, где находится скопление золы, культурные наслоения имеют значительно большую мощность.

В 1964 г. на селище были заложены два раскопа и траншея общей площадью 300 кв. м. Первый раскоп закладывался в южной части. Верхние отложения культурного слоя состояли из чернозема, перемешанного с золой и мелкими углями, а ниже их залегал слой золы мощностью 80 см. Площадь зольника составляла приблизительно 82 кв. м. Под зольником находилась погребенная почва, за которой следовала светло-коричневая глина. Никаких кострищ или очагов не обнаружено. Видимо, зольник образовался в результате длительного высыпания золы в одном и том же месте у края площадки селища. В золе найдено большое количество фрагментов керамики, кости животных, костяные предметы и т. д. Под зольником обнаружено шесть ям округлой и овальной формы диаметром от 55 до 87 см, глубиной от 20 до 30 см. Назначение ям определить невозможно.

¹ И. А. Т а л и ц к а я. Материалы к археологической карте Прикамья. — МИА, 1952, № 27, стр. 74—75, 518—521, 539.

Второй раскоп площадью 100 кв. м был заложен в центральной части селища. Культурный слой здесь не превышал 35—40 см. В юго-западном углу раскопа обнаружено скопление каменных плит, сложенных беспорядочно в кучу. Назначение этих плит определить не удалось.

Вещественный материал, добытый во время раскопок, довольно разнообразен. Основную массу его составляли фрагменты керамики, принадлежавшие 206 сосудам, сформованным из глины с примесью светлого крупного речного песка и измельченных камешков.

Внешняя и внутренняя поверхности сосудов обработаны мягким предметом, но несмотря на это из-за наличия примеси крупного песка, поверхность сосудов шероховатая. Обжиг костровой, тщательный, сосуды на излом очень крепкие. Цвет большинства сосудов серый, реже встречаются фрагменты красноватого и светло-серого цветов.

По форме сосуды делятся на 3 типа. К первому относятся 115 сосудов с прямыми или слегка отогнутыми наружу шейками, плавно переходящими в тулово (рис. 1, 1). При переходе от шейки к тулову иногда имеется уступчик (рис. 1, 3). Толщина стенок от 4 до 8 мм. Шейки обычно почти не отличаются по толщине от тулова, лишь несколько сосудов имели утолщенные шейки (9 мм). Диаметры сосудов по венчику от 13 до 32 см, преобладают сосуды средних размеров с диаметром 16—25 см.

Ко второму типу принадлежит 44 слабопрофилированных сосуда, близкие по форме к банкам (рис. 1, 4). Венчики их либо прямые, либо слегка вогнутые внутрь. Толщина стенок от 4 до 8 мм. Шейки обычно несколько тоньше стенок. Диаметры по венчику 15—25 см.

К третьему типу относятся 47 сосудов, имеющих форму открытых чаш (рис. 1, 5) с прямыми или выгнутыми внутрь венчиками. Внутренние поверхности чаш тщательно заглажены, а в ряде случаев имеют черное лощение. Иногда у венчика имеются круглые отверстия для подвешивания. Орнамент на сосудах третьего типа никогда не встречается.

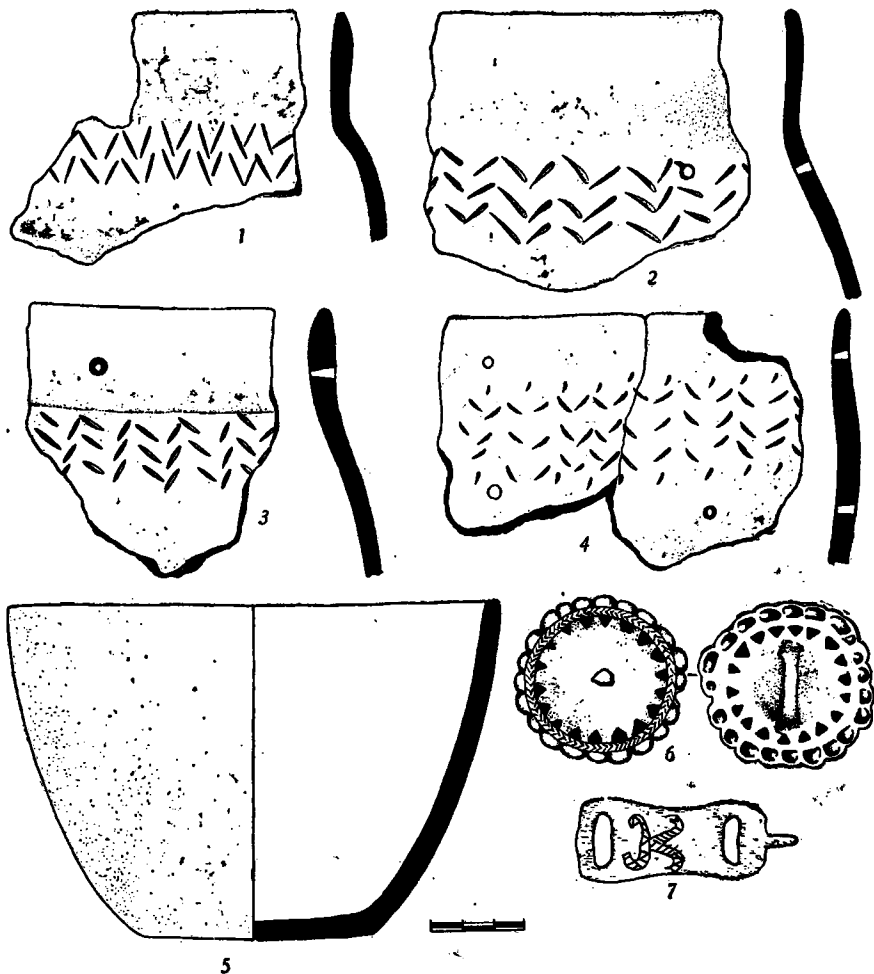
Днища сосудов уплощенные или округлые. Находки уплощенных днщ довольно часты. Значительная часть сосудов первого и второго типов орнаментирована. Орнамент всегда располагается на плечиках.

Наиболее распространенным элементом орнамента являются зигзагообразные линии в один или два ряда, которые иногда дополняются точками. Часто встречаются вертикальные елочки, насечки, несколько реже треугольные, каплевидные и круглые вдавления или продолговатые насечки.

К числу керамических предметов относятся также 5 глиняных пряслиц и их обломки. Три пряслица имели цилиндрическую форму, два других были изготовлены из обломков сосудов. На одном из этих пряслиц имеется зигзагообразный орнамент, характерный для сосудов первого и второго типов. Из железных предметов найдено два ножа, имевших слегка изогнутые спинки и выступы при переходе от черешка к лезвию. Каменные предметы представлены обломками оселка из темно-синего кремня с отверстием для подвешивания и цилиндрическим пряслищем, близким по форме к глиняным. Изделия из бронзы представлены лишь одной умбовоидной бляхой, украшенной по краю мелкими круглыми лепестками и треугольными прорезями (рис. 1, 6). К числу костяных изделий относятся наконечник стрелы, пряжка и лопаточка. Пряжка имеет восьмеркообразную форму (рис. 1, 7). Хоботок неподвижный, в средней части пряжки — прочерченный орнамент. Умбовоидная бляха и костяная пряжка находят ближайшие аналогии в поздних погребениях Охлебининского и Шиповского могильников (II в. до н. э.—II в. н. э.). Приведенные аналогии позволяют датировать Магашское селище временем с конца II в. до н. э. до II в. н. э.

Другое исследование экспедицией Башкирского университета селище расположено в 100 м к юго-востоку от дер. Каран-Елга Гафурийского района на 12-метровой террасе р. Мямдин, правого притока Зилима. Поверхность селища ровная, задернованная. Никаких следов укреплений не прослеживается. Впервые памятник был исследован в 1957 г. М. Х. Садыковой, которая называет его городищем, вероятно, принимая во внимание топографию. В 1964 г. на селище были заложены две траншеи общей площадью 40 кв. м. Культурный слой мощностью 15—20 см состоял из твердого светло-коричневого суглинка, ниже которого начался каменный материк. Находки представлены фрагментами пяти слабопрофилированных сосудов с прямыми шейками, плавно переходящими к тулову, аналогичных сосудам первого типа I Магашского селища.

В 1968 г. были возобновлены раскопки памятника, расположенного у лесочастка Убалар Гафурийского района БАССР, которые были начаты экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР под руководством М. Х. Садыковой. К моменту раскопок М. Х. Садыковой памятник представлял собой

Р и с. 1. Материалы из Магашского селища.

ряд зольных холмов, расположенных по хребту возвышенности. Холмы имели высоту от 1 до 1,5 м. Некоторые из них, слившись между собой, представляли восьмеркообразные фигуры².

В настоящее время лесозащиток Убалар значительно заросла, возвышенность, на которой расположены холмы, распахана и занята огородами. Все холмы, за исключением одного, сравнительно с окружающей поверхностью. Местонахождение некоторых из них удалось определить благодаря зольным пятнам, оставшимся после распахки холмов. Уцелел только один холм (XV), который нами был раскопан летом 1968 г.

Насыпь холма снималась кольцевыми траншеями, для снятия его профиля были оставлены две взаимно-перпендикулярные бровки. Насыпь состояла из золы, в которой встречались кости животных, фрагменты керамики и другие вещи. В юго-западном секторе после снятия первого горизонта был обнаружен человеческий костяк, лежавший на спине с вытянутыми ногами. Руки были уложены на газовых костях. Костяк был ориентирован головой на запад. Вещей при костяке не было. Видимо, это позднее мусульманское погребение.

В юго-восточном секторе холма был найден конский череп. Насыпь холма в средней части его состояла из золы, в полах же она сильно перемешана с черноземом. В насыпи постоянно встречались фрагменты керамики, кости животных, заготовки и обломки костяных и каменных орудий. Под зольной насыпью залегал слой погребенной почвы, за которой следовала подстилающая бурая глина.

Рядом с холмом и в некотором удалении от него закладывались шурфы, вследствие чего удалось установить, что повсеместно был распространен культурный слой мощностью 25—30 см. В нем встречались мелкие фрагменты керамики того же типа, что и в насыпи холма.

Керамика, происходящая из зольного холма и из культурного слоя, аналогична керамике, полученной во время раскопок I Магашского и Каран-Елгинского селищ, а также керамике из раскопок М. Х. Садыковой на первом холме. В коллекции насчитывается 1043 фрагмента, среди которых можно выделить не менее 219 сосудов, содержащих в глиняном тесте примесь крупного песка и камешков. По форме могут быть выделены те же три типа сосудов, которые характерны для I Магашского и Каран-Елгинского селищ. Часть сосудов первого и второго типов ornamentирована. Орнамент располагается на плечиках сосудов. Он состоит из одиночного, двойного или тройного зигзага, наклонных насечек, кружков, нанесенных с помощью полой кости и т. д. Сосуды в виде открытых чаш (третий тип) лишены орнамента. На внутренней стороне некоторых чаш имеются следы черного лощения.

Таким образом, керамика всех описанных памятников совершенно однотипна. По названию первого исследованного памятника мы называем ее убаларской.

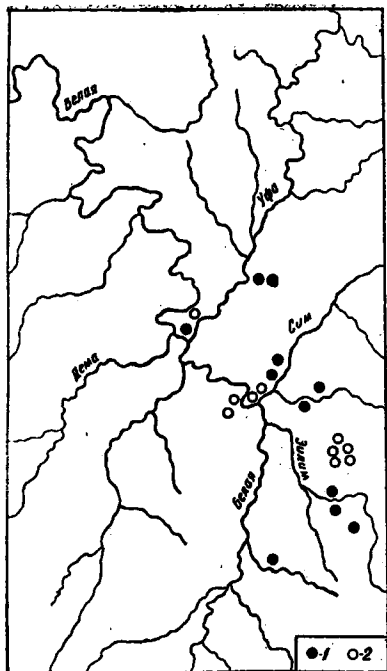
Сложен вопрос о том, к какой категории памятников следует отнести холмы близ лесозащитки Убалар. М. Х. Садыковой высказано предположение о том, что зольные бугры являются жертвенными местами, связанными с религиозным культом или с погребальным обрядом. Орудия труда, украшения и другие предметы, найденные в зольнике, по ее мнению, являлись следами жертвоприношений, а керамика и кости — проводившихся здесь тризны³.

На наш взгляд, памятник, о котором идет речь, представляет собой селище. Это предположение подтверждается наличием культурного слоя на пространстве между холмами. Бедность этого слоя находками вполне объяснима: сломанные и вышедшие из употребления вещи вместе с золой выбрасывались в определенных местах, образуя холмы. Эти холмы появились не случайно, а насыпались с определенной целью в силу каких-то религиозных представлений. Следует отметить, что мощные зольники были обнаружены во время раскопок многих поселений эпохи раннего железа, расположенных на правобережье р. Белой к югу от устья р. Уфы. Зольные холмы имеются, например, на площадке селища Курман-Тау⁴, относящегося ко второй половине I тыс. до н. э. А. Х. Пшеничнюк, исследовавший Шиповское городище, также упоминает большие зольные пятна, хорошо заметные на вспаханной поверхности городища. Возможно, они представляют собой следы распаханных холмов. Выше шла речь о мощном зольнике, исследованном у края площадки I Магашского селища. Видимо, у племен, обитавших во II в. до н. э.— II в. н. э. на территории правобережья среднего течения р. Белой, был распространен своеобразный обычай сохранять золу и все вышедшие из употребления вещи, собирая их в кучи. Возможно, зола символизировала домашний очаг и сохранение ее считалось необходимым условием благополучия

² М. Х. Садыкова. Новые памятники железного века Башкирии.— АЭБ, т. 1, стр. 123.

³ Там же, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 128—129.

Р и с. 2. Карта-схема памятников именьдешевского (1) и убаларского (2) типа.

ство территории и материальной культуры этих памятников позволяет считать их однокультурными. Большой интерес представляет вопрос о культурной принадлежности памятников убаларского типа. По мнению М. Х. Садыковой, они принадлежат к особой уфимской (кара-абызской) культуре. Связь убаларских памятников с кара-абызскими могильниками признает и А. Х. Пшеничнюк. Но он полагает, что эта связь вовсе не означает, что гафурийско-убаларские поселения относятся к числу кара-абызских, имея в виду значительные различия в керамике между этими памятниками. А. Х. Пшеничнюк считает, что убаларским поселениям соответствуют какие-то иные могильники.⁸ С последним мнением автора едва ли можно согласиться, ибо связь убаларских поселений и поздних погребений кара-абызских могильников не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует, во-первых, полное сходство керамики поздних охлебининских погребений с керамикой поселений убаларского типа, во-вторых, наличие на поселениях вещей, характерных для поздних погребений Шиповского и Охлебининского могильников (костяные лопаточки и пряжки, оселки, пряслица, изготовленные из фрагментов сосудов, умбонovidные бляхи и т. д.).

⁸ В. Ф. Геннинг, В. А. Оборин. К вопросу о гляденовской культуре. — УЗПУ, т. XII, вып. I, стр. 162—164.

⁹ А. Х. Пшеничнюк. Население центральной Башкирии на рубеже н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968, стр. .

семьи. Следовательно, предположение М. Х. Садыковой о ритуальном назначении холмов вполне оправдано. Трудно согласиться лишь с тем, что холмы были местами приношения жертв. На жертвенных местах обычно находят либо целые, пригодные для употребления вещи, либо их уменьшенные копии. Например, на костяшках гляденовской культуры, синхронных описываемым памятникам, находятся украшения, орудия труда и их уменьшенные модели⁸. Сломанные, вышедшие из употребления вещи на жертвенных местах не встречаются. В убаларских зольных холмах, наоборот, встречаются предметы, большей частью сломанные, вышедшие из употребления. Ни в одном из двух раскопанных холмов не найдено ни одного целого сосуда. Орудия и прочие вещи также не целые: обломки пряжки, лопаточки и каменного блюда, разбитые оселки, сработанные до негодности орудия для обработки кожи. Имеются заготовки наконечников стрел и других костяных орудий и необожженное глиняное пряслице. Подобные вещи не могли служить жертвоприношениями, так как они не представляли никакой ценности.

Все описанные выше памятники имеют значительное сходство в топографии, а главное — характеризуются единством вещевого материала. Особенно однородны керамические комплексы всех этих памятников. Сходны цилиндрические и изготовленные из фрагментов сосудов пряслица, каменные оселки, костяные лопаточки и орудия для обработки кожи. Общей особенностью всех памятников являются также мощные скопления золы.

Все эти поселения располагаются компактной группой на правобережье среднего течения Белой, в бассейне рек Зилима, Симы и на севере достигают района города Уфы (рис. 2). Единство

Таким образом, на наш взгляд, убаларские поселения соответствуют поздним погребениям кара-абызских могильников. Погребения, где встречаются убаларские вещи и керамика, по обряду захоронений почти не отличаются от более ранних кара-абызских. Костяки лежат в прямоугольных могилах глубиной 1—1,2 м, преобладает речная ориентация. Наряду с отмеченными вещами убаларского типа в инвентаре этих погребений очень много типично кара-абызских вещей: накладки с изображением голов горных козлов, височные кольца в 1,5 оборота, многовитковые браслеты, трапециевидные подвески, бронзовые пронизки, дисковидные бляхи, прозенные и ажурные бляшки, подвески и т. д. Уместно отметить тот факт, что умбовидная кара-абызская бляха обнаружена на I Магашском селище.

Из всего сказанного следует, что памятники типа I Магашского и Убаларского селищ и поздние погребения кара-абызских могильников могут быть объединены в одну группу, которая принадлежит к особому позднему варианту кара-абызской культуры. Вариант этот возник только в южной части распространения кара-абызской культуры, ибо с уверенностью можно говорить о том, что севернее города Уфы убаларская керамика не встречается. Убаларский вариант сложился не ранее конца II в. до н. э. и прекратил существование одновременно со всей кара-абызской культурой, то есть в конце II в. н. э. Сказанное убедительно может быть обосновано многочисленными датированными находками с I Магашского селища и из поздних погребений Шиповского и Охлебнинского могильников.

Каковы же истоки культуры памятников убаларского варианта? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к материалам памятников предшествующего периода. В I тыс. до н. э. на территории правобережья среднего течения р. Белой обитали финно-угорские по происхождению племена кара-абызской культуры, которая сложилась на базе ананьинской культуры.

В IV в. на территорию среднего течения р. Белой с юга и востока проникает новая группа племен. Часть этого населения распространилась по левому берегу р. Белой, куда кара-абызские племена не заходили. Здесь пришельцы сохранили свои этнические особенности. Им принадлежит могильник, исследованный М. Х. Садыковой у дер. Старые Кишки. На правом берегу также осела часть пришлого населения, близкого в культурном отношении к сарматскому населению левобережья. Керамика пришельцев представлена сосудами, содержащими примесь талька в тесте и украшенными богатым резным и желобчатым орнаментом. Эта керамика, наиболее обильно представленная на поселениях Гафурийского района, получила название керамики гафурийского типа.

Носители гафурийской керамики селились на кара-абызских поселениях, а также основывали новые городища и селища. К числу поселений, основанных пришлым населением, принадлежит Шиповское городище, где кара-абызская керамика отсутствует. Близкое сходство и постоянное общение кара-абызских и гафурийских племен привело к их взаимоассимиляции. Курганный погребальный обряд, привнесенный пришельцами, вскоре был забыт и вновь возродился местный кара-абызский обряд захоронения. Вещи кара-абызского типа продолжали бытовать, зато керамика сохранила многие черты, присущие гафурийской (резная ornamentация, формы сосудов, утолщенность венчиков и т. д.).

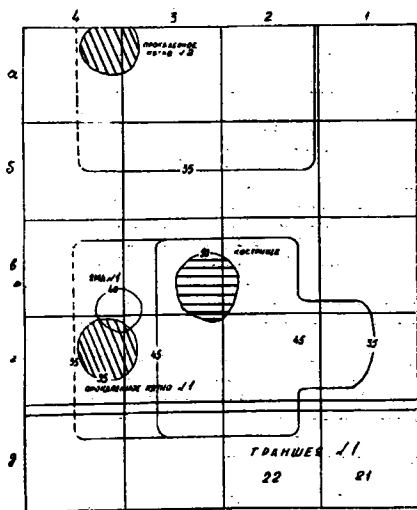
Таким образом, убаларский вариант сложился в результате взаимодействия культуры кара-абызских и гафурийских племен в южной части кара-абызской территории. В северной части ее, где пришли гафурийские племена были немногочисленны, их керамика не переросла в убаларскую, здесь единственным типом посуды была керамика кара-абызского типа.

С III в. н. э. в бассейне Зилима появляются поселения имендшевского типа, получившие свое название по городищу близ дер. Имендшево Гафурийского района БАССР.

Имендшевское городище представляет собой высокий известняковый мыс, образованный второй террасой правого берега р. Зилим. Склоны городища крутые и труднодоступные. Площадка (составляющая свыше 2000 кв. м) защищена с напольной стороны валом и рвом. На городище исследовано два прямоугольных углубленных в материк жилища (рис. 3). Глубина их составляет 15—20 см от древней поверхности, размеры приблизительно одинаковы (5,5 x 5 м). Одно из жилищ имело углубленный коридорообразный выход. В обоих жилищах прослежены следы очагов в виде скопления золы и прокаленной глины.

Основную массу находок составляют фрагменты керамики, которые принадлежали 749 сосудам. Сосуды по составу глиняного теста делятся на три разновременные группы.

К первой группе относятся 170 сосудов, сформованных из хорошо промешанной глины с примесью светлого речного песка. Толщина стенок сосудов составляет 3—5 мм. Обжиг костро-

Р и с. 3. Планы жилищ на Имендяшевском городище.

(III—V вв. н.э.), а также в одном из погребений Салиховского курганного могильника (III—V вв.). Приведенные аналогии позволяют датировать первую группу керамики Имендяшевского городища III—V вв.

Ко второй группе относятся 486 сосудов, сформованных из плохо промешанной глины с примесью дресвы, а иногда шамота. Поверхности сосудов тщательно заглажены мягким предметом. Цвет серый, желтый, иногда розоватый. По форме сосуды очень близки к сосудам первого типа первой группы: высокие прямые или отогнутые наружу шейки и округлые или удлиненные тулово. При переходе от шейки к плечикам часто имеется небольшой уступчик (см. рис. 4, 3). Характерной особенностью сосудов второй группы является отсутствие орнамента. Наиболее близкие аналогии они находят в керамике из Шаревского могильника VI—VIII вв. н.э. Фрагменты сосудов второй группы составляют более 85% керамики, найденной в заповеднике жилища. На этом основании возраст жилища можно определить VI—VIII вв. н.э.

К третьей группе относятся 83 сосуда, сформованных из глины с примесью крупных зерен шамота. Поверхности сосудов шероховатые, цвет их коричнево-желтый. Толщина стенок составляет от 4 до 8 мм. Сосуды имели высокие прямые или слабо отогнутые шейки, резко с изломом переходящие к тулову. Формы тулов не поддаются реконструкции. Все сосуды третьей группы орнаментированы. Орнамент размещается на шейках и состоит из отпечатков мелкого зубчатого штампа, насечек, ямок, выпуклин-«жемчужин» (см. рис. 4, 4).

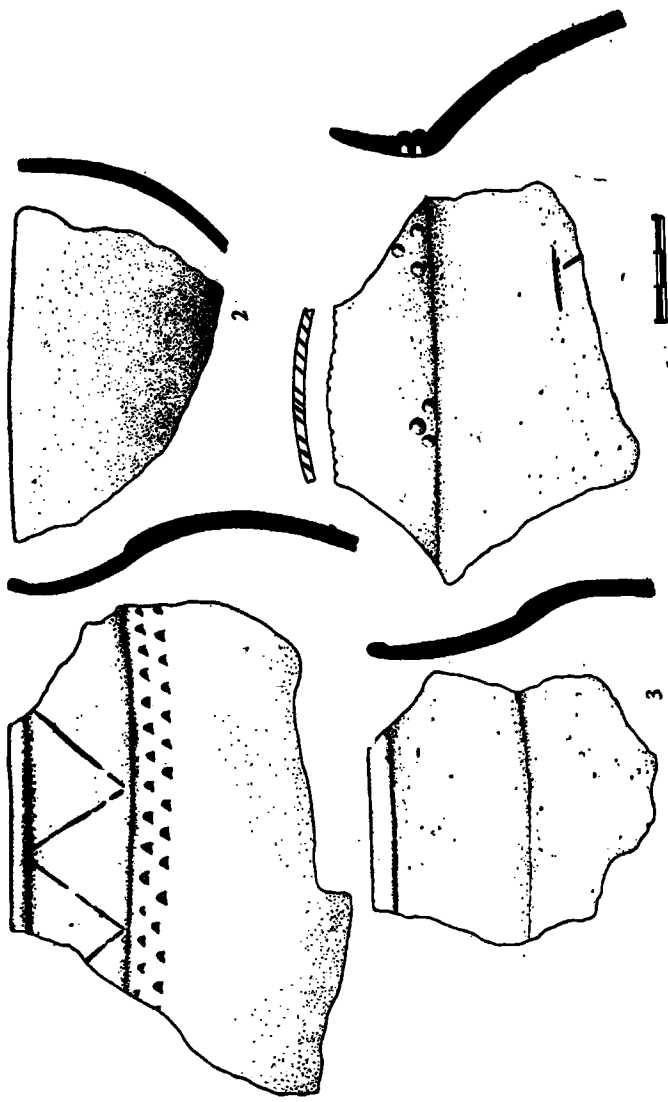
По орнаментации сосуды третьей группы близки к керамике памятников кара-якуповского типа VI—IX вв. Известное сходство с ними имеет один сосуд из Стерлитамакского могильника.

Таким образом, анализ керамического материала Имендяшевского городища позволяет определить время его существования III—IX вв. Этой дате не противоречат вещи, найденные на городище. Часть их находят себе близкие аналогии в памятниках III—V вв., другие — в поселениях и могильниках VI—IX вв. Например, железные серпы аналогичны серпам из Кара-тамского могильника (III—V вв.), нож с ложбинкой вдоль спинки и костяной рукояткой очень

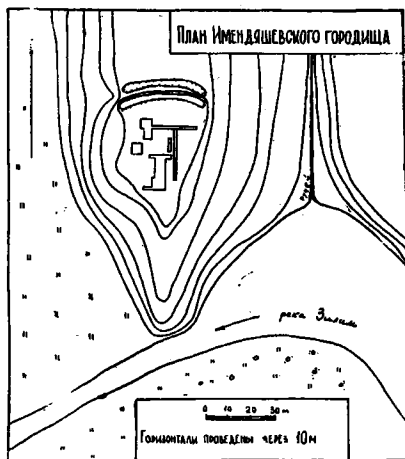
вой, очень тщательный: сосуды несмотря на тонкостенность очень прочны. Поверхности заглажены мягким предметом, цвет черный, темно-серый или желтоватый. По форме сосуды подразделяются на два типа. К первому относятся чаши с отогнутыми наружу шейками, образующими при переходе к тулову небольшой уступчик (рис. 4, 1). Большая часть сосудов орнаментирована. Орнамент располагается на плечиках и обычно состоит из одного-двух рядов треугольных или овальных вдавлений (см. рис. 4, 1). Иногда на шейках сосудов размещается резная зигзагообразная линия.

Ко второму типу относятся открытые чаши без шеек с округлым или уплощенным дном (см. рис. 4, 2). Орнамент на чашах второго типа отсутствует, но на внутренних поверхностях чаш обычно имеются следы черного лощения.

Керамика, аналогичная первой группе сосудов Имендяшевского городища, представлена и на других поселениях, расположенных на участке правобережья р. Белой между устьями рек Зигана и Уфы. Сосуды, близкие описанным, найдены в наиболее поздних погребениях Охлебининского могильника (II—III вв. н.э.) и в ранних погребениях Бахмутинского могильника

Р и с. 4. Сосуды Именшеского городища.

Р и с. 5. План Имендяшевского городища.

Накопленный материал о памятниках типа Имендяшевского городища позволяет нам высказать предположение, что сложение их культуры в основном происходило на базе культуры убаларского варианта кара-абызской культуры. В качестве доказательства к сказанному можно сослаться на большую близость керамического материала и почти полное совпадение ареала распространения памятников этих двух, хронологически последовательных эпох. С другой стороны, материалы Имендяшевского городища имеют много других особенностей, происхождение которых трудно объяснить в плане генетических связей с культурой местного населения предшествующего времени. Так, например, керамика второй группы, датируемая VI—VIII вв., в значительной степени отличается от первой. Хотя с последней ее сближают уступочки по верхней части тулова, в целом она находит себе близкие аналоги среди керамического материала памятников турбаслинской культуры, оставленных пришлыми из юга в начале V в. кочевыми племенами. Видимо, дальнейшее развитие керамики на Имендяшевском городище после V в. прошло под активным воздействием пришлых племен. Определенная часть пришельцев, вероятно, осела на правобережье р. Белой и, смешавшись с местным населением, восприняла его культуру, наделив ее новыми признаками.

В последний период существования Имендяшевского городища (VII—IX вв.) его обитатели, видимо, испытывали влияние со стороны своих западных соседей — кара-якуповских племен. Это влияние находит отражение в орнаментации сосудов третьей группы городища.

Дальнейшие судьбы населения бассейна р. Зилима пока не известны, так как памятники позднее VIII—IX вв. в этом районе еще не исследованы.

⁸ В. Ф. Генинг. Мазунская культура в Среднем Прикамье. — ВАН, 7. Свердловск. 1967, стр. 27, т. 1, рис. 23.

близок к ножам, происходящим из могильников III—V вв. Среднего Прикамья⁸. К III—V вв. относятся реповидные и цилиндрические пряслица, каменные оселки с отверстиями для подвешивания, костяные наконечники стрел и бронзовая подвеска сечковидной формы.

VI—VII вв. может быть датирована бронзовая бутылкообразная подвеска, находящая аналогию в Бирском и Кудшаренковском могильниках. Костяная пряжка, обломок которой был найден на городище, датируется VI—IX вв.

Из-за слабой изученности и отсутствия хороших аналогий определенне этнокультурной принадлежности Имендяшевского городища представляет значительную трудность. Аналогичных ему памятников на территории Башкирии пока выявлено немного; картографирование показывает, что все они располагаются компактной группой, которая локализуется на правобережье р. Белой на участке устья рек Уфа и Зилима (рис. 2). Указанные памятники объединяют общность керамического материала, идентичного сосудам первой группы Имендяшевского городища.

УКАЗАТЕЛЬ

материалов, опубликованных в I—V томах «Археологии и этнографии Башкирии»

АРХЕОЛОГИЯ

Статьи и исследования

Бадер О. Н. Следы палеолита на Южном Урале	т. I
Бадер О. Н. Новые палеолитические местонахождения в пещерах Урала	т. II
Бадер О. Н. Новые памятники позднего и древнего палеолита в Башкирии	т. V
Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры	т. II
Крижвская Л. Я. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии	т. I
Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры	т. II
Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир (предварительное сообщение)	т. II
Матюшин Г. Н. К изучению мезолита и неолита в Башкирии	т. II
Матюшин Г. Н. О южных связях мезолита Урала	т. III
Матюшин Г. Н. Энеолит Башкирии	т. V
Оборин В. А. О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа	т. II
Пшеничнюк А. Х. К вопросу о керамике кара-абысских поселений	т. II
Пшеничнюк А. Х. Кара-абысская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры)	т. V
Раушсбах В. М. К вопросу о датировке новых памятников эпохи неолита и бронзы в Среднем Зауралье	т. II
Сальников К. В. Южный Урал в эпоху палеолита и ранней бронзы	т. I
Сальников К. В. К истории древней металлургии на Южном Урале	т. I
Сальников К. В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии	т. II
Сальников К. В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии	т. II
Смирнов К. Ф. Состояние и задачи археоло-	

гического исследования Оренбургской области	т. II
Степанов П. Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье	т. II
Федорова-Давыдова Э. А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье	т. II
Халиков А. Х. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье	т. II

Публикации

Викторова В. Д. Курганы у с. Макушино на р. Нице	т. II
Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. Археологическая экспедиция Уральского университета	т. II
Збруева А. В. Затонское селение	т. I
Ищеринов П. Ф., Мажитов Н. А. Городище Уфа II	т. I
Кондратьева Г. Т. Археологические работы на р. Чепца	т. II
Мажитов Н. А. Поселение Ново-Турбаслинское II	т. I
Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Камышли-Тамакский могильник	т. III
Матвеева Г. И. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка	т. II
Матвеева Г. И. Памятники I тыс. н. э. левобережья р. Белой	т. III
Матвеева Г. И. Памятники железного века в бассейне р. Зилим	т. V
Матюшин Г. Н. Новые археологические памятники в окрестностях города Уфы	т. I
Могильников В. А. Элементы древних угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби	т. II
Оборин В. А. Камская археологическая экспедиция	т. II
Поляков Ю. А. Раскопки Петуховского городища	т. II
Попов С. А. Археологические находки на территории Оренбургской области	т. II

Потемкина Т. М. Большое Вакальское городище	т. II
Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник	т. II
Пшеничнюк А. Х. Охлебнинский могильник	т. III
Пшеничнюк А. Х. Уфимский курганный могильник	т. III
Савельева Э. А. Средневековые могильники на р. Вынь	т. II
Садыкова М. Х. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киншля	т. I
Садыкова М. Х. Новые памятники железного века Башкирии	т. I
Стоколос В. С. Курган на озере Синеглазово	т. I
Стоколос В. С. Поселение эпохи бронзы Черняки II	т. III
Фомина В. И. Селище у Спасского моста	т. II

Материалы научной сессии по этногенезу башкир

Доклады

Бадер О. Н. Палеолит Башкирии	т. IV
Генинг В. Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.)	т. IV
Мажитов Н. А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ)	т. IV
Садыкова М. Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир в IX—XIV вв.	т. IV
Смирнов А. П. Из этнической истории западного Приуралья в I тысячелетии н. э.	т. IV
Смирнов К. Ф. Ранние кочевники Южного Урала	т. IV
Халиков А. Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья	т. IV

Сообщения

Васюткин С. М. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III—XIII вв.)	т. IV
Казаков Е. П. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Булгарии (на материале керамики)	т. IV
Матвеева Г. И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э.	т. IV
Матушин Г. Н. Пути развития Южного Урала в эпоху мезолита и неолита	т. IV
Могильников В. А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э.—I тысячелетия н. э.	т. IV
Петренко А. Г. Osteологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа с территории Башкирии	т. IV
Пшеничнюк А. Х. Племена раннего железного века в Башкирии	т. IV
Рыжов Ю. Ф. Позднеолитическая стоянка Бабарыкино VII	т. IV
Старостин П. Н. О романовских и именковских памятниках	т. IV
Троицкая Т. Н. К вопросу о взаимосвязях населения новосибирского Приобья с уральскими племенами в эпоху раннего железа	т. IV
Факрутдинов Р. Т. К вопросу о булгаро-башкирских взаимоотношениях	т. IV

Халикова Е. А. Общий компонент в составе населения башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII—X вв. (по материалам погребального обряда могильников)	т. IV
Эрдели И. Теория венгерских ученых о половецком происхождении древних венгров	т. IV
Ягодкин В. Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э.	т. IV

•••

Мажитов Н. А. — заключительное слово	т. IV
Смирнов А. П. — выступление руководителем секции	т. IV
Халиков А. Х. — заключительное слово	т. IV

ЭТНОГРАФИЯ

Статьи и исследования

Бежкович А. С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX — начало XX в.)	т. V
Бикбулатов Н. В. Терминология и система родства башкир (общая характеристика)	т. II
Бикбулатов Н. В. Руденко и башкирская этнография	т. V
Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. Отчет о научной командировке в Венгерскую Народную Республику	т. I
Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г. «Башкиро-мадьярская» проблема (краткий обзор основных источников)	т. I
Илимбетов Ф. Ф. Пчеловодство у северо-восточных башкир	т. V
Калимуллин Б. Г. Караван-Сарай	т. II
Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I — начале II тыс. н. э.	т. III
Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию)	т. III
Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв.	т. III
Кузеев Р. Г. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования	т. III
Кузеев Р. Г. Краткий очерк этнической истории башкирского народа	т. V
Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.)	т. I
Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Современное колхозное жилище северных башкир	т. I
Ляцук Л. П. Некоторые аспекты истории древнего скотоводства	т. III
Шитова С. Н. Женская одежда северных башкир	т. I
Шитова С. Н. Народная одежда башкир	т. III
Шитова С. Н. Материальная культура башкир бассейна Юрюзяни и среднего Ая	т. V
Шитова С. Н. Об особенностях костюма краснофунимских марийцев в связи с историей расселения башкирских племен	т. V
Янгузин Р. З. О земледелии в юго-восточном Зауралье в XIX в.	т. III
Янгузин Р. З. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.	т. V

Публикации

- Авижанская С. А., Кузеев Р. Г. Этнографические коллекции по башкирам Государственного музея этнографии народов СССР т. I
 Мандоки Ласло, Кузеев Р. Г. Предметы народного искусства в башкирской коллекции Венгерского этнографического музея т. I
 Руденко С. И. Башкирские сказки и поверья т. V

Материалы научной сессии по этногенезу башкир

- Бромлей Ю. В. — вступительное слово т. IV

Доклады

- Белицер В. Н. Этнографические параллели в культуре башкир и мордвы т. IV
 Бикбулатов Н. В. Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник т. IV
 Жданко Т. А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир т. IV
 Кузеев Р. Г. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности т. IV
 Шитова С. Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства т. IV

Сообщения

- Васильева Г. П. О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом т. IV
 Доспанов У. Д. О некоторой близости терминологии родства у каракалпак и башкир т. IV
 Есбергенов Х. Е. О близости пережитков доисламских верований в обычаях каракалпак и башкир т. IV
 Илимбетов Ф. Ф. Культ водка у башкир (к этимологизации этнонима «башкорт») т. IV
 Королева Н. С. Общие черты в народном искусстве удмуртов и башкир т. IV
 Толстова Л. С. О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях т. IV
 Яковлева Е. Г. Черты общности декоративно-прикладного искусства башкир и народов Средней Азии (гачеково и вышивка) т. IV
 Ягузян Р. З. Этнические традиции в истории хозяйства населения северо-запада Башкирии т. IV
 Жданко Т. А. — выступление руководителя секции т. IV
 Кузеев Р. Г. — заключительное слово т. IV

АНТРОПОЛОГИЯ

Статьи

- Акимова М. С. Антропологические материалы бахмутинской культуры т. I
 Акимова М. С. Древнее население Башкирии по антропологическим данным (предварительное сообщение) т. II
 Акимова М. С. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала т. III

- Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии (доклад) т. IV

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Материалы научной сессии по этногенезу башкир

Доклады

- Гарипов Т. М. Структурно-типологическая классификация тюркских языков как лингвистический комментарий к проблеме этногенеза башкир т. IV
 Ишбулатов П. Х. Данные диалектов башкирского языка к вопросу об этногенезе башкир т. IV
 Киреев А. И. Этногенетические легенды и предания башкирского народа т. IV
 Максетов К. М. Взаимосвязи каракалпакского и башкирского героического эпоса т. IV
 Немет Ю. Ф. Венгерские племенные названия у башкир т. IV
 Петров К. И. Об общности урало-алтайских, индоиранских и других языков т. IV
 Тепляшина Т. И. Динамика антропониим удмуртов Башкирии т. IV

Сообщения

- Атанова Л. П. К вопросу о генетических связях в башкирской народной музыке т. IV
 Булатов А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах т. IV
 Гордеев Ф. И. О происхождении этнонима «башкир» т. IV
 Камалов А. А. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир т. IV
 Корпилов Г. Е. К вопросу об участии отдельных башкирских родов в этногенезе смежных с ними народов т. IV
 Кудашев А. Г. Башкирские и татарские дореволюционные деятели культуры о древних башкирах т. IV
 Мингажетдинов М. Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках т. IV
 Миржянова С. Ф. Фино-угорские элементы в говорах башкирского языка т. IV
 Насыров Д. С. О каракалпакско-башкирских языковых отношениях т. IV
 Сагитов М. М. Отражение консолидации башкирской народности в эпических сказаниях т. IV
 Уракин З. Г., Ишбердин Э. Ф. Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольским т. IV
 Юлдашбаев Б. Х. От племени к народности и пации (на примере башкир) т. IV

••

- Харисов А. И. — выступление руководителя секции т. IV

••

- Бромлей Ю. В. — заключительное выступление т. IV
 Рекомендации научной сессии по этногенезу башкир т. IV

Составила М. Сурина

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОГРАФИЯ

Стр.

Н. В. Бикбулатов. Руденко и башкирская этнография	9
С. И. Руденко. Башкирские сказки и поверья	17
Р. Г. Кузеев. Краткий очерк этнической истории башкирского народа	32
А. С. Бежкович. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии (XIX—начало XX в.)	61
С. Н. Шитова. Материальная культура башкир бассейна Юрюзани и среднего Ая	94
Ф. Ф. Илимбетов. Пчеловодство у северо-восточных башкир	121
С. Н. Шитова. Об особенностях костюма красноуфимских марийцев в связи с историей расселения башкирских племен	133
Р. З. Янгугзин. Земледелие башкир в 30—40-х годах XIX в.	139

АРХЕОЛОГИЯ

О. Н. Бадер. Новые памятники позднего и древнего палеолита в Башкирии	151
Г. Н. Матюшин. Энеолит Башкирии	159
А. Х. Пшеничнюк. Кара-абыская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры)	162
Г. И. Матвеева. Памятники железного века в бассейне р. Зилим	244
Указатель материалов, опубликованных в I—V томах «Археологии и этнографии Башкирии»	253

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

Институт истории, языка и литературы

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ БАШКИРИИ, т. 5

Редактор Н. В. Хрулева
Технический редактор Ф. Г. Гайфуллин
Корректор Л. П. Десяткина

Сдано в набор 10/1 1973 г. Подписано к печати 13/XII 1973 г. Физ. печ. л. 16,0+0,75 вкл. Усл. печ. л. 26,88+1,26 вкл. Уч.-изд. л. 29,8. П 0024. Тираж 800 экз. Заказ № 716. Цена 2 р. 8 коп.

Уфимский полиграфкомбинат Управления по делам издательства полиграфии и книжной торговли Советов Министров БАССР, г. Уфа-1, проспект Октября, 2.